

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

4 '2024

Выпуск 4 (234)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 4 (234) 2024

**ТОМСК
2024**

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);

А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);

Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);

А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);

С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);

В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

S. Carozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. В. Полякова, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 54235.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 20.03.2023).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.

Тел.: 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 28.06.2024. Дата выхода в свет: 18.07.2024. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1285.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: А. И. Альшева. Корректор: Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2024. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 4 (234) 2024

**TOMSK
2024**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);*
S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);
V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);
A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)
M. P. Voytekhovskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);
L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);
A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor; Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. I. Pozdeeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russian Federation);
G. G. Slyshkin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Moscow, Russian Federation);
V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);
S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D. (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

A. V. Kuryanovich, N. V. Polyakova, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the “Russian Press” subscription catalog. Index 54235.

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 20.03.2023).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of “European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)”;
- in the database of periodicals “Ulrich’s Periodical Directory”.

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol’skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.
Tel. +7 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.
Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.
Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 28.06.2024. Publication date: 18.07.2024. Format: 60×90/8. Paper: offset.
Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1285.

Production editor: Yu. Yu. Afanas’yeva. Text designer: A. I. Alysheva. Proofreading: E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2024. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Чжао Ситун, Кормазина О. П. Модус времени как лингвистическое понятие: к вопросу о средствах языковой репрезентации в художественном тексте	7
Халатян А. А. Коммуникативное поведение языковой личности автора и его дискурсивная обусловленность (на материале творчества В. В. Маяковского)	16
Кузнецова Н. Г. О комплементе степени 可以 kěyǐ в современном китайском языке	24
Fomin A. G., Abdul Haq Haqiq. Code-Switching and code-mixing as indicators of modern persian bilingual communication	33

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Курилова Е. В. Лингвокоммуникативная экспликация эмоций в англоязычных и испаноязычных интернет-комментариях на тему вакцинации от COVID-19	41
---	----

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Первунина С. И. Способы референциального ранжирования субъектов в русских пословицах с формами второго лица единственного числа	50
Дусматова З. М. Концепт «творчество» и средства его воплощения в лирике Ю. Д. Левитанского	59
Исаева О. В. Содержание концепта «творчество» и средства его вербализации в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет	68

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Марцева Т. А., Кобенко Ю. В. История зарождения английского языка как ключ к пониманию его текущего статуса	75
Полякова Н. В., Хоменко С. Е., Лузик О. А. Конфронтационные стратегии и тактики как средства репрезентации речевой агрессии в политической коммуникации	84

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Мэн Линся, Ван Синхуа. Опыт создания и реализации модели подготовки специалистов в области преподавания русского языка как иностранного в современном поликультурном пространстве (на примере деятельности Муданьцзянского педагогического университета)	93
Асадулина Г. С. Фразеологическая картина мира обучающихся в системе среднего профессионального образования: лингвокогнитивное исследование	103

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Асадов И. Н. ослы. Коранические мотивы как доминанта творческих поисков Д. П. Ознобишина	111
Найма Аль-Аббуди М. А. Тема страха в творчестве А. П. Чехова 1880-х – начала 1890-х годов: типология авторской позиции	120
Липовка В. О. Специфика художественного осмысления темы войны в рассказах Ю. Яковлева «Где стояла батарея» и «Иван-Виллис»	128
Баль В. Ю. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 1	136
Сурнина Л. Е. Художественное своеобразие пейзажной лирики детской литературы коми	146

К 85-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ СКАЗКИ А. М. ВОЛКОВА «ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА»

Галкина Т. В., Полева Е. А. Рукописи А. М. Волкова как ключи к пониманию развития авторского замысла сказки «Волшебник Изумрудного города»	154
--	-----

CONTENTS

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Zhao Xitong, Kormazina O. P.</i> Mode of time as a linguistic concept: to the question of language representation in the literary text	7
<i>Khalatyan A. A.</i> Communicative behavior of the author's linguistic personality and its discursive conditionality (based on the work of V. V. Mayakovsky)	16
<i>Kuznetsova N. G.</i> On the complement of the degree 可以 <i>kěyǐ</i> in modern Chinese	24
<i>Fomin A. G., Abdul Haq Haqiq.</i> Code-Switching and code-mixing as indicators of modern persian bilingual communication	33

COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Kurilova E. V.</i> Linguistic and communicative explication of emotions in Spanish and English Internet comments devoted to vaccination against COVID-19	41
---	----

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

<i>Pervunina S. I.</i> Ways of referential ranking of subjects in Russian proverbs with forms of the second person singular.	50
<i>Dusmatova Z. M.</i> The concept of "creation" and the means of its implementation in lyrics of Y. D. Levitansky	59
<i>Isaeva O. V.</i> The content of the concept of "creativity" and the means of its verbalization in N. A. Zabolotsky's lyrics of different years	68

GERMAN LANGUAGES

<i>Martseva T. A., Kobenko Yu. V.</i> The history of the English language origin as a clue to understanding its current status	75
<i>Polyakova N. V., Khomenko S. E., Luzik O. A.</i> Confrontational strategies and tactics as a means of representing speech aggression in political communication (based on Olaf Scholz's speech)	84

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

<i>Meng Lingxia, Wang Xinghua.</i> Experience in creating and implementing a model for training specialists in the field of teaching Russian as a foreign language in a modern multicultural space (based on the example of the activities of Mudanjiang Normal University).	93
<i>Asadulina G. S.</i> Phraseological picture of the world of students in the system of secondary vocational education: cognitive research	103

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

<i>Ibrahim Nazim ogly Asadov.</i> Quranic motifs as the dominant of D. P. Oznobishin's creative searches	111
<i>Al-Abboodi Muntassir Abdulkhadim Nima.</i> The theme of fear in A. P. Chekhov's works in the 1880s – early 1890s: typology of the author's position	120
<i>Lipovka V. O.</i> The specifics of the artistic interpretation of the theme of war in the stories of Yu. Yakovlev's "Where the battery stood" and "Ivan-Willis"	128
<i>Bal V. Yu. N.</i> Gogol's story "The Overcoat" in the receptional consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 1	136
<i>Surnina L. E.</i> Artistic originality of landscape lyrics of Komi children's literature	146

TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE FIRST EDITION OF A. M. VOLKOV'S FAIRY TALE "THE WIZARD OF THE EMERALD CITY"

<i>Galkina T. V., Poleva E. A.</i> Manuscripts by A. M. Volkov as keys to understanding the development of the author's concept of the fairy tale "The Wizard of the Emerald City"	154
--	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-7-15>

Модус времени как лингвистическое понятие: к вопросу о средствах языковой репрезентации в художественном тексте

Чжао Ситун¹, Ольга Петровна Кормазина²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹ chzhao.sit@dvfu.ru

² kormazina.op@dvfu.ru

Аннотация

Исследования модуса как лингвистического понятия имеют давнюю традицию: на сегодняшний день подробно раскрыто его содержание, выявлены различные модусные категории. При этом понятие «модус времени», берущее истоки из таких научных направлений, как философия и социология, в лингвистике изучено относительно мало, несмотря на то что рядом исследователей уже предприняты попытки проанализировать данный феномен применительно к различным дискурсивным сферам. Цель данной статьи – выяснить, какие языковые средства репрезентируют специфику модуса времени в художественном тексте. Материалом исследования послужили произведения Наринэ Абгарян, армянской русскоязычной писательницы, одного из ярких представителей современной женской прозы: романы «Люди, которые всегда со мной» (2014), «С неба упали три яблока» (2015), «Симон» (2020), а также сборник рассказов «Люди нашего двора» (2021). В качестве ключевых языковых средств репрезентации модуса времени в статье рассматриваются «ядерные» лексические единицы: собственно лексема «время», а также «прошлое», «настоящее» и «будущее». Кроме того, анализируются контекстуальные особенности употребления темпоральных наречий, наиболее показательными среди которых являются наречия «навсегда», «долго», «давно», «когда-то», «раньше», «когда-нибудь», «скоро». Делается вывод, что время является значимой составляющей произведений Н. Абгарян, специфика репрезентации модусов времени отчетливо отражает особенности авторской языковой картины мира. Ключевую роль в повествовании играет модус прошлого: прошлое оказывается одним из главных факторов, влияющих на настоящее и будущее героев; при этом на первый план выходит отрицательная оценка прошедших событий в восприятии героев и положительная – в восприятии самого автора. Модусы настоящего и будущего представлены в меньшей степени, зачастую только в сопоставлении с прошлым, однако отчетливо прослеживается тенденция к положительной оценке модуса будущего и героями, и непосредственно автором произведений. Отмечается перспективность предпринятого исследования, являющегося одним из этапов в разработке комплексного алгоритма описания модусов времени в художественном тексте, что в свою очередь служит вкладом в изучение языка современной русской прозы.

Ключевые слова: время, модус времени, прошлое, настоящее, будущее, художественный текст, Наринэ Абгарян

Для цитирования: Чжао Ситун, Кормазина О. П. Модус времени как лингвистическое понятие: к вопросу о средствах языковой репрезентации в художественном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 7–15. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-7-15>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Mode of time as a linguistic concept: to the question of language representation in the literary text

Zhao Xitong¹, Olga P. Kormazina²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹ chzhao.sit@dyfu.ru

² kormazina.op@dyfu.ru

Abstract

The study of modus as a linguistic concept has a long tradition: to date, its content has been revealed in detail, and various modus categories have been identified. At the same time, the concept of “mode of time”, which originates from such scientific areas as philosophy and sociology, has been studied relatively little in linguistics, despite the fact that a number of researchers have already made attempts to analyse this phenomenon in relation to various discursive spheres. The aim of this article is to find out what linguistic means represent the specificity of the mode of time in a literary text. The material of the study is the works of Narine Abgaryan, an Armenian Russian-speaking writer, one of the brightest representatives of contemporary women’s prose: the novels “People Who Are Always with Me” (2014), “Three Apples Fell from the Sky” (2015), “Simon” (2020), as well as the collection of short stories “People of our yard” (2021). The article considers the “core” lexical units as the key linguistic means of representing the mode of time: the lexeme “time” proper, as well as “past”, “present” and “future”. In addition, the contextual features of the use of temporal adverbs are analysed, the most indicative of which are the adverbs “forever”, “long”, “long ago”, “sometime”, “earlier”, “someday”, “soon”. It is concluded that time is a significant component of N. Abgaryan’s works, the specificity of representation of time modus operandi clearly reflects the peculiarities of the author’s linguistic picture of the world. The mode of the past plays a key role in the narrative: the past turns out to be one of the main factors influencing the present and the future of the characters; at the same time, the negative evaluation of past events in the perception of the characters and the positive one in the perception of the author himself come to the fore. Modes of the present and the future are represented to a lesser extent, often only in comparison with the past, but there is a clear tendency towards a positive evaluation of the future mode both by the characters and directly by the author of the works. It is noted that this study is one of the stages in the development of a comprehensive algorithm for describing the modes of time in a fiction text, which, in turn, contributes to the study of the language of modern Russian prose.

Keywords: time, mode of time, literary text, past, present, future, Narine Abgaryan

For citation: Zhao Xitong, Kormazina O. P. Modus vremeni kak lingvisticheskoye ponyatiye: k voprosu o sredstvakh yazykovoy reprezentatsii v khudozhestvennom tekste [Mode of time as a linguistic concept: to the question of language representation in the literary text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 7–15 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-7-15>

Введение

Одним из ключевых признаков современной антропоцентрической парадигмы, как известно, является так называемый лингвистический экспансионизм, обуславливающий ярко выраженный междисциплинарный характер большинства лингвистических исследований. В свою очередь это приводит к заимствованию различных терминов и понятий из других научных областей: будучи применимыми в сфере языка, они приобретают новый смысл, становятся самостоятельным предметом филологических изысканий. Наше внимание сосредоточено именно на таком междисциплинарном понятии – «модус времени», используемом в различных научных областях, в частности в феноменологии, социологии, лингвистике.

Сам термин «модус» с позиции философии трактуется как определенное свойство, присущее предмету лишь в некоторых его состояниях, и противопоставляется атрибуту как свойству неотъемлемому, присущему предмету постоянно. В свою очередь под «модусом времени» в философских исследованиях понимается прошедшее, настоящее и будущее время, точнее – уникальность их бытия [1]. Отец феноменологии Э. Гуссерль определял время как сущность сознания, а до него Кант связывал формы активности разума и рассудка с различными временными синтезами. Спиноза рассматривал время в качестве модуса мышления: «Чтобы определить длительность данной вещи, мы сравниваем ее с длительностью вещей, имеющих прочное и определенное движение, и это сравнение называется временем. Поэтому время не со-

стояние вещей, но только модус мышления, т. е., как мы сказали, мысленное бытие» [2, с. 25]. В свою очередь с позиции социологии выявляется такое понятие, как парадигма социального времени, в контексте которой жизнь и выживание как одна из ее форм могут анализироваться в трех модусах социального времени: прошлого, настоящего и будущего [3, с. 46].

Наша задача – рассмотреть модус времени как лингвистическое понятие. Отметим, что термин «модус» в лингвистике является уже достаточно устоявшимся. Ш. Балли определял его как один из двух компонентов значения высказывания наряду с диктумом: «...модус – это субстрат представления. Поэтому будем называть модус темой, а диктум – поводом эксплицитного высказывания. <...> Модус и диктум дополняют друг друга» [4, с. 46]. Анализу модусных смыслов, выявлению ключевых модусных категорий посвящено немало отечественных исследований [5–9]. Однако «модус времени» остается на сегодняшний день малоизученным понятием, не имеющим устоявшегося определения. В современных исследованиях оно рассматривается применительно к разным сферам дискурса. Так, значимую трактовку модуса времени как лингвистического феномена предложила Г. В. Калиткина, изучившая специфику его репрезентации в диалектном дискурсе [10, с. 65–76]. Автор характеризует модус времени как своеобразную «языковую картину мира» носителя определенной лингвокультуры, предполагающую грамматическую трихотомию «прошлое – настоящее – будущее». Рассматривается данное понятие и в контексте исследований художественного текста. В. Г. Силантьева также трактует модус времени как отражение языковой картины мира автора. К средствам репрезентации модусов времени она относит глагольную семантику, морфологию и временные наречия, отвечающие за локализацию события, а также ассоциативную структуру слова „время“» [11, с. 22–23]. Н. К. Шутая рассматривает время как модус личностного бытия героя художественного произведения, характеризующий определенного субъекта (персонажа, повествователя, автора). Согласно ее концепции, на специфику данного модуса могут указывать «временные понятия, модальные выражения и наречия со значением времени, а также выбор тех или иных форм вида и времени глагола, образы, так или иначе ассоциирующиеся со временем, замедление или ускорение ритма повествования» [12, с. 20].

Таким образом, опираясь на уже имеющиеся подходы к исследованию модуса времени как лингвистического понятия, в данной статье мы ставим целью выявить ключевые средства его языковой репрезентации в пространстве художествен-

ного текста, позволяющие сделать вывод о специфике авторской языковой картины мира, нашедшей отражение в анализируемых произведениях.

Материал и методы

В качестве материала исследования использованы произведения армянской русскоязычной писательницы Наринэ Абгарян: романы «Люди, которые всегда со мной» [13], «С неба упали три яблока» [14], «Симон» [15], а также сборник рассказов «Люди нашего двора» [16]. Ключевыми методами исследования являются метод контекстуального анализа и классический описательный метод, включающий приемы интерпретации, обобщения и классификации; используются также элементы статистического метода.

Результаты и обсуждение

Как показали наши наблюдения, в первую очередь модус времени в художественном тексте репрезентируют лексические единицы, составляющие «ядро» данного понятия, – собственно лексема «время», а также лексемы, обозначающие три базовые временные ипостаси – «прошлое», «настоящее» и «будущее». Кроме того, специфику авторского восприятия времени, авторскую картину мира, отраженную посредством модусов прошлого, настоящего и будущего, ярко демонстрируют и используемые в текстах рассматриваемых произведений темпоральные наречия. Далее представим основные результаты контекстуального анализа данных единиц.

Лексема «время». В произведениях Наринэ Абгарян значительное место отводится размышлениям о времени. По нашим наблюдениям, время в анализируемых текстах представляется с двух позиций – с одной стороны, с позиции своей неизменности, статичности, а с другой – с позиции движения, сменяемости. Покажем данное наблюдение на примерах.

Недвижимость времени подчеркивается за счет употребления таких глаголов, как «остановиться», «замереть», «дремать»: *С того дня **время остановилось**, словно растворилось с последней выпавшей песчинкой песочных часов* [15, с. 118]; *...где-то наверху, на самой верхней точке небесного купола, **замерло время*** [13, с. 136]; *Там, откуда ты родом, небо ниже гор, а в тени домов **дремлет время*** [16, с. 271]. В свою очередь, движение времени представляется по-разному. Оно может быть медленным, неспешным, почти замершим: ***Время тянется медленно*** [13, с. 226]; ***Время тянулось бесконечно долго, так долго, что казалось – замерло навсегда, захлопнув-закольевав будущее прошлым*** [13, с. 285]. И также оно может быть стремительным: *Вдохнула, прикрыла глаза и по-*

корно нырнула в омут воспоминаний. С ними **время летело незаметней** [14, с. 14]. При этом важно подчеркнуть, что, каким бы ни был характер движения времени, значимым для автора является другое – неизменное возвращение «к началу начал», т. е. к истокам, к своему прошлому и своей памяти: *У времени ход только вперед, но в самом деле это не так, ход у времени всегда к началу начал, туда, где, окупившись, бытие обращается в небытие...* [16, с. 270]. Соответственно, родные места неизменно ассоциируются с неизменностью времени, сохранением обычаев и традиций: *Там, откуда ты родом, время все еще определяют по старинке* [16, с. 273]. Время приобретает философский смысл, становясь и для героев, и для самого автора значимым фактором, определяющим судьбы: *Магтахинэ выделили на приданое в два раза меньше всего, и украшений не золотых, а серебряных, но время все расставило по своим местам* [14, с. 25]; *Он успокаивал ее – не волнуйся, всему свое время, все будет* [15, с. 90]; *Всему свое место и предназначение. И время* [13, с. 80].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что время имеет очевидную ценность для авторской картины мира, становясь в некотором роде даже отдельным героем ее повествования. При этом различные авторские коннотации получают три базовые ипостаси времени – прошлое, настоящее и будущее.

Лексемы «прошлое», «настоящее», «будущее». Прошлое, настоящее и будущее являются тремя формами времени, следовательно, специфика репрезентации модуса времени обязательно будет находить отражение в употреблении соответствующих лексем. Важность обращения к истокам, «к началу начал» указывает на то, что первостепенное значение для авторской картины мира приобретает именно модус прошлого. Причем обращает на себя внимание разница восприятия прошлого героями произведений Н. Абгарян и отношения, выраженного непосредственно от лица автора. В первом случае модус прошлого имеет очевидно отрицательную окраску, герои пытаются забыть его, «оставить позади»: *Не хочу, чтобы хоть что-то напоминало мне о горьком прошлом* [15, с. 132]; *Внешне Сильвия выглядела спокойной и даже умиротворенной... оставив позади прошлое и никогда больше не намереваясь к нему возвращаться* [15, с. 35]; *Бениамин о прошлом никогда не упоминал и жену, однажды заикнувшуюся было о случившемся, жестко осадил – не бреди ран* [15, с. 104].

Автор, напротив, непосредственно указывает на важность прошлого: прошлое заслуживает того, чтобы его помнили: *Прошлое ведь не только живым нужно, говорит нани. Прошлое – путь к своей душе* [16, с. 272]; *Есть у меня странности, о*

которых никто, кроме близких, не знает. Я умею создавать в своей голове запахи и с их помощью вспоминать прошлое [13, с. 212]. Более того, Н. Абгарян в автобиографическом сборнике рассказов «Люди нашего двора» прямо говорит о желании вернуться в прошлое: *У всех есть неисполнимые мечты. Моя о том, чтобы вернуться в прошлое* [16, с. 269].

Из приведенных примеров видно, что модус прошлого имеет первостепенное значение в произведениях Н. Абгарян: даже будучи представленным в отрицательном плане как тяжелые воспоминания о пережитых событиях, к которым герои не хотят возвращаться, он все равно играет значимую роль, определяет поступки героев. В текстах, написанных от первого лица, автор четко указывает на ценность прошлого в своей жизни.

Что касается лексемы «будущее», репрезентирующей соответствующий модус, то она в анализируемых текстах употребляется значительно реже. При этом обращает на себя внимание преимущественно положительная коннотация: *Комсомолки голову всякой ерундой не забивают, они думают о светлом будущем страны* [15, с. 27]; *Они успели заново распланировать свое будущее, без колебаний забрав туда все, о чем раньше мечталось: трое детей, большой уютный дом, сто счастливых лет* [15, с. 129]. В большинстве примеров будущее представляется героям счастливым, светлым, полным надежд.

Наконец, модус настоящего в произведениях Н. Абгарян, как правило, дается в соотношении с модусами прошлого и будущего, что проявляется в использовании соответствующих лексических единиц: *Прошлое ранило, настоящее не исцеляло, а будущего для нее, скорее всего, и вовсе не существовало* [15, с. 36]; *Как будто ты попал в преисподнюю, где у тебя отняли все – прошлое, будущее, настоящее* [13, с. 320]. Таким образом, можно предположить меньшую значимость модуса настоящего в авторской картине мира, его репрезентацию в качестве «переходной ступени» от прошлого к будущему.

Частотность употребления лексем «прошлое», «настоящее» и «будущее» еще раз подтверждает вывод о первостепенной важности именно модуса прошлого, его текстообразующей роли. Прошлое, согласно позиции автора, является основой для настоящего и будущего.

Темпоральные наречия. Важную роль в репрезентации модусов времени играют и темпоральные наречия. В процессе анализа мы опирались на исследования Ф. И. Панкова, рассматривающего категорию наречной темпоральности в качестве особой структуры, ядро которой составляют сегменты кратности/однократности и протяженности време-

ни, а периферию – сегменты прошлого/настоящего/будущего и одновременности/разновременности [17, с. 162]. На основе его работы в исследуемых произведениях мы отобрали 17 темпоральных наречий, проанализировали 769 примеров их употребления и представили частотность употребления каждого темпорального наречия в процентном соотношении в виде диаграммы (рисунок).

Как показывают статистические данные, наиболее употребительными в произведениях Н. Абгарян являются темпоральные наречия «всегда», «иногда», «никогда», «сейчас». Однако если рассматривать их с позиции специфики репрезентации модусов времени, отражающих авторскую картину мира, то, по нашим наблюдениям, наиболее показательными, помимо наречия «никогда», будут не самые частотные единицы: «навсегда», «долго», «давно», «когда-то», «раньше», «когда-нибудь», «скоро». Далее представим их контекстуальный анализ.

Наречие «навсегда» указывает на несменяемость какого-то состояния, сохраняющегося отныне и до самого далекого будущего, на всю жизнь. В произведениях Н. Абгарян употребление этого наречия в первую очередь связано с концептом памяти, воспоминаний. С одной стороны, это указание на сохранение воспоминаний: *Прошло уже почти полвека, в жизни произошло много всего, что могло навсегда заслонить собой тот пронзительно-беззаботный день, но Сильвия запомнила его...* [15, с. 16]; *Она навсегда запомнила, как в тот злосчастный день Вардануш довела ее за руку до дома...* [15, с. 36]; *...море, плещущееся между скал, по дну которых змеилась крохотная горная речка, запомнилось ему навсегда* [15, с. 40]. С другой стороны, наречие «навсегда» указывает и на постоянное забвение: *Но то было в оны дни, давно и неправда, а теперь, забытая всеми и навсегда, деревня неприкаянно болталась, словно пустое коромысло, на плече Маниш-кара* [14, с. 23]. Приме-

чательно, что для героев произведений Н. Абгарян типичным является осознанное желание навсегда отказаться от болезненных воспоминаний, «заблокировать» их в памяти: *О сыновьях своих он никогда не вспоминал – запретил себе раз и навсегда, еле оправившись от той чудовищной боли, которую пережил, получив известие об их гибели* [14, с. 27]; *Он просто вычеркнул Его (Бога. – Ч. С.) из своей жизни – безвозвратно и навсегда* [13, с. 102]; *После смерти жены Григорий Семенович навсегда перебрался в гончарную – находится в доме, где не осталось ни одной родной души, было выше его сил* [13, с. 59].

Все приведенные примеры выражают отношение героев к памяти о прошлом, которая в данном случае ассоциируется со смертью, разлукой и болью. Именно поэтому герои навсегда отказываются от своих воспоминаний, пытаются оборвать связь с прошлым – данный факт репрезентирует модус прошлого, придавая ему отрицательную коннотацию.

Однако важно отметить, что употребление наречия «навсегда» в ассоциации с памятью может быть представлено не только в негативном ключе. Автор также подчеркивает и значимость сохранения светлых воспоминаний об ушедших близких, которые «остаются с нами навсегда»: *Все твои – в тебе, все твои – навсегда с тобой* [16, с. 266]; *...выпрямились и простерлись огромными крылами люди, которые ушли, но навсегда остались с ним* [13, с. 308]; *И ты стоишь у окна, неуязвимая, осененная присутствием тех, которые ушли, но навсегда остались с тобой* [13, с. 325].

Наречие «давно», согласно нашим наблюдениям, используется в таком же контексте, как и наречие «навсегда». Нередко с его помощью указывается, что какие-то события, предметы или люди уже преданы забвению: *Симон давно выкинул из головы историю, когда, будучи школьником, тихнул в бок щуплую глазастую девочку...* [15, с. 75]. При

Частотность употребления темпоральных наречий в произведениях Н. Абгарян

этом частотным оказывается и воскрешение в памяти событий прошлого, а следовательно, подчеркивается ценность воспоминаний: *Я обещала быть сегодня особенно послушной... вожусь на чердаке, перебираю старое, всеми давно уже забытое добро* [13, с. 211]; *Вспомни тот давно забытый случай*, Элиза принялась нараспев рассказывать, как у нее от удара оборвалось дыхание и померкло в глазах... [15, с. 53]; *Иногда, когда Василию хотелось ощутить давно забытое чувство счастья, он бережно, не дыша обходил стороной все, что ранило его до нескончаемой боли в сердце* [14, с. 47].

В этом можно увидеть двойственность воспоминаний в картине мира героев Н. Абгарян: с одной стороны, как было показано выше, они нередко стремятся отказаться от болезненных, тяжелых воспоминаний, с другой – все же возвращаются к ним, поскольку то, что глубоко ранит, в то же время дарит и ощущение счастья. При этом модус прошлого, реализующийся посредством обращения к памяти героев, оказывается связанным с модусом настоящего – это проявляется, в частности, в сочетании разных темпоральных наречий (или сочетаний с темпоральным значением), например «давно» и «по сей день»: *Война давно уже осталась позади, но она по сей день отравляла им существование... фантомными болями* [13, с. 68] – то, что осталось в прошлом и давно забыто, так или иначе находит отражение в настоящем, влияя на состояние героев.

Наречие «долго», передающее инклюзивное предшествование действия настоящему моменту и содержащее указание на длительность действия, чаще всего используется в нашем материале для обозначения степени болезненности и продолжительности какого-либо прошлого переживания. Причем боль эта может быть разной, как физической, так и душевной. Частотным является использование наречия «долго» для обозначения болезней или смерти героев, а также причинения им увечий: *Она долго и выматываясь болела, а потом еще нудно восстанавливалась* [15, с. 73]; *Вера пролежала в температурном бреду долго, не подпускала к себе никого, кроме мужа и Тamar, звала маму* [13, с. 145]; *У нее еще долго ломило тело – особенно к перемене погоды, и зрение пострадало от удара кулаком по голове* [14, с. 18]; *Мать была на втором месяце беременности, слегла сразу после похорон, хворала долго, выправилась только через полгода* [14, с. 38]; *Умирала она долго и мучительно, от какой-то неведомой болезни, медленно и неуклонно разрушавшей ее здоровье* [14, с. 14]; *Гарегина убили нечеловечески жестоко – избивали до полусмерти, долго пытали, а потом кинули в яму с мазутом* [13, с. 117].

Столь же частотно указание и на длительность душевных переживаний героев: *Но совсем отгородиться от воспоминаний не получалось, они неминуемо всплывали из водоворота прошлого и долго потом терзали его своими ранящими душу подробностями* [14, с. 41]; *Марья, доведенная пьянками мужа до отчаяния, срывалась, устраивала скандалы – с криками, со слезами, потом долго приходила в себя – ныло и болело сердце* [13, с. 68]. По нашим наблюдениям, мучительность как физического, так и эмоционального состояния также нередко усиливается за счет использования наречий меры и степени: *Василий оплакивал ее, мучительно долго привыкая к душевной тишине, разлившейся вязкой тиной по дому* [14, с. 26]; *Рана заживала долго и мучительно, гноилась и кровила* [14, с. 27]; *Ворвавшиеся в дом турецкие солдаты зарубили ятаганами отца Овакима, утащили куда-то за дом и долго, невыносимо долго истязали мать* [13, с. 100].

Из этого можно заключить, что, в отличие от наречий «навсегда» и «давно», отражающих как отрицательные, так и положительные коннотации модуса прошлого, наречие «долго» передает именно отрицательную оценку.

Наречие «никогда», по нашим наблюдениям, также в первую очередь передает негативные коннотации модуса прошлого. Например, оно используется, когда речь идет о тяжелых условиях жизни героев: *С жильем Мелькумовым не повезло – крохотных размеров, угловая, сырая комната никогда не видела солнечного света* [13, с. 50]; *Жили они бедно, денег почти никогда не хватало* [13, с. 37]; *Урожай на клочке земли у реки никогда не дозревал – его подворовывала вечно голодная детвора* [13, с. 118]. Кроме того, наречие «никогда» отражает необратимость произошедшего, в частности необратимость травм прошлого: *Годы голода зияли в памяти Василия черным провалом... от чего потом никогда уже невозможно будет оправиться* [14, с. 41]. Личные эмоции автора – легкая грусть – чувствуются в тех моментах, когда речь заходит о невозвратности самого прошлого: *Это очень старый платок, таких сейчас не делают и никогда уже не будут делать* [13, с. 198]; *Она вела свою мать туда... где каждый оборот скрипучего колеса деревенской арбы рассказывал о том, что было и чего уже никогда не вернуть* [13, с. 286]. Это в очередной раз подтверждает первостепенность модуса прошлого в произведениях Н. Абгарян, его ключевую роль в организации повествования. Употребление наречия «никогда» отражает и другой важный мотив ее творчества, о котором уже говорилось ранее, – ценность традиций, их значимость и неизменность: *В этом забытом богом крае меняются времена, эпохи, люди, но традиции и нравы не меняются никогда* [13, с. 151].

Наречия «когда-то» и «раньше» обозначают отступ назад во времени, в анализируемом материале они обычно используются для того, чтобы обозначить противопоставление прошлого и настоящего: *Теснимые набегами тюркских племен, они стягивались к единственному непокоренному бастиону – восточному осколку **когда-то огромной и могучей Великой Армении – Нагорному Карабаху** [13, с. 5]; **Западные берега когда-то могущественной, а потом на долгие столетия лишенной независимости Армении омывали моря крови, на востоке творились не менее жуткие дела** [13, с. 270]; *Но старые бердцы обходили его стороной – **раньше тут стояла каменная церковь, которую в 1934 году снесли большевики** [13, с. 102].**

Из приведенных примеров видно, что время, с позиции автора, – это разрушительная сила. Все исторические события, описываемые Наринэ Абгарян, несут разрушения и гибель, потерю былой красоты и могущества.

Автор также описывает переход от «ничего» к «существованию», от «потерянного» к «найденному», что говорит о возможности лучшего будущего, противопоставленного тяжелому прошлому: *И вновь появился на ладони мира **стертый когда-то до основания городок Берд, названный в честь старой полуразрушенной крепости, что возвышалась на вершине рыжей горы** [13, с. 6]; **Раньше это был ни к чему не пригодный клочок земли, но Амаяк очистил его от камней, навез богатной почвы, посадил деревья** [13, с. 112]. Данные наблюдения позволяют сделать вывод о положительной авторской оценке модуса будущего.*

Наречие «когда-нибудь» семантически схоже с наречием «когда-то», выражая неопределенное время, при этом относится к модусу будущего, а не к модусу прошлого: *Надежды на то, что **жизнь когда-нибудь изменится к лучшему, никто из марацев не лелеял** [14, с. 20]; *Людей временно расселяли по деревням и селам, обнадеживая обещанием, что **когда-нибудь они вернутся в свои утраченные дома** [13, с. 121]; **Когда-нибудь я вернусь сюда навсегда** [16, с. 286].* Такую же роль – репрезентацию модуса будущего – выполняет и **наречие «скоро»**: *Но Анатолия не унывала: **жизнь везде пробьет себе дорогу, скоро родится новое поколение детей, и все вернется на круги своя** [14, с. 15]; **Скоро весна, голод отступит, люди перестанут умирать** [14, с. 44].* Данные примеры дают возможность говорить о неоднозначности оценки мо-*

дуса будущего: тяжелое прошлое и настоящее затрудняет и веру в лучшее будущее, однако герои произведений Н. Абгарян все же сохраняют эту надежду.

Таким образом, можно заключить, что большинство темпоральных наречий в проанализированных текстах репрезентируют модус прошлого, причем чаще в негативном ключе (тяжесть воспоминаний, физические и душевные травмы, необратимость произошедшего в жизни героев). Модус настоящего посредством данных языковых единиц выражен слабо, обычно он представлен только в соотношении с прошлым, демонстрируя связь прошлого с настоящим. Более употребительными оказываются наречия, репрезентирующие модус будущего, и здесь положительная оценка оказывается уже более частотной, нежели отрицательная. Модус будущего связывается с надеждой на счастье и преодоление трудностей, на возможность избавления от травмирующего прошлого опыта и начала лучшей жизни.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, мы можем заключить, что изучение модусов времени следует рассматривать в качестве актуального и перспективного направления лингвистических исследований. Как показали результаты анализа модуса времени на пространстве художественного текста, специфика его языковой репрезентации непосредственно и явно отражает ключевые особенности авторской картины мира. Так, мы определили, что в произведениях Н. Абгарян время играет первостепенную роль, в некоторых моментах становясь даже полноправным героем повествования. Ключевым при этом является модус прошлого: именно оно определяет судьбу человека, его настоящее и будущее, даже несмотря на то что во многих случаях воспоминания о прошлом причиняют страдания. Безусловно, не игнорируются автором и модусы настоящего и будущего: вместе с модусом прошлого они представляют непрерывное течение времени, жизнь с ее горестями и радостями. Отмеченные языковые средства репрезентации модусов времени – «ядерные» лексемы «время», «прошлое», «настоящее» и «будущее», а также темпоральные наречия, очевидно, не составляют исчерпывающего списка, что обуславливает перспективу дальнейших исследований данной темы.

Список источников

1. Модусы времени // Философская энциклопедия. URL: <https://terme.ru/termin/modusy-vremeni.html> (дата обращения: 25.12.2023).
2. Медова А. А. Сознание в модусе времени. М.: Nota Bene Медиа Трейд, 2014. 220 с.
3. Силласте Г. Г. Кризисы в модусах времени и его социальные уроки // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 17, № 1. С. 45–59.

4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 412 с.
5. Шмелева Т. В. Модус и его средства выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 168–202.
6. Шмелева Т. В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2008. С. 140–151.
7. Гак В. Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте: сб. ст. / под ред. И. П. Сусова. Калинин: Изд-во КГУ, 1978. С. 19–26.
8. Копытов О. Н. Концепция модуса на пространстве текста и ее возможности для исследования медиатекста // Медиалингвистика. 2015. № 4 (10). С. 69–82.
9. Кобрин О. А. Специфика коммуникативной категории модуса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (26). С. 70–74.
10. Калиткина Г. В. Модусы времени в текстах диалектного дискурса // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 65–76.
11. Силантьева В. Г. Модусы времени в модернистском нарративе (на материале англоязычной прозы XX века): дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2017. 197 с.
12. Шутая Н. К. Время как модус личностного бытия героя // European science. 2015. № 5 (6). С. 20–22.
13. Абгарян Н. Люди, которые всегда со мной. М.: АСТ, 2014. 316 с.
14. Абгарян Н. С неба упали три яблока. М.: АСТ, 2015. 280 с.
15. Абгарян Н. Симон. М.: АСТ, 2020. 146 с.
16. Абгарян Н. Люди нашего двора // Люди нашего двора. М.: АСТ, 2021. С. 265–285.
17. Панков Ф. И. Наречная темпоральность и ее речевые реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 20 с.

References

1. Modusy vremeni [Time modes]. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical encyclopedia] (in Russian). URL: <https://terme.ru/termin/modusy-vremeni.html> (accessed 11 May 2023).
2. Medova A. A. *Soznaniye v moduse vremeni* [Consciousness in the mode of time]. Moscow, Nota Bene Media Trade Publ., 2014. 220 p. (in Russian).
3. Sillaste G. G. *Krizisy v modusakh vremeni i yego sotsial'nyyye uroki* [Crises in the modes of time and its social lessons]. *Gumanitarniy Yuga Rossii – Humanities of the South of Russia*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 45–59 (in Russian).
4. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury Publ., 1955. 412 p. (in Russian).
5. Shmeleva T. V. *Modus i yego sredstva vyrazheniya v vyskazyvanii* [Mode and its means of expression in an utterance]. *Ideograficheskiye aspekty russkoy grammatiki* [Ideographic aspects of Russian grammar]. Moscow, MSU Publ., 1988. Pp. 168–202 (in Russian).
6. Shmeleva T. V. *Modal'nost' i modus* [Modality and mode]. *Modal'nost' v yazyke i rechi: novyye podkhody k izucheniyu: sbornik nauchnykh trudov. Pod red. S. S. Vaulinoy* [Modality in language and speech: new approaches to the study: a collection of scientific works. Ed. S. S. Vaulina]. Kaliningrad, 2008. Pp. 140–151 (in Russian).
7. Gak V. G. *O kategoriyakh modusa predlozheniya* [On the categories of sentence modus]. *Predlozheniye i tekst v semanticheskom aspekte. Sbornik statey. Pod red. I. P. Susova* [Proposal and text in the semantic aspect: collection of articles. Edited by I. P. Susov]. Kalinin, KSU Publ., 1978. Pp. 19–26 (in Russian).
8. Kopytov O. N. *Kontseptsiya modusa na prostranstve teksta i yego vozmozhnosti dlya issledovaniya mediateksta* [The concept of mode in the text space and its possibilities for the study of media text]. *Medialingvistika – Media Linguistics*, 2015, no. 4 (10), pp. 69–82 (in Russian).
9. Kobrina O. A. *Spetsifika kommunikativnoy kategorii modusa* [Specificity of the communicative category of mode]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2011, no. 1 (26), pp. 70–74 (in Russian).
10. Kalitkina G. V. *Modusy vremeni v tekstakh dialektного diskursa* [Time modes in dialect discourse texts]. *Tekst. Kniga. Knigoizdaniye – Text. Book. Publishing*, 2014, no. 3 (7), pp. 65–76 (in Russian).
11. Silant'yeva V. G. *Modusy vremeni v modernistskom narrativе (na materiale angloyazychnoy prozy XX veka)*. Dis. kand. filol. nauk [Modes of Time in the Modernist Narrative (on the Material of English Prose of the 20th Century)]. Diss. cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2017. 197 p. (in Russian).
12. Shutaya N. K. *Vremya kak modus lichnostnogo bytiya geroya* [Time as a mode of the hero's personal existence]. *European science*, 2015, no. 5 (6), pp. 20–22 (in Russian).
13. Abgarian N. *Lyudi, kotoryye vsegda so mnoy* [People who are always with me]. Moscow, AST Publ., 2014. 316 p. (in Russian).
14. Abgarian N. *S neba upali tri yabloka* [Three apples fell from the sky]. Moscow, AST Publ., 2015. 280 p. (in Russian).
15. Abgarian N. *Simon* [Simon]. Moscow, AST Publ., 2020. 146 p. (in Russian).
16. Abgarian N. *Lyudi nashego dvora* [People of our yard]. Moscow, AST Publ., 2021. Pp. 265–285 (in Russian).

17. Pankov F. I. *Narechnaya temporal'nost' i yeyo rechevyye realizatsii*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Adverbial temporality and its speech implementations. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1996. 20 p. (in Russian).

Информация об авторах

Чжао Ситун, аспирант, Дальневосточный федеральный университет (п. Аякс, 10, о. Русский, Владивосток, Россия, 690922).

E-mail: chzhao.sit@dvfu.ru

Кормазина О. П., кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (п. Аякс, 10, о. Русский, Владивосток, Россия, 690922).

E-mail: kormazina.op@dvfu.ru

Information about the authors

Zhao Xitong, postgraduate student, Far Eastern Federal University (p. Ayaks, 10, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, 690922).

E-mail: chzhao.sit@dvfu.ru

Kormazina O. P., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (p. Ayaks, 10, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, 690922).

E-mail: kormazina.op@dvfu.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 20.02.2024; accepted for publication 24.05.2024

УДК 81-13

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-16-23>

Коммуникативное поведение языковой личности автора и его дискурсивная обусловленность (на материале творчества В. В. Маяковского)

Алиса Арменовна Халатян

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, alisahalatyan@ro.ru

Аннотация

Современная когнитивно-дискурсивная лингвистика сосредоточена на изучении дискурсивной личности. Ориентация на изучение коммуникативного поведения языковой личности обусловлена глобальными изменениями в фокусе внимания современной лингвистики на проблему «язык и человек»; в центре научного интереса лингвистов находятся аспекты коммуникативной организации и коммуникативного поведения носителей языка разных типов. Рассматривается взаимосвязь между коммуникативным поведением языковой личности автора и его дискурсивной обусловленностью. Исходным параметром в описании языковой личности является речевое произведение, поэтому исследуется языковая личность автора в создаваемых им текстах и дискурсы, отражающиеся в них. Актуальные тенденции в исследованиях текстов свидетельствуют о возрастающем интересе не только к внутренней структуре и языковым характеристикам текстов, но и к их социальной и коммуникативной роли. Это дает возможность более глубокого и всестороннего понимания текстового материала как средства коммуникации и продукта лингвистической активности конкретной личности. В связи с этим исследование языковой личности автора в контексте текстовых проявлений в рамках определенного дискурса представляет собой актуальную проблему в современной лингвистике. Дискурсивный анализ позволяет интегрировать в исследование языковой личности широкий спектр факторов, включая когнитивные, психологические и прагматические. Языковая личность манифестирует свою принадлежность к конкретной категории или общности в дискурсивных практиках. Дискурс служит площадкой для проявления эмоциональных состояний, которые играют значительную роль в организации коммуникативного взаимодействия. Языковая личность в проецируемых им текстах использует различные коммуникативные стратегии, представляющие собой комплекс речевых действий, предпринимаемых с целью достижения определенного коммуникативного результата. Для достижения их реализации используется ряд разнообразных коммуникативных тактик. Личность, которая участвует в дискурсах различных типов и осуществляет в них характерные для нее тенденции коммуникативно-речевого поведения, считается полидискурсивной. Автор текстов активно участвует в разработке различных дискурсов, и через них проявляются конкретные тенденции его коммуникативного поведения, проявляющие уникальные особенности его полидискурсивной языковой личности.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, языковая личность автора, полидискурсивная языковая личность, Владимир Владимирович Маяковский

Для цитирования: Халатян А. А. Коммуникативное поведение языковой личности автора и его дискурсивная обусловленность (на материале творчества В. В. Маяковского) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 16–23. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-16-23>

Communicative behavior of the author's linguistic personality and its discursive conditionality (based on the work of V. V. Mayakovsky)

Alisa A. Khalatyan

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, alisahalatyan@ro.ru

Abstract

Modern cognitive-discursive linguistics focuses on the study of discursive personality. Interest in the study of the communicative behavior of a linguistic personality is due to the general turn of modern linguistics to the problem of “language and man”; The focus of linguists is on issues of communicative organization and communicative behavior of native speakers of different types of languages. The article examines the relationship between the communicative behavior of the author's linguistic personality and its discursive conditioning. The initial parameter in the description of a linguistic personality is a speech work, therefore the linguistic personality of the author in the texts he creates and the discourses reflected in them are examined. Current trends in text research indicate a growing interest in not only the in-

ternal structure and linguistic characteristics of texts, but also their social and communicative role. This provides the opportunity for a deeper and more comprehensive understanding of textual material as a means of communication and a product of the linguistic activity of a particular person. In this regard, the study of the author's linguistic personality in the context of textual manifestations within a certain discourse represents a pressing problem in modern linguistics. Discourse analysis allows you to integrate a wide range of factors, including cognitive, psychological and pragmatic, into the study of linguistic personality. A linguistic personality manifests its belonging to a specific ethnic group, professional field, age and gender identity in discursive practices. Discourse serves as a platform for the manifestation of emotional states, which play a significant role in the organization of communicative interaction. The linguistic personality in the texts he projects uses various communicative strategies, which represent a complex of speech actions taken in order to achieve a certain communicative result. Their implementation is carried out through the use of various communication tactics. A person who participates in discourses of various types and displays specific tendencies in his communicative and speech behavior in them is considered polydiscursive. The author of the texts actively participates in the development of various discourses, and through them specific tendencies of his communicative behavior appear, revealing the unique features of his polydiscursive linguistic personality.

Keywords: *communicative behavior; linguistic personality of the author; polydiscursive linguistic personality; Vladimir Vladimirovich Mayakovsky*

For citation: Khalatyan A. A. Kommunikativnoye povedeniye yazykovoy lichnosti avtora i yego diskursivnaya obuslovlennost' (na materiale tvorchestva V. V. Mayakovskogo) [Communicative behavior of the author's linguistic personality and its discursive conditionality (based on the work of V. V. Mayakovsky)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 16–23 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-16-23>

Введение

Во второй половине XX в. антропоцентрическая парадигма лингвистических исследований стала преобладающей, она ориентируется на изучение человека в контексте речевой деятельности, рассматривая автора текста в совокупности параметризующих характеристик как языковую личность. Под термином «языковая личность» подразумевается любой человек или группа людей, которые используют язык для выражения своего восприятия реальности и мира (Г. И. Богин, В. В. Виноградов, С. Г. Воркачев, А. А. Ворожбитова, Е. В. Иванцова, Ю. Н. Караулов, Н. П. Нерознак и др.) [1–3].

Языковая личность автора, находящаяся в роли субъекта художественного текста, структурирует представления о реальности внутри произведения, которое включает в себя как идейные, так и эстетические аспекты категоризации. Концептуальный аспект демонстрируется посредством лингвистической индивидуальности, присущей нарратору. В случае когда доверие к нарратору оказывается под сомнением по различным причинам, данную роль в тексте выполняет языковая личность автора, которая часто воздействует на читателя через эстетические особенности самого произведения [4, с. 78]. Ю. Н. Караулов считает, что в своем творчестве автор не проявляет себя как единая языковая личность с четко выраженными ценностными характеристиками, а скорее обнаруживает себя как совокупность различных говорящих и понимающих индивидуальностей [5, с. 101]. К. А. Кочнова, напротив, высказывает предположение, что произведение формирует целостное представление о мире, которое выступает в качестве продукта художественного дискурса языковой личности автора.

Необходимо проводить анализ художественного текста в контексте взаимодействия всех голосов, присутствующих в нем, – как голоса автора, так и голоса его персонажей. Такой анализ дает возможность рассматривать текст как проявление уникальной лингвистической системы автора в качестве рефлексии его языковой парадигмы, поскольку «все, что использует автор в своем тексте, включено в систему языка самого писателя: свидетельствует об освоенности в индивидуальной языковой системе, целенаправленном преобразовании, переработке и применении общенародного языкового материала» [6, с. 54].

По мнению Ю. Н. Караулова, основным критерием для определения языковой личности является созданный им текст [5, с. 104]. В рамках этого подхода текст воспринимается как проявление языковой личности автора и/или адресата через особенности его коммуникативного поведения. В таких исследованиях текст служит материалом для выражения как креативного потенциала языковой системы, так и лингвокреативного ресурса языковой личности.

Современные тенденции в исследованиях текста отражают растущий интерес не только к внутренней структуре текста и языковым особенностям, но и к его роли в социальном и коммуникативном контексте. Это позволяет более полно и комплексно понимать текст как средство коммуникации, а также как продукт языковой деятельности конкретной личности или коллектива. В связи с этим изучение языковой личности автора в аспекте текстовых проявлений в рамках определенного дискурса является актуальной проблемой современной лингвистики.

В сфере научных исследований пока не разработано единое определение понятия «дискурс» (Т. ван Дейка, М. В. Йоргенсена, В. И. Карасика, М. Л. Макарова, М. Фуко, Е. И. Шейгал и др.) [7–10]. Е. С. Кубрякова отмечает, что при анализе дискурса необходимо уделить внимание когнитивным процессам, сопряженным с актами высказывания и конструирования устных текстов [11, с. 164]. В результате данного процесса формируется текст, закрепленный в определенной форме. Таким образом, дискурс – это текст, погруженный в ситуацию реального общения.

Тексты выполняют важную роль в трансляции концептуальной картины мира, отражая индивидуальные и культурные особенности взглядов на действительность. Они фиксируют и актуализируют понятийное, эмоциональное и ассоциативное содержание мировидения, тем самым являясь важным аспектом понимания персонального восприятия мира. Интерпретация языкового материала с фокусом на упорядочивание концептуального поля является продуктивным подходом к изучению индивидуальной языковой личности. Выражение социокультурных, возрастных, психологических, гендерных факторов является отражением дискурсивных действий языковой личности. Концепция изучения личности с использованием дискурсивного анализа обоснована в трудах А. Греймс, Б. Грос, Ю. Кристева, М. Л. Макарова, К. Маккьюин, Д. Румелхарт, К. Сайднер, М. Фуко, Дж. Хиршберг, Дж. Хоббс, Э. Хови и др. В данном контексте наиболее обоснованным подходом является рассмотрение явления языковой личности как дискурсивной личности.

Дискурсивную личность можно определить как личность, активно участвующую в коммуникативных процессах, обладающую уникальным набором коммуникативных стратегий [12, с. 59]. Дискурс обеспечивает методологическую основу для интеграции в аналитический процесс изучения языковой личности множества факторов, охватывающих области ментальности, психологии и прагматики. Языковая личность является индикатором ее принадлежности к конкретной этнической группе, профессиональному объединению, возрастной категории, а также гендерным характеристикам, что находит отражение в ее дискурсивных практиках [13, с. 47]. Описание дискурсивной личности учитывает аспекты, связанные с организацией языка в речевом акте, коммуникативным событием, отражающим индивидуальность субъекта, а также функциональным выбором и реализацией языковых конструкций [14, с. 78]. Концепция дискурсивной личности опирается на когнитивный компонент, который определяет выбор лингвистических структур и средств. В процессе диалогического общения языковая личность превращается в дискурсивную личность.

В дискурсе происходит переосмысление событий через языковые категории. Участники дискурса, будучи дискурсивными личностями, выбирают соответствующие лексические, грамматические и стилистические средства в зависимости от речевой стратегии. Трансформации в средствах языковой коммуникации могут служить индикатором модификации ролей (от активного субъекта речи к рецептивному аудитору) и стремления найти подходящие методы обратной связи в соответствии с интенциями коммуникантов.

Характеристики дискурсивной личности могут быть производны от определенных особенностей дискурса, которые включают в себя интерпретацию дискурса как средства общения через текст, организацию языка в формах устной и письменной речи, а также коммуникативное событие, которое отражает взаимопонимание между участниками; коммуникативное событие, характеризующееся взаимным воздействием между субъектами общения; принятие и реализация языковых стратегий и коммуникативных действий в соответствии с целями и контекстом общения; совокупность устного и письменного высказываний, представленных в рамках коммуникативного акта. В ходе дискурсивного процесса язык выполняет функцию когнитивной структуры, в рамках которой человек участвует как языковая личность, что приводит к его трансформации в дискурсивную личность.

Рассматривая определения терминов «языковая личность» и «дискурс», лингвисты (Е. В. Белоглазова, М. Р. Желтухина, М. А. Кормилицына, Т. В. Романова, Т. В. Чернышова, В. Е. Чернявская) используют понятие «полидискурсивная языковая личность». На основании морфологических характеристик слова представляется возможным утверждать о существовании множественных дискурсивных практик, которые ограничены в рамках определенных пространственных, количественных и временных параметров.

Языковая личность, обладающая полидискурсивными характеристиками, проявляет себя через функционирование в разнообразных дискурсивных практиках, демонстрируя при этом специфические тенденции в коммуникативном и речевом поведении в рамках этих дискурсов. Е. В. Белоглазова говорит о том, что концепция полидискурсивности впервые была предложена в научной литературе В. А. Андреевой, которая пишет: «как правило, в определенном тексте можно обнаружить артикуляции не одного, а нескольких дискурсов, иными словами, любой литературно-повествовательный текст представляет собой полидискурсивное образование» [15, с. 68].

В. И. Тхорик утверждает, что языковая личность квалифицируется как полидискурсивная, когда она

«является субъектом различных дискурсов, выделяемых в рамках одной типологии (классификации), и реализует посредством этих дискурсов различные социальные роли» [16, с. 220].

Общение человека, обусловленное совокупным действием ряда экстралингвистических факторов, определяет его коммуникативное поведение. Изучение коммуникативного поведения языковой личности актуально из-за повышенного интереса современной лингвистики к вопросам взаимоотношения «язык и человек». Основными фокусами являются характеристики коммуникативной организации и поведения говорящих. Понятие «коммуникативное поведение» было представлено И. А. Стерниным и определяется как «система коммуникативных норм и традиций, свойственных той или иной группе людей» [12, с. 125].

Мы можем рассмотреть коммуникативное поведение как характеристику, которая присуща не только лингвокультурной общности в целом, но и определенным группам носителей языка, которые объединены на основе различных признаков, кроме того, каждый отдельный индивид также имеет свое собственное коммуникативное поведение. Позднее исследователем термин «коммуникативное поведение» был уточнен и определен как «поведение человека в ходе межличностного взаимодействия, подчиненное значимым для него нормам и правилам общения» [12, с. 125]. В связи со сказанным стоит вести речь о том, что коммуникативное поведение языковой личности является встроенным в дискурсивные обстоятельства. Последние детерминируют поступки, мысли индивида, в том числе находящие объективацию в речи.

Исследование коммуникативного поведения различных народов способствует развитию и появлению новых направлений в изучении этого явления – гендерной лингвистики (Стернин, 1996; Высочина, 1999; Меликян, 1999), профессиональной лингвистики (Паршина, 1994; Багрянская, 1998), теории коммуникативного поведения представителей различных социальных групп (Лазуренко, 2000; Шилина, 1998). И. А. Стернин выделяет системный и контрастивный подходы к описанию коммуникативного поведения. Системный подход обусловлен целостным, комплексным описанием. Для достижения этой цели необходимо разработать модель, которая учитывала бы коммуникативное поведение и учла бы разнообразные факторы и параметры, лежащие в его основе. Согласно контрастивному подходу, для анализа коммуникативного поведения необходимо осуществлять описание на основе сравнительного анализа. Данное явление в области лингвистики, определяющее методы достижения целей говорящего, содержит этап проектирования процесса речевой коммуникации,

исходя из определенных условий общения, индивидуальных особенностей участников взаимодействия, и этап последующего выполнения разработанного плана взаимодействия [17, с. 54]. Коммуникативное планирование включает в себя разработку тактик и стратегий коммуникации для достижения поставленной цели.

Согласно концепции В. И. Карасика, «коммуникативная стратегия – последовательность интенций речевых действий, реализуемая в конкретной последовательности коммуникативных ходов, определяемая целями дискурса и реализуемая в его жанрах» [18, с. 3–18]. Р. В. Клюев относит к наиболее значимым коммуникативным стратегиям в рекламном дискурсе «проталкивание товара и привлечение потребителя к товару». Коммуникативные стратегии являются совокупностью речевых действий, выполняемых для достижения определенной коммуникативной цели. Они реализуются путем применения различных коммуникативных тактик. Ю. К. Пирогова выделяет следующие коммуникативные стратегии в рекламном дискурсе: 1) позиционирующие (формируют определенное восприятие рекламируемого объекта); 2) оптимизирующие (направлены на оптимизацию воздействия рекламного сообщения). В рекламных текстах эти стратегии часто используются одновременно. К общим коммуникативным стратегиям в рекламном дискурсе Ю. К. Пирогова относит «использование специальных средств воздействия на адресата: привлечение его к рекламному продукту, побуждение и даже принуждение к покупке путем пропаганды достоинств предмета рекламы» [19, с. 126].

Языковая личность автора в порождаемых им текстах репрезентирует различные дискурсы, в разработке которых он принимает регулярное участие. В рамках дискурсов обнаруживаются специфические тенденции в коммуникативном поведении, отражающие характерные черты полидискурсивной языковой личности.

Языковая личность полидискурсивного характера, представляющая собой объект данного исследования, – языковая личность В. В. Маяковского. В постреволюционный период автор в значительной степени применял свое художественное мышление для активного участия в развитии и строительстве нового мира, верил, что искусство слова играет важную роль в воспитании и имеет важное значение для общества. Это привело к ярко выраженной агитационной направленности лирики автора, рекламной функции его поэтических высказываний и призывов, а также активному участию в создании рекламы. Маяковский считал, что литература должна быть мощным инструментом воздействия на широкие массы. Автором предпринимались усилия для преодоления расхождений, су-

ществующих между языковыми моделями, используемыми в художественной литературе, и теми, которые находят применение в повседневном общении. Поэтому он осуществлял свою деятельность в многообразии жанров, включая поэзию, поэмы, создание рекламных плакатов и слоганов, афиш, а также разработку рекламных и агитационных материалов. Языковая личность В. В. Маяковского исследуется путем анализа проявлений коммуникативно-речевого поведения в текстах, имеющих разнообразную жанрово-стилевую направленность и находящихся в рамках дискурсов различных типов, в которых происходит активное функционирование важных для дискурсивной личности автора лингвистических и стилистических особенностей. Выбор определенной языковой личности для исследования обуславливается ее масштабностью, многообразием проявлений индивидуального стиля и наличием устойчивых векторов в экспликации черт идиостиля и идиолексикона.

Материал и методы

Источником исследования являются тексты В. В. Маяковского разных жанров, в которых выявляются коммуникативные стратегии, которые демонстрирует автор. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки. Основными методами в работе являются метод лингвистического анализа текста, дискурс-анализ, анализ речевых актов и дискурсивных маркеров в текстах Маяковского. Выявление идиостиля писателя.

Результаты и обсуждение

В исследовательской литературе по полидискурсивной языковой личности можно найти достаточно много работ, однако исследований по изучению творчества В. В. Маяковского в этом аспекте еще нет, что обуславливает новизну данной работы. Задачей данного исследования является доказательство принадлежности В. В. Маяковского к полидискурсивной языковой личности, т. е. показать, что в творчестве автора присутствуют тексты разных дискурсов, репрезентирующие языковое сознание автора.

В творчестве В. В. Маяковского можно обнаружить различные дискурсы, в которых автор репрезентует свою языковую личность. Во многих своих произведениях он выступает как субъект рекламного дискурса. В. В. Маяковский активно участвовал в создании рекламной продукции патриотической тематики: «Мы знаем прекрасно силу агитации, – писал В. Маяковский в 1923 г. – В каждой военной победе, в каждой хозяйственной удаче на 9/10 сказывается умение и сила нашей агитации... Реклама – промышленная, торговая агитация. Ни одно, даже самое верное дело не движется без ре-

кламы. Это орудие, поражающее конкуренцию. При НЭПе надо пользоваться для популяризации государственных, пролетарских организаций, контор, продуктов всеми оружиями, используемыми врагами, в том числе и рекламой» [20, с. 69].

В его поэтических рекламных произведениях прослеживается наличие характеристик, свойственных голосу уличного «зазывателя»: «Гражданин, спеши / На демонстрацию „Клопа“. / У кассы хвост, / В театре толпа. / Но только не злись / На шутки насекомого: / Это не про тебя, / А про твоего знакомого» [20, с. 105]. «Все, что требует желудок, тело или ум, – / все человеку предоставляет ГУМ. / Тому не страшен мороз злоеющий, / Кто в ГУМе купит теплые вещи» [20, с. 34]; «Забудьте моду! К черту вздорную! / Одежду в Москвошвее требуй. / Простую, легкую, просторную. / ...Одежду не найдете проще – / Прекрасная и для занятый / И для гулянья с милым в роще» [20, с. 204].

Самореклама прослеживается в творчестве Маяковского, идет полное сознание автором своей значимости и весомости своего творчества: «Мы сами творцы в горящем гимне – / шуме фабрики и лаборатории. / Мы / с лицом, как заспанная простыня, / с губами, обвисшими, как люстра, / мы, / каторжане города-лепрозория, / где золото и грязь изъязвили проказу, – / мы чище венецианского лазорья, / морями и солнцами омытого сразу! / Плевать, что нет / у Гомеров и Овидиев / людей, как мы; / от копоти в оспе. / Я знаю – / солнце померкло б, увидев / наших души золотые россыпи!» [20, с. 116]; «Мой стих / Трудом / Громаду лет прорвет и явится / Весомо, / Грубо, / Зримо, как в наши дни / Вошел водопровод, сработанный / Еще рабами Рима» [20, с. 145]; «Я к вам приду / в коммунистическое далеко / не так, / как песенно-есенный провитязь. / Мой стих дойдет / через хребты веков / и через головы / поэтов и правительств» [20, с. 136]; «Все меньше любитя, / все меньше дерзается, и лоб мой / время / с разбега крушит. Приходит / страшнойшая из амортизаций – амортизация / сердца и души. Слово поэта – / ваше воскресение, ваше бессмертие, гражданин канцелярист» [20, с. 116].

Рекламный дискурс в творчестве Маяковского часто интегрируется с политическим дискурсом, в рамках которого проявляются революционные убеждения писателя: «Все хочу обнять, / да не хватит пыла, – / куда / ни вздумаешь / глазом повесть, / везде вспоминаешь / то, что было, / и то, / что есть. / От издевки / от царевой / глаз / России / был зареван. / Мы / прогнали государя, / по шлям / слегка / удара. / И идет по свету, / и гудит по свету, / что есть / страна, / а начальствов нету. / Что народ / трудовой / на земле / на этой / правит сам собой / сквозь свои советы» [20, с. 135].

В творчестве В. В. Маяковского выделяется религиозный дискурс. Библейский мотив потопа прослеживается в стихотворении «Революция»: «Граждане! Сегодня рушится тысячелетие / «Прежде». / Сегодня пересматривается мировая основа. / Сегодня / до последней пуговицы в одежде / жизнь переделаем снова. / Граждане! / Это первый день рабочего потопа» [20, с. 185].

Богоборческий сюжет проглядывается в стихотворении «Надо бороться»: «У хитрого бога лазеек – много. / Нахально и прямо гнусавет из храма. / С иконы глядится Христос сладколицый. / В присказках, в поговорах господь славословится, / имя богово на губе у убогого» [20, с. 144]. Те же настроения в стихотворении «Гуляем»: «Сдается столица горящий остров. / По чердакам раскинули поиск. / Минута близко. / На Трицкий мост / вступают толпы войск. / Скрип содрогает устои и скрепы. / Стиснулись. / Бьемся. / Секунда! – / и в лак / заката / с фортов Петропавловской крепости / взвилась огнем революции флаг» [20, с. 176].

В поэме В. В. Маяковского «Флейта-позвоночник» лирический герой подвергается божественному искушению, связанному с притягательностью к женскому полу: «Вот я богохулил. / Орал, что бога нет, / а бог такую из пекловых глубин, / что перед ней гора заволнуется и дрогнет, / вывел и велел: / любви! / Бог доволен. / Под небом в круче / измученный человек одичал и вымер. / Бог потирает ладони ручек. / Думает бог: / погоди, Владимир! / Это ему, ему же, / чтоб не догадался, кто ты, / выдумалось дать тебе настоящего мужа / и на ролях положить человечьи ноты» [20, с. 56].

Таким образом, в творчестве В. В. Маяковского можно выделить политический, рекламный и религиозный дискурсы, каждый из которых имеет определенную степень воздействия на адресата и создает дискурсивное поле автора. Текст несет в себе информацию, которую автор разными путями транслирует адресату.

Дискурс влияет на создание текста. Дискурс отражает зависимость создаваемого текста от экстралингвистических обстоятельств: мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста. Для каждого отдельного речевого произведения автор подбирает определенные языковые средства и стилистические приемы, которые отвечают авторским интенциям.

Специфика рекламного дискурса автора проявляется в нестандартных подходах к использованию языковых средств. Рекламные технологии представляют собой одну из коммуникативных методик, которая направлена на влияние на сознание людей с целью управления их массовым поведением.

В рекламном дискурсе автора часто появляются новые слова – окказионализмы: «Безгалошные

люди, / покупайте галоши, / скидок не будет» [20, с. 115]. Также часто используются в тексте притяжательные местоимения: «Наши калоши носи век, / не протрет ни Эльбрус, ни Казбек» [20, с. 190]. Употребление местоимений «наши», «мы» говорит о том, что автор не разделяет производителя и потребителя, тем самым провоцируя у адресата чувство сопричастности к продаже и покупке данного товара. Автор использует также неологизмы: «Для салатов, / соусов и прочих ед / Лучше масла не было и нет» [20, с. 96].

Слова «дешевый» и «дешевизна» применяются в качестве ключевого аргумента, обосновывающего преимущества выбора определенного продукта: «Трудящиеся! / Не страшны дороговизна и нэп / покупайте дешевый хлеб / во всех / магазинах и киосках Моссельпрома / в двух шагах от любого дома!» [20, с. 190]; «Папиросы „Рекорд“ / не по названию, а в жизни / рекорд вкуса, рекорд дешевизны» [20, с. 200].

«Безграмотному скучно, / тяжело и горько, / но есть Блонского „Красная зорька“. / Это для чтения / первая книга. / Купи и грамоту / выучишь мигом. / Сообщаем кстати: „Красная зорька“ продается в Госиздате!» [20, с. 65]; «Стой! Прочти! Посмотри! / Выполни точка в точку» [20, с. 45]. В рекламных текстах автор часто использует глаголы повелительного наклонения: «покупайте», «стой», «носи», «купи» и обращения к потенциальным покупателям: «трудящиеся», «курящие трубку», «рабочий», «безгалошные люди».

Рекламный дискурс В. В. Маяковского эмоционально-экспрессивен, такой тон задается автором с помощью восклицательных знаков и риторических вопросов: «Курящие трубку! / Наш девиз: / Даешь табак „Джевиз!“» [20, с. 159]; «Кому из рабочих / знания не любы? / Профсоюз дает / школы и клубы [20]; Где конфеты дешевле и лучше? / Убедись сам! / Беги по этим адресам» [20, с. 163].

Заключение

Так, можно обозначить следующие коммуникативные стратегии, которые демонстрирует В. В. Маяковский в рекламном дискурсе: позиционирующие и оптимизирующие. Автор использует следующие языковые средства, которые реализуют эти коммуникативные стратегии: глаголы повелительного наклонения и притяжательные местоимения, неологизмы и окказионализмы, частотное применение восклицательных знаков, риторических вопросов и обращений. Чтобы создать эффективный рекламный текст, автору необходимо сочетать различные приемы для обеспечения выполнения всех функций. Автор использует важнейшую особенность рекламного текста – ориентацию на потребителя. Для этого в рекламном дискурсе применя-

ются как общие коммуникативные стратегии, которые характерны для этого жанра, так и индивидуально-авторские, к которым можно отнести словообразовательные средства, так как для автора характерен нестандартный отбор слов, нестандартное словоизменение и словообразование. Стоит отметить, что в рекламном дискурсе используется меньше таких языковых средств, чем в других, это объясняется направленностью рекламы на широкую аудиторию. Среди индивидуальных авторских стратегий В. В. Маяковского выделяется обращение к адресату текста, которое в творчестве писате-

ля присутствует не только в рекламном дискурсе, но и во всех его текстах, многие его стихотворения и поэмы по форме представляют собой диалог или беседу с адресатом. В текстах автора прослеживается частое употребление восклицательных знаков и тире. С их использованием в рекламном дискурсе предпринимается попытка усилить внимание прохожих, вызвать их заинтересованность и провоцировать чтение текста до конца. Все индивидуально-авторские стратегии составляют фон идиостиля автора, так как используются целиком в его творчестве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богин Г. И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и бизнес Он-Лайн, 2001. 516 с.
2. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 24–32.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
4. Асратян З. Д. Языковая личность образа автора в художественном дискурсе // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2016. № 2 (58). С. 76–80.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Кочнова К.А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследования // Вестник ВГУ. 2015. № 3. С. 53–56.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
8. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
9. Вохрышева Е. В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в новоанглийском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 2001. 26 с.
10. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 416 с.
11. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса. М.: Диалог: МГУ, 1997. С. 19–20.
12. Стернин И. А. Экспериментальное изучение категории русский коммуникативный идеал // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 53–55.
13. Шаховский В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации. Волгоград: ВГПИ, 1998. № 2. С. 43–47.
14. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Новосибирск, НГУ, 2005. С. 66–78.
15. Белоглазова Е. В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия СПбУЭФ. 2009. № 3. С. 66–71.
16. Тхорик В. И. Языковая личность: лингвокультурологический аспект. Краснодар, 2000. 304 с.
17. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
18. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность; проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. С. 3–18.
19. Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования. СПб.: Проблемы прикладной лингвистики, 2001. 209 с.
20. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Художественная литература, 1961. 223 с.

References

1. Bogin G. I. *Obreteniye sposobnosti ponimat'*: vvedeniye v filologicheskuyu hermenevtiku [Gaining the ability to understand: introduction to philological hermeneutics]. Moscow, Psychology and Business Online Publ., 2001. 516 p. (in Russian).
2. Ivantsova E. V. O termine “yazykovaya lichnost’”: istoki, problemy, perspektivy ispol’zovaniya [About the term “linguistic personality”: origins, problems, prospects for use]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2010, no. 4 (12), pp. 24–32 (in Russian).
3. Vorkachev S. G. *Lingvokul’turologiya, yazykovaya lichnost’, kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2001, no. 1, pp. 64–72 (in Russian).

4. Asratyan Z. D. Yazykovaya lichnost' obraza avtora v khudozhestvennom diskurse [Linguistic personality of the image of the author in artistic discourse]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Zhurnal fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy – Humanitarian research. Journal of Basic and Applied Research*, 2016, no. 2 (58), pp. 76–80 (in Russian).
5. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p. (in Russian).
6. Kochnova K. A. Yazykovaya kartina mira pisatelya: aspekty i metody issledovaniya [The writer's linguistic picture of the world: aspects and research methods]. *Vestnik VSU*, 2015, no. 3, pp. 53–56 (in Russian).
7. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
8. Dyck T. A. van. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya: perevod s angliyskogo* [Language. Cognition. Communication: translation from English]. Moscow, Progress Publ., 1989. 310 p. (in Russian).
9. Vokhrysheva E. V. *Kommunikativnyye strategii dialogicheskogo vzaimodeystviya v novoangliyskom yazyke*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Communicative strategies of dialogic interaction in the New English language. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2001. 26 p. (in Russian).
10. Foucault M. *Arkhologiiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Saint Petersburg, IC “Humanitarian Academy” Publ., 2004. 416 p. (in Russian).
11. Kubryakova E. S., Aleksandrova O. V. *Vidy prostranstva, teksta i diskursa* [Types of space, text and discourse]. Moscow, Dialog: Moscow State University Publ., 1997. Pp. 19–20 (in Russian).
12. Sternin I. A. Eksperimental'noye izucheniye kategorii russkiy kommunikativnyy ideal [Experimental study of the category of Russian communicative ideal]. *Mir russkogo slova – World of Russian Word*, 2003, no. 2, pp. 53–55 (in Russian).
13. Shakhovskiy V. I. *Yazykovaya lichnost' v emotsional'noy kommunikativnoy situatsii* [Language personality in an emotional communicative situation]. Volgograd, 1998. no. 2. Pp. 43–47 (in Russian).
14. Revzina O. G. Diskurs i diskursivnyye formatsii [Discourse and discursive formations]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. Novosibirsk, NSU Publ., 2005. Pp. 66–78 (in Russian).
15. Beloglazova E. V. Polidiskursnost' kak osobyi issledovatel'skiy fokus [Polydiscourse as a special research focus]. *Izvestiya SPbUEF*, 2009, no. 3, pp. 66–71 (in Russian).
16. Tkhorik V. I. *Yazykovaya lichnost': lingvokul'turologicheskiy aspekt* [Language personality: Linguistic and cultural aspect]. Krasnodar, 2000. 304 p. (in Russian).
17. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 288 p. (in Russian).
18. Karasik V. I. Kharakteristiki pedagogicheskogo diskursa [Characteristics of pedagogical discourse]. *Yazykovaya lichnost'; problemy lingvokul'turologii: nauchnyye trudy* [Language personality; Problems of linguoculturology and functional semantics: scientific works]. Volgograd, Peremena Publ., 1999. Pp. 3–18 (in Russian).
19. Pirogova Yu. K. *Implitsitnaya informatsiya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeystviya i manipulirovaniya* [Implicit information as a means of communicative influence and manipulation]. Saint Petersburg, Problemy prikladnoy lingvistiki Publ., 2001. 209 p. (in Russian).
20. Mayakovskiy V. V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 tomakh* [Complete works: in 13 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1961. 223 p. (in Russian).

Информация об авторе

Халатян А. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: alisahalatyan@ro.ru

Information about the author

Khalatyan A. A., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: alisahalatyan@ro.ru

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 25.03.2024; accepted for publication 24.05.2024

УДК 811.581.11
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-24-32>

О комплементе степени 可以 kěyǐ в современном китайском языке

Нина Георгиевна Кузнецова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetcova.ng@dvfu.ru

Аннотация

Статья посвящена использованию слова 可以 kěyǐ на позиции комплементарности в предикативно-результативной структуре составного типа в современном китайском языке (СКЯ). Изучение российскими лингвистами комплементарности в составе китайского предложения активизировалось в последние годы, и в связи с повышением интереса к китайскому языку среди все большего количества людей необходимым является анализ современного состояния языка и происходящих в нем изменений. Использование слова 可以 kěyǐ на позиции комплементарности является относительно новым явлением, данная статья представляет определенный интерес не только для теоретического понимания использования данного слова на позиции комплементарности и развития российских лингвистических исследований в данной области, но и для практического применения теми, кто изучает китайский язык углубленно и заинтересован в понимании тонкостей использования различных слов. Особенно в свете того, что подобных работ нет в русскоязычном научном сообществе и мы первыми анализируем особенности его использования путем разбора словарных значений. Разбор словарного значения данной лексической единицы проводится на основании анализа различий использования 可以 kěyǐ как на позиции комплементарности, так и в составе комплементарности, данная лексическая единица на позиции комплементарности рассматривается с точки зрения его структурных особенностей и семантического указания. Для этого анализируются не только словарные значения, использованные в двух приведенных в работе словарях, но и сопутствующие им примеры. Путем метода дефиниционного анализа и метода сплошной выборки из базы корпусов BLCU Corpus Center (BLCU 语料库 yǔliào kù) анализируется использование данного комплементарности с различными лексическими единицами в составе предикативно-результативной структуры, на основании чего выделяются наиболее часто используемые на позиции сказуемого прилагательные и (в меньшей степени) глаголы, дается характеристика тем значениям, которые несут данные лексические единицы, и со словами с какой коннотацией чаще всего может быть использован комплементарности 可以 kěyǐ. На примерах демонстрируется, какие особенности приобретают лексические единицы с нейтральной и положительной коннотациями в составе конструкции с комплементарности 可以 kěyǐ, на основании чего делается заключение о коннотации этого комплементарности степени. В ходе рассмотрения примеров использования комплементарности степени 可以 kěyǐ и на основании заключений, подкрепленных исследованиями комплементарности степени в СКЯ, проведенных китайскими лингвистами, делается предположение о возможном развитии словарного значения слова 可以 kěyǐ в обозначение степени, произошедшем ввиду редуцирования комплементарности состояния в ходе естественного развития языка.

Ключевые слова: *китайский язык, синтаксис китайского языка, комплементарность, комплементарность степени, комплементарность состояния*

Для цитирования: Кузнецова Н. Г. О комплементе степени 可以 kěyǐ в современном китайском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 24–32. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-24-32>

On the complement of the degree 可以 kěyǐ in modern Chinese

Nina G. Kuznetsova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, kuznetcova.ng@dvfu.ru

Abstract

The article is devoted to the use of the word 可以 kěyǐ in the position of the degree complement in the compound type predicate-resultative structure in the modern Chinese language. The study by Russian linguists of complement as part of the Chinese sentence has intensified in recent years, and due to the increasing interest in the Chinese language among more and more people, it is necessary to analyze the current state of the language and the changes occurring in it. The use of the word 可以 kěyǐ as the degree complement is a relatively new phenomenon; this article is of particular interest not only for the theoretical understanding of the use of this word in the position of the degree complement and the development of Russian linguistic research in this area, but also for practical application by those

who study Chinese language at an in-depth level and wants to understand the subtleties of using different words. Especially in light of the fact that there are no similar works in the Russian-speaking scientific community, and we are the first to analyze the features of its use by analyzing dictionary meanings. The analysis of the dictionary meaning of this lexical unit is carried out on the basis of an analysis of the differences in the use of 可以 kěyǐ both in the position of the degree complement and as part of the state complement; this lexical unit in the position of the complement is considered from the point of view of its structural features and semantic indication. To do this, we analyze not only the dictionary meanings used in the two dictionaries given in the work, but also the accompanying examples. We are using the definitional method and the method of continuous sampling from the BLCU Corpus Center (BBC 语料库 yǔliàokù) corpus database, analyze the use of this complement with various lexical units as part of the predicative-resultative structure, on the basis of which the most frequently used adjectives in the predicate position and verbs are identified. We provide the description of the meanings that these lexical units carry, and with words with what connotation the complement of the degree 可以 kěyǐ can be used most often. The examples demonstrate what features lexical units with neutral and positive connotations acquire as part of a construction with the degree complement 可以 kěyǐ, on the basis of which we made a conclusion about the connotation of this degree complement. In the course of considering examples of the use of the degree complement 可以 kěyǐ and on the basis of conclusions supported by studies of the degree complement in Chinese language conducted by Chinese linguists, the author makes an assumption about the possible development of the dictionary meaning of the word 可以 kěyǐ into a designation of degree, which occurred due to the reduction of the state complement during the natural development of the language.

Keywords: Chinese language, Chinese language syntax, complement, degree complement, state complement

For citation: O komplemente stepeni 可以 kěyǐ v sovremennom kitayskom yazyke [On the complement of the degree 可以 kěyǐ in modern Chinese]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 24–32 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-24-32>

Введение

Китайский термин 补语 bǔyǔ, который трактуется российскими лингвистами либо как комплемент [1, с. 501], либо как дополнительный элемент (ДЭ) [2, с. 477; 3, с. 169], является второстепенным членом предложения китайского языка (КЯ), стоящим в постпозиции к сказуемому и по структурным свойствам близким к дополнению, тем не менее расходясь с ним в семантических характеристиках, по которым он близок или идентичен обстоятельству, обозначающему признак действия [4, с. 141]. Помимо принятых выше обозначений, слова, стоящие на позиции комплементов, могут определяться как результативные второстепенные предикаты [5, с. 84]. Комплемент играет важную роль в формировании сказуемого, при этом классифицируется не только по синтаксическому, но и по семантическому признаку, имея самые разные семантические наполнения и подразделяясь на комплемент результата, состояния, возможности, степени, направления, а также длительности и кратности [6, с. 13–15; 7, с. 329]. Син Фуи [8, с. 153, 160] также подразделяет вышеперечисленные комплементы на два семантических типа: относительные комплементы и комплементы предметного типа.

В российском лингвистическом сообществе последние годы появляется интерес не только к изучению феномена bǔyǔ в китайском языке и попыткам найти адекватную китайскому термину интерпретацию в русском языке, но и к анализу отдельно взятых классов комплементов. Изучение примеров использования конкретных слов на позиции комплементов степени представляется актуальным для раз-

вития теоретической основы изучения языка и совершенствования его с точки зрения практического применения. В китайских трудах, посвященных комплементу степени, достаточно подробно разбирается функция данного члена предложения с указанием различных слов, способных выступать на этой позиции. Тем не менее российскими лингвистами на данный момент не рассматривались случаи употребления отдельно взятого слова с анализом его использования в структуре предложения, источниками и этапами его формирования с целью употребления на позиции комплементов степени. Несмотря на малое количество примеров использования 可以 kěyǐ на позиции комплементов степени, некоторые семантические особенности данного слова представляются интересными к изучению. Тем самым проведенное исследование может найти дальнейшее применение в лексикографии, лексикологии, а также в изучении синтаксиса и морфологии КЯ.

Комплемент степени, выраженный словом 可以 kěyǐ ‘чересчур’, входит в категорию комплементов составного типа, формирующих конструкцию со сказуемым посредством использования между ними маркера комплементов 得 de или маркера комплементов 到 dào. Е. Н. Емельченкова [9, с. 311] отмечает, что перевод термина 述补结构 shù bǔ jiégòu как ‘предиктивно-результативной конструкции’ нельзя считать удачным, поскольку компонент 补 bǔ охватывает не только элементы, называющие результат, но и элементы иной семантики, однако в силу распространенности в отечественной синологической литературе именно этого варианта мы продолжаем следовать общепринятой версии перевода.

Материал и методы

Материалом для исследования словарного значения слова 可以 kěyǐ послужили два словаря: 现代汉语规范词典 xiàndài hànyǔ guīfān cídiǎn «Стандартизированный словарь СКЯ» и 现代汉语词典 xiàndài hànyǔ cídiǎn «Словарь СКЯ» под редакцией Ли Синцзяня [10, с. 744] и Люй Шусяня [11, с. 714] соответственно, а также база корпусов BLCU Corpus Center (BBC 语料库 yǔliàokù). В статье для раскрытия семантики слова используется дефиниционный анализ. Кроме того, на основе метода сплошной выборки из базы корпусов были:

– взяты примеры использования слова 可以 kěyǐ ‘чересчур’ на позиции комплементарности в составе предложения;

– на основании представленных примеров составлена таблица использования комплементарности с различными прилагательными и глаголами, стоящими на позиции сказуемого;

– на основе значений и коннотаций этих слов проанализировано функционирование слова 可以 kěyǐ в структуре предложения, присущие ему семантические характеристики, которыми он наделяет сказуемое, занимая позицию комплементарности.

Помимо метода дефиниционного анализа и метода сплошной выборки, в заключительной части статьи используется прием реконструкции (восстановления полной структуры высказывания) и редуцирования для практического подтверждения тезиса о развитии слова 可以 kěyǐ из комплементарности в комплементарность.

Результаты и обсуждение

Обратимся к словарным значениям 可以 kěyǐ (табл. 1).

Из указанных в табл. 1 словарных значений слова 可以 kěyǐ можно увидеть, что основные значения, представленные в двух разных словарях, от-

Таблица 1

Словарные значения слова 可以 kěyǐ

	Словарное значение слова	Пример
现代汉语词典 xiàndài hànyǔ cídiǎn «Словарь СКЯ»	1) 表示可能或能够 biǎoshì kěnéng huò nénggòu ‘Выражает возможность или способность’	用心去学, 是可以学会的 yòngxīn qù xué, shì kěyǐ xuéhuì de ‘Если усердно учиться, можно выучить’
	2) 表示许可 biǎoshì xǔkě ‘Выражает разрешение’	你可以走了 nǐ kěyǐ zǒule ‘Ты можешь идти’
	3) 好, 不坏 hǎo, bù huài ‘Хорошо, неплохо’	这篇文章写得还可以 zhè piān wéncáng xiě de hái kěyǐ ‘Эта статья написана довольно неплохо’
	4) 厉害 lìhài ‘Сильно, чересчур’	今天天气实在热得可以 tiānqì shízài rè de kěyǐ ‘Сегодня действительно чересчур жарко’
现代汉语规范词典 xiàndài hànyǔ guīfān cídiǎn «Стандартный словарь СКЯ»	1) (动) 提出一种可能的选择 tíchū yī zhǒng kěnéng de xuǎnzé (гл.) ‘Предлагает возможную альтернативу’	甲公司进不去, 乙公司可以进 jiǎ gōngsī jìn bù qù, yǐ gōngsī jìn yǐ gōngsī ‘Если компания А не может зайти, компания В сможет’
	2) (动) 能够 nénggòu (гл.) ‘Быть возможным’	玉米秸秆可以做饲料 yùmǐ jiēgǎn kěyǐ zuò sīliào ‘Стебли кукурузы могут использоваться в качестве корма’
	3) (动) 条件, 环境, 情理上许可 tiáojiàn, huánjìng, qínglǐ shàng xǔkě (гл.) ‘Разрешено сделать согласно условиям, обстановке, ситуации’	谁都可以提出意见 shéi dōu kěyǐ tíchū yìjiàn ‘Кто угодно может высказать предложение’
	4) (动) 值得 zhíde (гл.) ‘Стоит того, чтобы’	这个电视剧可以看看 zhège diànshìjù kěyǐ kàn kàn ‘Этот сериал стоит посмотреть’
	5) (形) (算) 不错, 勉强过得去 (前面常加还) (suàn) búcuò, miǎnqiǎng guòdeqù (qiánmiàn cháng jiā hái) (прил.) ‘Неплохо, сносно (часто впереди добавляется слово «довольно»)’	他普通话说得还可以 tā pǔtōnghuà shuō de hái kěyǐ ‘Он довольно неплохо говорит по-китайски’
	6) (形) 表示在程度上超出想象 (前面常加真) biǎoshì zài chéngdù shàng chāochū xiǎngxiàng (qiánmiàn cháng jiā zhēn) (прил.) ‘Указывает, что степень превосходит воображение (часто впереди добавляется слово «действительно»)’	饭量真大得可以 fànliàng zhēn dà de kěyǐ ‘Аппетит действительно очень большой’

личаются формулировками, но, по сути, одинаково интерпретируются в составе предложения. Обратим внимание на примеры предикативно-результативных конструкций с маркером комплемента 得 *de*, представленные в двух вариантах в каждом словаре:

(1) 这篇文章写得还可以

zhè piān wénzhāng xiě de hái kěyǐ

‘Эта статья написана довольно неплохо’;

(2) 他普通话说得还可以

tā pǔtōnghuà shuō de hái kěyǐ

‘Он довольно неплохо говорит по-китайски’;

(3) 今天天气实在热得可以

tiānqì shízài rè de kěyǐ

‘Сегодня действительно чересчур жарко’;

(4) 饭量真大得可以

fànliàng zhēn dà de kěyǐ

‘Аппетит действительно чересчур большой’.

В первых двух случаях использования в предикативно-результативной конструкции 可以 *kěyǐ* выполняет роль комплемента состояния: перед комплементом степени нельзя поставить наречие степени 还 *hái* ‘все-таки/довольно’, а в структуре предложения комплемент состояния (还) 可以 (*hái*) *kěyǐ* ‘довольно неплохо’ семантически указывает на подлежащее. Тем самым эти предложения можно сократить до следующих вариантов без потери в смысле:

(5) 这篇文章还可以

zhè piān wénzhāng hái kěyǐ

‘Эта статья довольно неплохая’;

(6) 他普通话还可以

tā pǔtōnghuà hái kěyǐ

‘Китайский у него довольно неплохой’.

В предложениях (3) и (4) 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’ является комплементом степени: семантически он указывает на сказуемое, которому в предложении с комплементом степени часто предшествует аффективное наречие (в примерах: 实在 *shízài* ‘по-настоящему’ и 真 *zhēn* ‘действительно’). Сказуемое в данных предложениях невозможно убрать без потери смысла.

Например, предложение, подобное представленному выше, без сказуемого будет переводиться следующим образом:

* (7) 饭量真可以

fànliàng zhēn kěyǐ

‘Аппетит действительно сойдет’.

Из чего мы можем сделать вывод, что предикативно-результативная конструкция с комплементом степени является важнейшей в структуре предложения и не может быть сокращена до одного из используемых в ней элементов без потери смысла.

В контексте разбора словарных значений слова 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’ следует отметить, что, по мнению китайских лингвистов, такие слова, выполня-

ющие роль комплементов, как 要命 *yàomìng* ‘крайне невыносимо’, 要死 *yàosǐ* ‘невыносимо/до смерти’, 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, 不行 *bùxíng* ‘чрезвычайно’ и пр. можно выделить в отдельную категорию комплементов, не несущих значения степени, но приобретающих его в составе предикативно-результативной конструкции [12, с. 5].

В данной работе для анализа использования комплемента, выраженного словом 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, используются примеры из базы корпусов BLCU Corpus Center (BBC 语料库 *yǔliàokù*). По результатам, полученным в ходе работы над корпусом, составлена таблица использования комплемента, выраженного словом 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, с определенными лексическими единицами и указанием на количество найденных примеров, на основании которой анализируется использование данного слова на позиции комплемента (табл. 2).

В первую очередь, исходя из полученных данных, следует обратить внимание на то, что комплемент, выраженный словом 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, на данном этапе развития языка является одним из менее употребляемых в сравнении с другими комплементами степени, выраженными такими словами, как 要命 *yàomìng* ‘крайне невыносимо’, 要死 *yàosǐ* ‘невыносимо/до смерти’, 不行 *bùxíng* ‘чрезвычайно’ и пр., на что указывает недостаточное количество примеров в базе корпусов по сравнению с примерами использования других слов. На это также указывает то, что, по мнению китайских лингвистов [13, с. 23], слово 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’ приобретает значение степени только в современном китайском языке и является сравнительно новым для употребления.

Обратимся к табл. 2, в которой самыми часто употребляемыми с комплементом степени, выраженным словом 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, являются лексические единицы со следующими значениями:

– глупый, бестолковый, неуклюжий, всего 18 примеров из представленных 64: 蠢 *chǔn*, 笨拙 *bènzhuō*, 笨 *bèn*, 傻 *shǎ*, 笨重 *bènzòng*, 糊涂 *hútú*, а также 3 примера использования с прилагательными со значением ‘наивный’ 幼稚 *yòuzhì* и 稚拙 *zhìzhuō*.

14 лексических единиц (л.е.) с нейтральным (4 л.е.), негативным (6 л.е.) и позитивным (4 л.е.) значением, указывающих на духовные или физические качества человека, такие как:

– нейтральное значение: 自信 *zìxìn* ‘уверенный’, 孤独 *gūdú* ‘одинокий’, 聋 *lóng* ‘глухой’, 哀伤 *āishāng* ‘грустный’;

– позитивное значение: 勤快 *qínkuài* ‘прилежный’, 伟大 *wěidà* ‘великий’, 壮实 *zhuàngshí* ‘крепкий’, 健壮 *jiànzhàng* ‘крепкий’;

– негативное значение: 蛮横 *mánhèng* ‘высокомерный’, 自大 *zìdà* ‘высокомерный’, 偏执 *piānzhi* ‘предвзятый’, 疯 *fēng* ‘сумасшедший’, 激烈 *jīliè* ‘беспокойный’, 淘气 *táoqì* ‘избалованный’.

Использование комплементария, выраженного словом 可以 kěyǐ ‘чересчур’,
с определенными лексическими единицами

Лексическая единица	Количество	Лексическая единица	Количество	Лексическая единица	Количество	Лексическая единица	Количество
傻 shǎ ‘глупый’	5	蠢 chǔn ‘глупый’	4	笨 bèn ‘глупый’	4	笨拙 bènzhuō ‘глупый’	2
笨重 bènzhòng ‘тяжелый’	1	糊涂 hútú ‘бестолковый’	2	幼稚 yòuzhì ‘наивный’	2	稚拙 zhìzhuō ‘наивный’	1
自信 zìxìn ‘уверенный’	2	孤独 gūdú ‘одинокый’	1	聋 lóng ‘глухой’	1	哀伤 āishāng ‘грустный’	1
勤快 qínkuài ‘прилежный’	1	伟大 wěidà ‘великий’	1	壮实 zhuàngshí ‘крепкий’	1	健壮 jiànzhàng ‘крепкий’	1
淘气 táoqì ‘избалованный’	2	自大 zìdà ‘высокомерный’	1	疯 fēng ‘сумасшедший’	1	丑 chǒu ‘страшный’	2
激烈 jīliè ‘беспокойный’	1	蛮横 mánhèng ‘высокомерный’	1	偏执 piānzhi ‘предвзятый’	1	贵 guì ‘дорогой’	2
美国 měiguó ‘Америка’	1	乱 luàn ‘сумбурный’	1	闲 xián ‘праздный’	1	静 jìng ‘тихий’	1
远 yuǎn ‘далекий’	1	渴 kě ‘испытывать жажду’	1	多 duō ‘много’	1	旧 jiù ‘старый’	1
亮 liàng ‘яркий’	1	难吃 nánchī ‘невкусный’	1	无聊 wúliáo ‘скучный’	1	毒 dú ‘ядовитый’	1
吵闹 chǎonào ‘шумный’	1	热闹 rènao ‘оживленный’	1	大 dà ‘большой’	1	轻松 qīngsōng ‘легкий’	1
差 chā ‘не хватать’	1	黑 hēi ‘черный’	1	热 rè ‘жаркий’	1	忠诚 zhōngchéng ‘честный’	1
重 zhòng ‘тяжелый’	1	冷 lěng ‘холодный’	1	老实 lǎoshí ‘честный’	1	纯洁 chúnjié ‘чистый’	1
诚实 chéngshí ‘честный’	1	白 bái ‘белый’	1	慢 màn ‘медленный’	1	饿 è ‘испытывать голод’	1

А также 3 л.е. со значением ‘честный’: 老实 *lǎoshí*, 诚实 *chéngshí*, 忠诚 *zhōngchéng*.

Также представлены по 2 примера использования с такими лексическими единицами, как: 丑 *chǒu* ‘страшный’ и 贵 *guì* ‘дорогой’.

Все остальные примеры использования лексических единиц со значением физического или физиологического состояния (или глаголы «мысли и чувства» [14, с. 188]), а также качества являются единично встречающимися, и некоторые особенности их использования будут рассмотрены далее.

Во-первых, следует отметить, что, исходя из контекста предложений с комплементом степени, выраженным 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, многие представленные

лексические единицы с изначально нейтральным значением приобретают негативную коннотацию:

(8) 的确北京各景点的门票都贵得可以. 我们一家单在北京几天的买门票钱就花去近千元

Díquè běijīng gè jǐngdiǎn de ménpiào dōu guì de kěyǐ. Wǒmen yījiā dān zài běijīng jǐ tiān de mǎi ménpiào qián jiù huā qù jìn qiān yuán

‘И вправду, билеты на различные достопримечательности в Пекине чересчур дорогие. Наша семья потратила почти тысячу юаней на билеты всего за несколько дней в Пекине’;

(9) 天真热得可以

Tiān zhēn rè de kěyǐ

‘Сегодня чересчур жарко’.

Во-вторых, лексические единицы с изначально позитивным значением в составе предложения с комплементом степени, выраженным 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, приобретают оттенок иронии или насмешки, о чем также заявляют в своих исследованиях китайские лингвисты [15, с. 173; 16, с. 16]:

(10) 老实得可以

Lǎoshí de kěyǐ

‘Чересчур честный’;

(11) 你实在诚实得可以

Nǐ shízài chéngshí de kěyǐ

‘Ты действительно чересчур честный’.

Лексические единицы с негативным значением в составе предикативно-результативной конструкции с комплементом степени, выраженным 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, приобретают лишь значение степени:

(12) 房间里四个人有三个人在哭, 真是乱得可以

Fángjiān lǐ sì gèrén yǒusān gèrén zài kū, zhēnshì luàn de kěyǐ

‘Трое из четырех человек в комнате плакали, было чересчур громко’;

(13) 她一定觉得我这人傻得可以

Tā yīdìng juéde wǒ zhè rén shǎ de kěyǐ

‘Она определенно думает, что я чересчур туп’.

Тем самым использованный в предложении комплемент степени, выраженный словом 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, влияет на коннотацию слова, стоящего на позиции сказуемого, следующим образом:

1) лексические единицы с негативным значением приобретают более выраженный оттенок степени;

2) лексические единицы с нейтральным значением приобретают негативную коннотацию;

3) лексические единицы с положительным значением приобретают оттенок иронии и насмешки.

Кроме того, количество примеров использования комплемента степени, выраженного 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, со сказуемыми с негативным значением составляет подавляющее большинство, тем самым следует указать на важность того, что, хотя 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’ и может использоваться с лексическими единицами, имеющими нейтральное или положительное значение, тем не менее данный комплемент степени в структуре предложения более склонен использоваться с лексическими единицами с негативным значением, что подтверждается наличием многих примеров.

Исходя из вышеприведенной таблицы, может быть сделан вывод о том, что с комплементом степени, выраженным 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, на позиции сказуемого, за исключением немногочисленного ряда глаголов, среди которых: 饿 *è* ‘испытывать голод’ и 渴 *kě* ‘испытывать жажду’, 差 *chà* ‘не хватать’, используются прилагательные. Этот вывод также подтверждается в исследовании Цай Ли [17, с. 102].

Помимо прочего, также следует обратить внимание на единичный пример использования ком-

племента степени, выраженного 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, с существительным 美国 *měiguó* ‘Америка’:

(14) 买点纪念品而还要考较用处, 此君真美国得可以

Mǎidiǎn jìniànpǐn ér hái yào kǎo jiào yòngchù, cǐjūn zhēn měiguó de kěyǐ

‘При покупке сувениров еще и задумывается об их пользе, этот парень чересчур американец’.

В этом случае на примере использования комплемента, выраженного 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, с существительным на позиции сказуемого можно высказать предположение о сближении по смыслу подобной предикативно-результативной структуры составного типа с популярным выражением разговорной речи китайского языка: 这很 + сущ. *zhè hěn* + сущ. ‘это очень...’, которое указывает на какой-то явный признак, который есть у упомянутого субъекта, например, мы можем продолжить эту фразу, сказав:

(15) 这很美国

zhè hěn měiguó

‘Это очень по-американски’,

что сопоставимо со смыслом высказывания, предложенным в примере (14).

Китайскими лингвистами [16, с. 30] в недавних исследованиях комплемента степени упоминается ряд существительных, помимо существительного 美国 *měiguó* ‘Америка’: 宝贝 *bǎobèi* ‘сокровище’, 财迷 *cáimí* ‘скупец’, 英雄 *yīngxióng* ‘герой’, 大男人 *dà nánrén* ‘настоящий мужчина’.

Использование комплемента степени с существительным, занимающим позицию сказуемого, не является нормой для китайского языка, на данном этапе это скорее исключение, как таковая редко употребляемая форма конструкции 这很 + сущ... *zhè hěn*... ‘это очень... + сущ.’.

Стоит также упомянуть, что в конструкции с комплементом степени, выраженным 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, перед сказуемым, выраженным прилагательным, глаголом или существительным, часто встречается использование аффективных наречий 实在 *shízài*, 真 *zhēn*, 真是 *zhēnshì* ‘действительно’ и 简直 *jiǎnzhí* ‘просто-напросто’, чаще, чем с другими словами, выступающими в роли комплемента степени.

Помимо традиционно используемого в конструкциях составного типа маркера комплемента 得 *de*, с комплементом степени, выраженным 可以 *kěyǐ* ‘чересчур’, также используется маркер комплемента 到 *dao*, примеры использования которого можно найти со многими словами, выступающими в качестве комплементов и входящими в конструкцию составного типа. Приведем пример:

(16) 真是笨到可以

zhēnshì bèndào kěyǐ

‘действительно чересчур глуп’;

Многие примеры использования слова 可以 kěyǐ ‘чересчур’ на позиции комплемента в предикативно-результативной конструкции составного типа при тщательном рассмотрении оказываются примерами использования комплемента состояния, а не степени, например:

(17) 高铁只需三个多小时, 车厢内安静得可以打开电脑办公

Gāotiě zhǐ xū sān gè duō xiǎoshí, chēxiāng nèi ānjìng de kěyǐ dǎkāi diànnǎo bàngōng

‘Скоростной поезд идет чуть больше трех часов, а в салоне настолько тихо, что можно включить компьютер и поработать’.

В подобных предложениях 可以 kěyǐ, входя в состав комплемента состояния, по своему словарному значению является модальным глаголом, выражающим возможность или способность. Китайские лингвисты [16, с. 5] указывают на то, что комплемент степени в структуре предложения берет свое начало от комплемента результата и развивается в комплемент степени. Вероятно, подобное заключение справедливо и в отношении комплемента степени, выраженного 可以 kěyǐ ‘чересчур’, но в данном случае источником для формирования новой функции данной лексической единицы служит не комплемент результата, а комплемент состояния.

В завершение следует также упомянуть исследования, представляющие практическую ценность с точки зрения анализа того, откуда слово 可以 kěyǐ ‘чересчур’ приобретает значение степени. В 2009 г. Чжу Цзюнь и Вэй Хун [13, с. 23] при рассмотрении конструкции 形容词 + 得 + 可以 *xíngróngcí + de + kěyǐ* ‘прилагательное + маркер комплемента *de* + комплемент степени *kěyǐ*’ предполагают, что данная конструкция происходит из конструкции 形容词 + 得 + 可以 + ... *xíngróngcí + de + kěyǐ + ...* ‘прилагательное + маркер комплемента *de* + можно + ...’, в которой 可以 kěyǐ играет роль модального глагола, при котором комплемент является не комплементом степени, а комплементом состояния, выражающим предпологаемо утрированное или гиперболизированное состояние.

Например, в предложении:

(18) 家里礼品多得可以

Jiālǐ lǐpǐn duō de kěyǐ

‘Дома чересчур много подарков’.

По мнению китайских авторов, слово 可以 kěyǐ является формой комплемента, в составе которого опущен последующий элемент, это слово формально заменяет целое словосочетание 可以开个礼品店 *kěyǐ kāi gè lǐpǐn diàn* ‘можно открыть магазин’:

(19) 家里礼品多得可以开个礼品店

Jiālǐ lǐpǐn duō de kěyǐ kāi gè lǐpǐn diàn

‘Дома так много подарков, что можно открыть магазин’.

Тем самым 可以 kěyǐ переходит из слова, используемого в составе комплемента состояния, в самостоятельно используемый комплемент степени. Возьмем в качестве еще одного примера следующее предложение с комплементом состояния:

(20) 实在无聊得可以入睡

Shízài wúliáo de kěyǐ rùshuì

‘Действительно так скучно, что можно заснуть’.

И редуцируем следующую за модальным глаголом 可以 kěyǐ ‘можно’ часть, чтобы получился комплемент степени:

(21) 实在无聊得可以

Shízài wúliáo de kěyǐ

‘Действительно чересчур скучно’.

Таким образом, мы доказываем, что подобная процедура изменения предложения может быть проведена как с целью редуцирования следующей за 可以 kěyǐ частью, так и с целью восстановления недостающей по смыслу части предложения.

Заключение

Слово 可以 kěyǐ, традиционно употребляемое с целью указания на возможность, способность или разрешение к совершению действия и стоящее на позиции модального глагола, в современном китайском языке приобретает новое значение ‘чересчур’, и с таким новым значением слово выступает как комплемент степени, структурно становясь на новую для себя позицию в составе предложения.

Исходя из того, что теория, предложенная в статье и подтвержденная данными, представленными китайскими лингвистами, доказывает свою практическую эффективность при изменении предложения как в сторону структуры с комплементом степени, так и в сторону структуры с комплементом состояния, можно предположить, что новое словарное значение как слова, указывающего на степень, 可以 kěyǐ ‘чересчур’ получило в ходе естественного развития китайского языка и редуцирования следующей за модальным глаголом 可以 kěyǐ ‘можно’ части, что и привело к появлению у слова 可以 kěyǐ нового значения степени, позволившего ему употребляться в функции комплемента степени.

Кроме того, на основании приведенной таблицы значений слов, используемых на позиции сказуемых, мы можем сделать вывод о возможности слова 可以 kěyǐ сочетаться не только с глаголами и прилагательными, но и в перспективе с существительным, тем самым сближаясь с другой важной конструкцией, используемой в разговорной речи китайского языка, 这很 + сущ... *zhè hěn...* ‘это очень... + сущ.’.

Заключение о семантическом наполнении, которым слово 可以 kěyǐ наделяет стоящие перед ним слова на позиции сказуемого с изначально положительным, нейтральным или негативным значени-

ем, дает лучшее понимание функционирования данного слова в составе предложения и помогает подобрать подходящую интерпретацию.

На основании проведенного исследования мы делаем вывод не только о дальнейшем развитии

значений слова 可以 *kěyǐ*, которое подтверждается вышеприведенными примерами, но и о том, какой путь в своем развитии проходит данное слово и что является основным источником для приобретения нового словарного значения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Котельникова Н. Н. Комплемент оценки (情态补语) как синтаксическая категория современного китайского языка: лингводидактический аспект // Казанский лингвистический журнал. 2022. № 4. С. 498–511.
2. Ивченко Т. В. Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах. М.: АСТ, 2021. 736 с.
3. Емельченкова Е. Н. Проблемные аспекты теории членов предложения в китайском языке (на примере дополнительного элемента) // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2022. С. 163–171.
4. Шутова Е. И. Синтаксис современного китайского языка. М.: Наука, 1991. 391 с.
5. Невская И. А. Результативные второстепенные предикаты в тюркских языках // Сибирский филологический журнал, 2015. № 2. С. 84–94.
6. 陆俭明. 述补结构的复杂性 // 语言教学与研究, 1990. 第1期. 第13–20页 [Лу Цзяньмин. Комплексность предикативно-результативных словосочетаний // Юйянь цзяосюэ ю яньцзю, 1990. № 1. С. 13–20] (на кит. яз.).
7. 刘月华. 实用现代汉语语法. 北京: 外语教学与研究出版社, 1983. 628页 [Лю Юэгуа. Практическая грамматика современного китайского языка. Пекин: Вайюй цзяосюэ ю яньцзю чубаньшэ, 1983. 628 с.] (на кит. яз.).
8. Син Фуи. Грамматика китайского языка. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. 764 с.
9. Емельченкова Е. Н. Эволюция представлений китайских лингвистов о дополнительном элементе (补语 bǔyǔ) в предложении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 307–331.
10. 李行健. 现代汉语规范词典. 北京: 外语教学与研究出版社, 语文出版社, 2004. 1758页 [Ли Синцзянь. Стандартизированный словарь современного китайского языка. Пекин: Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, издательство китайского языка, 2004. 1758 с.] (на кит. яз.).
11. 吕叔湘. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 1996年. 1722页 [Люй Шусян. Современный словарь китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 1996. 1722 с.] (на кит. яз.).
12. 张谊生. 程度副词充当补语的多维考察 // 世界汉语教学, 2000. 第2期. 第3–12页 [Чжан Ишэн. Всестороннее исследование наречий степени в качестве комплементов // Шицзе ханьюй цзяосюэ. 2000. № 2. С. 3–12] (на кит. яз.).
13. 朱军, 魏红. 固化式述程结构考察 // 雄楚师范学院学报, 2009. 第2期. 第18–24页 [Чжу Цзюнь, Вэй Хун. Исследование формализованной структуры предикат-степень // Сюнчу шифань сюэюань сюэбао. 2009. № 2. С. 18–24] (на кит. яз.).
14. Занина Е. Ю. Семантическая классификация глаголов современного китайского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. Вып. 2. С. 186–201.
15. Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei. Practical grammar of modern Chinese. Sentence constituents. London: Routledge, 2021. V. 3. 219 p.
16. 武钦青. 述补结构“V/A+得+程度补语”研究. 上海: 2012. 78页. [У Циньцин. Исследование предикативно-результативной структуры «V/A + маркер комплемента de + комплемент степени». Шанхай, 2012. 78 с.] (на кит. яз.).
17. 蔡丽. 程度范畴及其在补语系统中的句法实现. 广州: 2010. 229页 [Цай Ли. Категория степени и ее синтаксическая реализация в структуре предложения с комплементом. Гуанчжоу, 2010. 229 с.] (на кит. яз.).

References

1. Kotel'nikova N. N. Komplement otsenki (情态补语) kak sintaksicheskaya kategoriya sovremennogo kitayskogo yazyka: lingvodidakticheskiy aspekt [Assessment complement (情态补语) as a syntactic category of modern Chinese: linguo-didactic aspect]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal – Kazan linguistic journal*, 2022, no. 4, pp. 498–511 (in Russian).
2. Ivchenko T. V. *Kitayskiy yazyk. Polnaya grammatika v skhemakh i tablitsakh* [Chinese language. Full grammar in diagrams and tables]. Moscow, AST Publ., 2021. 736 p. (in Russian).
3. Emel'chenkova E. N. Problemnnyye aspekty teorii chlenov predlozheniya v kitayskom yazyke (na primere dopolnitel'nogo elementa) [Problematic aspects of the theory of sentence members in Chinese (on the example of an additional element)]. *Sinologiya v XXI v.: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Vypusk 2* [Sinology in the 21st century: materials of the international scientific conference. Vol. 2]. Ulan-Ude, Buryatskiy gosudarstvennyy universitet imeni Dorzhi Banzarova Publ., 2022. Pp. 163–171 (in Russian).
4. Shutova E. I. *Sintaksis sovremennogo kitayskogo yazyka* [The syntax of the modern Chinese language]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 391 p. (in Russian).
5. Nevskaya I. A. Rezul'tativnyye vtorstepennyye predikaty v tyurkskikh yazykakh [Resultant secondary predicate in Turkic languages]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 2, pp. 84–94 (in Russian).

6. Lu Jianming. Shubu jieyou de fuzaxing [The complexity of predicate-resultative structure]. *Yuyan jiaoxue yu yanjiu*, 1990, no. 1, pp. 13–20 (in Chinese).
7. Liu Yuehua. *Shiyong xiandai hanyu yufa* [Practical Modern Chinese Grammar]. Beijing, Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe Publ., 1983. 628 p. (in Chinese).
8. Xin Fuyi. *Grammatika kitayskogo yazyka* [Chinese grammar]. Saint Petersburg, St. Peterburg university Publ., 2019. 764 p. (in Russian).
9. Emel'chenkova E. N. Evolyutsiya predstavleniy kitayskikh lingvistov o dopolnitel'nom elemente (补语 bǔyǔ) v predlozhenii [Chinese linguists on the complement (补语 bǔyǔ) in the sentence views evolution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika – Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 307–331 (in Russian).
10. Li Xingjian. *Xiandai hanyu guifan cidian* [Modern Chinese standard dictionary]. Beijing, Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe, yuwen chubanshe Publ., 2004. 1758 p. (in Chinese).
11. Lu Shuxiang. *Xiandai hanyu cidian* [Modern Chinese Dictionary]. Beijing, Shangwu yinshuguan Publ., 1996. 1722 p. (in Chinese).
12. Zhang Yisheng. Chengdu fuci chongdang buyu de duowei kaocha [A Multidimensional research of adverbs of degree as complements]. *Shijie hanyu jiaoxue*, 2000, no. 2, pp. 3–12 (in Chinese).
13. Zhu Jun, Wei Hong. Guhuashi shucheng jieyou kaocha [On the formalized predicate-degree structure research]. *Xiongchu shifan xueyuan xuebao*, 2009, no. 2, pp. 18–24 (in Chinese).
14. Zanina E. Ju. Semanticheskaya klassifikatsiya glagolov sovremennogo kitayskogo yazyka [Semantic classification of verbs in modern Chinese]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika – Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2010, no. 2, pp. 186–201 (in Russian).
15. Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei. *Practical grammar of modern Chinese. Sentence constituents*. London, Routledge, 2021. Vol. 3. 219 p.
16. Wu Qinqing. *Shubu jieyou V/A + de + Chengdu buyu yanjiu* [On V/A+ complement marker de + degree complement research]. Shanghai, 2012. 78 p. (in Chinese).
17. Cai Li. *Chengdu fanchou ji qi zai buyu xitong zhong de jufa shixian* [Degree categories and their syntactic realization in complement systems]. Guangzhou, 2010. 229 p. (in Chinese).

Информация об авторе

Кузнецова Н. Г., старший преподаватель, аспирант, Дальневосточный федеральный университет (п. Аякс, 10, о. Русский, Владивосток, Россия, 690922).
E-mail: kuznetcova.ng@dvfu.ru

Information about the author

Kuznetsova N. G., Senior Lecturer, postgraduate student, Far Eastern Federal University (p. Ajax, 10, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, 690922).
E-mail: kuznetcova.ng@dvfu.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2023; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 14.12.2023; accepted for publication 24.05.2024

UDC 81

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-33-40>

Code-Switching and Code-Mixing as Indicators of Modern Persian Bilingual Communication

Andrey G. Fomin¹, Abdul Haq Haqiq²

^{1,2} *Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation*

¹ *andfomin67@mail.ru*

² *salehhaqiq@gmail.com*

Abstract

The article explores the phenomenon of code-switching and code-mixing between Persian (Afghanistan) and English. Code-switching refers to the phenomenon of switching between two or more languages within a single conversation, while code-mixing involves the blending of languages within a sentence or utterance. The study focuses on two specific communicative settings. One is informal spoken communication, the other is literature. To conduct the research, the data was collected from a group chat involving 30 students studying English Language and Literature at Balk University's Faculty of English in Afghanistan. The group was created to discuss academic and non-academic issues informally. The messages exchanged in this group chat serve as a case study for analyzing informal conversational communication. Additionally, the novels of Khaled Hosseini, an American author of Afghan origin who is fluent in both Persian (Afghanistan) and English, were chosen as examples of literature. Khaled Hosseini has gained international recognition for his writings. His works often explore themes of identity, family, love, loss, and the impact of political turmoil on individuals and society. The paper belongs to the specialty 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences). The main objective of the research is to identify the reasons and purposes behind code-switching and code-mixing in different communicative settings. By examining the patterns and contexts in which these language practices occur, the study aims to gain a deeper understanding of the motivations behind them. Overall, this research seeks to shed light on the phenomenon of code-switching and code-mixing between Persian (Afghanistan) and English by analyzing both informal spoken communication and literature, to unravel the reasons and purposes behind these language practices.

Keywords: *code-switching; code-mixing; multilingual communication; Persian linguaculture; communicative setting; bilingual environment*

For citation: Andrey G. Fomin, Abdul Haq Haqiq *Code-Switching and Code-Mixing as Indicators of Modern Persian Bilingual Communication. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2024, vol. 4 (234), pp. 33–40. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-33-40>*

Переключение и смешение кодов как показатели современной двуязычной персидской коммуникации

Андрей Геннадьевич Фомин¹, Абдул Хак Хакик²

^{1,2} *Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

¹ *andfomin67@mail.ru*

² *salehhaqiq@gmail.com*

Аннотация

В статье предпринимается попытка исследовать феномен переключения и смешения между персидским (Афганистан) и английским языками. Переключение языков описывает ситуацию, когда говорящий меняет язык внутри одной речевой ситуации. Это может происходить на уровне предложений, фраз или даже отдельных слов. При переключении языков говорящий переходит из одного языка в другой с целью коммуникативного удобства, выражения своей идентичности, обозначения социального статуса или принадлежности к определенной группе. Смешение языков отличается от переключения языков тем, что происходит смешение элементов разных языков внутри одного предложения или даже слова. Это может быть результатом языкового влияния, билингвального воспитания или желания говорящего выразить себя с помощью различных языковых ресурсов. Исследование сосредоточено на двух коммуникативных ситуациях. Первая коммуникативная ситуация представлена неформальным разговорным общением, другая относится к области художественной литературы. Для проведения исследования были собраны данные из группового чата с участием 30 студентов, изучающих английский язык и

литературу на факультете английского языка Университета Балк в Афганистане. Группа была создана для неформального обсуждения академических и неакадемических вопросов. Сообщения, которыми обмениваются в этом групповом чате, служат примером для анализа неформального разговорного общения. Кроме того, в качестве примеров литературы были выбраны романы Халеда Хоссейни, американского писателя афганского происхождения, который свободно владеет персидским (Афганистан) и английским языками. Халед Хоссейни получил международное признание благодаря своим произведениям. В его работах описываются культурные и исторические реалии жизни в Афганистане, часто затрагиваются темы идентичности, семьи, любви, потерь и влияния политических потрясений на отдельных людей и общество. Исследование выполнено по специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)». Цель исследования – выявить причины и цели, стоящие за переключением и смешением языков в различных коммуникативных ситуациях. Анализ контекстов, в которых происходят такие языковые практики, позволяет определить мотивы коммуникантов.

Ключевые слова: переключение кодов, смешение кодов, многоязычная коммуникация, персидская лингвокультура, коммуникативная среда, двуязычная среда

Для цитирования: Fomin A. G., Abdul Haq Haqiq. OCode-Switching and Code-Mixing as Indicators of Modern Persian Bilingual Communication // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 33–40. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-33-40>

Introduction

Due to various historical events, such as colonization, and recent globalization, many countries in the world have become examples of a mix of different peoples and languages. Some places have clear boundaries between their dominant language and culture, while others have a closer connection and more intertwined structure.

Regardless of political events, language adapts and integrates new ideas, including those from foreign languages and cultures. Therefore, in multicultural and multilingual societies, code-switching and code-mixing occur more often.

Although this phenomenon is well known in linguistics and is a natural part of language use in multilingual environments, there is still a lack of research on the topic. Not all its aspects have been fully identified or studied. Code-mixing and code-switching raise many questions that require further research to answer. Although code-switching and code-mixing in multilingual environments are a common phenomenon, they occur for various reasons in different communicative situations and serve various purposes. This diversity of reasons makes it a fascinating and significant aspect of cultural and linguistic studies. Therefore, the purpose of this study is to conduct an in-depth analysis of two communicative situations with the same set of linguacultures – Persian (Afghanistan) and English. The analysis of group chat aims to reveal the peculiarities of daily conversations among bilingual students, while the analysis of linguistic elements present in the novels of Khaled Hosseini aims to understand how the author employs English and Persian, and the reasons for these linguistic choices.

To achieve this purpose, the study had to address several objectives. First, to identify cases of code-mixing and code-switching in the group chat messages. Second, to analyze identified cases to reveal the moti-

vation for switching and mixing codes. Third, to analyze the use of English and Persian in Khaled Hosseini's novels and identify the contexts and purposes for which the author switches between languages. Fourth, to compare the cases of code-switching and code-mixing in two communicative settings.

Preliminary analysis at the stage of material selection suggested the following hypothesis: the phenomenon of switching between Persian (Afghanistan) and English in daily communication and literary texts although have different purposes, however, can be explained by socio-cultural, linguistic, and pragmatic factors.

Various aspects of code-switching and code-mixing have been highlighted in a range of research presenting code-switching and code-mixing as a complex bilingual behavior [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. However, despite this, there is still no consensus on the interpretation of these terms or criteria for differentiating between them.

There are several key research papers in the area of code-switching and code-mixing. Some researchers [1, 10] provide a general overview of switching languages and bilingualism, examining various aspects such as sociolinguistic context, motivations for switching, communicative functions, and consequences of switching.

Others [11, 12] explore the phenomenon of code-switching and code-mixing in communication, drawing attention to social and cultural factors that influence switching and its impact on language development.

Aneta Pavlenko [13] analyzes the psychological aspects of bilingualism, exploring the relationship between language, thinking, emotions, and identity in bilingual individuals.

A group of authors [14] explores the phenomenon of code-switching and code-mixing in written communication, examining various approaches to analyzing this phenomenon in written discourse. The authors investigate the functions of language mixing and provide insights into how it can be used in multilingual written communication.

In literature, the switching and mixing of different languages is not only indicative of the author's proficiency in multiple languages but it also serves as a stylistic device. Mexican-American author Gloria Anzaldúa explores the theme of language switching in her works. Her novel "Borderlands: La Frontera" [15] utilizes language switching to illustrate the cultural identity and experiences of bilingual individuals.

The Indian author Amitav Ghosh employs language switching in his writings to create authentic dialogue and depict cultural differences. In his works, such as "The Hungry Tide" [16], he demonstrates how language switching can effectively create literary images.

Khaled Hosseini, an American author of Afghan origin, employs the use of language switching in his novels to convey the cultural identity and emotional states of his characters. He demonstrates how switching between languages can serve as a tool for adding depth and complexity to literary works.

This study presents a novel investigation into the phenomenon of code-switching and its mixing between Persian (Afghan) and English languages in two distinct communicative settings, allowing for an understanding of the reasons for code-switching and mixing, as well as their impact on communication and interaction. A multidimensional approach is employed in the study, enabling the investigation of code-switching in both informal communication and literary works, which provides a more thorough understanding of how linguistic phenomena manifest and operate in various contexts.

Materials and Methods

For an informal communicative setting, the authors analyzed a group chat of 30 university students at Balk University in Afghanistan. The chat was created for informal communication between students outside their academic curriculum, allowing them to discuss issues related to their learning experience. In total 94 units were selected from the group chat for analysis. As for the literature context, two of Khaled Hosseini's novels were selected as research material – "The Kite Runner" [17] and "A Thousand Splendid Suns" [18].

The characteristics of the selected material and the previously defined purpose and objectives of the research led to the use of a comprehensive methodological framework. Using general scientific methods, the authors selected and classified the material, as well as analyzed and synthesized cases of code-mixing and code-switching.

Khaled Hosseini's novels were subjected to literary and linguistic analysis to identify instances of code-switching and code-mixing. Additionally, instances of different language use in novels were subjected to contextual analysis to determine the reasons for these language strategies.

The preliminary findings from the analysis of code-mixing and code-switching in various communicative contexts were subjects of comparative analysis at the final stage of the research.

Results and Discussions

The phenomenon of code-switching and code-mixing between Persian (Afghanistan) and English in spoken communication among students at Balk University's Faculty of English in Afghanistan and literature is driven by sociolinguistic identity, language proficiency, cultural adaptation, and expressive needs. The use of code-switching and code-mixing serves to enhance communication and interaction, facilitating the expression of complex ideas, bridging linguistic gaps, and reinforcing a sense of cultural belonging and identity within a multicultural context.

Before characterizing these phenomena, it is essential to define them and determine whether there is a distinction between these concepts and, if so, what that distinction is.

In linguistics, code-switching is defined as the alternation between two or more languages or linguistic varieties within a single conversation, sentence, phrase, or word. Various scientists have approached the definition of this phenomenon from different methodological positions. For example, the ethnosociolinguistic definition states that code-switching is "the use of different languages, dialects, or varieties of language in the same conversation" [19]. The sociolinguistic definition emphasizes "the use of languages or their varieties in different speech situations" [20]. From a pragmatic point of view, code-switching can be used as "a communication strategy to achieve specific communicative goals" [21]. The grammatical definition involves «the incorporation of elements from one language into another» [22]. The contextual definition highlights that code-switching is "a linguistic behavior that is influenced by contextual factors such as social situations, participants in a conversation, topic, and purpose of communication" [23]. All these definitions emphasize that code-switching is a complex phenomenon that can be influenced by sociolinguistic, pragmatic, and grammatical factors. It reflects the interactions between languages and the socio-cultural aspects of communication.

Code-mixing in linguistics refers to the phenomenon of using different language codes or styles within a single communication [24]. This can happen when a speaker consciously or unconsciously combines elements from different languages, dialects, or sociolects [25] in their speech. Code-mixing can occur both within sentences, where elements of different languages are combined within the same sentence, or between sentences or dialogue, where the speaker switches between languages or styles. In linguistics, code-mixing is analyzed as a part of a sociolinguistic approach and

examines its functions, motives, and implications for communication and language development.

Code-switching and code-mixing are two related terms that refer to the use of different languages in communication. The main difference between these two concepts is that code-switching involves switching between two or more languages within a conversation or a text while code-mixing focuses on mixing elements of different languages within sentences, phrases, or words.

Code-switching can occur on a variety of levels, from a single word to a whole conversation, depending on the context and purpose of communication. Code-mixing occurs within individual sentences or phrases and can be used to express complex ideas or to add emphasis to certain words or concepts.

In code-switching, each language usually retains its integrity, meaning that the speaker switches between languages without mixing them. This means that they preserve the grammar, vocabulary, and style of each language when switching. In contrast, code-mixing involves mixing and combining language elements within sentences, resulting in hybrid constructions and mixed language forms.

Code-switching and code-mixing may be motivated by different sociolinguistic factors. Code-switching can be used to convey identity or belonging to a specific group while code-mixing can be due to incomplete knowledge of a language or used in mixed language situations.

An analysis of messages in a group chat revealed that code-mixing and code-switching both occur in informal

conversations between students. In this case, Persian was switched to English, as well as the mixing of these languages was expressed in the interspersing of English words and expressions into the conversation in Persian. This is because all participants in the group chat belong to Persian linguoculture, whereas English is an acquired skill during study in the university (see Table 1).

The results showed that code-mixing occurred more often than code-switching. Out of 94 cases, 35 instances of code-switching were identified in the selected material. An analysis of the code-switching between Persian (Afghanistan) and English revealed that they were mostly simple, often one-word constructions, used to address classmates (“Salam *my dears!*”; “*Hello, guys!*”), an expression of agreement (“*Good!*”; “*Okay!*”) or gratitude (“*Thanks!*”; “*Thank you!*”).

Also, switching to English happened in situations when students were talking about some subjects or phenomena that do not have an equivalent in the main language, it is mainly about the software or the names of computer programs needed by students during the learning process (*Advanced Download Manager; Share Slide upload; Group Admin*, etc).

Cases of code-mixing in the selected units were more common. They were mainly manifested by the incorporation of English words into the structure of a Persian sentence. However, there were also instances of more specific code-mixing (see Table 2).

These examples demonstrated a special case of code-switching, where the switching between English

Table 1

Group Chat Messages

Code-switching	Code-mixing
(1) Salam, sar <i>group</i> hay aziz! Lutfan nam tamam daneshjyan <i>group</i> hay khud ra <i>list</i> kunid wa sepas bahais <i>member</i> ha dar <i>group add</i> kunid. Hama dar ein <i>group chat admin</i> astand!	(2) Besyar khob, <i>thank you!</i>
(3) <i>Nice</i> zendegy <i>relax</i> dashta bashid!	(4) <i>Okay, thank you!</i>
(5) Salam! Lutfan dar moured tadad <i>participant</i> ha <i>research</i> ustad X ba man begoyed? Aya man ham dar jam <i>participant</i> hay ein <i>research</i> astam?	(6) <i>Very good!</i>
(7) Salam! Tadad <i>participant</i> ha 30 ast. Baly shuma ham dar jam <i>participant</i> ha astid.	(8) <i>Excellent</i> , besyar khob!
(9) salam! <i>Description</i> ein <i>group</i> az taraf key <i>share</i> shuda ast?	(10) <i>Good</i> , mamnon!
(11) Chan lahza pish <i>description</i> ein <i>group</i> az taraf numayanda senf ma <i>share</i> shuda ast.	(12) Kar khob ast, <i>very nice!</i>
(13) Agar dar moured tarikh khatm <i>semester</i> daqiq malomat bedehid, mamnon mishawam!	(14) <i>I hope so, thank you</i> , azizanam!
(15) <i>Semester</i> dar 15 mah qous khatm mishawad wa emtehan <i>final</i> ba tarikh 20 qous shuro mishawad.	(16) <i>Welcom</i> , dost ha ayam!
(17) Az ein ke dar khatm दौरا chahar sala tahsil qarar darim wa <i>department</i> az ma khasta ast gharaz takmil bazy <i>document</i> ha ba edara <i>department</i> murajea murajea kuniam.	(18) salam <i>my dears!</i>
(19) Aya kasy <i>slide</i> had <i>lecture</i> akhir dar moured fan bayan ra darad?	(20) Baly, <i>you are right!</i>

Table 2

Special Cases of Code-Mixing

Persian	English
(21) Dar bara prozha kamy malomat bedehid ke che qesm tartib kunam?	Give me some information about the <i>project</i> , how should I arrange it?
(22) Qesmy ke man sample card dawad ra check kardam English and Persian, logo daneshga mushkel techniqueky darad	As I checked the invitation card sample, the university logo has a <i>technical</i> problem.
(23) Aya kasy camera professional digitaly darad? Agar baly ast, lutfan aan ra ba khud ba mahfel beyawarid!	Does anyone have a professional <i>digital</i> camera? If yes, please bring it with you to the party.
(24) Wow, cheqadar fissiony	Wow, how <i>fashionable</i> !
(25) Baly, khaily styly ast! hahaha	Yes, it is very <i>stylish</i> ! hahaha.
(26) Good, aya dar bakhsh logisticaky ham shuma numayenda astid?	Good! Are you also a representative in <i>logistics</i> ?

and Persian (Afghanistan) takes place not only within a single sentence or communicative context but also within a single word. In this case, the English word (“project”, “technical”, “digital”, “fashionable”, “stylish”, “logistics”) has been incorporated into the dominant language, altering its original foreign form and blending with the Persian word-formation process (“prozha”, “techniqueky”, “digitaly”, “fissiony”, “styly”, “logisticaky”).

Some studies indicate that code-switching and code-mixing can positively influence the development of bilinguals and multilinguals. The phenomena help individuals establish boundaries between languages and improve their linguistic skills. Research also shows that code-switching and code-mixing can facilitate interaction and understanding between languages. They help to fill lexical or grammatical gaps, as well as to convey specific meanings and nuances that may not be present in a single language.

Code-switching has been shown to enhance language flexibility and cognitive abilities in speakers. This phenomenon may also reflect an individual’s social identity, cultural background, and sense of community, influencing their language choices.

Code-switching may be influenced by social factors such as group identity, acceptance of cultural norms, and belonging to a specific social group. People may switch codes to show their affiliation with a particular group or to strengthen ties within that group. All the participants in the group chat are members of the same social group – university students. Therefore, to maintain a sense of belonging to this social group, all members adhere to the same communication style or a kind of sociolect that has been established within this group.

Context and situation play a significant role in determining code-switching and code-mixing. Results have demonstrated that they are linked to self-expression and the expression of personal or group identity. Speakers switch between languages or mix them first of all, to showcase their multilingual abilities; and also, in a multilingual environment.

Considering that the students selected for the study are majoring in English Language and Literature, they actively use English words to diversify their speech, especially in situations of informal communication.

Code-switching can serve different communicative purposes. It can be used to express emotions, emphasize certain ideas or arguments, establish or maintain social relationships with interlocutors, or attract attention. These aspects are most clearly manifested in literature [26, 27], where switching and mixing codes are used as a pragmatic tool for creating a certain authentic atmosphere or a more ethnically colored image. Of course, to a greater extent, this technique is available to writers who speak one or more foreign languages.

Khaled Hosseini utilizes code-switching and code-mixing to represent the cultural and linguistic identities of his characters. Analysis showed that code-mixing occurs more often which may be explained by the fact that despite the Afghani origin, all the novels were written in English and the initial purpose was to present the uniqueness of Afghani linguaculture to non-Afghani population.

In “The Kite Runner” the protagonist, Amir is a bi-cultural character who occasionally incorporates Persian words and phrases into his English narrative to reflect his dual identity.

(27) *I didn't know who Henry Kissinger was, and I might have asked. But at the moment, I watched with horror as one of the chapandaz fell off his saddle and was trampled under a score of hooves.*

(28) *I smiled: Bas, you donkey. No one's sending you away.*

This linguistic shift highlights his connection to his Afghani heritage and cultural background.

In “A Thousand Splendid Suns” Mariam, is presented as a woman from rural Afghanistan and Hosseini employs code-mixing in her dialogues to capture her linguistic and cultural origins. For example, she might switch to Persian when conversing with characters who share her cultural background or when experiencing intense emotions.

(29) *I mean a real school, **Akhund Sahib**. Like in a classroom. Like my father's other kids.*

(30) *Nay. I want you to take me.*

This reflects Mariam's attachment to her native language and her sense of belonging in a particular cultural context.

Another character from the same story Nana represents traditional Afghan culture, and she is Mariam's mother. In interactions with Nana, the author employs code-mixing to emphasize her adherence to Afghan customs and her limited knowledge of other languages.

(31) *You are a clumsy little **harami!** This is my reward for everything I've endured An heirloom-breaking, clumsy little **harami!***

(32) ***Aneh**, Nana said. You see? Your father agrees.*

Compared to other characters, Nana uses more Persian words and phrases, reflecting her strong cultural identity and the impact of her upbringing in Afghanistan.

In Hosseini's novels, characters in the diaspora often exhibit code-mixing or switching patterns that reflect their experiences in different cultural and linguistic settings. Depending on the situation, they may mix Persian and English, adapting their language use to the cultural norms and expectations of their new environment. It reflects the desire of the company to preserve its cultural identity and heritage.

In Khaled Hosseini's novels, there are various techniques used to switch between the Persian (from Afghanistan) and English languages. Hosseini frequently employs Persian words and phrases within English sentences to capture cultural nuances or emotions that may not always be adequately expressed in English alone. For instance, in "The Kite Runner", the term "*taarof*" is used to describe the intricate etiquette and social customs of Afghan culture; religious terms "*Inshallah*" (if God allows), and "*Mashallah*" (Praise the God) serve as indicators of Islamic aspect of Afghani culture.

Sometimes Hosseini provides translation equivalents or definitions of Persian words and terms in English, thereby assisting readers unfamiliar with the Persian language to comprehend the intended meaning and context. This approach helps to bridge the linguistic gap and enhance comprehension.

(33) *But Mariam's favorite, other than Jalil of course, was Mullah Faizullah, the **elderly village Koran tutor, its akhund***

(34) *...to teach Mariam the five **daily namaz prayers...***

Code-mixing between Persian and English is employed in the dialogues of Hosseini's works to reflect the bilingual nature of character interactions. This technique adds authenticity to the narratives and contributes to a more immersive reading experience. This is often done to express strong emotions, establish familiarity, or illustrate the dynamics of characters from different cultures.

In Hosseini's novels, readers can find references to various aspects of Afghan culture, including traditions, customs, and historical events, using Persian terms and concepts. These references contribute to a more in-depth understanding of Afghan culture.

In each of these instances, Hosseini's use of code-mixing corresponds to the cultural and linguistic identities of his characters. This demonstrates their connection to Afghan culture, their experience living in different linguistic environments, and their ability to navigate various identities. Through the use of code-switching, Hosseini conveys the complexity and richness of the cultural and linguistic backgrounds of his characters, adding depth and authenticity to their portrayals.

Conclusion

To sum up, it is proved that both code-switching and code-mixing appear frequently in multilingual environments and occur both in situations of informal communication and in literature. Generally, the use of several languages as a means of communication is employed to achieve mutual understanding. However, the group chat messages revealed that students use code-switching and code-mixing following their sociolinguistic identity, incorporating both their Afghan and English language backgrounds. This identity may manifest itself in the desire to maintain a connection with their native language (Persian) while engaging with the English-speaking academic environment. Switching and mixing codes can also fulfill the expressive needs of students. It allows them to convey emotions, humor, and personal experiences more effectively. Certain emotions or cultural concepts may be best expressed in one language, while others may be more appropriately conveyed using another language, and mostly they use words from another language simply because they like it, it gives them a sense of belonging.

In the literature, the practice of code-switching and code-mixing enriches a narrative, making it more profound and interesting. Authors may employ code-switching and mixing to accurately portray the linguistic realities of their characters and settings. When characters belong to diverse cultures or speak multiple languages, this technique allows for a more reliable representation of their cultural identities and experiences. Different languages contain cultural nuances that are difficult to capture in a single language. By incorporating code-switching or mixing, authors can capture the subtleties, humor, idiomatic expressions, and cultural references inherent to a particular language, thereby enhancing the reader's understanding of the context and adding depth to the narrative.

The use of code-switching and mixing can effectively depict characters who are bilingual or proficient

in multiple languages. Using a different language within a predominantly monolingual text can alter the tone, highlight the emotional state of a character, or demonstrate cultural conflicts or connections.

Thus, a comparative analysis of code-switching and code-mixing in two communicative settings revealed more similarities than differences. Both in informal communication and novels, code-mixing and

switching emphasize the multilingualism of speakers and demonstrate their desire to be part of their social or ethnic group. However, in literature, it is always a conscious choice by the author and is used to create an authentic image. In addition, in an informal setting, both phenomena occur quite frequently, in Khaled Hosseini's novels predominantly appear code-mixing.

References

- Heller M. Code-switching by Penelope Gardner-Chloros. *Journal of Sociolinguistics*, 15. 2011. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9841.2010.00471.x>
- Myers-Scotton C., Jake L. J. Explaining Aspects of Code-switching and Their Implications. In: J. Nicol (Ed.), *One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing*. Blackwell. 2001. Pp. 84–116.
- De Bot K. Cognitive Processing in Bilinguals: Language Choice and Code-switching. In: R. B. Kaplan (Ed.), *The Oxford Handbook of Applied Linguistics*. Oxford University Press. 2002. Pp. 287–300.
- La Heij W. Selection Processes in Monolingual and Bilingual Lexical Access. In: J. F. Kroll & A. M. B. de Groot (Eds.). *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic approaches*. Oxford University Press, 2005. Pp. 289–307.
- Ullman M. Bilingualism. *Language and Cognition*, 4 (2), 2001, pp. 105–122.
- Souadkia M. Code-switching in Bilingual Education. *Languages. Nations. Cultures: Almanac of scientific articles*, RUDN Publ., 2017. Pp. 304–326.
- Zabrodsкая A. Evaluating the Matrix Language Frame Model on the Basis of a Russian-Estonian Code-switching Corpus. *International Journal of Bilingualism*, 13 (3), 2009, pp. 123–137.
- Chirsheva G. N. *Dvuaazychnaia kommunikaciia* [Bilingual communication]. Cherepovets, 2004.
- Rusakov A. Code-switching Phenomena in Gypsy Children Narratives. In: *VIII International Congress for the Study of Child Language: Abstracts*, 1999. Pp. 184–185.
- O'Brien de Ramirez K. Developmental Processes in Bilingualism as Reflected in the Code-switching Strategies of Young Language Learners. In: *VIII International Congress for the Study of Child Language: Abstracts*, 1999. Pp. 162–171.
- Auer P. The Pragmatics of Code-switching: A Sequential Approach. In: Lesley Milroy & Pieter Muysken (Eds.). *One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-switching*. Cambridge University Press, 1995. Pp. 115–135.
- Pert S., Letts C. Codeswitching in Mirpuri Speaking Pakistani Heritage Pre-school Children: Bilingual Language Acquisition. *International Journal of Bilingualism*, 10 (3), 2006, pp. 349–374.
- Pavlenko A. L2 Influence on L1 in Late Bilingualism. *Perspectives on code-switching*, 2000. Pp. 115–135.
- Schwartz B. D., Sprouse R. A. L2 Cognitive States and the Full Transfer, Full Access Model. *Second Language Research*, 12(4), 1996, pp. 40–72.
- Anzaldúa G. *Borderlands. La Frontera: The New Mestiza*. Aunt Lute Books, 1987.
- Ghosh A. *The hungry tide*. Houghton Mifflin Harcourt, 2004.
- Hosseini K. *The Kite Runner*. Riverhead Books, 2003.
- Hosseini K. *A Thousand Splendid Suns*. Riverhead Books, 2007.
- Milroy L., Gumperz J. J. *Language and Social Identity*. Cambridge University Press, 1982. 365 p.
- Auer P. *Code-switching in Conversation. Language, Interaction and Identity*. Routledge, 1998. Pp. 211–235.
- Grosjean F. The Bilingual's Language Modes. In: J. Nicol (Ed.). *One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing*. Blackwell, 2001. Pp. 1–22.
- Poplack S. Sometimes I will Start a Sentence in Spanish y Termino en Espanol: Toward a Typology of Code-switching. *Linguistics*, 18(2), 1980, pp. 581–618.
- Muysken P. *Bilingual Speech: A Typology of Code-mixing*. Cambridge University Press, 2000. 218 p.
- Vihman V. A. Language Interaction in Emergent Grammars: Morphology and Word Order in Bilingual Children's Code-switching. *Languages*, 3(40), 2018, pp. 1–23. <https://doi.org/10.3390/languages3040040>
- Wardhaugh R. *An Introduction to Sociolinguistics*. Wiley-Blackwell, 2006. 211 p.
- Vishnevskaya G. M. Bilingualism in Literature: Linguistic Interpretation. *International Journal of Experimental Education*, 2 (2), 2012, pp. 90–91.
- Mishinzeva I. Iu. Code-switching in Literary Works. Language and Culture. Cherepovets State University Publ., 2011. Pp. 98–116.

Information about the authors

Fomin A. G., Doctor of Philological Sciences, Professor, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).
E-mail: andfomin67@mail.ru

Abdul Haq Haqiq, postgraduate student, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).
E-mail: salehhaqiq@gmail.com

Информация об авторах

Фомин А. Г., доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет (ул. Красная, 6, Кемерово, Российская Федерация, 650000).
E-mail: andfomin67@mail.ru

Абдул Хак Хакиқ, аспирант, Кемеровский государственный университет (ул. Красная, 6, Кемерово, Российская Федерация, 650000).
E-mail: salehhaqiq@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.12.2023; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 14.12.2023; accepted for publication 24.05.2024

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-41-49>

Лингвокоммуникативная экспликация эмоций в англоязычных и испаноязычных интернет-комментариях на тему вакцинации от COVID-19

Курилова Екатерина Владимировна

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, mskate2000@mail.ru

Аннотация

По причине вспышки в 2020 г. неизвестной ранее коронавирусной инфекции и последующего карантина коммуникация людей по большей части переместилась в онлайн-формат. Интернет стал для пользователей доступным пространством, позволяющим обсуждать актуальные вопросы, выражать свое отношение к окружающей их действительности. С переходом лингвистической науки в антропоцентрическую парадигму стал возрастать интерес ученых-лингвистов к эмоционально-коммуникативному поведению говорящего, а изменение языка под влиянием глобальных перемен в мире и способы выражения эмоций в интернет-коммуникации стали интересовать филологов, лингвистов, специалистов из области психологии и социологии. Исследования репрезентации эмоций проводятся с целью осуществления необходимых наблюдений за эмоциональным состоянием людей, мониторинга общественного мнения относительно такого важного явления, как вакцинация, которая по настоящее время вызывает огромное количество дебатов. Целью настоящей статьи является описание особенностей лингвокоммуникативной экспликации негативных эмоций, связанных с вакцинацией от COVID-19, на испанском и английском языках. В фокусе исследования находятся вербальные и невербальные средства выражения эмотивности в интернет-комментариях, посвященных теме вакцинации. Выборка практического материала общим объемом 100 интернет-комментариев (50 англоязычных и 50 испаноязычных) ограничена временным периодом с февраля по август 2021 г., когда вопрос о вакцинации активно освещался всевозможными СМИ, в том числе и в Интернете, вызывая оживленные обсуждения. В результате проведенного машинного сентимент-анализа была выявлена преимущественно негативная окраска текстов интернет-комментариев по изучаемой тематике. Стилистический анализ и интерпретативный дискурс-анализ позволили установить языковые и неязыковые средства выражения негативных эмоций англоязычных и испаноязычных интернет-комментаторов. Обнаруженные средства лингвокоммуникативной экспликации эмоций были описаны на уровне лексики, стилистики, грамматики, а также на уровне графики и изображения. Среди стилистических средств была выявлена визуальная метафора, выраженная эмотиконами и отдельными изображениями, репрезентирующими негативные эмоции авторов интернет-комментариев.

Ключевые слова: эмоция, эмотивность, сентимент-анализ, вакцинация, интернет-комментарий, лингвокоммуникативная экспликация, COVID-19

Для цитирования: Курилова Е. В. Лингвокоммуникативная экспликация эмоций в англоязычных и испаноязычных интернет-комментариях на тему вакцинации от COVID-19 // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 41–49. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-41-49>

COMPARATIVE LINGUISTICS

Linguistic and communicative explication of emotions in Spanish and English Internet comments devoted to vaccination against COVID-19

Ekaterina V. Kurilova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, mskate2000@mail.ru

Abstract

Due to the outbreak of a previously unknown coronavirus infection in 2020, people's communication has largely shifted to an online format. The Internet has become an available space for users to discuss topical issues and express their attitude to the reality around them. Changes in language under the influence of changes in the world and ways of expressing emotions in Internet communication have become of interest to philologists, linguists, specialists in psychology and sociology. The specialists conduct studies in order to make necessary observations on the emotional state of people, to monitor public opinion on such an important phenomenon as vaccination, which is still causing a huge amount of debate. The purpose of this article is to describe the linguistic and communicative explication of negative emotions related to COVID-19 vaccination in Spanish and English. The focus of the study is on verbal and non-verbal means of expressing emotions in Internet comments on the topic of vaccination. The selection of the material with a total of 100 Internet comments (50 comments in English and 50 comments in Spanish) was limited to the period from February to August 2021, when the issue of vaccination was actively covered by all kinds of media outlets, including the Internet, causing lively discussions. The machine sentiment analysis revealed predominantly negative colouring of the texts of Internet comments on the topic under study. Stylistic analysis and interpretative discourse analysis allowed us to identify linguistic and non-linguistic means of expressing negative emotions of English- and Spanish-speaking Internet commentators. The identified means of linguistic and communicative explication of emotions were analysed on the lexical, stylistic, grammatical levels as well as on the level of graphics and images. Among the stylistic means visual metaphor expressed by emoticons and images was identified.

Keywords: *emotion, emotivity, sentiment analysis, vaccination, internet comment, linguistic and communicative explication, COVID-19*

For citation: Kurilova E. V. Lingvokommunikativnaya eksplikatsiya emotsiy v angloyazychnykh i ispanoyazychnykh internet-komentariyakh na temu vaksinatсии ot COVID-19 [Linguistic and communicative explication of emotions in Spanish and English Internet comments devoted to vaccination against COVID-19]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 41–49 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-41-49>

Введение

Неизвестный ранее вирус в 2020 г. стал для общества большим испытанием. По словам психологов, общество погрузилось в состояние «затяжного пролонгированного стресса» [1, с. 6], что, в свою очередь, не могло не повлиять на эмоциональное поведение пользователей Сети, поскольку главным пространством для общения и разделения эмоций в период повсеместного карантина стал Интернет, и эмоциональность стала проявляться не только в живом межличностном общении, но и в интернет-коммуникации и приобрела устно-письменную форму выражения. Когда активное обсуждение самого вируса стало постепенно стихать, новым триггером коммуникативного поведения интернет-пользователей стала вакцинация, воспринимаемая людьми по-разному: для одних она – средство спасения, для других – средство манипуляции коллективным сознанием и средство получения денег.

В свою очередь лингвисты начали активно интересоваться языковыми изменениями, произошедшими в языке в период пандемии. На данный момент существует большое количество работ, посвященных неологизмам, метафорам и другим лексическим средствам выражения личного отношения к окружающей действительности. Среди работ выделяются исследования О. Ю. Гукосьянц [2], К. Годдард, А. Вежбицкой [3], Е. А. Редкозубовой [4], И. П. Зайцевой [5], О. И. Северской [6], В. В. Катерминой, Е. А. Яченко [7], А. Dash [8], L. M. de Tienda Palop [9], P. Wicke, M. M. Bolognesi [10] и др.

Данная статья посвящена анализу специфики лингвокоммуникативной экспликации негативных эмоций, связанных с вакцинацией от COVID-19, в интернет-комментариях на испанском и английском языках. Актуальность вопроса объясняется тем, что лингвистическое изучение экспликации эмоций позволяет осуществлять мониторинг об-

щественного напряжения тех или иных социальных групп с целью определения и анализа общественного мнения и настроения, а также снятия социальной нестабильности, в нашем случае – относительно вакцинации от COVID-19.

Лингвистика эмоций, или эмотиология, – относительно новое направление в лингвистике. В центре изучения лингвистики эмоций – язык эмоций, эмоциональный лексикон и синтаксис, пунктуация и метафоры, а также проблемы межкультурной специфики вербальной и невербальной манифестации эмоций [11]. Дату начала существования лингвистики эмоций принято соотносить с докладом Ф. Данеша [12] во время пленарного заседания IV Международного конгресса лингвистов в Германии в 1987 г. Доклад ученого был посвящен эмоциональному аспекту языка, автор доказал связь абстрактных образов мышления с эмоциями. Тогда впервые была продемонстрирована огромная лингвистическая значимость изучения эмоциональной составляющей языка. Позднее, в 1990-е гг., данным вопросом заинтересовались и другие зарубежные ученые, например, известны труды А. Вежбицкой [13], Б. Волек [14], Дж. Эйтчисона [15], В. Эдмонсона [16] и многих других.

В России развитие данного направления в лингвистике напрямую связано с научной школой В. И. Шаховского. Поставив лингвистику эмоций в центр своих исследований, ученый проделал огромную работу по ее развитию. Также значительный вклад в развитие лингвистики эмоций внесли его последователи, члены волгоградской школы, основанной им самим. На счету этой школы значительное число докторских и кандидатских диссертаций, научных статей, например работы Л. Г. Бабенко [17], Ю. М. Малиновича [18], Н. Н. Панченко [19] и других исследователей.

Одним из центральных понятий эмотиологии выступает понятие эмоции. Вслед за Л. С. Выготским мы определяем эмоцию как особую форму отражения действительности, которая представляет не саму действительность, а отношение человека к ней [20, с. 74]. Именно отношение человека к существующим реалиям, в частности к кампании по вакцинации от смертельного вируса XXI в. COVID-19, находится в фокусе нашего исследования в аспекте лингвокоммуникативной экспликации эмоций.

Эмоции могут рассматриваться как психологическое и лингвистическое явление, поэтому необходимо разграничить психологическое понятие эмоциональности и языковое понятие эмотивности. Так, эмоциональность, являясь психологическим термином, выступает характеристикой от-

дельной личности, способной выражать и чувствовать определенный спектр эмоций, в то время как эмотивность, согласно профессору Московского лингвистического университета А. В. Кунину, – «это эмоциональность в языковом преломлении, выражение языковыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [21, с. 153].

В данной работе пространством для лингвокоммуникативной экспликации эмоций выступает Интернет, а именно такой жанр интернет-коммуникации, как интернет-комментарий. Согласно определению М. П. Филипповой, интернет-комментарий – это «небольшое речевое произведение, в первую очередь оценочного характера» [22, с. 1051]. По мнению автора, главной коммуникативной целью интернет-комментария становится «оценивание фактов, предоставление и обсуждение информации, выражение личного отношения, получение информации в ответ» [22, с. 1051]. Интернет-комментарий является одним из самых экспрессивных жанров интернет-коммуникации, выражающий субъективное отношение автора комментария к актуальной проблеме и призывающий читателей к определенной эмоциональной реакции. При этом И. П. Фаломкина делает акцент на том, что эта эмоциональная реакция, отраженная в интернет-комментарии, как правило, негативная [23, с. 101].

Материал и методы

Материалом для исследования послужили 50 испаноязычных и 50 англоязычных интернет-комментариев, отобранных методом сплошной выборки в период с февраля по август 2021 г. с официальных страниц *El País* и *CNN* в социальной сети *Facebook*¹.

El País («Страна») – вторая по читаемости испанская ежедневная газета. Число подписчиков и покупателей *El País* составляет 1,5 млн в день, что говорит о ее большой известности в испаноязычном мире. Помимо печатных изданий, существуют также электронные версии газеты на нескольких языках, включая английский, каталанский и португальский. Число подписчиков *El País* в *Twitter* составило 6 млн человек, в *Facebook*² – почти 4 млн.

CNN – телеканал из США со штаб-квартирой в Атланте. Новости *CNN* передаются с помощью 38 космических спутников и доступны к просмотру более чем 200 млн домов в 212 странах мира. Число журналистов по всему миру около 4 тыс.

Для проведения исследования был использован метод автоматического сентимент-анализа, который позволил определить общую эмоциональную тональность текстов интернет-комментариев. Для выявления и описания языковых и неязыковых

^{1,2} Деятельность организации Meta Platforms Inc, ее продуктов Instagram и Facebook запрещена в Российской Федерации.

средств, способствующих выражению негативной эмоциональной тональности и для определения контекстуальной соотнесенности комментариев с общей тематикой вакцинации от COVID-19 был использован метод интерпретативного дискурса-анализа с элементами контекстуального и стилистического анализа.

Результаты и обсуждение

Первым этапом исследования стал автоматический сентимент-анализ, проведенный при помощи онлайн-приложения *Komprehend*. Данное приложение создано исследовательской группой по вопросам искусственного интеллекта в розничной торговле. Приложение позволяет проводить сентимент-анализ более чем на 10 языках, среди которых русский, испанский, английский, японский, китайский и др. Машинный анализ показал, что доминирующей тональностью корпуса текстов интернет-комментариев по теме вакцинации от COVID-19 стала негативная тональность (рис. 1, 2).

На рис. 1 представлен результат сентимент-анализа корпуса испаноязычных комментариев, согласно которому преимущественная тональность текста негативная (67,00%).

На рис. 2 представлен анализ англоязычных комментариев. Можем видеть, что текст интернет-комментариев на английском языке на 77,80% негативный.

Анализ комментариев с негативной эмоциональной тональностью позволил выявить языковые средства на уровне лексики, стилистики, грамматики и неязыковые средства на уровне графики и изображения, которые способствуют реализации данной тенденции.

На лексическом уровне в комментариях на обоих языках были обнаружены две группы негативно-коннотированных языковых средств: лексика с

семантикой смерти, убийства и лексика с семантикой глупости, нелепости.

В рамках первой группы были выявлены следующие лексические единицы: *die* (умирать), *death* (смерть), *death sentence* (смертный приговор), *poison* (яд), *killling* (убийство) – в англоязычных интернет-комментариях; *muertes* (мертвецы), *muerte* (смерть), *matadores* (убийцы), *matar* (убивать) – в испаноязычных. Например, в следующем комментарии (пр. 1) мы видим, что пользователь считает вакцинацию не спасением, а простейшим способом умереть. В данном комментарии автор не употребляет лексему «вакцинация», однако из контекста видно, что объектом такой реакции является непосредственно вакцинация, поскольку данный комментарий (пр. 1) является ответом на комментарий о вакцинации *I aint getting that shot* (я не собираюсь делать этот укол (прививку)).

1) *The easiest way to die*

В следующем примере (пр. 2) видим, как комментатор сравнивает вакцину от коронавируса со смертным приговором, используя фразу *death sentence*, акцентируя внимание на том, что он/она не готов/а делать прививку своим детям.

2) *I refuse to give my kids this **death sentence** It's not even a vaccine.*

Похожее негативное отношение эксплицитно выражается испаноговорящими пользователями. В следующем комментарии (пр. 3) автор озвучивает факт того, что людей, страдающих от побочных эффектов вакцины, значительно больше, чем один на миллион, и что среди таких людей есть и мертвые (*muertes*).

3) *No hay una persona cada millón. Hay muchos más, entre ellos **muertes**. Claro que todas las vacunas COVID tienen esos efectos ocultos, y digo ocultos porque no se notifican.*

Рис. 1. Данные сентимент-анализа испаноязычных интернет-комментариев

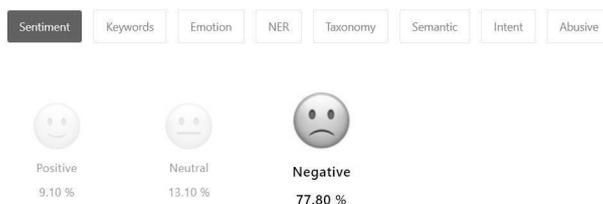

Рис. 2. Данные сентимент-анализа англоязычных интернет-комментариев

В рамках группы негативно-коннотированных лексем со значением «глупость» авторы показывают свое недоверие к исцелению после вакцинирования или к отсутствию побочных эффектов. Основными лексическими единицами, реализующими негативные эмоции комментаторов, выступают *stupidity* (глупость), *nonsense* (бесмыслица), *insane* (безумный) в англоязычных комментариях и *tonterías* (чепуха), *tonta del bote* (глупая, недалекая) – в испаноязычных.

Следующие два комментария (пр. 4, 5), состоящие из одного слова, написаны с целью дискредитировать кампанию по вакцинации, показать ее неразумность. В данном случае из контекста понятно, что объектом эмоциональной реакции комментаторов становится кампания по вакцинации в целом, так как в предыдущих комментариях обсуждается именно она: *Why is this called a vaccine? It should be called immunity booster shots!* (Почему все зовут это вакциной? Следует назвать это инъекцией для иммунитета!).

4) *Stupidity*

5) *Nonsense*

Среди стилистических средств выражения негативных эмоций при оценке вакцинации были выделены риторический вопрос и риторическое восклицание, сравнение, сарказм, антифразис, гипербола и метафора, включая визуальную метафору. Приведем примеры некоторых из перечисленных средств. В комментарии ниже (пр. 6) встречаем риторический вопрос комментатора, призывающий аудиторию задуматься о том, от чего всех прививают (*De que se van a vacunar?*). Комментатор думает, что вируса нет, а вакцина только убивает и калечит здоровых людей (*esa vacuna mata y enferma a la gente*). При помощи олицетворения «вакцина убивает» автор добивается большей эмоциональности комментария. Соответственно, объектом интересующей нас эмоциональной реакции напрямую становится вакцина.

6) *De que se van a vacunar? de un virus que nadie ha encontrado ...pero sí sacan una vacuna ...en meses que raro ...esa vacuna mata y enferma a la gente ...no engañéis a la gente farsantes...*

В следующих примерах (пр. 7, 8) при помощи риторических вопросов и восклицания усиливается экспрессивность комментариев, реализуется интенция комментатора призвать людей к рассуждению. Объектами эмоциональной реакции в обоих случаях становятся ответственные за кампанию по вакцинации, под личным местоимением *they* подразумеваются те, кто стоит у власти, т. е. *los que nos representan*.

7) *que falta de confianza y cuántas mentiras! ¿Qué corte moral tienen los individuos que nos representan?* (Полное отсутствие доверия и сплош-

ная ложь! Насколько подлые люди представляют нас?)

8) *How many variants will there be? How many boosters? Is that all they talk about? How about reporting on open borders?*

Такой стилистический прием, как сравнение, используется в примере 9. Здесь скорость вакцинирования населения иронично сравнивается со скоростью поездов в Эстремадуре, одном из автономных сообществ Испании, где поезда не отличаются быстротой и пунктуальностью.

9) *La vacunación va como los trenes en Extremadura.*

К лексико-стилистическим особенностям комментариев можно отнести метафорическое сравнение с овцами/стадом в комментариях на обоих языках, важно отметить, что такое сравнение выражено не только вербально, как в примерах 10 и 11, но и невербально – посредством эмодзи и графических изображений, представленных на следующих рисунках (рис. 3, 4).

Рис. 3. Изображение, используемое в качестве комментария в англоязычных СМИ

Рис. 4. Эмодзи, часто используемые в комментариях на обоих языках

10) *Here we go again. Sheeple will still go for another booster jab*

В данном примере (пр. 10) люди метафорично номинируются *sheeple*, т. е. стадо овец, демонстрируя пренебрежительное отношение к вакцинирующимся, их безвольность.

11) *Y con esta estadística que se han sacado del bolsillo, aun habrá más gente que piense «pues si hay más gente que quiere vacunarse no será tan malo. Yo también quiero...» Mundo de borregos manipulables fácilmente...*

В данном случае (пр. 11) испаноязычный комментатор называет людей *borregos manipulables fácilmente*, или легко управляемое стадо, живущее по принципу «все идут, и я пойду»: «*pues si hay más gente que quiere vacunarse no será tan malo. Yo también quiero...*».

Говоря о визуальной метафоре, на рис. 3 изображены овцы, бездумно идущие друг за другом, визуализируя метафору о том, как люди согласно стадному инстинкту идут вакцинироваться, не за-

думываясь о последствиях. На рис. 4 видим эмодзи овец и человека, разводящего руками, что также наталкивает на мысль о сравнении людей с безвольными животными.

Такой стилистический прием, как сарказм, используется автором комментария для экспликации насмешки над новостями о количестве вакцинированных (пр. 12).

12) *Que buena noticia. Con eso tan solo faltan 45 Milliones de vacunados...* (Какая чудная новость. Всего-то 45 миллионов невакцинированных осталось...)

Сарказм проявляется в использовании наречия *solo* в сочетании с числительным *45 Milliones*, также в употреблении стилистического приема антифразиса в конструкции с частицей *que* (*que buena noticia* – *какая чудная новость*). Подобные высказывания обычно пунктуационно оформляются восклицательными знаками *¡!*, но в данном случае автор решил поставить точку, имплицитно выражая свое негативное отношение к вопросу. Объектом эмоциональной реакции в данном случае становится конкретная черта вакцинации в Испании – ее медлительность.

В комментарии ниже (пр. 13) автор иронично уверяет, что скоро обязательно придумают вакцину, которая будет лечить все штаммы нового вируса, используя гиперболу *q abarque todas las cepas* (которая нас вылечит от всех штаммов сразу).

13) *nos pondrán otra vacuna, q abarque todas las cepas*

На уровне грамматики для реализации негативных комментариев относительно вакцинации было обнаружено небольшое число специфических средств. Основным можно назвать использование отрицательных конструкций (пр. 14–16) *no, nope, not, don't*. При этом в англоязычных комментариях таких конструкций больше, чем в испаноязычных. В случаях с нижеприведенными комментариями объектом эмоциональной реакции является вакцинация, которой нужно сказать «нет». В примере 15 вакцинацию сравнивают с ядом, которому нужно сказать «нет». В примере 16 используется глагол в повелительном наклонении с отрицательной частицей *not* для усиления перлокутивного эффекта.

14) *No more poison*

15) *Not a chance!!!*

16) *It's all about \$\$\$ don't get the shots.*

Примечательно, что частое употребление отрицательных конструкций также прослеживается и на невербальном уровне. Ниже (рис. 5, 6) представлены некоторые изображения, используемые англоязычными комментаторами. На рисунках представлены герои известных американских телешоу: сериала «Офис» (рис. 5) и серии шпионских комедийных фильмов «Остин Пауэрс». Главной

особенностью данных изображений является вербальная составляющая, указывающая на отрицание, негативную реакцию на происходящее. В случае с Дуайтом из «Офиса» (рис. 5) представлена надпись *not in a billion million years*, которую можем перевести как «никогда», «ни за что на свете». Комментатор использует данное изображение, чтобы таким образом в шуточной форме выразить свое нежелание вакцинироваться. Также стоит обратить внимание на выражение лица персонажа, по которому можно считать его негативное отношение к обсуждаемому вопросу. В следующем комментарии на изображении героя «Остин Пауэрс» видим надпись *how 'bout no* – «что насчет нет», комментатор выражает свое отрицание и неготовность к вакцинации посредством шуточного изображения популярного героя. А страдальческое выражение лица персонажа ассоциируется с нежеланием комментатора вакцинироваться. Так как данные изображения были использованы комментаторами в контексте призыва вакцинироваться, можно судить о том, что они демонстрируют безапелляционное отрицание пользователей делать прививку.

Рис. 5. Комментарий с изображением героя сериала «Офис»

Рис. 6. Комментарий с изображением героя серии фильмов «Остин Пауэрс»

Что касается графических средств лингвокоммуникативной экспликации эмоций, были выделены два основных способа выражения эмоций – графическое разделение слова на слоги, употребление нескольких восклицательных знаков в конце предложения и капитализация.

Например, автор следующего испаноязычного комментария (пр. 17) эмоционально реагирует на предположение о том, что вакцина безопасна, утверждая, что все это ерунда и нужно самому проверить, прежде чем говорить. В данном комментарии также видим, что для интенсификации негативной эмоции автор прибегает сразу к двум неязыковым средствам – графическому разделению на слоги слова *tonterías* (чепуха) и употреблению сразу трех восклицательных знаков в конце.

Объектами эмоциональной реакции в данном случае становятся либо источник информации о вакцинации (газеты), либо мнение другого комментатора о побочных действиях вакцины, поскольку автор комментария ссылается на мнение другого о безопасности вакцины: *cuando te toque ya sabes si es eficaz o tiene contraindicaciones* (вот, когда тебя коснется, тогда и посмотрим, насколько эффективна вакцина и есть ли у нее побочные эффекты).

17) *Pues mejor, así cuando te toque ya sabes si es eficaz o tiene contraindicaciones. Ton-te-rias, hay que ver!!!* (Ну и ладно, вот, когда тебя коснется, тогда и посмотрим, насколько эффективна вакцина и есть ли у нее побочные эффекты. Че-пу-ха, нужно следить!!!)

В примере 18 также встречается употребление междометия *jaja* (хаха), используемое комментатором для интенсификации эмотивности комментария и выражения иронии или даже сарказма. Объектами эмоционального реагирования становятся как сама вакцинация, так и люди, ответственные за нее, это видно из негативно-коннотированной лексики, используемой в адрес вакцины и правительства, как в примере 18: *La vacuna es una farsa!!! Como este gobierno!!!* (Вся эта вакцина – сплошной фарс!!! Как, впрочем, и правительство!!!).

La vacuna es una farsa!!! Como este gobierno!!! Si da igual la vacuna... Teniendo gente como vosotros en España ya es la muerte y la ruina... Os podéis vacunar contra Sánchez e iglesias también... Igual os baja la luz este mes jaja

Было отмечено, что и испаноязычные, и англоязычные комментаторы прибегают к капитализации некоторых лексических единиц (пр. 19, 20).

19) *Esto es de VERGÜENZA. ESTA CLARO QUE HAY UNOS INTERESES POR PARTE DEL*

GOBIERNO. EL MISMO QUE LUEGO SE LAVARÁ LAS MANOS CUANDO SE SUMEN LOS FALLECIDOS.

20) you are **MURDERING PEOPLE YOU DEMONS!!!!!!!!!!!!!!**

Выводы

Таким образом, пандемия COVID-19 и кампания по вакцинации от новой коронавирусной инфекции стала своеобразным триггером как для эмоциональной реакции в сети Интернет, так и для научных исследований, описывающих это явление с лингвистической точки зрения. Проведенный сентимент-анализ и интерпретативный дискурс-анализ интернет-комментариев позволили выявить следующую специфику лингвокоммуникативной экспликации негативных эмоций в испаноязычных и англоязычных интернет-комментариях о вакцинации.

Негативные эмоции относительно вакцинации вербализуются на уровне лексики при помощи лексических единиц с семантикой и смерти, и глупости. На уровне стилистических средств негативные эмоции реализуются при помощи риторических вопросов, риторических восклицаний, сравнений, сарказма, антифразиса, гиперболы, метафор, а также при помощи визуальной метафоры. На уровне грамматики основным средством реализации негативных эмоций является употребление отрицательных конструкций в сочетании с изображением людей с недовольным выражением лица. Графическими средствами экспликации является деление слов на слоги, использование заглавных букв в тексте комментария и употребление большого количества пунктуационных знаков.

Список источников

1. Первушина О. Н., Федоров А. А., Дорошова Е. А. Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности // *Reflexio*. 2020. Т. 13, № 1. С. 5–20.
2. Гукосьянц О. Ю. Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19 // *Медиалингвистика*. 2023. № 10 (3). С. 301–318.
3. Годдард К., Вежбицкая А. Семантика во время коронавируса: «Virus», «bacteria», «germs», «disease» и соотносимые понятия // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, № 1. С. 7–23.
4. Редкозубова Е. А. COVID-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 4. С. 193–200.
5. Зайцева И. П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7, № 4. С. 801–813.
6. Северская О. И. Ковидиоты на карантитулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7, № 4. С. 887–906.
7. Катермина В. В., Яченко Е. А. COVID-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) // *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. 2020. № 3 (108). С. 51–58.
8. Dash A. How has the coronavirus (COVID-19) pandemic affected global emoji usage? // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2020. 10 p. doi: 10.1080/10911359.2020.1838383 (дата обращения: 15.01.2021).
9. De Tienda Palop L. M. Qué significa «guerra contra el coronavirus»? // *Enrahonar. An international journal of theoretical and practical reason*. 2020. Vol. 65. P. 17–26.

10. Wicke P., Bolognesi M. M. Framing COVID-19: How we conceptualize and discuss the pandemic on Twitter // PLoS ONE. 2020. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0240010> (дата обращения: 15.01.2021).
11. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. С. 29–43.
12. Danes F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary-Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session papers of the XIV-th International Congress of Linguists. Berlin, 1987. P. 272–291.
13. Wierzbicka A. Defining Emotional concepts // Cognitive science. 1992. Vol. 15 (3). P. 539–581.
14. Volek B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. Amsterdam: J. Benjamins, 1987. 270 p.
15. Эйтчисон Д. Лингвистическое отражение любви, гнева и страха: цепи, сети или контейнеры? // Язык и эмоции. Волгоград: Перемена, 1995. С. 76–91.
16. Edmondson W. Affect and Language Development // Anglistentag / hrsg. von W. G. Busse. Tübingen: Niemeyer, 1992. P. 63–71.
17. Бабенко Л. Г. Лингвopsихология как новое междисциплинарное научное направление // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 41–45.
18. Малинович Ю. М. Эмоционально-экспрессивные элементы синтаксиса современного немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1990. 34 с.
19. Панченко Н. Н. Симуляция эмоций и ее декодирование // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2003. С. 71–76.
20. Красина Е. А. К вопросу о понятиях «эмоция» и «эмоциональное состояние» в лингвистике // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 2. С. 74–80.
21. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 336 с.
22. Филиппова М. П. Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения // Вестник Удмуртского университета. 2002. Т. 30, вып. 6. С. 1049–1054.
23. Фаломкина И. П. Речевая агрессия в комментариях социальных сетей и мониторинг социальной напряженности (на материале комментариев в профиле @kuzbass_news) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2020. № 8. С. 101–105.

References

1. Pervushina O. N., Fyodorov A. A., Dorosheva E. A. Perezhivaniye pandemii COVID-19 i tolerantnost' k neopredelyonnosti [Experiencing the COVID-19 pandemic and tolerance for uncertainty]. *Reflexio*. 2020, vol. 13, no. 1, pp. 5–20 (in Russian).
2. Gukos'yants O. Yu. Nekotoryye markyory konfliktprovotsiryuyushchey intentsii avtorov internet-komentariyev v period pandemii COVID-19 [Some markers of the conflict-provoking intentions of the authors of Internet comments during the COVID-19 pandemic]. *Medialingvistika – Media Linguistics*, 2023, no. 10 (3), pp. 301–318 (in Russian).
3. Goddard K., Vezhbitskaya A. Semantika vo vremya koronavirusa: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” i sootnosimye ponyatiya [Semantic during coronavirus: “Virus”, “bacteria”, “germs”, “disease” and related concepts]. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 7–23 (in Russian).
4. Redkozubova E. A. COVID-leksika: etimologicheskii i slovoobrazovatel'nyy aspekty (na materiale russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov) [COVID vocabulary: etymological and word-formation aspects (based on the material of Russian, English and German)]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki – The Humanities and social sciences*, 2020, no. 4, pp. 193–200 (in Russian).
5. Zaytseva I. P. “Koronapsikhoz”, “koronaskeptiki”, “kovidizm”, “covidophobiya” i drugiyе sotsiolingvisticheskiye markyory 2020 g. [“Coronapsychosis”, “coronaseptics”, “covidism”, “covidophobia” and other sociolinguistic markers 2020]. *Kommunikativnyye issledovaniya – Communication studies*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 801–813 (in Russian).
6. Severskaya O. I. Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyy slovar' kak diagnosticheskoye pole aktual'nykh diskursivnykh praktik [Covidioty on vacation: a coronavirus dictionary as a diagnostic field of current discursive practices]. *Communication studies*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 887–906 (in Russian).
7. Katermina V. V., Yachenko E. A. COVID-19 kak lingvisticheskoye yavleniye (na materiale tekstov angloyazychnykh SMI) [COVID-19 as a linguistic phenomenon (based on the texts of English-language media)]. *Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva*, 2020, no. 3 (108), pp. 51–58 (in Russian).
8. Dash A. How has the coronavirus (COVID-19) pandemic affected global emoji usage? *Journal of human behavior in the social environment*, 2020. P. 10. Doi: 10.1080/10911359.2020.1838383
9. De Tienda Palop L. M. Qué significa “guerra contra el coronavirus”. *Enrahonar. An international journal of theoretical and practical reason*, 2020, vol. 65, pp. 17–26.
10. Wicke P., Bolognesi M.M. Framing COVID-19: how we conceptualize and discuss the pandemic on twitter. *PLoS ONE*, 2020. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0240010> (accessed 15 January 2021).
11. Shakhovskiy V. I. Emotsii kak ob"yekt issledovaniya v lingvistike [Emotions as an object of research in linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2009, pp. 29–43 (in Russian).
12. Danes F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary-Survey of the Field. *Preprints of the Plenary Session papers of the XIV-th International Congress of Linguists*. Berlin, 1987. Pp. 272–291.

13. Wierzbicka A. Defining Emotional concepts. *Cognitive science*, 1992, vol. 15 (3), pp. 539–581.
14. Volek B. *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian*. Amsterdam, J. Benjamins Publ., 1987. 270 p.
15. Eytchison D. Lingvisticheskoye otrazheniye lyubvi, gneva i strakha: tsepi, seti ili konteynery? [Linguistic reflection of love, anger and fear: chains, nets or containers?]. *Yazyk i emotsii* [Language and emotions]. Volgograd, Peremena Publ., 1995. Pp. 76–91 (in Russian).
16. Edmondson W. *Affect and Language Development*. *Anglistentag* / hrsg. von W. G. Busse. Tübingen, Niemeyer, 1992. P. 63–71.
17. Babenko L. G. Lingvopsikhologiya kak novoye mezhdistsiplinamoye nauchnoye napravleniye [Linguopsychology as a new interdisciplinary scientific field]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive studies of language*, 2020, no. 2 (41), pp. 41–45 (in Russian).
18. Malinovich Yu. M. *Emotsional'no-ekspressivnyye elementy sintaksisa sovremennogo nemetskogo yazyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Emotionally expressive elements of the syntax of the modern German language. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1990. 34 p. (in Russian).
19. Panchenko N. N. Simulyatsiya emotsiy i yego dekodirovaniye [Emotion simulation and its decoding]. *Emotivnyy kod yazyka i yego realizatsiya* [Emotive language code and its implementation]. Volgograd, Peremena Publ., 2003. 174 p. (in Russian).
20. Krasina E. A. K voprosu o ponyatiyakh “emotsiya” i “emotsional'noye sostoyaniye” v lingvistike [About the concepts of “emotion” and “emotional state” in linguistics]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki – Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2013, no. 2, pp. 74–80 (in Russian).
21. Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The course of phraseology of the modern English language]. Dubna, Feniks+ Publ., 2005. 336 p. (in Russian).
22. Filippova M. P. Internet-kommentariy i soobshcheniye na internet-forume: parametry zhanrovogo razgranicheniya [Online comment and post on the Internet forum: parameters of genre differentiation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*, 2002, vol. 30, no. 6, pp. 1049–1054 (in Russian).
23. Falomkina I. P. Rechevaya agressiya v kommentariyakh sotsial'nykh setey i monitoring sotsial'noy napryazhennosti (na materiale kommentariyev v profile @kuzbass_news) [Verbal aggression in social media comments and monitoring of social tension (based on comments in the profile of @kuzbass_news)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki – Modern science: actual problems of theory and practice*, 2020, no. 8, pp. 101–105 (in Russian).

Информация об авторе

Курилова Е. В., магистрант, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82а, Красноярск, Россия, 660041).
E-mail: mskate2000@mail.ru

Information about the author

Kurilova E. V., master student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk (pr. Svobodnyy, 82a, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).
E-mail: mskate2000@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 22.02.2024; accepted for publication 24.05.2024

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 811.581

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-50-58>

Способы референциального ранжирования субъектов в русских пословицах с формами второго лица единственного числа

Светлана Ивановна Первунина

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, pervuninas@mail.ru*

Аннотация

Выявление и характеристика способов референциального ранжирования субъектов в пословицах с формами второго лица единственного числа еще не были предметом специального исследования. Цель исследования – охарактеризовать систему средств выражения референциальных статусов субъектов, представленных в таких пословицах. Материалом послужили пословицы из сборника В. И. Даля. Анализ материала осуществлялся с опорой на теорию категориальных ситуаций А. В. Бондарко. В методологическую базу включены работы по теории референции Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева и др., а также исследования Н. А. Дьячковой, О. Е. Фроловой, Л. Б. Кацобы, характеризующие пословицы как особый тип текста. Установлена специфика актуализации/модификации референциальных статусов субъектов в пословицах, определяющая различными факторами: особенностями конструкции (с одним семантическим субъектом/с двумя семантическими субъектами); способами выражения субъектов (дискретным/недискретным); взаимодействием с различными распространителями. Выявлено, что субъекты обладают разными референциальными статусами: универсальным и родовым. Универсальный (наивысший) статус лица реализуется в пословицах, построенных по схеме односоставного обобщенно-личного предложения, включающих один семантический субъект. Референциальный статус недискретного субъекта в этом случае определяется с опорой на семантику предиката (действие относится к открытой группе лиц). Понижение ранга субъектов в пределах данного типа возможно при предикате, конкретизирующем круг деятелей, а также при указании на условие осуществления действия. Родовой статус определяется у субъектов, представленных в конструкциях с двумя семантическими субъектами: характеризации (занимающий грамматически подчиненную, а семантически – доминирующую позицию) и действия (грамматически – главного, а семантически – зависимого), служащего для выявления свойств субъекта характеризации. Субъект действия обладает тем же родовым референциальным статусом, что и субъект характеризации вследствие его подчиненности последнему субъекту. Определены семантические типы субъектов, влияющие на их референцию. Установлены способы повышения ранга субъектов (условно референтное употребление) и понижения (отношение к именным группам, некоторым семантическим классам). Учет взаимодействия разных факторов, действующих в пословицах, позволяет представить сложную систему ранжирования субъектов.

Ключевые слова: референция, русские пословицы, референциальные типы субъектов, референциальное ранжирование субъектов, формы второго лица, носитель предикативного признака

Для цитирования: Первунина С. И. Способы референциального ранжирования субъектов в русских пословицах с формами второго лица единственного числа // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 50–58. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-50-58>

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Ways of Referential Ranking of Subjects in Russian Proverbs with Forms of the Second Person Singular

Svetlana I. Pervunina

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, pervuninas@mail.ru

Abstract

Referential ranking of subjects in proverbs with second-person singular forms has not yet been identified and described in special literature. This study aims to describe the ways of expressing referential statuses of subjects in these types of proverbs. The study uses proverbs from V. I. Dal's collection as source data. The analysis is based on A. V. Bondarko's theory of categorical situations. The methodological framework includes works by N. D. Arutyunova, E. V. Paducheva, T. V. Bulygina, and A. D. Shmeleva that focus on the theory of reference, as well as studies by N. A. Dyachkova, O. E. Frolova, and L. B. Katsyuba that describe proverbs as a unique type of text. The study has revealed that the referential statuses of subjects in proverbs can be actualised/modified based on various factors, such as construction features (one semantic subject vs. two semantic subjects), ways of expressing subjects (discrete vs. non-discrete), interactions with different distributors, and connections with temporal non-localizability. The study has also revealed that subjects have different referential statuses: universal and generic. The highest status (universal) is assigned to a person in proverbs based on a one-member generalised personal sentence with one semantic subject. In this case, the referential status of a non-discrete subject is determined with reference to the semantics of the predicate, where the action relates to an open group of people. The rank of subjects within this type can decrease when the predicate specifies a circle of actors and conditions for the action. Subjects in constructions with two semantic subjects have the generic status: the subject of characterisation (grammatically subordinate but semantically dominant) and the subject of action (grammatically dominant but semantically subordinate), serving to identify the features of the subject of characterisation. The referential (generic) status of the subject of action is the same as that of the subject of characterisation due to its subordination to the latter. The study also identifies semantic types of subjects that influence their reference. Ways of raising the rank of subjects (conditionally referential use) and lowering it (relation to noun groups, certain semantic classes) have been determined. By considering the interaction of different factors in proverbs, a complex ranking system for subjects can be represented.

Keywords: *reference, Russian proverbs, referential types of subjects, referential ranking of subjects, second-person forms, carrier of the predicative feature*

For citation: Pervunina S. I. Sposoby referentsial'nogo ranzhirovaniya sub'yektov v russkikh poslovitsakh s formami vtorogo litsa edinstvennogo chisla [Ways of Referential Ranking of Subjects in Russian Proverbs with Forms of the Second Person Singular]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 50–58 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-2-50-58>

Введение

Статья посвящена установлению референциальных статусов субъектов, встречающихся в пословицах с формами второго лица единственного числа, таких как: *Держи обиход по промыслу и до бытку; Будешь богат, будешь и рогат; Заглазно го купца бей!*

Выбор темы и актуальность исследования обусловлены недостаточной изученностью механизмов референции в русских пословицах, в том числе и с формами второго лица; исследователи по-разному интерпретируют ранги субъектов в этом типе текста: одни квалифицируют его как обладающий наивысшей степенью обобщения (З. К. Тар-

ланов, Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко и др.), другие (О. Е. Фролова, Л. Б. Кацюба) выделяют несколько референциальных статусов, ранжирующих уровень обобщения.

Пословицы являются пространством, где актуализируются разные референциальные статусы субъектов, специфика которых во многом обусловлена такими особенностями этого текста, как обобщенность, иносказательность, лаконичность (И. Е. Аничков, З. К. Тарланов, Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, Н. А. Дьячкова, Е. Н. Платонова и др.). Данные черты пословиц коррелируют с определенными аспектами настоящего исследования. Так, обобщение, являясь конституирующим при-

знаком пословиц, тесно связано с некоторыми типами референции (универсальной; родовой; индивидуальная референция в исследуемых текстах не встречается); иносказательность, свойственная пословицам, соотносится с особым условно референтным статусом субъекта; лаконичность способствует компрессии, заключающейся в особой асимметричной структуре пословицы [1, с. 24–28].

Исследование опирается на классификации референциальных статусов субъектов Н. Д. Арутюновой [2], Е. В. Падучевой [3], Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [4] и др. Вслед за Е. В. Падучевой универсальный тип референции понимается нами как соотношение имени с открытым, неограниченным множеством лиц; родовой тип референции предполагает соотношенность имени с представителем класса, притом не с любым, а как бы с эталонным, типичным [3, с. 95–98].

Существенным для нашего исследования представляется введение особого референциального типа (связанного с иносказательностью), который под разными терминами намечается в работах О. А. Алексеевой (условно определенный тип субъекта) [5], О. Е. Фроловой (референциально свободный актант) [6, с. 59–65]. В данном исследовании нами используется термин «условно референтный тип субъекта», который, по О. А. Алексеевой, «реализуется при несовпадении референта и денотата» [5, с. 17]. Поскольку данный тип во многих случаях способствует повышению референциального ранга субъекта за счет расширения состава участников, включенных в ситуацию, то в пределах каждой группы мы будем выделять такие случаи.

Важной для данного исследования является проблема референциальной характеристики субъектов, для номинации которых используются термины «семантический субъект» или, по А. В. Бондарко, «носитель предикативного признака» (НПП). Под НПП понимаются «синтаксические единицы, выполняющие функцию предиктируемого компонента синтаксической структуры предложения, которому соответствует семантический субъект... выступающий как субстанция, которой приписывается предикативный признак» [7, с. 54]. Рассматривая понятие НПП, А. В. Бондарко выделяет следующие его типы: НПП₁, который может быть представлен как вербализованным подлежащим, так и нулевым подлежащим; НПП₂, выражаемый формами косвенных падежей. В настоящей работе характеризуются оба типа НПП.

Семантическая характеристика (и референциальная в рамках данного исследования) недискретного субъекта главным образом восстанавливается из семантики предиката (см. об этом А. В. Бондарко [7], С. И. Кокорина [8]). Хотя А. В. Бондарко

дифференцирует дискретное и недискретное выражение НПП, в пословичных текстах различие между ними нивелируется, но такое наблюдение может не распространяться на другие тексты, обладающие индивидуальной спецификой.

НПП₂ широко используются в пословицах, что отвечает принципу лаконичности и, как следствие, компрессии. Это формирует особую структуру пословицы, которую Н. А. Дьячкова объясняет тем, что в простом предложении содержится информация сложного, т. е. наличествуют две пропозиции, одна из которых выражена предикатом, а другая атрибутивным определителем: *От злого человека не уберешься* (Человек S_2 злой P_2 / (нулевой обобщенный субъект \emptyset) S_1 не уберешься P_1) → Человек злой, поэтому от него никто не уберется [1, с. 68]. Дальнейший анализ показывает, что референциальная характеристика субъекта может быть эксплицирована и в случае формально невыраженного определителя.

Таким образом, целью исследования является описание системы средств выражения референциальных статусов субъектов, представленных в пословицах с формами второго лица единственного числа.

Материал и методы

Языковым материалом послужили русские пословицы, взятые из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [9]. Проанализировано около 643 единиц.

В центре внимания находятся пословичные тексты, характеризующие человека. В данной статье мы ограничимся анализом текстов, построенных по модели односоставного предложения, где главный член выражен личной глагольной формой второго лица, у которой обычно не выделяются уровни референциального ранжирования; анализируются как императив, так и индикатив, которые обладают некоторыми различиями в прагматическом аспекте (индикатив в отличие от императива находится в «фокусе эмпатии» – см., например, Т. В. Булыгину и А. Д. Шмелева [4, с. 50]), однако по референциальным функциям они идентичны.

Не рассматриваются конструкции с формами множественного числа (они встречаются достаточно редко): это обусловлено тем, что существует мнение, согласно которому в обобщенно-личном значении разница между данными формами нивелируется «... и с грамматической, и с социально-этикетной точки зрения» [10, с. 118], и они находятся «вне категории числа» [4, с. 55], следовательно, обладают схожими референциальными возможностями при выражении обобщенного лица.

За пределами исследования остаются двусоставные предложения, поскольку субъект в таких

конструкциях, несмотря на его дискретное выражение личным местоимением «ты», в пословицах обладает идентичным типом референции, что и недискретный субъект в односоставных конструкциях. Данное утверждение поддерживается в работе Т. В. Булыгиной и А. В. Шмелева, которые фиксируют у местоимения «ты» «два комбинаторных варианта – нулевой и ненулевой», являющиеся равноправными при передаче обобщенно-личной семантики [4, с. 44].

В ходе работы применялся функциональный анализ текста с опорой на теорию категориальных ситуаций, разработанных А. В. Бондарко [11].

Определение референциального статуса субъектов в пословицах обеспечивается рядом механизмов, которые не только способствуют выражению этого статуса, но и являются регуляторами ранжирования универсальной референции; характеристика референциального статуса субъекта в пословицах с неэксплицированным субъектом может осуществляться с учетом семантического типа предиката, характеристики объекта, некоторых других распространителей, особенностей синтаксической конструкции и др.

Результаты и обсуждение

В результате анализа были выявлены пословицы, содержащие: 1) один семантический субъект (один и тот же семантический субъект)¹ – *Стоя без шапки, много не наговоришь; Первому кону не радуйся!* и 2) два семантических субъекта (разные семантические субъекты) – *Безумного волей не научишь; Не пугай сокола вороной!*

1. Референциальная характеристика субъектов в пословицах, содержащих один семантический субъект (НПП). К первому типу относятся пословичные высказывания с одним семантическим субъектом, например: *Прошлого не воротишь; Не споруйся ни с тюрьмой, ни с сумой.* В таких конструкциях субъект выражен недискретно, т. е. глагольной формой второго лица.

Установлено, что субъекты в данном случае передают наивысшую степень обобщения (универсальная референция, по Е. В. Падучевой [3]), однако наблюдается некоторая неоднородность референциальных характеристик, связанная с внутренним ранжированием статусов субъектов (в пределах универсального типа референции).

Для характеристики недискретно выраженных субъектов, как отмечалось ранее, важно учитывать семантический тип предиката, а также его взаимодействие с объектом и другими распространителями.

Необходимо отметить, что поскольку в этих высказываниях реализуется наивысшая степень обобщения субъектов, то даже условно референтный тип субъектов, который во всех других случаях повышает ранг их обобщения, здесь не выполняет такую функцию.

При недискретном выражении субъекта основную роль в его квалификации играет предикат. Как справедливо отмечают А. В. Бондарко [7], С. И. Кокорина [8] и др., невозможно идентифицировать тип семантического субъекта вне его связи с предикатом. Это утверждение распространяется также на определение референциального статуса субъекта, который полностью зависит от того, с каким типом предиката он взаимодействует.

Высокий уровень обобщения фиксируется в пословицах, где в качестве предикатов выступают глаголы с широкой семантикой (*делай, будь* и пр.), а также глаголы движения (*беги, езжай*), восприятия (*смотри, слушай*), интеллектуальной деятельности (*читай, думай*), удовлетворения жизненных потребностей (*ешь, спи*) и пр., называющие действия, которые может выполнять любой субъект: *Сперва подумай, а там и нам скажи; Ешь досыта, а делай до поту; Стой заодно, а беги врознь.*

Некоторое понижение ранга обобщения субъектов фиксируется в пословицах, где семантика предиката определяет действие/поведение субъекта. В этих случаях поведение обобщенного лица распространяется не на всех людей, а на тех, которые обладают определенными качествами: *Перекрестись, да выпись* – поведение людей, которые ведут неправильный образ жизни; *Гневайся, да не согрейши!* – поведение людей гневливых, которые в таком состоянии могут совершать необдуманные поступки.

Как уже отмечалось, предикат с обобщенной семантикой не функционирует в пословицах в изолированном виде, как правило, он взаимодействует с другими компонентами пословицы, которые либо поддерживают его высокую степень обобщения, либо выступают ограничителями референции.

В роли таких распространителей может выступать объект или другие распространители (чаще всего наречия).

Экспликация референциального статуса субъекта может осуществляться посредством семантики объекта, который также выступает носителем референциальной информации при неэксплицированном субъекте. В данном случае, как было сказано выше, учитывается и семантика предиката.

Высокая степень обобщения актуализируется в пословицах, где в качестве объекта при предикате

¹ В анализ включаются конструкции с двумя предикатами, относящимися к одному и тому же субъекту, не рассматривается дискуссия об их квалификации как сложносочиненного предложения или однородных членов предложения.

находится кванторное местоимение (всякого, никого): *Всякого слушай, никому не поддавайся; Всякого нищего не перещеголяешь*, являющееся общеязыковым средством передачи универсальной референции. Некоторые референциальные особенности прослеживаются при взаимодействии объекта, выраженного существительным с отвлеченным значением (добро, зло, худо, правда, дело и пр.), с разными типами предиката. Так, например, объект при предикате, называющем действия, которые может выполнять любой субъект (иди, делай и пр.), дублирует тип его референции: *Про доброе дело говори смело; Дружбу помни, а злобу забывай; Зла за зло не воздавай!*; при предикате с более конкретной семантикой повышает его статус: *Добро наживай, а худо избывай*.

Функционирование объектов с конкретной семантикой сужает референциальный охват субъектов (вне зависимости от типа предиката), поскольку характеризует поведение субъекта в определенной сфере жизни (финансы, семья, работа и пр.): *Береги денежку на черный день!; Учи жену без детей, а детей без людей!* – в данных примерах объекты действия конкретизируют область, в рамках которой осуществляется действие субъекта.

Выявлена специфика взаимодействия объекта и предиката в конструкциях, включающих глагольные формы индикатива с отрицательной частицей «не»: *С притчей не поспоришь; Яичка не повесишь на спичку; От своего хвоста не уйдешь*. В референциальном плане в таких пословицах представлена ситуация невозможности совершения действия любым (каждым, всяким) субъектом.

Высокий уровень референции субъектов, как было отмечено, поддерживают распространители, которые могут быть представлены наречиями (в том числе формой компаратива): *Живи по-старому, а говори по-новому; Слушай больше, а говори меньше; Ешь больше, а говори меньше*; темпоративами: *Раньше вставай, да сам наживай!*; локативами: *Дома спасайся, а в церковь ходи!*; *Иди вперед, а оглядывайся назад*. В данных примерах при предикате находится распространитель, функция которого заключается в уточнении параметров производимого субъектом действия (по времени – раньше/позже; месту – дома/вперед; степени – больше/меньше).

Во всех представленных пословицах были выявлены и случаи условно референтной характеристики, которые, как отмечалось ранее, не повышают референциальный статус субъектов: *Ветра ведрами не смеряешь; У моря сиди да погоды жди; Лежи на боку да гляди за реку*. Это объясняется тем, что действие предиката распространяется на любое лицо, поэтому возможность соотнесения данной пословицы с разными ситуациями не влия-

ет на повышение референциального статуса субъектов.

Установлено, что некоторое понижение ранга субъектов наблюдается в высказываниях со скрытым условием, поскольку при сохранении референциального статуса субъекта, определяемого семантическим типом предиката, количество лиц, которым свойственно называемое действие, сокращается вследствие того, что не все попадают в подобную ситуацию: *Не сняв коры* (условие реализации ситуации), *дерева не узнаешь* → Тот, кто не снимет коры (не начнет действие), деревья не узнает (не получит результат).

Таким образом, в рассматриваемых пословицах референциальный статус субъектов определяется нами как самый высокий с незначительным варьированием степени обобщения.

2. Пословицы, содержащие два семантических субъекта (НПП₁ и НПП₂). Ко второму типу относятся пословицы, в которых взаимодействуют два семантических субъекта: субъект действия (НПП₁) и субъект характеристики (НПП₂): *У каменного попа и железной просвиры не выпросишь; Суженого и на коне не объедешь*.

Пословичные высказывания рассматриваемого типа имеют структуру простого предложения, в которую включаются минимум две пропозиции с разными семантическими субъектами, т. е. формально простое предложение реализует семантику сложного предложения. Так, пословица *Лукавой бабы и в ступе не истолчешь* представляет собой простое предложение, в котором сосуществуют две пропозиции: первая пропозиция (недискретный субъект) *не истолчешь* – представляет собой действие имплицитированного обобщенного субъекта; вторая пропозиция – *баба лукавая* представляет субъекта характеристики (*бабу*), а атрибутивный определитель *лукавая* выступает в роли включенного предиката, называя качество этой *бабы*.

Было установлено, что субъект действия, несмотря на свое грамматическое главенство, семантически выполняет второстепенную роль, раскрывая своими действиями свойства субъекта характеристики. Например: *На портного прикладу не напасешься* – в данном случае обобщенным субъектом действия выступает тот, кто взаимодействует с «портным» (*О не напасешься*), однако характеризуется здесь не он, а *портной*. Следовательно, целью этой пословицы является характеристика *портного* (НПП₂), а для выявления его свойств используется действие другого, недискретно выраженного обобщенного лица *не напасешься* (НПП₁).

Поскольку субъект действия является прагматически подчиненным, а субъект характеристики – главенствующим, то мы начнем рассмотрение пословиц именно с последнего типа субъекта.

В пословичных текстах субъект характеристики представлен дискретно: занимает позицию дополнения, выраженного именем (именной группой) в косвенном падеже (*судью, заглазного купца* и пр.). Правомерность выражения семантического субъекта формой косвенного падежа была обоснована в ряде работ (см., например, А. В. Бондарко [7], С. И. Кокорина [8] и др.).

Выражение семантики характеристики рассматриваемого субъекта зависит от способа представления НПП₂: атрибутивное сочетание (*бесстыжий гость, добрая кума* и пр.), субстантив (*глупый, добрый* и пр.), нарицательное существительное (*друг, судья* и пр.).

В конструкциях, где субъект выражен атрибутивным сочетанием, т. е. именной группой (*злая жена, заглазный купец* и пр.), предикатом характеристики выступает атрибутивный определитель (выполняет функцию включенной пропозиции), передающий свойство/качество характеризуемого субъекта (*лукавый, злой, умный* и пр.), например: *С бранчивой кумой не попрощаешься* → *Кума бранчивая* (и поэтому с ней не попрощаешься).

Если субъект представлен только именем (без определителя), в том числе и субстантивом (*глупый, лихой, скупой* и пр.), предикат характеристики имплицитирован, но имеет разные варианты восстановления.

Так, в одном случае пропозиция характеристики интегрирована в номинацию субъекта (в лексическом значении субъектных номинаций содержатся семы, репрезентирующие их качества) и актуализируется в результате взаимодействия с основной пропозицией, представляющей действие обобщенного субъекта: *От лихого* (человека) *не услышишь доброго слова*; *У скупого* (человека) *и в крещенье льду не выпросишь* – в данных примерах непосредственный субъект (человек) назван субстантивом, в номинацию которого включена сема, идентифицирующая качество лица (человек добрый, злой, умный и пр.).

В других случаях предикат характеристики имеет более глубокую импликацию и выводится из всего высказывания путем инференции (подробнее об этом см. И. П. Матханова [12], О. Б. Абакумова [13]). Например, в пословицах: *Бабу не переговоришь* в субъектную номинацию *баба* не заложена качественная характеристика, однако она может быть восстановлена с помощью взаимодействия субъекта с основным предикатом: в лексическое значение глагола *не переговорить* включена характеристика болтливости человека, что является скрытым предикатом, ср.: *Бабу не переговоришь* → *Баба* (болтливая), и поэтому ее не переговоришь.

Анализ материала показал, что существует некоторое различие в статусе субъектов, которое за-

висит от прямого или переносного типа их номинации.

Референциальный статус субъектов, выраженных лексемами с прямой номинацией

При прямой номинации родовой статус выявляется у следующих групп субъектов (НПП₂): 1) называющих представителя класса лиц; 2) называющих представителя части класса лиц.

Средствами выражения представителя класса выступают такие имена нарицательные (по А. Д. Шмелеву [14]), как: а) имена качественные, репрезентированные семантическими группами существительных по гендерному признаку: *За бабой покидай последнее слово*; *Бабе хоть кол на голове теши*; по личностным качествам: *У скупого не вымолотишь*; *Безумного волей не научишь*; б) функциональные имена, включающие номинации по роду деятельности: *Порожними руками с судьей не говоришь*; *У приказного за рубль правды не купишь*; в) имена реляционные, включающие термины родства (*мать, муж* и пр.) или конверсивы (*гость, хозяин*), выявлены только в составе именной группы (см. ниже).

Понижение ранга обобщения субъектов фиксируется в пословицах, где субъектом выступает представитель части класса (в атрибутивном сочетании – *злая баба, бесстыжий гость* и пр.). В этом случае ограничение референции осуществляется посредством взаимодействия атрибутивного определителя и существительного, называющего представителя определенного класса. Так, в пословицах: *Бесстыжего гостя из избы пивом не выгонишь*; *От злой жены не уйдешь* – сужение референциального статуса субъекта осуществляется в рамках реляционного класса, заданного номинациями *гость* и *жена*, а определитель, конкретизирующий качество субъекта (*бесстыжий, злая* и пр.), выступает ограничителем референции, поскольку из всего реляционного класса субъектов выбираются те, кто обладает именно этим качеством.

Таким образом, атрибутивное сочетание в пословицах выполняет две функции: с одной стороны, ограничивает класс субъектов, а с другой – выступает включенным предикатом.

Референциальный статус субъектов, выраженных лексемами с переносной номинацией

При переносной номинации статус субъектов можно считать условно референтным, он выражается в анализируемых пословицах антропонимами (*слепой, горбатый* и пр.) и зоонимами (*лиса, змея* и пр.). Более широкий спектр способов выражения переносной номинации субъектов представлен в нашей работе [15].

В отличие от пословиц с одним семантическим субъектом в рассматриваемой группе фиксируется повышение ранга субъектов в пределах родового статуса за счет их условно референтной принадлежности.

Обычно при переносном употреблении антропонимов характеристика по внешним данным распространяется и на внутренние качества людей: *На слепого очков не подберешь; Кривого кривым не исправишь*, т. е. происходит модификация их статуса, связанного с таким механизмом, как референциальный транзит (подробнее см. [15]). В таких пословицах референциальный охват субъектов характеристики *кривой, слепой* расширяется за счет их метафорического употребления: через внешние данные характеризуются личные качества людей: *слепой* – человек, намеренно закрывающий глаза на какие-то факты; *кривой* – изворотливый, лживый.

Употребление зоонимов (*волк, змея* и пр.) также осуществляет повышение уровня обобщения субъектов характеристики. Так, например, в пословицах: *Змею выше глаз не поднимай; Не пугай сокола вороной!* субъекты *змея* и *лиса* отсылают к характеристике качеств человека: *змея* ассоциируется с коварством и непредсказуемостью, а *сокол* выражает силу, превосходство над другими. Поскольку в пословицах с таким типом субъектов осуществляется характеристика человека, то, опираясь на классификацию А. Д. Шмелева [14, с. 204–232], их можно отнести в референциальный класс качественных имен.

Что касается референциального статуса субъекта действия, то в отличие от пословиц с одним семантическим субъектом, где субъект действия является основным, пословицы с двумя семантическими субъектами, как уже было отмечено нами ранее, демонстрируют более сложную ситуацию: субъект действия в них является грамматически ведущим, но семантически подчиненным, следовательно, он дублирует родовой референциальный статус субъекта характеристики. Ср.: *Немилостивому мил не будешь; За бабой покидай последнее слово* – в данных примерах субъектами действия выступает не любой человек, а некоторая группа лиц, взаимодействующая с субъектами характеристики – немилостивым человеком и бабой.

Заключение

В пословицах с формами второго лица единственного числа была выявлена сложная система взаимодействующих языковых механизмов, участвующих в экспликации референциальных статусов субъектов.

Установлено, что на референциальную характеристику субъектов могут влиять особенности конструкции. Компрессия, свойственная пословицам, делает возможным в структурно простом предложении передавать семантику сложного, что обуславливает наличие пословиц с разным количеством субъектов: 1) с одним семантическим субъектом (недискретно выраженным субъектом действия); 2) с двумя семантическими субъектами (один из которых – субъект действия, а второй является субъектом характеристики).

Референциальные статусы субъектов в этих случаях различаются, различаются и способы их определения.

Универсальный статус субъекта представлен в пословицах первого типа, построенных по схеме обобщенно-личного предложения. В связи с недискретным способом выражения лица основную роль в определении его статуса выполняет предикат, способный обозначать действия любого лица, и распространители, подчеркивающие высокий уровень обобщения. В рамках указанного референциального статуса отмечаются случаи его понижения, связанные с семантической характеристикой предиката.

В пословицах второго типа родовой статус субъекта характеристики выражен в его номинации, представленной атрибутивным сочетанием, субстантивом или нарицательным существительным. Ранжирование степени обобщения субъектов в данном случае связано со способом их выражения: ранг родового обобщения сохраняется в пословицах, где субъект представлен именами, называющими класс; понижается, если он представлен атрибутивным сочетанием, называющим часть класса. Субъект действия в таких высказываниях дублирует родовой статус субъекта характеристики вследствие его зависимой позиции от последнего субъекта.

В пословицах как с универсальным, так и с родовым статусом субъектов встречаются и условно референтные случаи, которые в пределах разных типов демонстрируют неодинаковое поведение. В первом типе они не меняют статус универсальной референции субъектов; во втором – варьируют, повышая ранг родового статуса субъектов.

Таким образом, соглашаясь с тем, что субъект в пословицах принято квалифицировать как обобщенный, тем не менее важно отметить, что проведенный анализ углубляет это представление, поскольку в результате действия вышеперечисленных механизмов степень обобщения субъекта может ранжироваться.

Список источников

1. Дьячкова Н. А. Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 259 с.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 2010. 296 с.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 41–62.
5. Алексеева О. М. Особенности употребления имен в эзоповом языке басни (референциальный анализ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 16–21.
6. Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: ЛКИ, 2007. 317 с.
7. Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29–71.
8. Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1979. 77 с.
9. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. 433 с.; Т. 2. 449 с.
10. Золотова Г. А., Онипенко Н. К. и др. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филол. ф-т МГУ, 1998. С. 524.
11. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
12. Матханова И. П. Референция, инференция и описание семантики высказывания // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 136–143.
13. Абакумова О. Б. Проблемы референции и инференции пословиц и референциально-ролевая грамматика // Язык и культура. 2011. № 3. С. 5–14.
14. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 483 с.
15. Первунина С. И. Особенности референции субъектов в русских пословицах с формами третьего лица // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 2.

References

1. D'yachkova N. A. *Polipropositivnyye struktury v sfere prostogo predlozheniya* [Polypropositional Structures in Simple Sentences]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2001. 259 p. (in Russian).
2. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).
3. Paducheva E. V. *Yskazyvaniye i yego sootnesyonnost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nyye aspekty semantiki mestoimeniy* [Expression and Its Correlation with Reality: Referential Aspects of Pronoun Semantics]. Moscow, LKI Publ., 2010. 296 p. (in Russian).
4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Referentsial'nyye, kommunikativnyye i pragmaticheskiye aspekty neopredelyonnolichnosti i obobshchennolichnosti [Referential, Communicative and Pragmatic Aspects of Indefinite Personality and Generalised Personality]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Theory of Functional Grammar. Personality. Voice]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1991. Pp. 41–62 (in Russian).
5. Alekseeva O. M. Osobennosti upotrebleniya imyon v ezopovom yazyke basni (referentsial'nyy analiz) [Peculiarities of the Use of Names in the Aesopian Language of the Fable (Referential Analysis)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of Moscow Regional University. Series: Russian philology*, 2018, no. 5, pp. 16–21 (in Russian).
6. Frolova O. E. *Mir, stoyashchiy za tekstom: referentsial'nyye mekhanizmy poslovitsy, anekdota, volshebnoy skazki i avtorskogo povestvovatel'nogo khudozhestvennogo teksta* [The World Behind the Text: Referential Mechanisms of a Proverb, Joke, Fairy Tale, and Author Narrative Literary Text]. Moscow, LKI Publ., 2007. 317 p. (in Russian).
7. Bondarko A. V. Sub'yektno-predikatno-ob'yektnyye situatsii [Subject-predicate-object situations]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Sub'yektnost'. Ob'yektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/neopredelennost'* [Theory of Functional Grammar. Subjectivity. Objectivity. Communicative Perspective of an Utterance. Certainty. Uncertainty]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. Pp. 29–71 (in Russian).
8. Kokorina S. I. *O semanticheskoy sub'yekte i osobennostyakh yego vy'razheniya v russkom yazy'ke* [On Semantic Subject and Peculiarities of Its Expression in Russian]. Moscow, MSU Publ., 1979. 77 p. (in Russian).
9. Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: sbornik v 2 tomakh* [Proverbs of the Russian People: collection in 2 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. Vol. 1. 433 p. Vol. 2. 449 p. (in Russian).
10. Zolotova G. A., Onipenko N. K. et al. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Philological faculty MSU Publ., 1998. 524 p. (in Russian).
11. Bondarko A. V. *Kategorial'nyye situatsii: K teorii funktsional'noy grammatiki* [Categorisation in the Grammar System]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011. 488 p. (in Russian).

12. Matkhanova I. P. Referentsiya, inferentsiya i opisaniye semantiki vyskazyvaniya [Reference, Inference and Description of the Semantics of an Utterance]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2011, no. 3, pp. 136–143 (in Russian).
13. Abakumova O. B. Problemy referentsii i inferentsii poslovits i referentsial'no-rolivaya grammatika [Problems of Referential and Inferential Proverbs and Referential-Role Grammar]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, no. 3, pp. 5–14 (in Russian).
14. Shmelev A. D. *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian Language and Extra-Linguistic Reality]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 483 p. (in Russian).
15. Pervunina S. I. Osobennosti referentsii sub"yektov v russkikh poslovitsakh s formami tret'yego litsa [Peculiarities of Subject Reference in Russian Proverbs with Third Person Forms]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2024, no. 2 (in Russian).

Информация об авторе

Первунина С. И., аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Виллойская, 28, Новосибирск, Россия, 630126).

E-mail: pervuninas@mail.ru

Information about the author

Pervunina S. I., postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).

E-mail: pervuninas@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 29.02.2024; accepted for publication 24.05.2024

УДК 811.161.1'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-59-67>

Концепт «творчество» и средства его воплощения в лирике Ю. Д. Левитанского

Зарринахон Мукимджоновна Дусматова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, dusmatovazm@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу вербализации концепта «творчество» в поэзии выдающегося русского поэта второй половины XX в. Ю. Д. Левитанского. В качестве материала исследования рассмотрены стихи из ранних сборников поэта «Листья летят» (1956), «Стороны света» (1959) и «Земное небо» (1963). Выбор данных поэтических текстов обусловлен их недостаточной изученностью, а также стремлением рассмотреть более подробно начальный период творчества Ю. Д. Левитанского, важный для понимания его творчества в целом. Для достижения поставленной цели в исследовании использованы метод сплошной выборки, наблюдение, семантико-стилистический и контекстуальный анализ. Установлено, что творчество в восприятии автора предстает как сложный процесс самовыражения, требующий вдохновения, трудолюбия и гармонии с природой. Ю. Д. Левитанским описан анализ внутренних конфликтов поэта, баланса между эмоциями и разумом, а также противопоставление авторской индивидуальности и стереотипов в творчестве. Сделан акцент на сложных эмоциях, переживаемых поэтом в начале творческого процесса. В исследовании выявлены языковые средства, репрезентирующие концепт «творчество»: использование метафор, эпитетов и антитезы для передачи внутренних противоречий и переживаний поэта; повторение слов и фраз для усиления эмоционального воздействия текста, а также использование оксюморонов и риторических вопросов для выражения сложности и противоречивости творческого процесса. Как показало исследование, для Ю. Д. Левитанского творчество является неотъемлемой частью его сущности, способом самовыражения и поиска смысла в жизни. Творчество рассматривается автором как источник боли и переживаний, так и глубокого удовлетворения. Поэт видит творчество как серьезный и волнующий процесс, требующий полной самоотдачи и концентрации, но при этом приносящий радость и ожидание чего-то важного и значимого. Для Ю. Д. Левитанского творчество – это исследование внутреннего мира, где карандаш и бумага выступают как инструменты для раскрытия глубин человеческой души.

Ключевые слова: *концепт «творчество», интерпретация, картина мира, лирика, Ю. Д. Левитанский*

Для цитирования: Дусматова З. М. Концепт «творчество» и средства его воплощения в лирике Ю. Д. Левитанского // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 59–67. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-59-67>

The concept of “creation” and the means of its implementation in lyrics of Y. D. Levitansky

Zarrinahon M. Dusmatova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, dusmatovazm@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the analysis of the verbalisation of the concept of creativity in the poetry of the outstanding Russian poet of the second half of the twentieth century Y. D. Levitansky. Poems from the poet's early collections “Leaves are Flying” (1956), “Sides of the World” (1959) and “Earthly Sky” (1963) are considered as the research material. The choice of these poetic texts is due to their insufficient study, as well as the desire to consider in more detail the initial period of Levitansky's work, important for understanding his work as a whole. In order to achieve the set goal, the study uses the method of solid sampling, observation, semantic-stylistic and contextual analyses. It was established that creativity in the author's perception appears as a complex process of self-expression, requiring inspiration, diligence and harmony with nature. Y. D. Levitansky describes the analysis of the poet's inner conflicts, the balance between emotions and reason, as well as the opposition of the author's individuality and stereotypes in creativity. Emphasis is made on the complex emotions experienced by the poet at the beginning of the creative process. The study reveals the linguistic means representing the concept of creativity: the use of metaphors, epithets and antithesis to convey the internal contradictions and experiences of the poet; repetition of words and phrases to enhance the emotional impact of the text, as well as the use of oxymorons and

rhetorical questions to express the complexity and contradictory nature of the creative process. As the study has shown, for Y. D. Levitansky creativity is an integral part of his essence, a way of self-expression and search for meaning in life. The author sees creativity as a source of pain and experience, as well as deep satisfaction. The poet sees creativity as a serious and exciting process that requires complete dedication and concentration, but at the same time brings joy and expectation of something important and meaningful. For Y. D. Levitansky, creativity is an exploration of the inner world, where pencil and paper act as tools to reveal the depths of the human soul.

Keywords: concept “creativity”, interpretation, world picture, lyrics, Y. D. Levitansky

For citation: Dumatova Z. M. Kontsept “tvorchestvo” i sredstva yego voploshcheniya v lirike Yu. D. Levitanskogo [The concept of “creation” and the means of its implementation in lyrics of Y. D. Levitansky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 59–67 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-59-67>

Введение

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» «концепт» описывается как один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики. Он связан прежде всего с антропоцентрической парадигмой языкознания и когнитивно-прагматической методологией и используется наряду с такими ключевыми понятиями, как «дискурс» и «картина мира», для репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных интенций личности, отраженных в ее творениях – текстах [1, с. 181].

Согласно «Словарю лингвистических терминов», «концепт – это не только смысловое содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого понятия (примером служит смысловое значение понятия „Венера“ – древнеримская богиня любви), но также оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга в когнитивной лингвистике» [2, с. 165].

По мнению С. А. Аскольдова, «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3, с. 240]. Д. С. Лихачев добавляет, что значение слова, замещающего собой концепт, выясняется обычно из контекста, а иногда даже из общей ситуации. Концепт, по его мнению, «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека». Поэтому, рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, Д. С. Лихачев рекомендует не исключать человека. Он утверждает, что потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека [3, с. 242].

Для формирования и восприятия концептов важность культурного опыта человека подчеркивает и Ю. С. Степанов. По его определению, концепт является неким комплексом культурных представлений, заложенных в сознании индивида, который служит средством вхождения культуры в «ментальный мир человека». С другой стороны, кон-

цепт также является инструментом, с помощью которого обычный человек взаимодействует с культурой и в некоторых случаях оказывает на нее влияние [4, с. 40].

Н. С. Болотнова пишет, что концепт в его текстовом воплощении, являясь элементом общей системы текста, отражает авторское мировидение, его индивидуальную картину мира, конкретный замысел творца, его интенции, актуализированные в тексте [5, с. 80].

Таким образом, концепт представляет собой ключевой элемент в понимании взаимосвязи языка, культуры и литературы, отражающий сложные процессы мышления и взаимодействия человека с окружающим миром.

Творчество – это «деятельность, направленная на создание новых по замыслу культурных и материальных ценностей» [6, с. 503]. Творчество ассоциируется с такими словами, как *искусство, картина, художник, талант, музыка, поэт, писатель, живопись, литература, творение, самовыражение, вдохновение...* [7, с. 245].

Цель нашей статьи заключается в исследовании концепта «творчество» и средств его воплощения в лирике Ю. Д. Левитанского. Рассмотрим, как данный концепт проявляется в поэтических текстах автора, определим особенности его интерпретации и использования в художественной речи.

Ю. Д. Левитанский, выдающийся русский поэт второй половины XX в., известен своими стихотворениями о природе, войне, человеческих чувствах. Творчество поэта характеризуется глубоким отношением к природе. Его лирика отражает спокойствие и гармонию, воплощая в себе не только визуальную красоту природы, но и ее эмоциональное воздействие на поэта. Ю. Д. Левитанский уделял особое внимание деталям, чтобы передать тончайшие нюансы настроения и внутренней гармонии природы. Стихи поэта пронизаны глубокими чувствами и символами, что делает его творчество уникальным и актуальным.

Критики называют Ю. Д. Левитанского «поздним поэтом». Современный русский писатель и поэт Е. Л. Бершин анализирует данную оценку,

связывая ее с тем, что Ю. Д. Левитанский как поэт начал проявлять себя только в «Кинематографе» в 1970 г., когда ему было 48 лет, а публикацией сборника «День какой-то» в 54 года он официально утвердил свое литературное творчество [8]. Сам Юрий Давидович в одном из интервью признавался, что придерживается мысли М. Пришвина о том, что писатели делятся на «скорорастущих» и «медленнорастущих». Про себя Ю. Левитанский сказал: «А я поздний сорт, я и писать начал поздно» [9].

Поэт признавался: «Говорят: поэзия – удел молодых. А я хотел и хочу написать о том, чем никто не занимался: о поэзии старых, потому что лучшая поэзия последней трети XX века у нас – это поздний Пастернак, поздняя Ахматова, поздний Твардовский, поздний Самойлов. Это феномен нашего времени...» [10].

В рамках литературного наследия Ю. Д. Левитанского выделяется заметное количество стихов, связанных с творчеством и художественным процессом. Экспрессивность и эмоциональную насыщенность стихов Ю. Д. Левитанского о творчестве создают образы, отражающие гармонию с природой, что характеризует его как поэта, тонко чувствующего искусство и влияние природы на художественный процесс. Сочетание красоты и философской глубины в его стихотворениях позволяет судить о значительном вкладе поэта в русскую литературу. При этом тема творчества является неотъемлемой и важной составляющей его поэтического наследия.

Материал и методы

Поздние сборники Ю. Д. Левитанского «Кинематограф» [11–13], «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» [14], «Сюжет с вариантами» [15], «День какой-то» [16] уже были объектом изучения ученых. Среди основных тем, затронутых ими, выделяется и тема творчества.

Например, И. С. Кадочникова в статье «Искусство как одна из форм жизни» рассматривает тему творчества в лирике Ю. Левитанского на основе стихотворений «Попытка оправдания» и «Кровать и стол, и ничего не надо больше...» (сборник «День какой-то»). Автор анализирует содержание данных произведений, определяя взгляд поэта на природу и значение творчества. В статье проводятся параллели между образом стола у Левитанского и Марины Цветаевой, обращается внимание на различия в мировоззрении и подходах к творчеству данных поэтов [17].

И. Э. Пристром в статье «Аллюзии в лирике Ю. Левитанского» тоже подчеркивает, что по своей тематике стихотворение «Кровать и стол, и ничего не надо больше...» отсылает нас к циклу «Стол»

М. Цветаевой, которая опозитивировала стол как символ своей творческой работы. Упоминается и стихотворение «Изо всего, что видел...» из сборника «Белые стихи», подчеркивая значимость творчества для поэта [18].

В отличие от данных исследователей, для анализа концепта творчество и средств его воплощения в лирике Ю. Д. Левитанского нами были рассмотрены стихотворения из ранних сборников поэта: «Листья летят» (1956) [19], «Стороны света» (1959) [20] и «Земное небо» (1963) [21]. Выбор стихов из сборников обусловлен, во-первых, их малой изученностью по сравнению с более поздними поэтическими текстами, во-вторых, стремлением сделать акцент на раннем периоде формирования и становления поэтического творчества Ю. Д. Левитанского.

Основными методами исследования являются метод сплошной выборки, наблюдение, семантико-стилистический и контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение

Одним из ранних произведений Ю. Д. Левитанского, посвященных теме творчества, является стихотворение «Нет, не плескалось в реках молоко...» («Листья летят», 1956) [19]. Поэт, обращаясь к своим потомкам, пишет: «...*Живущие в неблизкие года! / Я знаю, к вам придет, как озаренье, / то ощущение легкости, когда / глядишь на завершеное творенье. / Хочу, чтоб мой потомок различал: / за легкостью рисунка или слова – / упрямый труд (начало всех начал), / горячий пот (ее первооснова)*».

Автор, используя метафоры, эпитеты и антитезу, стремится передать глубокий и трудный опыт творческого процесса. Метафоры «как озаренье» и «ощущение легкости» создают образ вдохновения, представляя творчество как момент ясного осознания. Эпитеты «ощущение легкости», «упрямый труд» и «горячий пот» добавляют эмоциональный оттенок, демонстрируя две важные стороны творчества – легкость проявления и усердие в создании. Антитеза между «легкостью рисунка или слова» и «упрямым трудом» подчеркивает необходимость сочетания вдохновения и упорства для достижения выдающегося творческого результата.

О сложности творческого процесса Ю. Д. Левитанский пишет и в стихотворении «Мое море» («Земное небо», 1963) [21]. Автор передает свою привязанность к морю, представляя его как источник вдохновения и творческой энергии. В стихотворении море предстает как объект наблюдения и персонификации. Отражение творческого процесса происходит через образные параллели в описании движения моря и внутреннего процесса в сознании поэта, который тесно связан с поиском

подходящих слов. В каждой строфе описываются разные этапы этого творческого поиска, от мелких и нервных шагов до крупных и неуверенных: *«Мелкими шагами оно ходит... / Нервными шагами оно ходит... / Крупными шагами море ходит... / Из себя выходит ужас, ходит – / ничего, считает не выходит»*.

Взгляд моря «язвителен и едок». Эти эпитеты символизируют критический взгляд автора на свой собственный творческий процесс. Строка *«Ходит, будто рифму не находит»* отражает трудности подбора рифмы, создает динамичность и движение в стихотворении, подчеркивая беспокойство и стремление к совершенному выражению. Постоянная тяга к идеалу, недовольство собственным творческим результатом подчеркивает выражение *«То ему не так, и то не так»*, состоящее из элементов синтаксического параллелизма и антитезы.

Упоминания о том, что «слово рядом, под рукою, да никак не взять его», выделяются как выразительный образ, подчеркивающий трудности творческого поиска подходящего выражения. Поэт использует несколько языковых средств, чтобы донести до читателя эти сложности. В данном контексте наречие *«под рукою»* имеет метафорическое значение. Оно обозначает не фактическую близость в физическом плане, а скорее акцентирует легкость доступа и близость к используемому слову в процессе творчества. Оксюморон *«рядом»* и *«никак не взять его»* создает контраст, подчеркивая сложность и противоречие в попытках найти подходящее слово, несмотря на его видимую близость. Повторение лексемы *«слово»* в разных формах (*«слово»*, *«взять его»*) служит многократному усилению основной идеи – трудности выбора подходящего выражения.

Автор пишет: *«В поисках единственного слова / рвет бумагу, начинает снова»*. Здесь эпитет придает особое значение и важность поиску слова, подчеркивая, что необходимо не просто любое слово, а именно *«единственное»*, которое важно для поэта. Ассоциации, вызываемые этими строками, связаны с трудностью и долгим поиском идеального выражения. Сочетание *«рвет бумагу»* визуализирует моменты разочарования и столкновения с трудностями, в то время как оборот *«начинает снова»* подразумевает упорство, несмотря на трудности. Читатель может воспринимать эти строки как отражение внутренней борьбы и самокритики поэта в процессе творчества.

Таким образом, творческий процесс, как считает Ю. Д. Левитанский, – это не только внутренняя борьба с собой и поиск подходящего выражения, но и гармоничное взаимодействие с природой, которая становится источником вдохновения и стимулом для творчества. В стихотворении прослежи-

вается стремление поэта к идеалу, несмотря на сложности и трудности, которые возникают на пути творческого самовыражения.

Поэтическое наследие Ю. Д. Левитанского, в котором представлена тема творчества, включает в себя также стихотворение «Вот приходит замысел рисунка» («Стороны света», 1959) [20]. В данном произведении автор исследует внутренний мир художника, раскрывая его через метафорический образ поединка между сердцем и рассудком: *«Вот приходит замысел рисунка. / Поединок сердца и рассудка»*. Поэт стремится описать внутренний конфликт, который сопровождает творческий процесс, и подчеркнуть важность взаимодействия эмоциональных и рациональных аспектов творческой деятельности при создании произведения искусства.

Авторскую концепцию образного представления о творчестве вводит фраза *«Вот приходит замысел рисунка»*, где *«замысел»* отражает начальный этап творческого процесса. Данная метафора актуализирует момент вдохновения и зарождения идеи. Словосочетание *«поединок сердца и рассудка»* выражает внутренний конфликт с помощью антитезы, где сердце и рассудок предстают в роли противоположных начал, борющихся за доминирование: *«Иногда рассудок побеждает: / он довольно трезво рассуждает»*.

Строка *«Сердце бьется, сердце не сдается»* отражает эмоциональную интенсивность, создавая в тексте драматичную атмосферу и подчеркивая важность эмоций в творческом процессе.

В стихотворении используются различные тропы и стилистические приемы, такие как метафора, антитеза, повтор, синтаксический параллелизм и др., чтобы передать сложность внутреннего мира художника и выразить его воздействие на творческий процесс. Автор явно выражает свою позицию, оставляя и пространство для интерпретации самого читателя: *«Пусть оно почаще побеждает! (сердце. – З. Д.) / Это как-то больше убеждает»*.

Так строки стихотворения приглашают к размышлениям о природе творчества, о внутренних конфликтах художника и значимости баланса между эмоциями и разумом в процессе создания произведения искусства.

Концепт *творчество* представлен и в стихотворении «Гость» («Листья летят», 1956) [19], написанном от первого лица. Автор описывает встречу с бывшим товарищем. В начале поэтического произведения создается атмосфера грусти, подчеркиваемая *«мелким дождиком»* и звучанием *«недремлющих стрелок стенных часов»*.

Освещая тему творчества в стихотворении, автор подчеркивает разницу между своим подходом к жизни и жизнью гостя. Гость, являясь кандида-

том наук, выглядит как представитель научного общества, в то время как лирический герой посвятил свою жизнь поэзии, литературному творчеству. Через воспоминания о событиях прошлого, связанных с учебой в институте, с 1941 г., подчеркиваются трудности и разочарования, с которыми сталкиваются творческие люди.

Риторический вопрос гостя «*А ты все сочиняешь?*» пробудил негативные чувства у лирического героя, от лица которого ведется повествование. Очевидна параллель лирического героя и самого поэта. Этот вопрос воспринимается как недооценка или непонимание того, почему автор до сих пор занимается творчеством. Чувствуется ирония со стороны гостя, что вызывает неприятие у лирического героя. Гость говорит: «*Между прочим, квартирка у тебя невелика*...»; «*Ведь были же у классиков усадьбы, уют, сосредоточенность, покой. Вот это жизнь! / Сидеть бы да писать бы, / не думая о бренности мирской...*» Гость, описывая идеализированный образ жизни классиков с усадьбами, уютом и покоем, косвенно выражает сомнение в том, что творчество в *маленькой квартирке* может быть столь же ценным или возвышенным. В строках «*Как будто пережив свои желанья, / он говорил, что тяжело в глуши, / что понимает все переживанья / мятежной поэтической души...*» чувствуется, что автор-рассказчик не верит словам гостя. Использование союза «*как будто*» создает впечатление сомнения или даже насмешки, словно гость изображает переживание, и подчеркивает неискренность в выражении эмоций. Метафора «*тяжело в глуши*» передает негативное отношение к месту, где гость находится. Использование им слова «*понимает*» имеет в общем контексте иронический оттенок, отражая сомнение у лирического героя и читателя в искренности его слов. Метафора «*мятежная поэтическая душа*» создает образ творческой личности, но чувствуется фальшь в утверждении гостя, и это вызывает презрение у автора.

Лирический герой Ю. Д. Левитанского открыто подчеркивает свою независимость и самостоятельность в следующих строчках: «*...Не отсидевшись ни за чьей спиной, / я счастлив тем, / что в праздник и в страду / моя страна не нянчится со мною, / но платит, как и прочим, по труду...*» Метафора «*не отсидевшись ни за чьей спиной*» подчеркивает, что рассказчик не ищет поддержки или опеки в отличие от гостя (из предыдущих строк мы знаем, что гость «*...женат! И тесть уже хлопочет, / чтоб взять его в столицу*»). Использование слов «*праздник и страда*» позволяет образно охарактеризовать различные способы жизни и сферы жизни. Противопоставление идеи того, что страна «*не нянчится*», но «*платит по труду*», создает ан-

титезу, подчеркивающую особую значимость самостоятельности и трудового вклада поэта.

Таким образом, в стихотворении «Гость» («Листья летят», 1956) концепт *творчество* получает воплощение через контрастные образы и противопоставление автора-рассказчика и гостя, олицетворяющих разные взгляды на жизнь и творчество. Используя такие языковые средства, как ирония, метафоры, сравнения, поэт выражает свое несогласие с мнением гостя о том, каким должно быть творчество. Так тема творчества соотносится Ю. Левитанским с непринятием стереотипов и утверждением своей творческой независимости.

Среди произведений Ю. Д. Левитанского, в которых раскрывается концепт *творчество*, можно отметить и стихотворение «Про кота» («Листья летят», 1956) [19], в котором описываемый персонаж предстает как верный и преданный друг автору.

В строках «*Мои стихи ему по нутру, / и он изящным движением / принюхивается к моему перу / с нескрываемым уважением*» подчеркивается полное понимание между автором и существом, которое рядом с ним в момент творчества. Заключительные строки окрашены легким юмором («*Так, взволнованы и тихи, / рядом сидим часами, / курим табак, / читаем стихи / и шевелим усами*»). Описание создает параллель между автором и рыжим питомцем, рисует их уютную атмосферу в обществе друг друга в момент творчества. Таким образом, творчество в стихотворении «Про кота» рассматривается как что-то, что может возникнуть в неожиданных обстоятельствах, даже в простом общении с домашним животным.

Ю. Д. Левитанский видит творчество как глубокий и волнующий процесс, требующий полной самоотдачи и концентрации, но при этом приносящий радость и ожидание чего-то важного и значимого. Для поэта творчество – это исследование внутреннего мира, где карандаш и бумага выступают как инструменты для раскрытия глубин человеческой души. Об этом свидетельствует стихотворение «Ночью, за письменным столом» («Земное небо», 1963) [21]. Конкретизация времени в названии указывает на то, что творческая активность к поэту приходит в темное время суток, что создает особую атмосферу загадки и вдохновения в описании творческого процесса.

В строках «*О, сообщничество карандаша и бумаги! / Ты подобно содружеству путника и дороги, / а точнее – содружеству воина и равнины, / где под хрупким снегом хитрые скрыты мины*» поэт использует развернутую метафору, чтобы образно описать процесс создания стихов. В данном контексте карандаш и бумага предстают как неотъемлемая часть творческого путешествия, аналогично путешествию путника по дороге или вои-

на по равнине: «Ты подобно содружеству путника и дороги, / а точнее – содружеству воина и равнины». Строка «где под хрупким снегом хитрые скрыты мины» добавляет элемент опасности и тайны, подчеркивая сложности и неожиданности, с которыми автор сталкивается в творческом пути, подобно тому, как воин может обнаружить скрытые мины под хрупким снегом.

Ю. Д. Левитанский, используя эпитеты, стремится подчеркнуть разнообразие и диапазон последствий, которые могут возникнуть в результате творческого «сотрудничества карандаша и бумаги»: «О, содружество карандаша и бумаги! / Ты причина множества всевозможных последствий – / величайших бедствий, дьявольских наваждений, / человеческих озарений и заблуждений». Поэт убежден, что творчество – это процесс, требующий смелости, нестандартного подхода, в то же время обладающий определенной степенью непредсказуемости и возможных опасностей: «О, содружество карандаша и бумаги! / Вот сидит человек. Что, безумец, берет он в руки! / Достает он пакетик с лезвием безопасным, / и оно становится с этой поры опасным». Эти строки создают контраст между «лезвием безопасным» и тем, что оно внезапно «становится опасным». Образ лезвия метафорически означает, что даже на первый взгляд безопасные и привычные инструменты в творчестве могут привести к неожиданным последствиям или вызвать смешанные эмоции.

Для Ю. Д. Левитанского творческий процесс является важным занятием, требующим абсолютной самоотдачи, нарастающей решимости и отваги: «Тут не думай его отвлечь ни пивной кружкой, / ни вином, ни женщиной, ни отборной пищей. / Он исполнен сейчас решимости и отваги – / ни о чем таком разговаривать он не будет». Отрицательные конструкции «не думай его отвлечь» и «ни о чем таком он разговаривать не будет» служат для усиления важности творческого процесса.

Стихотворение завершается строками «Вот его карандаш коснулся уже бумаги. / Что-то будет сегодня ночью. О, что-то будет!». Касание карандашом бумаги становится символом начала творческого процесса. Последняя строка «Что-то будет сегодня ночью. О, что-то будет!» выражает уверенность в том, что творческий процесс принесет значимые результаты. В контексте стихотворения повторение неопределенного местоимения «что-то» служит для усиления таинственности и загадочности предстоящего творения. Восклицательный знак придает утверждению «О, что-то будет!» эмоциональную насыщенность и указывает на волнение автора. Таким образом, в данных строках поэт переживает смешанные эмоции, включая предвкушение, волнение и уверенность перед началом творческого процесса.

Для Ю. Д. Левитанского творчество – это неотъемлемая часть его сущности. Это не просто акт создания произведения, но исключительный способ самовыражения, взаимодействия с миром, поиска смысла в своем бытии, попытка донести свое внутреннее напряжение до читателя. В контексте стихотворения «Вот мною не написанный рассказ...» («Стороны света», 1959) [20] творчество также является источником как боли и мучений, так и глубокого удовлетворения.

Использованные в стихотворении метафоры «женщина, летающая в поисках опоры и крыла» и «могучее поле гравитационное земных ее бесчисленных тягот» являются ключевыми средствами для передачи авторской концепции творчества. Эти образы ассоциируют творческий процесс с динамичным полетом, подчеркивая стремление к свободе и исследованию внутреннего мира в условиях жизненных трудностей: «Рассказ / о женщине, / которая летала, / и был ее спасительный полет / отнюдь не цирковым аттракционом, / а поиском опоры и крыла / в могучем поле гравитационном / земных ее бесчисленных тягот...».

Метафора «женщина, летающая в поисках опоры и крыла» образно олицетворяет творчество как процесс поиска вдохновения и самовыражения, который осуществляется в условиях неопределенности и «земных бесчисленных тягот». Такая интерпретация позволяет увидеть творческий процесс как стремление к свободе и полету даже в условиях гравитационного поля жизненных трудностей. Метафора «могучее поле гравитационное земных ее бесчисленных тягот» символизирует сложности и испытания, с которыми сталкивается творческая личность, для которой стремление к легкости и свободе выражается через поиск «опоры и крыла».

Таким образом, эти метафоры объединены в общем представлении творческого процесса как постоянного поиска, движения и стремления к самовыражению и освобождению от жизненных проблем.

«Расплывчатые контуры» и «невидимый каркас» подчеркивают неопределенность и трудность в организации творческого процесса: «Вот мною не написанный рассказ. / Его эскиз. / Невидимый каркас. / Расплывчатые контуры сюжета».

Сюжет, «томящий душу неотступно», выступает в роли навязчивого вдохновения, становясь постоянным спутником автора. Эмоционально-экспрессивные слова «томящий» и «неотступно» передают внутренний конфликт и стойкое воздействие темы творчества на автора. Фразы «пиши меня», «я вечный твой рассказ» и «я боль твоя» выражают взаимосвязь творчества и личного опыта поэта. Выражение «точка болевая» является символом творческой боли, которая сопровождает творческий процесс.

Строки «пиши меня» и «пока живу, пока дышу» подчеркивают постоянство творческого стремления, делая его непрерывным элементом жизни автора. Аллитерация в этих фразах придает им звучность и ритм, что усиливает воздействие текста на читателя: «Навязчивый сюжет, / томящий мою душу столько лет, / неумолимо мне повелевая – / пиши меня, / я вечный твой рассказ, / пиши меня / (не просьба, а приказ), / я боль твоя, / я точка болевая!.. / Пишу, пока живу. Пока дышу».

Такие слова, как «томящий», «боль», «точка болевая», придают суждению автора особую глубину и эмоциональную насыщенность. Они подчеркивают, что процесс творчества не лишен трудностей и боли, но в то же время эта боль становится источником вдохновения. Использование сравнения «как приказ» позволяет автору выразить мысль о сложности и невольном принуждении самого себя к творчеству.

Таким образом, концепт *творчество* выражается в поэзии Ю. Левитанского через метафоры, символы, антитезы и эмоциональную насыщенность лирики.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать ряд выводов относительно концепта *творчество* в лирике Ю. Д. Левитанского. Во-первых, творческий процесс для поэта представляет собой сложную динамику, включающую в себя вдохновение, трудолюбие и внутреннюю борьбу. Этот процесс не только является способом самовыражения, но и служит для поиска смысла в жизни, взаимодействия с природой и выражения индивидуальности.

Во-вторых, стихотворные произведения Ю. Д. Левитанского о творчестве выражают глубокие эмоции и размышления поэта относительно его творческого пути. Они отражают его стремление к идеалу, его сомнения и уверенность, его борьбу со стереотипами и поиск уникального самовыражения.

Кроме того, лирика Ю. Д. Левитанского насыщена образами природы, которая играет важную роль как источник вдохновения и стимул для творчества. Это свидетельствует о гармонии поэта с окружающим миром и его стремлении выразить эту гармонию в своих произведениях.

Автор, используя разнообразные языковые средства, включая метафоры, эпитеты, антитезу, оксюморон, а также риторические вопросы и повторы, стремится передать глубокий и многогранный опыт творческого процесса. Постоянная тяга к идеалу, недовольство собственным творческим результатом и внутренний конфликт подчеркиваются через стилистические приемы синтаксического параллелизма и антитезы. Оксюморон усиливает контраст, выражая сложность и противоречие в попытках выбрать подходящее слово. Эмоционально-экспрессивные слова передают внутренний конфликт и усиливают прагматику текста. Аллитерация в определенных фразах придает им звучность и ритм, что повышает эмоциональное воздействие текста на читателя.

Таким образом, анализ различных изобразительно-выразительных языковых средств в стихотворениях Ю. Д. Левитанского позволяет судить об индивидуально-авторских особенностях в содержании концепта *творчество* как одного из ключевых в поэтической картине мира автора.

Список источников

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Когорова, А. П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
3. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре: сборник научных трудов / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. 3-е изд., доп. СПб.: СПбГУП, 2021. 544 с.
4. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. 824 с.
5. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.
6. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. 713 с.
7. Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. ЕВРАС. Т. 1. М., 2014. 280 с.
8. Литературная газета. 2012. № 1–2 (18–24 января) // Официальный сайт поэта Юрия Левитанского. URL: https://levitansky.ru/o_poete/stati-i-retsenzii/chto-proiskhodit-na-svete/ (дата обращения: 25.03.2024).
9. Левитанский Ю. «Вот и живу теперь – поздний...» / Беседу вела Татьяна Бек // Вопросы литературы. 1982. № 6. С. 171–195.
10. Волшебная история. Юрий Левитанский // Официальный сайт поэта Юрия Левитанского. URL: <https://levitansky.ru/pryamaya-rech/intervyu/volshebnaia-istoriya-yuriy-levitanskiy460/> (дата обращения: 25.03.2024).
11. Казмирчук О. Ю. Интерпретация мотива дождя в книге Ю. Д. Левитанского «Кинематограф» // Новый филологический вестник. 2006. № 2 (3). С. 258–261.

12. Кадочникова И. С. Музыкальная композиция книги Ю. Левитанского «Кинематограф» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2009. № 3. С. 41–50.
13. Фатхутдинова В. Г., Матвеева Н. Н. «Жизнь моя – кинематограф»: способы метафоризации в поэзии Юрия Левитанского // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 109–114.
14. Абрамов П. В. «Письма к Катерине, или Прогулка с Фаустом» Юрия Левитанского как метатекст и опыт диалога с Гете // Новые российские гуманитарные исследования. 2019. № 14. С. 32.
15. Кадочникова И. С. Жанр пародии и его функциональная трансформация в творчестве Ю. Левитанского // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 162–171.
16. Овсянникова Е. П. Образ времени в поэтическом осмыслении Ю. Левитанского (на материале книги стихов «День какой-то» (1976) // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Саранск, 19–21 мая 2021 г. / сост. А. В. Столяров, отв. за выпуск П. В. Сенин. Саранск: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2021. С. 206–210.
17. Кадочникова И. С. Искусство как одна из форм жизни // Филолог: науч.-метод. журнал. 2003. № 3. С. 44–48.
18. Пристром И. Э. Аллюзии в лирике Ю. Левитанского // Русский язык: система и функционирование (к 75-летию филологического факультета): сб. материалов VI Междунар. науч. конф. Минск, 28–29 октября 2014 г. Ч. 1 / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) и др. Минск: Изд. центр БГУ, 2014. С. 220–224.
19. Левитанский Ю. Д. Листья летят: стихи. Иркутск: Кн. изд., 1956. 94 с.
20. Левитанский Ю. Д. Стороны света: стихи. М.: Сов. писатель, 1959. 104 с.
21. Левитанский Ю. Д. Земное небо. М., 1963. 132 с.

References

1. *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka*. Pod redaksiyey M. N. Kozhinoy. Chleny redkollegii: E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language. Edited by M. N. Kozhina. Members of the editorial board: E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 696 p. (in Russian).
2. Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 486 p. (in Russian).
3. Likhachev D. S. *Izbrannyye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture: sbornik nauchnykh trudov*. Sostavitel' i nauchnyy redaktor A. S. Zapesotskiy [Selected works on Russian and world culture: a collection of scientific works. Compiler and scientific editor A. S. Zapesotskiy]. Saint Petersburg, SPbSUP Publ., 2021. 544 p. (in Russian).
4. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, 1997. 824 p. (in Russian).
5. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative text stylistics: Dictionary-thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
6. *Russkiy semanticheskij slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy*. Pod obshchey redaksiyey N. Yu. Shvedovoy [Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary systematised by classes of words and meanings. Under the general editorship of N. Y. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 713 p. (in Russian).
7. Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V. *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar'-tezaurus EVRAS. Tom 1* [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS. Vol. 1]. Moscow, 2014. 280 p. (in Russian).
8. Literaturnaya gazeta No. 1-2 (18–24 yanvarya) [Literary newspaper no. 1–2 (18–24 January)]. *Ofitsial'nyy sayt poeta Yuriya Levitanskogo* [Official website of poet Yuri Levitansky] (in Russian). URL: https://levitansky.ru/o_poete/stati-i-retsenzii/chto-proiskhodit-na-svete/ (accessed 25 March 2024).
9. Levitanskiy Yu. “Vot i zhibu teper' – pozdnyy...” Besedu vela Tat'yana Bek [“Here I live now - late...” The conversation was conducted by Tatiana Beck]. *Voprosy literatury*, 1982, no. 6, pp. 171–195 (in Russian).
10. Volshebnaya istoriya. Yuriy Levitanskiy (Iz knigi O. Kuchkinoy “Lyubov' i zhizn' kak sestry”). Moscow, Vremya, 2008 [Magic story. Yuri Levitansky (From the book by O. Kuchkina “Love and Life as Sisters”). Moscow, Vremya, 2008]. *Ofitsial'nyy sayt poeta Yuriya Levitanskogo* [Official website of poet Yuri Levitansky] (in Russian). URL: <https://levitansky.ru/pryamaya-rech/intervyu/volshebnaya-istoriya-yuriy-levitanskiy460/> (accessed 25 March 2024).
11. Kazmirchuk O. Yu. Interpretatsiya motiva dozhdy v knige Yu. D. Levitanskogo “Kinematograf” [Interpretation of the rain motif in the book “Kinematograph” by Y. D. Levitansky]. *Novyy filologicheskij vestnik – New Philological Bulletin*, 2006, no. 2 (3), pp. 258–261 (in Russian).
12. Kadochnikova I. S. Muzykal'naya kompozitsiya knigi Yu. Levitanskogo “Kinematograf” [Musical composition of Y. Levitansky's book “Cinematograph”]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series of history and philology*, 2009, no. 3, pp. 41–50 (in Russian).
13. Fatkhutdinova V. G., Matveeva N. N. “Zhizn' moya – kinematograf”: sposoby metaforizatsii v poezii Yuriya Levitanskogo [“My life is cinema”: ways of metaphorisation in the poetry of Yuri Levitansky]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2017, no. 1 (47), pp. 109–114 (in Russian).

14. Abramov P. V. "Pis'ma k Katerine, ili Progulka s Faustom" Yuriya Levitanskogo kak metatekst i opyt dialoga s Gjote ["Letters to Katerina or a walk with Faust" by Yuri Levitansky as a metatext and the experience of dialogue with Goethe]. *Novyye rossiyskiye gumanitarnyye issledovaniya*, 2019, no. 14. P. 32 (in Russian).
15. Kadochnikova I. S. Zhanr parodii i yego funktsional'naya transformatsiya v tvorchestve Yu. Levitanskogo [The genre of parody and its functional transformation in the work of Y. Levitansky]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki – Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*, 2010, no. 2 (76), pp. 162–171 (in Russian).
16. Ovsyannikova E. P. Obraz vremeni v poeticheskom osmyslenii Yu. Levitanskogo (na materiale knigi stikhov "Den' kakoy-to" (1976) [The image of time in the poetic comprehension of Y. Levitansky (on the material of the book of poems "Some Day" (1976)]. *Materialy XXIV nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov Natsional'nogo issledovatel'skogo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. P. Ogareva: Saransk, 19–21 maya 2021 g.* [Proceedings of the XXIV Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Postgraduates and Students of the National Research Mordovian State University named after N. P. Ogaryov: Saransk, 19–21 May 2021]. Saransk, National Research Mordovian State University named after N. P. Ogaryov Publ., 2021. Pp. 206–210 (in Russian).
17. Kadochnikova I. S. Iskusstvo kak odna iz form zhizni [Art as a form of life]. *Filolog: nauchno-metodicheskiy zhurnal*, 2003, no. 3, pp. 44–48 (in Russian).
18. Pristrom I. Ye. Allyuzii v lirike Yu. Levitanskogo [Allusions in the lyrics of Yu. Levitansky]. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovaniye (k 75-letiyu filologicheskogo fakul'teta): sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Minsk, 28–29 oktyabrya 2014 g.: Chast' I* [Russian language: system and functioning (to the 75th anniversary of the Faculty of Philology): proceedings of the VI International scientific conference, Minsk, 28–29 October 2014: Part 1]. Minsk, BSU Publ., 2014. Pp. 220–224 (in Russian).
19. Levitanskiy Yu. D. *List'ya letyat: stikhi* [Leaves are flying: poems]. Irkutsk, Knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1956. 94 p. (in Russian).
20. Levitanskiy Yu. D. *Storony sveta: stikhi* [Sides of the World: poems]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1959. 104 p. (in Russian).
21. Levitanskiy Yu. D. *Zemnoye nebo* [Earth Sky]. Moscow, 1963. 132 p. (in Russian).

Информация об авторе

Дусматова З. М., соискатель, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: dusmatovazm@gmail.com

Information about the author

Dusmatova Z. M., degree applicant, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: dusmatovazm@gmail.com

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 03.04.2024; accepted for publication 24.05.2024

УДК 811.161.1'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-68-74>

Содержание концепта «творчество» и средства его вербализации в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет

Ольга Викторовна Исаева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, solvayg@mail.ru

Аннотация

Картина мира Н. А. Заболоцкого остается недостаточно изученной. Среди ключевых концептов, представляющих интерес для исследования идиостиля автора, можно выделить концепт «творчество». Важным этапом анализа концептосферы поэта становится выявление лексической структуры, содержания и репрезентации концепта «творчество» в лирике поэта разных лет. Целью работы является изучение особенностей структуры и способов репрезентации концепта «творчество» в лирике Н. А. Заболоцкого в разные периоды творчества поэта. В ходе исследования использованы метод сплошной выборки, концептуальный анализ, биографический, сравнительно-сопоставительный, контекстологический, семантико-стилистический. В статье представлены результаты изучения стихотворений Н. А. Заболоцкого 1926–1958 гг., в которых использован непосредственный номинант концепта «творчество» и ассоциативно и семантически связанные с ним лексемы. Использование методики моделирования межтекстовых ассоциативно-смысловых полей позволило выявить особенности содержания концепта «творчество» и его лексического воплощения в коммуникативно-деятельностном аспекте. Исследование проведено в русле коммуникативной стилистики. В результате анализа стихотворений Н. А. Заболоцкого разных лет были определены особенности содержания и лексического воплощения одного из ключевых концептов лирики поэта – «творчество» – в динамике поэтической деятельности автора. Номинант концепта представлен в поэтических текстах автора достаточно редко, но вербализируется через множественные текстовые ассоциаты, например: «пение», «искусство», «музыка», «поэзия» и др. В раннем периоде творчества поэта характер восприятия им окружающей действительности отражается в содержании концепта «творчество». В авторских сборниках «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы» Н. А. Заболоцкий, изображая «перевернутый» и абсурдный мир эпохи нэпа, создает и специфический вариант понимания концепта «творчество», отличающийся от интерпретации концепта в поздней лирике. Поздние лирические произведения Н. А. Заболоцкого отражают более привычное для читателя понимание концепта «творчество». Изменившиеся философские взгляды и некоторые события личной жизни поэта влияют на картину мира автора, отражаясь в содержании и средствах репрезентации рассматриваемого концепта. В позднем периоде творчество у Заболоцкого часто связано с природой, которая является вдохновителем, отражением или самостоятельным творцом того или иного вида искусства. Анализ лирических произведений Н. А. Заболоцкого разных лет позволил выявить особенности содержания и лексического воплощения концепта «творчество» в стихотворениях 1926–1958 гг. Результаты исследования являются важными для исследования эволюции поэтической картины мира автора.

Ключевые слова: *концепт, художественный концепт, ключевое слово, ассоциативно-смысловое поле, стилистический прием*

Для цитирования: Исаева О. В. Содержание концепта «творчество» и средства его вербализации в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 68–74. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-68-74>

The content of the concept of “creativity” and the means of its verbalization in N. A. Zabolotsky’s lyrics of different years

Olga V. Isaeva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, solvayg@mail.ru

Abstract

N. A. Zabolotsky’s worldview remains insufficiently studied. Among the key concepts of interest for the study of the author’s idiosyncrasy, the concept of “creativity” can be distinguished. An important part in the analysis of

the poet's conceptual sphere is the identification of the lexical structure, content and representation of the concept of "creativity" in the poet's lyrics of different years. The goal of the work is to identify the features of the structure and ways of representing the concept of "creativity" in N. A. Zabolotsky's lyrics in different periods of the poet's work. The research uses the continuous sampling method, conceptual analysis, biographical, comparative, contextual, semantic and stylistic. The article presents the results of a study of N. A. Zabolotsky's poems from 1926 to 1958, which used the direct nominee of the concept "creativity" and associatively and semantically related lexemes. Using the methodology of modeling intertextual associative-semantic parts allowed us to identify the features of the content of the concept of "creativity" and its lexical embodiment in the communicative and activity aspect. The study was conducted in line with the communicative style. As a result of the analysis of N. A. Zabolotsky's poems from different years, the features of the content and lexical embodiment of one of the key concepts of the poet's lyrics – "creativity" in the dynamics of the author's poetic activity were determined. The nominee of the concept is rarely represented in the author's poetic texts, but is verbalized through multiple textual associations, for example: "singing", "art", "music", "poetry", etc. In the early period of the poet's work, the nature of his perception of the surrounding reality is reflected in the content of the concept of "creativity". In the author's collections "Urban Columns" and "Mixed Columns" N. A. Zabolotsky, depicting the "inverted" and absurd world of the NEP era, creates a specific version of the understanding of the concept of "creativity", which differs from the interpretation of the concept in late lyrics. The later lyrical works of N. A. Zabolotsky reflect a more familiar understanding of the concept of "creativity" for the reader. His philosophical views were changed. Some events of the poet's personal life affect the author's worldview, reflected in the content and means of representation of the concept under consideration. In the late period, Zabolotsky's creativity is often associated with nature, which is the inspiration, reflection or independent creator of a particular type of art. The analysis of N. A. Zabolotsky's lyrical works from different years made it possible to identify and formulate the features of the content and lexical embodiment of the concept of "creativity" in poems from 1926 to 1958. The results are important for the study of the evolution of the author's poetic worldview.

Keywords: *concept, artistic concept, keyword, associative semantic field, stylistic device*

For citation: Isaeva O. V. Soderzhanie kontsepta "tvorchestvo" i sredstva yego verbalizatsii v lirike N. A. Zabolotskogo raznykh let [The content of the concept of "creativity" and the means of its verbalization in N. A. Zabolotsky's lyrics of different years]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 68–74 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-68-74>

Введение

Картина мира многих известных поэтов и прозаиков остается недостаточно изученной. В связи с этим представляется актуальным исследование концептосферы мастеров художественного слова, к которым относится Н. А. Заболоцкий. В поэтической картине мира автора можно выделить ряд концептов, которые представляют интерес для изучения его идиостиля. Важной задачей для последующего анализа концептосферы поэта становится рассмотрение лексической структуры лирических произведений Н. А. Заболоцкого и выявление текстовых ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов. Наряду с концептами «жизнь», «смерть», «любовь», «красота», ключевым является и концепт «творчество», который по-своему проявляется в разные периоды деятельности поэта.

Под понятием «концепт» вслед за Н. С. Болотновой мы понимаем «единицу концептуальной картины мира отдельного человека и различных культурных сообществ» [1, с. 76]. Концепт является элементом общей художественной системы текста и выражает прежде всего замысел автора, его мироощущение и мировосприятие. В то же время содержание концепта включает также культурный и национальный компоненты. Понятие «концепт» является одним из ключевых в коммуникативной

стилистике (см. работы И. И. Бабенко [2], Н. С. Болотновой [3], А. В. Курьянович [4], О. В. Орловой [5] и др.). Через актуализацию концептов в тексте читателю передается конкретный замысел автора, становится более понятной картина мира писателя. Поэтому изучение концептуальной структуры текста становится особенно важным для анализа смыслового развертывания текста и его интерпретации [1, с. 77].

В вопросе выявления структуры концепта исследователи не пришли к единому мнению. Существует большое количество разных вариантов моделей концепта (см. работы Н. Ф. Алефиренко [6], С. Г. Воркачева [7], В. И. Карасика [8], В. А. Пищальниковой [9], З. Д. Поповой [10], И. А. Тарасовой [11] и др.). Ю. С. Степанов отмечает, что концепт имеет сложную структуру, подчеркивая, что, «с одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия... с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма; ...сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки и т. д.» [12, с. 43].

З. Д. Попова и И. А. Стернин в рамках когнитивной лингвистики предлагают следующее понимание структуры концепта: «образ», который непосредственно передает концепт, «формируя еди-

ницу универсального предметного кода», «информационное содержание», включающее «минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее существенные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления», а также «интерпретационное поле», которое включает «когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [10, с. 75–81].

В. А. Пищальникова выделяет следующие компоненты в структуре концепта: понятие, представление, предметное содержание, ассоциация, эмоция, оценка и тело знака [9]. Взгляд исследователя на компоненты концепта частично разделяет И. А. Тарасова. Вслед за В. А. Пищальниковой она включает в структуру концепта предметный, понятийный, ассоциативный, оценочный слой, дополняя их образным и символическим слоями [11, с. 47–49, 53–66].

«Единицей поэтической картины мира является художественный концепт» [1, с. 319]. С. А. Аскольдов выделил следующие особенности художественного концепта: «индивидуальность», «психологическую сложность», «расплывчатость», «неопределенность», «художественную ассоциативность» [13 с. 274–275]. Н. С. Болотнова подчеркивает, что «средствами лексической репрезентации художественного концепта могут быть не только слова, но и лексические микроструктуры „по вертикали“ (текстовые парадигмы) и „по горизонтали“ (лексические структуры высказываний и блоков высказываний), а также лексическая макроструктура целого текста» [1, с. 320].

Остается недостаточно изученным соотношение понятий «концепт» и «художественный концепт», но очевидно, что художественный концепт, являясь единицей картины мира автора, имеет эстетическую сущность и образные средства выражения [1, с. 319]. Исследователи активно обращаются к изучению лексической репрезентации концептов в творчестве различных авторов.

Целью работы является изучение структуры и средств репрезентации концепта «творчество» в лирике Н. А. Заболоцкого разных лет.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили поэтические тексты Н. А. Заболоцкого 1926–1958 гг. [14].

В рамках исследования нами применялись биографический, сравнительно-сопоставительный, контекстологический, семантико-стилистический, концептуальный методы. Применение данных методов позволило выявить лексическую структуру и средства репрезентации концепта «творчество» в

поэтических текстах, написанных в разные периоды творчества Н. А. Заболоцкого.

Моделирование текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей, установление их взаимодействия учитывают как лингвистические, так и экстралингвистические факторы в диалоге автора текста и читателя. Текстовые ассоциативные поля «стимулируются лексическими структурами разного типа, включая ключевые слова-стимулы, опорные слова и слова-маркеры ассоциатов. Данные поля, организованные концептуально, объединяют словные и неоднословные единицы, связанные парадигматически и синтагматически» [1, с. 255]. Моделирование текстовых ассоциативно-смысловых полей, как указывает Н. С. Болотнова, предполагает два этапа. Первым становится выявление ядра, как правило включающего номинант концепта, второй этап включает определение текстовых ассоциатов, которые входят в ассоциативно-смысловое поле с номинантом концепта в ядерной части [1, с. 255]. При моделировании текстовых ассоциативно-смысловых полей наглядно выявляются связи между лексическими единицами текста, которые объединены концептуально.

Результаты и обсуждение

Прежде чем рассмотреть концепт «творчество» в аспекте идиостиля поэта, обратимся к «Малому академическому словарю», чтобы выявить узусное значение ключевой леммы: «Творчество. Деятельность человека, направленная на создание культурных или материальных ценностей» [15, с. 345]. В словаре дается указание и на наличие смыслового оттенка: «то, что создано в результате этой деятельности, совокупность созданного, сотворенного кем-либо» [15, с. 345].

В «Русском ассоциативном словаре» приведены следующие частотные реакции на стимул «творчество»: «народное», «писателя» (по 7 реакций), «художника» (5), «искусство», «художник» (по 4 реакции), «картина», «муки», «поэта» (по 3 реакции) и др. [16, с. 650].

В поэтических текстах Н. А. Заболоцкого, написанных в разные годы, непосредственный номинант концепта «творчество» используется достаточно редко. В то же время указанный концепт широко представлен с помощью других лемм и их производных, ассоциативно и семантически близких к данному концепту: «творенье», «поэзия», «искусство», «музыка», «язык», «слово», «поёт» и др.

В ранней лирике поэта, представленной циклами «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы», поэтом изображен абсурдный мир потерявших моральный облик и стремящихся только к наживе людей, забывших о морали и духовности. Ключевые концепты, характерные для творчества

Н. А. Заболоцкого, находят отражение в лирике этого периода, но имеют определенную специфику. «Вывернутый наизнанку» мир не может представлять собой картину, привычную для читателя, поэтому и вербализация концепта «творчество» в стихотворениях этого периода отличается от презентации концепта в более поздней поэзии.

Так, например, в «Городских столбцах» в стихотворении «Свадьба» (1928) автор изображает мещанский пир, ключевое значение на котором имеют вовсе не молодые (они упоминаются лишь раз: «*жених, приданный к невесте*» [14, с. 50]), а блюда и развлечения, которые в подробностях описаны поэтом. В этом стихотворении, как верно подчеркивает Н. Л. Степанов, «быт наступает на человека, утверждает свой „бутылочный рай“, господство вещей над человеком» [17, с. 8]. На свадебном пиру есть место творчеству, но и оно имеет упрощенный, примитивный, абсурдный вид. Поп, поведение которого в представлении читателя должно быть благочестивым, строгим, возвышенным, у Заболоцкого изображен в неожиданном свете, он не венчает молодых, а развлекает гостей: «*раскинув бороду забралом, / сидит, как башня, перед балом / с большой гитарой на плече*» [14, с. 50]. Но творчество, музыка, которую создает священник, соответствуют приземленному, бездуховному миру, в котором они рождаются: «*Так бей, гитара! Шире круг!*», «*И вздрогнул поп, завыл и вдруг / Ударил в струны золотые. / И под железный гром гитары, / Подняв последний свой бокал, / Несутся бешеные пары / В нагие пропасти зеркал*» [14, с. 50].

Лексемы «бей», «ударил», «гром», характеризующие творческий процесс создания музыки, не соответствуют традиционному пониманию, создают когнитивный диссонанс, подчеркивают бездуховность, которая с творчеством в обычном понимании несовместима. Эпитеты «железный гром», «бешеные пары» дополняют картину безумия, вызывая ассоциации с карнавалом, шабашом, разрушая привычное представление читателя о музыке и творчестве.

Возвышенная лексика («ничтожный», «среди», «неутоленной», «почил», «венца» и др.) сочетается здесь со сниженной («хлещет», «ожирев», «жмутся», «ополоумев» и др.). Таким образом, поэт вкладывает в концепт «творчество» новые смыслы, подчиненные замыслу изображения бездуховного, абсурдного мира вокруг. Привычные категории здесь приобретают новое прочтение, у читателя стимулируются неожиданные ассоциации, которые формируют представление о картине мира раннего Заболоцкого.

В стихотворении «Фокстрот» (1928) из сборника «Городские столбцы» поэт вновь описывает безумный мир с искаженными, утратившими логику,

перевернутыми с ног на голову явлениями, понятиями и категориями. Изображается праздник, бал, который «ревет» и «гремит». Номинант концепта «творчество» в стихотворении отсутствует, но использованные поэтом лексические средства и стилистические приемы вызывают у читателя ассоциации, связанные с этим концептом. «*Внизу – на выступе оркестра, / Как жрец, качается маэстро. / Он бьет рукой по животу, / Он машет палкой в пустоту*» [14, с. 51]. Сравнение «как жрец» вызывает у читателя ассоциации со служением, ожидается картина чего-то возвышенного, но действия маэстро описаны с помощью сниженной лексики, которая вызывает диссонанс с образом жреца: «*бьет по животу*», «*машет палкой*». Музыка в стихотворении – не гармоничное и вдохновенное творчество, а безумные и даже неприятные звуки, похожие на нестройное гудение медных труб: «*И медным лесом впереди / Гудит фокстрот на пьедестале*» [14, с. 51]. В этом стихотворении концепт «творчество» вновь представлен в специфическом варианте, характерном для сборника «Городские столбцы». Творчество – не таинство, не возвышенный результат вдохновения, а безумные пляски, неприятная и резкая музыка, соответствующие представлениям поэта о безумном мире.

В стихотворении «Битва слонов» (1931; сборник «Смешанные столбцы») процесс творчества поэта изображен в виде сражения: «*Битва слов! Значений бой!*» [14, с. 115]. Стихотворение представляет собой развернутую метафору, процесс создания поэтом произведения соотносится с боевыми действиями, которые разворачиваются в его подсознании: «*На бессильные фигурки существительных / Кидаются лошади прилагательных, / Косматые всадники / Преследуют конницу глаголов, / И снаряды междометий / Рвутся над головами, / Как сигнальные ракеты*» [14, с. 115].

Произведение открывает метафорическое описание поэта, создателя стихотворений, и риторическое обращение к нему: «*Воин слова, по ночам / Петь пора твоим мечам!*» [14, с. 115]. Номинант концепта «творчество» здесь не представлен, но пять раз использована ассоциативно близкая лексема «поэзия». Описание творческого процесса содержит большое количество олицетворений («*Поэзия, сражение проиграв, / Стоит в растерзанной короне*», «*Поэзия в великой муке / Ломает бешеные руки*» и др.), риторических восклицаний («*Битва слов!*», «*Слоны подсознания!*» и др.), эпитетов («*веселым воем*», «*с человеческими фигурками*» и др.), которые реализуют в том числе и регулятивную функцию, формируя у читателя нетипичные ассоциации на стимулы «поэзия» и «творчество».

В поздней лирике Н. А. Заболоцкого конца 1930-х – конца 1950-х гг. концепт «творчество»

представлен более широко. Авторское понимание концепта меняется, его содержание соответствует определению номинанта концепта, закреплённому в толковом словаре. Особенностью восприятия Заболоцким концепта «творчество» в этот период становится часто проявляющаяся прочная связь творчества любой формы (музыка, поэзия, живопись, танцы) с природой, которая является источником вдохновения для лирического героя, соавтором или самостоятельным творцом. Это отражено в стихотворениях «Читайте, деревья, стихи Гезиода» (1946), «Читая стихи» (1948), «Утро» (1946), «Бетховен» (1946) и др. Концепт «творчество» репрезентируется с помощью приемов персонификации и метафоризации, которые подчеркивают одушевленность природы, ее способность чувствовать, переживать и творить.

В стихотворении «Гроза» (1946; сборник «Стихотворения 1932–1958») природа одушевляется с помощью многочисленных олицетворений («содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница», «тень от тучи легла», «облачный вал шевелится», «травы падают в обморок» и др.). Используя приемы параллелизма и метафоризации, Н. А. Заболоцкий соотносит действия природных явлений с процессом творчества («Я люблю... / Эту молнию мысли и медлительное появление / Первых дальних громов – первых слов на родном языке» [14, с. 197]). Многочисленные метафоры («сумрак восторга», «молния мысли», «облачный вал» и др.) создают живую картину грозы и одновременно ассоциативно связывают ее проявления с процессом создания стихотворения. Творчество, порыв вдохновения представляются поэту такими же непредсказуемыми, как и природная стихия и разряды молний.

Связь творчества с природой прослеживается и во многих других поздних стихотворениях Н. А. Заболоцкого. Так, в стихотворении «Бетховен» (1946; сборник «Стихотворения 1932–1958») поэт, следуя своим философским воззрениям этих лет, соотносит творчество гениального композитора с природными явлениями, которые помогли Бетховену создать действительно великие произведения, музыку, которая достойна разных «миров»: «И яростным охвачен вдохновеньем, / В оркестрах гроз и трепете громов, / Поднялся ты по облачным ступеням / И прикоснулся к музыке миров» [14, с. 198].

Образ главного героя стихотворения создается автором с помощью различных метафор, эпитетов и аллегорий: поэт сравнивает Бетховена со львом, создавая у читателя ассоциации, во-первых, с царем зверей, повелителем природы, во-вторых, с внешним видом героя, который имел густые взлохмаченные волосы, прямой и смелый взгляд. Срав-

ним: «И крикнул ты в лицо самой природе, / Свой львиный лик просунув сквозь орган», «Что слово с воплем вырвалось из слова / И стало музыкой, венчая львиный лик» [14, с. 198]. Герой бесстрашно вступает на равных в общение с природой, потому что достиг совершенства в творчестве, поднявшись до небес в своем вдохновении и таланте. Возвышенность, исключительность творчества Бетховена автор подчеркивает с помощью использования многочисленных лексем, связанных с небесными природными явлениями и категориями: свет, туча, гром, грозы, звезды.

Природа в стихах Н. А. Заболоцкого нередко становится источником вдохновения для творцов. В стихотворении «Сентябрь» (1957; сборник «Стихотворения 1932–1958») лирический герой, несмотря на осеннюю непогоду, видит солнечные лучи, которые напоминают о том, что ненастье рано или поздно сменится хорошей погодой: «Но взгляни: сквозь отверстие облака, / Как сквозь арку из каменных плит, / В это царство тумана и морока / Первый луч, пробиваясь, летит» [14, с. 311]. Непосредственный номинант концепта «творчество» здесь снова отсутствует, но связь с концептом организуется автором с помощью риторических обращений к живописцу: «Вот теперь, живописец, выхватывай / Кисть за кистью, и на полотне / Золотой, как огонь, и гранатовый / Нарисуй эту деушку мне» [14, с. 311].

Лирический герой призывает художника изобразить девушку, образ которой вводится в стихотворение с помощью сравнения («Словно девушка, вспыхнув, орешина / Засияла в конце сентября» [14, с. 311]) в таких же ярких красках, какими украсила природа лес. В побудительных предложениях, адресованных живописцу, для усиления эффекта автор использует анафору: в конце стихотворения два соседних предложения начинаются с глагола повелительного наклонения «нарисуй». Глагол в повелительном наклонении также встречается во второй строфе, которая может быть адресована как живописцу, так и любому читателю: «Но взгляни: сквозь отверстие в облаке...» [14, с. 311]. Творчество в данном стихотворении представлено сразу в двух ракурсах: с одной стороны, поэт, лирический герой, с другой – живописец. Слов, по мнению автора, может быть недостаточно для передачи всей красоты осени.

Заключение

Таким образом, концепт «творчество» в ранней лирике Н. А. Заболоцкого отражает общий авторский замысел первых поэтических сборников, представляя собой отражение безумного и абсурдного «нового мира», в котором есть место практически всем общественным явлениям и нравствен-

ным категориям, но представлены они в специфическом виде.

Со второй половины 1930-х гг. философские и творческие взгляды поэта меняются, это находит отражение в творчестве в целом и в содержании и

средствах лексического выражения концепта «творчество» в частности. Здесь соавтором человека, а иногда и самостоятельным творцом становится природа, наделенная поэтом не только чувствами и вдохновением, но и разумом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: ФЛИНТА, 2012. 384 с.
2. Бабенко И. И. Сакральное-религиозный компонент в языковой и концептуальной картине мира М. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 3 (48). С. 33–39.
3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика: лингвокогнитивные механизмы смысловой интерпретации поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 6 (218). С. 38–48. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48
4. Курьянович А. В. Когнитивная сущность речевого жанра самопрезентация в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 5 (56). С. 144–150.
5. Орлова О. В. О когнитивно-стилистическом и когнитивно-дискурсивном подходах к изучению концептов // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 206–212.
6. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград: Перемена. 2003. 96 с.
7. Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4. С. 76–83.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с.
9. Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул: Алтайский государственный университет. 1999. 173 с.
10. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для вузов. М.: АСТ: Восток-Запад. 2007. 226 с.
11. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2012. 196 с.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
13. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
14. Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы 1926–1933. Стихотворения 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза // Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. 655 с.
15. Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т. Т. 4: С–Я / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. 800 с.
16. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М., 2002. 781 с.
17. Степанов Н. Л. Николай Заболоцкий (1903–1958) // Столбцы и поэмы 1926–1933. Стихотворения 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. С. 5–28.

References

1. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative style of the text: thesaurus dictionary]. Moscow, FLINTA Publ., 2012. 384 p. (in Russian)
2. Babenko I. I. Sakral'no-religioznyy komponent v yazykovoy i kontseptual'noy kartine mira M. Tsvetaevoy [Religious component in M. Tsvetaeva's linguistic and conceptual picture of the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, vol. 3 (48), pp. 33–39 (in Russian).
3. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika: lingvokognitivnyye mekhanizmy smyslovoy interpretatsii poeticheskogo teksta* [Communicative stylistics: linguocognitive mechanisms of semantic interpretation of a poetic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2021, vol. 6 (218), pp. 38–48 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48
4. Kur'yanovich A. V. *Kognitivnaya sushchnost' rechevogo zhanra samoprezentatsiya v epistolyarnom diskurse M. I. Tsvetaevoy* [Cognitive style of the speech genre self-presentation in M. Tsvetaeva's epistolary discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, vol. 5 (56), pp. 144–150 (in Russian).
5. Orlova O. V. *O kognitivno-stilisticheskom i kognitivno-diskursivnom podkhodakh k izucheniyu kontseptov* [About cognitive-stylistic and cognitive-discursive approaches to the study of concepts]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2009, no. 2, pp. 206–212 (in Russian).
6. Alefirenko N. F. *Problemy verbalizatsii kontsepta: teoreticheskoye issledovaniye* [Problems of concept verbalization: a theoretical study]. Volgograd, Peremena Publ., 2003. 96 p. (in Russian).
7. Vorkachev S. G. *Lingvokontseptologiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: istoki i tseli* [Linguoconceptology and intercultural communication: beginning and goals]. *Filologicheskkiye nauki – Philological Sciences*, 2005, no. 4, pp. 76–83 (in Russian).

8. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
9. Pishchal'nikova V. A. *Psikhopoetika* [Psychopoetics]. Barnaul, Altai State University Publ., 1999. 173 p. (in Russian).
10. Popova Z. D. *Kognitivnaya lingvistika: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [Cognitive linguistics: textbook for universities]. Moscow, AST: Vostok-Zapad Publ., 2007. 226 p. (in Russian).
11. Tarasova I. A. *Poeticheskiy idiosstil' v kognitivnom aspekte: uchebnoye posobiye* [Poetic idiosstyle in the cognitive aspect: textbook]. Moscow, FLINTA Publ., 2012. 196 p. (in Russian).
12. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 992 p. (in Russian).
13. Askol'dov S. A. *Kontsept i slovo. Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology]. Ed. V. P. Neroznak. Moscow, Akademiya Publ., 1997. P. 267–279 (in Russian).
14. Zabolotskiy N. A. *Stolbtsy i poemy 1926–1933. Stikhotvoreniya 1932–1958. Stikhotvoreniya raznykh let. Proza* [Columns and poems 1926–1933. Poems 1932–1958. Poems of different years]. *Sobraniye sochineniy: v 3 tomakh* [Collected works: in 3 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. T. 1. 655 p. (in Russian).
15. *Slovar' russkogo yazyka (Malyy akademicheskiy slovar')*. *V 4 tomakh. Tom 4. S–Ya* [Dictionary of the Russian language (Small academic dictionary in 4 volumes. Volume 4. S–Ya)]. Ed. A. P. Yevgen'yeva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988. 800 p. (in Russian).
16. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva et al. V 2 tomakh. Moscow, 2002. 781 p. (in Russian).
17. Stepanov N. L. *Nikolay Zabolotskiy (1903–1958) Stolbtsy i poemy 1926–1933. Stikhotvoreniya 1932–1958. Stikhotvoreniya raznykh let. Proza* [Columns and poems 1926–1933. Poems 1932–1958. Poems of different years. Prose]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. Vol. 1. P. 5–28 (in Russian).

Информация об авторе

Исаева О. В., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: solvayg@mail.ru

Information about the author

Isaeva O. V., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: solvayg@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 06.05.2024; accepted for publication 24.05.2024

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111–112

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-75-83>

История зарождения английского языка как ключ к пониманию его текущего статуса

Татьяна Александровна Марцева¹, Юрий Викторович Кобенко²

¹ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Москва, Россия, tmartseva@hse.ru

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия, serpentis@tpu.ru

Аннотация

В работе проводятся параллели между этапами исторического развития английского языка, формировавшегося в условиях многоязычия, и его статусом языка-макропосредника в современном мире. Исследование проводится при использовании двух ключевых методов: сравнительно-исторического, позволяющего проследить развитие английского языка в диахроническом разрезе и во взаимодействии с другими контактными идиомами, существовавшими в анизотропии языковой ситуации того времени, и диалектического, направленного на выделение таких контрадикторных направлений эволюции его языковой системы, как интеграция и дезинтеграция, стандартизация и индивидуализация, центризм и ацентризм. Эволюция подходов к периодизации английского языка (тевтонская группа – XVII–XVIII вв., англофризская группа – XIX в., западногерманская группа – XX в.) коренится в изменениях интралингвистического характера, обусловленных рядом экстралингвистических факторов. С одной стороны, островное расположение ареала зарождения языка, труднодоступность этих территорий и, следовательно, их изолированность, а с другой – привлекательность данных земель в связи с благоприятными условиями (мягкий климат, разнообразие ландшафта, флоры и фауны), христианизация, активные торговые отношения и, как следствие, константная полигlossия языкового окружения (кельтские, германские, скандинавские диалекты, классическая и вульгарная лагын, разнообразные диалекты римских легионеров, французский язык) послужили фундаментом для появления у английского языка тех дистриктивных признаков, которые отличают его и по сей день: ацентризм, высокая степень подвижности лексического состава, значительный деривационный потенциал, стремление к экономии языковых средств и достаточно свободное обращение с языковыми нормами. Последнее качество связано в том числе с длительным отсутствием единого национального, политического и языкового центра в Британии, а также преимущественно маргинальным характером использования английского языка в устном общении. В работе отмечается необходимость дальнейшего исследования грамматической структуры английского языка на всем протяжении его эволюции с целью более глубокого понимания последствий влияния полигlossной среды не только на его лексический состав, но и на статусную составляющую.

Ключевые слова: английский язык, историческое развитие, статус, периодизация, глоттогенез, полигlossия, субстрат

Для цитирования: Марцева Т. А., Кобенко Ю. В. История зарождения английского языка как ключ к пониманию его текущего статуса // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 75–83. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-75-83>

GERMAN LANGUAGES

The History of the English Language Origin as a Clue to Understanding its Current Status

Tatyana A. Martseva¹, Yuriy V. Kobenko²

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, tmartseva@hse.ru

² National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, serpentis@tpu.ru

Abstract

The paper draws comparisons between the stages in the history of the English language developing in the multilingual environment and its status of a macromediator in the modern world. The research is based on two fundamental methods: the comparative historical method that assists in observing the development of English in the diachronic perspective and its co-existence with other languages in anisotropic linguistic situation of that time and the dialectical one directed at identifying such contradicting directions of the language system evolution as integration and disintegration, standardization and individualization, centrism and acentrism. The evolution of classifying English language origin (Teutonic group in the 17th and 18th centuries, Anglofrisian group in the 19th century and West Germanic group in the 20th century) is rooted in the changes of intralinguistic nature caused by a range of extralinguistic factors. On the one hand, island distribution of the language areal, hard accessibility of the territory, and therefore their isolation, and on the other hand, attractiveness of this land due to favorable conditions (mild climate, diverse landscape, rich flora and fauna), Christianization, active trade relationships leading to permanent polyglossia of linguistic environment (Celtic, Germanic, Scandinavian dialects, classical and vulgar Latin, various languages of Roman legionaries, French) were the reasons why the English language obtained and has maintained till the present time such peculiar distinctive properties as acentrism, high level of lexical mobility, substantial derivational potential, economy of linguistic means and rather free manipulations with language standards. The latter is also connected with long-term absence of the unified national, political and language center in Britain and mostly marginal usage of the language predominantly in the oral form. The authors also insist on the need to further look into the grammatical structure of the English language throughout its evolution in order to better understand the consequences of the polyglossian environment not only on its vocabulary but also the status constituent.

Keywords: English language, historical development, status, periodization, glottogenesis, polyglossia, substrate

For citation: Martseva T. A., Kobenko Yu. V. Istoriya zarozhdeniya angliyskogo yazyka kak klyuch k ponimaniyu yego tekushchego statusa [The History of the English Language Origin as a Clue to Understanding its Current Status]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 75–83 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-75-83>

Введение

В современном мире английский язык (АЯ) уверенно сохраняет статус языка-макропосредника, обеспечивающего коммуникативное взаимодействие представителей различных и зачастую удаленных друг от друга языковых сред, тем самым реализуя давнюю мечту человечества о безбарьерном общении. Благодаря данному статусу он заслуженно находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей, не только непосредственно связанных с языком, но и совершенно далеких от него: специалистов в области компьютерных наук, экономики, социологии, медицины и пр., что свидетельствует о его уникальном положении, полученном в результате масштабных социальных, экономических и политических сдвигов. В настоящий момент можно утверждать, что АЯ является самым часто используемым языком общения в мире. Согласно статистическим данным Института Андерсона в США (Anderson Institute), АЯ высту-

пает государственным языком в 67 странах мира и 27 непризнанных государствах [1], что составляет около 35 % от всех мировых государств. Следует отметить, что не во всех этих странах большая часть населения говорит на АЯ. К примеру, в ЮАР только 31 % жителей используют его в качестве государственного языка, на Маврикии англоговорящее население составляет около 16 %, а в Гамбии всего лишь 2,31 %. Тем не менее АЯ остается языком официального и делового общения в указанных странах, что позволяет им равноправно участвовать в глобальных политических и экономических процессах. Совершенно противоположная ситуация сложилась в США, где нет признанного государственного языка и АЯ имеет статус государственного лишь на территории нескольких американских штатов, однако 95,5 % населения страны составляют англоговорящие [2]. Другой пример важной роли АЯ на международной политической арене – его использование в качестве одного из

трех «процедурных» языков (языков релейного типа) Евросоюза наравне с немецким и французским, а 21 язык используется лишь в статусе рабочего по мере необходимости. В данный момент в Евросоюз входят лишь две небольшие страны, Ирландия и Мальта, где АЯ является государственным языком. В Ирландии с населением около 5,2 млн человек два языка – ирландский и английский – имеют статус государственных, а в государстве Мальта с населением около 530 тыс. человек государственные языки – мальтийский и английский. Для сравнения: все население Евросоюза составляет около 743 млн человек, и лишь 0,075 % его жителей используют АЯ в качестве государственного, что, однако, не препятствует активной коммуникации на АЯ на всех административных уровнях Европы.

Всего в мире более 1,35 млрд человек используют АЯ в повседневном общении, из них лишь 360 млн являются носителями данного языка [3]. Чтобы понять предпосылки такой популярности АЯ в современном мире, необходимо обратиться к истории.

Материал и методы

Основным методом исследования послужил сравнительно-исторический, направленный на выявление социально-исторических предпосылок развития АЯ на отрезке диахронии с 50-х гг. до н.э. до конца XI в., при этом указанный язык рассматривается как составляющая часть общей картины плоттогенеза языков европейского континента. Другим базовым методом выступил диалектический, который позволяет рассматривать процессы эволюции языковой системы и функционального репертуара АЯ в их развитии, взаимодействии и причинной обусловленности. Имплементация диалектического метода имеет целью выделение таких аспектов эволюции языковой системы АЯ, как локанглизация и глобанглизация, стандартизация и индивидуализация, центризм и ацентризм. Несмотря на диалектичность и разновекторность своего исторического генеза, АЯ сохраняет тождество самому себе.

Результаты и обсуждение

Общим местом в современном языкознании является положение о принадлежности АЯ к западногерманской группе индоевропейской языковой семьи. Однако таковой его генетическая отнесенность была не всегда. Один из первых исследователей истории АЯ и по совместительству создатель фундаментального словаря АЯ (1755) профессор Сэмюэл Джонсон в своей статье, посвященной истории АЯ и предваряющей первый том словаря, указывает, что АЯ относится к группе готских (*Gothick*) или тевтонских (*Teutonic*) языков, где он

располагается ученым вместе с голландским и фризским языками, образуя англо-саксонскую подгруппу [4]. В данной типологии еще не признаются тесные родственные связи АЯ с немецким языком, который ученый относит к франкской подгруппе (*Francick*). Джонсон не одинок в таких суждениях, он опирается на труды Джорджа Хикса (George Hickes), английского ученого-богослова, одного из первопроходцев в области европейской лингвистики и создателя типологии англо-саксонских языков, изданной на латыни в конце XVII – начале XVIII в.

Другой лингвист, специалист по грамматике АЯ Генри Суит (Henry Sweet) в своей работе 1892 г. предлагает другой взгляд на классификацию языков и, следовательно, место АЯ в ней. Он определяет АЯ как часть англофризской группы нижненемецких языков, входящих в арийскую (в более современных классификациях – индоевропейскую [5]) языковую семью. В данной весьма подробной типологии уже признаются тесные родственные связи АЯ с немецким языком, который также определен в германскую группу, но в отличие от АЯ относится к верхненемецким языкам [6].

Такая непоследовательность в определении места АЯ среди других языков свидетельствует не только о становлении традиции сравнительно-исторического языкознания, но и о многогранной природе самого исследуемого языка. АЯ зародился в уникальных условиях на сравнительно небольшой территории площадью 244 тыс. км², изолированной от континента, где благодаря мягким климатическим условиям сформировалась благоприятная среда для собирательства, а позже охоты, рыболовства и земледелия. Ученым мало известно о самых первых поселенцах Британских островов, они лишь уверены, что те пришли сюда по суше в период палеолита, так как еще не существовало пролива, отделяющего острова от континента [7]. Доисторические люди постоянно кочевали в поисках пищи, и их «язык» представлял собой первую сигнальную систему покриков и посвистов, возникающих как реакция на непосредственные явления окружающей среды и сигнализирующих о базовых потребностях – пище, укрытии, опасности. По мнению Д. Эверетта, полноценный язык начал формироваться именно на этапе переселения первобытных людей как способ передачи опыта и знаний о мире [8, с. 11].

Отделившись от материка, Британские острова продолжали притягивать самые различные племена. Кельты – первые поселенцы островов, благодаря которым данная территория относится к индоевропейскому ареалу. Исследователи отмечают разделение кельтского на две ветви – гэльскую (Gaelic), или гойдельскую (Goidelic), и британскую

(Brythonic) [7, с. 39], каждая из которых в свою очередь породила несколько самостоятельных языков. Шотландский (гэльский), древнеирландский и мэнский произошли из гойдельского ответвления кельтских языков, а валлийский, бретонский, корнский, кумбрийский и, возможно, пиктский языки – из бриттского. Тем самым исходная языковая ситуация на Британских островах была уже достаточно неоднородной. Позднее к данной констелляции добавился и латинский язык, импортированный римскими завоевателями.

Римлян долгое время привлекала территория современной Великобритании, о чем свидетельствуют их множественные походы на эти земли. Начиная с 55 г. до н.э. один лишь Юлий Цезарь трижды предпринял попытку завоевания британской периферии. Все они закончились неудачей не только благодаря отпору местного населения, но и удачному расположению Британских островов – морские штормы были частым явлением на пути к ним, и уже на данном этапе завоевания войско Цезаря теряло состав. Труднодоступность береговой линии была второй значительной преградой, замедлявшей высадку воинов и тем самым дававшей шанс местному населению подготовиться к обороне. Тем не менее спустя 86 лет римляне под руководством другого императора – Клавдия – все же смогли закрепиться на территории современной Англии и оставались там на протяжении более 300 лет. Однако множественные попытки продвнуться вглубь острова на север так и не увенчались успехом, более того, северные племена, в частности пикты и бриганты, сами совершали частые набеги на территории, контролируемые римлянами, что заставило последних защитить свои колонии мощным укреплением, валом Адриана (Hadrian's Wall), построенным в 122–128 гг. при правлении одноименного римского императора [9, с. 29]. Эта внушительная постройка, часть которой сохранилась до наших дней, протянулась на 117 км с запада на восток в самой узкой части острова от побережья Ирландского моря до устья реки Тайн, впадающей в Северное море. Данные оборонительные сооружения постоянно достраивались и укреплялись последующими поколениями римлян, что позволило практически на 250 лет изолировать северные территории от остальной части острова. Таким образом, язык там развивался иначе, чем у жителей центральных и южных областей, находившихся под значительным влиянием римской культуры и, следовательно, языка. Завоевая и оккупируя любую свою колонию, римляне начинали активную административную и хозяйственную деятельность по ее развитию. Так произошло и на территории современной Великобритании, где появились римские дороги, соединявшие все области

колонии, множественные административные и общественные здания, используемые не только римлянами, но и местным населением. Все новые объекты и процессы требовали номинации, и заимствования из латыни были наиболее естественным способом их обрести.

Исторические и археологические исследования доказывают, что латынь имела достаточное распространение на территории Британских островов: ее использовали не только римские военные и служащие, но и ремесленники, торговцы, жители крупных административных образований. Древнеримский историк Тацит упоминал, что уже к моменту правления британской колонией римским консулом Агриколой в 77 г. местное население воспринимало латинский язык достаточно лояльно и использовало его в ряде коммуникативных ситуаций (цит. по [10, с. 41]). Этому способствовала ассимиляция римских легионеров с местным населением; даже после ухода Римской империи из Британии к 410 г. их потомки остались на этой земле, а следовательно, местные языки претерпевали значительные трансформации под влиянием латыни. Следует отметить, что и сама латынь подвергалась постоянным преобразованиям в условиях контакта с колониальными диалектами, поэтому язык, используемый римскими воинами и вспомогательными частями в Британии, был далек от классического языка в эпоху его расцвета при Цицероне и Вергилии (I в. до н.э.) и латыни постклассического периода, языка Сенеки и Тацита, в I–II вв. н.э. [11]. Многие из участников римских походов не были римлянами по рождению, а рекрутировались из населения завоеванных Римом территорий или же нанимались в солдаты из самых отдаленных частей Европы и даже Средней Азии. К примеру, по мнению некоторых исследователей, на службе у римлян находились сарматы – воинственные племена иранского происхождения, потомки которых живут на территории современной Осетии. Существует даже гипотеза, что легенды о кельтском короле Артуре, центральном герое британского эпоса, вдохновлены подвигами и экипировкой сарматских племен [12, 13]. Такие предположения наводят на мысль, что языковой субстрат на территории Британских островов до появления там германских племен мог быть еще разнообразнее и включать не только кельтские наречия и латинский язык, но и элементы других языков со всей территории Римской империи от атлантического побережья на западе европейского континента до территории современной Сирии и Палестины на востоке и с побережья северной Африки на юге до границ Северного моря.

Значительный вклад в латинизацию кельтских наречий внесло христианство, ставшее официаль-

но признанной религией в Римской империи к IV в. и встреченное достаточно благодушно в Британии. Несмотря на то что официально история христианизации Британии начинается с прибытия в Кент Августина в 597 г. и крещения местного короля Этельберта (*Æthelberht*), когда начинают активно строиться монастыри, ставшие не только религиозными, но и научными и образовательными центрами, первые упоминания о христианских проповедниках на Британских островах датируются III в., и уже в это время некоторые местные жители обращаются в данную веру [14, с. 10]. Известно, что британские христианские делегаты участвовали в собрании епископов в Арле в 314 г., а также в Первом Никейском Соборе, организованном римским императором Константином I в 325 г., что свидетельствует о достаточном распространении христианства [10, с. 41]. Вместе с религией пришли наименования обрядов и предметов культа, а также значительного количества абстрактных понятий, связанных с духовным развитием, не существовавших в языке местных жителей ранее и заимствованных из латинского языка.

Уход римлян из Британии ознаменовал начало Темных веков (*Dark Ages*) на ее территории. Исчезающий фактор в виде римских легионеров, и благополучные и развитые римлянами центральные области начали подвергаться множественным нападениям северных соседей, ранее отгороженных оборонительными валами, а также новых завоевателей с континента. Уже в 449 г. началось крупное вторжение в Британию англосаксов, ютов и, возможно, фризов – германских племен, каждое из которых говорило на собственном наречии. И хотя исследователи отмечают не слишком большие различия между данными германскими диалектами, они согласны, что за столетия миграции этих племен каждый из них обрел свой путь развития [14, 10]. Более того, постепенно заняв и закрепив за собой определенные британские территории, они вступили в тесный контакт с местными жителями. Так постепенно произошло взаимопроникновение различных кельтских и германских диалектов, что не могло не отразиться на их дальнейшем развитии.

Лингвисты, изучающие историю АЯ, часто концентрируются на эволюции его лексического уровня. Такой подход свидетельствует о том, что кельтские языки практически не оставили следа в современном английском, за исключением небольшого количества регионализмов, географических названий и номинаций природных объектов [15]. Однако, обращаясь к структуре языка, можно увидеть гораздо более глубокое влияние кельтского субстрата. Так, американский лингвист Дж. МакВортер отмечает, что по своей структуре АЯ значи-

тельно отличается от других языков германского происхождения. К примеру, ни в одном другом языке данной группы нельзя увидеть вспомогательный глагол *do* в вопросительных и отрицательных предложениях или форму настоящего продолженного времени, хотя такие явления присутствуют в языках кельтской группы, в частности в уэльском и корнском, что свидетельствует о долгом сосуществовании кельтских и германских племен в Британии и взаимовлиянии их языков [16].

Формирование АЯ началось именно в период Темных веков, и многие зарубежные (Бо и Кейбл, Альгео и Пайлз, Гельдерен) и отечественные исследователи (Аракин, Расторгуева) начинают отсчет его истории именно с IV–V вв. [7, 10, 17–19], несмотря на осторожные замечания своих предшественников – Джонсона и Суита, предлагающих рассматривать в качестве критерия для начала отсчета истории языка наличие первых письменных источников, задокументировавших его формирование [4, 6]. Само название периода – Темные века – говорит о том, что не сохранились никакие письменные источники за этот промежуток времени, документирующие происходившее на Британских островах с V по VIII в. Записи о событиях данного исторического периода появляются лишь в 731 г. в «Церковной истории английского народа» (*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*), написанной на латинском языке монахом Бедой Достопочтенным.

Первые обнаруженные образцы письменности на староанглийском языке датируются началом VIII в. и выполнены на твердых материалах, а следовательно, по большей части там используется руническое письмо. К ним относится ларец Фрэнкса (*Franks Casket*), выполненный из китовой кости, с вырезанными на нем достаточно разнородными изображениями из библейских сюжетов, древнеримской истории и мифологии, а также фрагментами древнегерманского эпоса, сопровождаемыми руническими надписями на староанглийском языке. Исследователи называют их «Песни на ките» и относят данный образец к началу VIII в., считая, что он написан на нортумбрийском диалекте [20]. Благодаря соединению иллюстративного и письменного материала, ларец предоставил ученым уникальную возможность увидеть староанглийский язык в период его трансформации – в надписях рунические символы перемежаются латинскими буквами, зачастую написанными в искаженном виде. Другим письменным памятником древнеанглийского периода (нач. VIII в.) является каменный Рутвельский крест (*Ruthwell cross*) с фрагментом религиозного текста «Сон о распятии», также вырезанного на нем руническими символами. Манускрипты с текстами, содержание которых можно отнести к VII–VIII вв., сохранились в списках го-

раздо более поздних периодов, манускрипт Юниуса (The Junius Manuscript) – в списке X в., а манускрипт англосаксонского эпоса «Беовульф» (Beowulf) остался в единственном экземпляре в списке XI в., и тот был под угрозой уничтожения при пожаре в Коттоновской библиотеке, где он хранился, в 1737 г. Данная ситуация неувидительна – прочные материалы типа камня или кости были единственным надежным носителем информации в Темные века, когда Британия находилась в состоянии постоянных межплеменных войн и набегов с континента. Рунические письма на таких объектах тоже вполне объяснимы – такие символы гораздо проще вырезать на твердой поверхности.

К VIII в. миграционные процессы на Британских островах стабилизировались и племена завоевателей с континента закрепились на определенных землях. В результате объединения германских и местных кельтских наречий начал выкристаллизовываться новый язык. Он не был однородным на всей территории Британии. Исследователи выделяют четыре крупных диалекта староанглийского языка: 1) нортумбрийский – на нем говорили жители северных областей (территория современной Шотландии); 2) мерсийский – диалект центральной части Британии (территория современной Англии); 3) западно-саксонский (юго-запад современной Англии) и 4) кентский (территория современного графства Кент на юго-востоке Англии) [7]. Нортумбрийский и мерсийский диалекты образовались на территориях, где обосновались англ, кентский сложился под влиянием ютских наречий, а западно-саксонский сформировался на территории, находившейся под влиянием саксов. Однако, по мнению Джонсона, трансформация англосаксонских наречий в АЯ завершилась лишь к 1150 г. уже после завоевания Британии норманнами [4, с. 26]. Комментируя в предисловии к своему словарю текст 885 г., написанный королем Альфредом Великим, Джонсон определяет его как образец саксонского языка на вершине своего развития, а не английского. И лишь тексты середины X в., по мнению ученого, созданы на формирующемся АЯ.

Необходимо упомянуть еще один значительный фактор, повлиявший на становление АЯ. С конца VIII в. и вплоть до середины XI в. Британия подвергалась нескольким волнам масштабных вторжений викингов. Вероятно, процесс кристаллизации АЯ из множественных разнородных кельтских и германских наречий с вкраплениями латыни был форсирован внешним вторжением неприятельского народа с чуждым языком. Местному населению пришлось сплотиться для борьбы с чужаками, а общность их языка стала одним из объединяющих факторов. Тем не менее, несмотря на сопротивление, скандинавский, а точнее, датский король Кнуд

(Cnut) оказался на британском троне. Хотя скандинавские правители руководили Британией лишь 25 лет, более чем двухсотлетнее их противостояние местным британским народам наложило свой отпечаток и на АЯ. Многие викинги остались в итоге на Британских островах и со временем ассимилировались. Безусловно, их языки не могли не повлиять на формирование АЯ. Все исследователи истории АЯ соглашаются, что следы скандинавского влияния гораздо отчетливее, чем те, что были оставлены исконными кельтскими диалектами. Здесь они вновь в основном обращают внимание на самые заметные уровни языка – лексический и фонетический [7, 10, 17]. Действительно, значительное количество географических названий имеет скандинавское происхождение, и можно отметить существенное пополнение АЯ за счет скандинавских лексических единиц, относящихся к сельскому хозяйству, морскому делу и торговле. Даже четыре из семи наименований дней недели заимствованы из языка викингов: Tuesday в честь бога победы Тюра, Wednesday – бога Одина (Вотана), Thursday – бога Тора, сына Одина, и Friday – богини брака и семьи Фригг, жены Одина. Более того, за счет фонетических различий, в частности ранней палатализации звуков [sk], [g], [k] в АЯ, произношение, а следом и написание исконных и заимствованных из скандинавских языков слов заметно различаются, и можно легко отличить скандинавские заимствования, характеризующиеся наличием взрывных согласных в начале слова, ср.: shirt (анг.) – skirt (сканд.), ditch (анг.) – dike (сканд.), а также gild, skill, kid, gate и пр. Однако некоторые исследователи отмечают, что скандинавское влияние не ограничилось лишь двумя указанными уровнями. Была выдвинута теория, что именно скандинавы поспособствовали достаточно быстрому исчезновению флексий в АЯ, чего не произошло ни в одном другом языке с протогерманскими корнями. Так как староанглийский и древний скандинавский языки имели достаточно много похожих корневых морфем за счет своей генетической близости, их представители могли понимать друг друга достаточно хорошо. Единственным отличием между языками и, следовательно, препятствием к полному межъязыковому общению и пониманию были многочисленные грамматические морфемы, которые, согласно МакВортеру, начали быстро редуцироваться, а затем и исчезать [15], что положило начало важным качествам АЯ – стремлению к удобству в использовании и экономии языковых средств. Об исчезновении окончаний подробно пишет Г. Суит, но не связывает данный процесс со скандинавским влиянием [6].

Финальным штрихом, закончившим формирование АЯ, стало норманнское завоевание Британии

в 1066 г. Именно с этого момента большинство исследователей начинают отсчет среднеанглийского периода, когда АЯ постепенно движется к тому, чтобы стать не только «языком горизонтали» [21], обслуживающим локальные нужды одного народа, но и «языком вертикали», используемым для межнационального общения, которым он обладает и в настоящее время. Тем не менее этот процесс трансформации был достаточно медленным и длился более 300 лет.

Оккупация Британских островов норманнами помешала западно-саксонскому диалекту стать доминирующим, что могло бы произойти благодаря быстрому развитию древнесаксонских королевств Британии, опережающему остальные территории, и их активной роли в объединении разрозненных германских племен для борьбы со скандинавскими нашествиями. О высоком уровне развития саксонских земель свидетельствует в том числе тот факт, что большая часть образцов древнеанглийской письменности сохранилась именно в списках на этом диалекте. Известно, что во время нашествия викингов АЯ стал объединяющим фактором для германских народов и одним из фундаментальных признаков развития национального самосознания – на этой основе начинает развиваться героический, исторический и религиозный эпос.

Тем не менее укрепление норманнов на британском троне в корне изменило вектор развития АЯ. На долгое время – около 300 лет – этот язык был низвергнут до самого низшего ранга. Британия на протяжении данного периода, по сути, находилась в ситуации полиглоссии – на ее территории имело хождение одновременно три языка: 1) французский язык использовался королевским двором, а также для ведения всей государственной и общественной деятельности; 2) латынь стала языком церкви и образования, а также юридических органов; 3) АЯ был средством взаимодействия самых бедных слоев населения страны. Данная языковая стратификация привела к значительной дисперсии АЯ, который использовался большей частью в устной форме, не имел устойчивых норм и значительно варьировал в региональном плане. По мере удаления от Лондона, который хотя и стал политическим центром страны, не был местом концентрации говорящих на АЯ (большая часть населения города в это время говорила на французском), язык становился более подвержен локальным влияниям, что оставило след практически на всех его уровнях. В него с легкостью вливались и закреплялись лексические единицы из самых разных языков стран Европы и Средней Азии, с которыми Британия вела активные торговые отношения. Существование АЯ по большей части в устной форме приводило в высокой степени индивидуализации язы-

ка и стихийному словотворчеству. Исследователи отмечают изначально высокий словообразовательный потенциал языка, превосходящий, по их мнению, даже возможности современного АЯ. В нем с легкостью образовывались новые лексические единицы при помощи аффиксации и словосложения [10, с. 59]. В таких условиях АЯ начинал свой путь к вершине языковой иерархии.

Заключение

К моменту завершения своего формирования в конце XI в. АЯ представляет собой результат воздействия крайне неоднородного языкового субстрата совершенно разных языковых групп – кельтских, германских, романских (таблица), что отразилось не только на его лексическом составе, неомогенность которого заметна даже неспециалисту, но и на фонетических характеристиках, а также на традиционно малоподвижном своде грамматических правил. Здесь следует отметить действие известного по работам германистов автоматизма: чем обширнее лексический состав языка, тем устойчивее грамматические прескрипции. Следует подчеркнуть, что АЯ постоянно находился в ситуации полиглоссии, сосуществуя на каждом этапе своего генеза как минимум с двумя другими иностранными языками, которые оказывали непосредственное влияние на все его языковые уровни.

Периоды влияния различных языковых субстратов на АЯ

Языковой субстрат	Период влияния
Французский язык	1066–1337 гг.
Скандинавские языки	788–1042 гг.
Древнегерманские языки	400-е – 700-е гг.
Латинский язык	43–410 гг., 597–1066 гг., 1066–1400-е гг.
Кельтские языки	700-е гг. до н.э. – 700-е гг.

Территориальный фактор также сыграл важную роль в развитии АЯ на его раннем этапе: сосуществование множества разнородных племен в замкнутом пространстве острова, отделенного от континента, приводило к двум противоположным тенденциям. С одной стороны, это вызывало постоянную борьбу за лучшие территории и условия проживания (побежденные народы в такой борьбе, как правило, были вынуждены перенимать язык победителя), а с другой стороны – вынужденную необходимость в тесных бытовых межъязыковых контактах, приводящую к упрощению языковых форм и экономии языковых средств для более успешной коммуникации. Более того, множественные попытки оккупировать британские острова народами с Большой земли приводили к сплочению разрозненных островных племен и росту их националь-

ного самосознания и самоидентификации, в том числе и за счет языковой интеграции.

Другим важным фактором генеза был изначальный ацентризм АЯ. Он формировался из разрозненных диалектов германских племен, которые рассеялись по территории Британских островов, ассимилировав с местным населением, и образовали королевства, каждое из которых имело свои крупные поселения. С утверждением на троне норманнов Лондон начал выполнять функции резиденции королей и центра политической жизни, однако он не стал центром АЯ, так как все политические и административные процессы обслуживались французским языком и латынью. Англоговорящее население состояло в основном из крестьян и городской бедноты и было рассеяно по всей территории Британии. В связи с этим наблюдается высокий уровень дисперсии и индивидуализации АЯ, что объясняет его гибридную природу и крайне подвижную норму.

Ресурсная гетерогенность лексического состава АЯ, сложившаяся на ранних истоках его исторического генеза еще задолго до его восхождения на вершину языковой иерархии, до сих пор побуждает ученых сомневаться в его принадлежности исключительно к германской языковой ветви. Данная многовековая дискуссия о генетическом статусе АЯ, вспыхнувшая с новой силой в 60-е гг. ушедшего века в Советском Союзе, не может быть безоговорочно разрешена в пользу какой-то одной ветви индоевропейской семьи языков. С каждым новым витком глобанглизации (центростремительной тенденции) и локанглизации (центробежной тенденции развития АЯ в современном мире) она лишь укрепляет свои основания, отсылая участников к полигlossному окружению английских глосс (несомненно, выше линии Бенрата) в самом начале их консолидации. Именно неоднородность состава АЯ, заложенная в данный период, и стала стержневым аспектом его развития и по-прежнему помогает многочисленным пользователям по всему миру открывать в нем что-то свое.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Clarke D. How Many Countries Speak English in 2024 (Numbers & Data). URL: <https://www.andersoninstitute.com/howmany-countries-speak-english/> (дата обращения: 28.03.2024).
2. An Official Website of the United States Government. URL: <https://www.usa.gov/official-language-of-us> (дата обращения: 28.03.2024).
3. Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/language/eng/> (дата обращения: 28.03.2024).
4. A dictionary of the English language: in which the words are deduced from their originals, and illustrated in their different significations by examples from the best writers: to which are prefixed a history of the language, and an English grammar by Samuel Johnson in two volumes. Vol. 1. Philadelphia, 1819. 1196 p. URL: <https://archive.org/details/0037263X1.nlm.nih.gov/page/n1185/mode/2up> (дата обращения: 17.08.2021).
5. Alexander H. English, its Origin and Relation to Other Languages // *Introductory Readings on Language* by Anderson, Wallace Ludwig. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. P. 54–65.
6. Sweet H. A New English Grammar, Logical and Historical. Oxford: The Clarendon Press, 1892. 509 p. URL: <https://archive.org/details/newenglishgrammar01sweeuoft/> (дата обращения: 27.03.2024).
7. Algeo J. The Origins and Development of the English Language (Based on the original work by Thomas Pyle). 6th Ed. Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2010. 367 p.
8. Everett D. L. How Languages Began: The Story of Humanity's Greatest Invention. New York: Liveright Publishing Corporation, 2017. 330 p.
9. Churchill W. S. The History of the English-Speaking Peoples. V. 1. The Birth of Britain. New York: Bantam Books Inc., 1963. 389 p.
10. Baugh A. C., Cable T. A History of the English Language. 5th Ed. Routledge, 2002. 447 p.
11. Покровская З. А., Кацман Н. Л. Латинский язык: учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 368 с.
12. Reid H. Arthur, The Dragon King: the Barbaric Roots of Britain's Greatest Legend. London: Headline, 2001. 256 p.
13. Scott Littleton C., Malcor L. A. From Scythia to Camelot (Arthurian Characters and Themes). 2nd Ed. Routledge, 2000. 424 p.
14. Ярцева В. Н. История английского литературного языка IX–XV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.
15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 3rd Ed. Cambridge University Press, 2019. 573 p.
16. McWhorter J. Our Magnificent Bastard Tongue. The Untold History of English. New York: Gotham Books, 2008. 256 p.
17. Gelderen E. van, A History of English Language. Revised ed. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. 338 p.
18. Аракин В. Д. История английского языка: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Физматлит, 2003. 272 с.
19. Расторгуева Т. А. История английского языка. 2-е изд. М.: Астрель: АСТ, 2003. 348 с.
20. Viëtor W. The Anglo-Saxon Runic Casket (The Franks Casket) five photographed plates with explanatory text. Marburg: Elvert, 1901. 12 p. URL: www.archive.org/details/anglosaxonrunic00viuoft/ (дата обращения: 27.03.2024).
21. Кобенко Ю. В. Стандартный американско-британский английский как язык современной глобализации // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2011. Вып. 9 (111). С. 20–23.

References

1. Clarke D. *How Many Countries Speak English in 2024* (Numbers & Data). URL: <https://www.andersoninstitute.com/howmany-countries-speak-english/> (accessed 28 March 2024).
2. *An Official Website of the United States Government*. URL: <https://www.usa.gov/official-language-of-us> (accessed 28 March 2024).
3. *Ethnologue*. URL: <https://www.ethnologue.com/language/eng/> (accessed 28 March 2024).
4. *A dictionary of the English language: in which the words are deduced from their originals, and illustrated in their different significations by examples from the best writers: to which are prefixed a history of the language, and an English grammar by Samuel Johnson in two volumes*. Vol. 1. Philadelphia, 1819. 1196 p. URL: <https://archive.org/details/0037263X1.nlm.nih.gov/page/n1185/mode/2up> (accessed 17 August 2021).
5. Alexander H. *English, its Origin and Relation to Other Languages. Introductory Readings on Language by Anderson, Wallace Ludwig*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 1966. Pp. 54–65.
6. Sweet H. *A New English Grammar, Logical and Historical*. Oxford: The Clarendon Press, 1892. 509 p. URL: <https://archive.org/details/newenglishgramma01sweeuoft/> (accessed 27 March 2024).
7. Algeo J. *The Origins and Development of the English Language (Based on the original work by Thomas Pyle)*. Boston, Wadsworth Cengage Learning, 2010. 367 p.
8. Everett D. L. *How Languages Began: The Story of Humanity's Greatest Invention*. New York, Liveright Publishing Corporation, 2017. 330 p.
9. Churchill W. S. *The History of the English-Speaking Peoples*. V. 1. The Birth of Britain. New York, Bantam Books Inc., 1963. 389 p.
10. Baugh A. C., Cable T. *A History of the English Language*. Routledge, 2002. 447 p.
11. Pokrovskaya Z. A., Katsman N. L. *Latinskij yazyk: uchebnik dlya vuzov* [Latin language: coursebook for higher educational institutions]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 368 p. (in Russian).
12. Reid H. *Arthur: The Dragon King: the Barbaric Roots of Britain's Greatest Legend*. London, Headline Publ., 2001. 256 p.
13. Scott Littleton C., Malcor L. A. *From Scythia to Camelot (Arthurian Characters and Themes)*. Routledge, 2000. 424 p.
14. Yartseva V. N. *Istoriya angliyskogo literaturnogo yazyka IX–XV vv.* [History of the standard English language]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 248 p. (in Russian)
15. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge University Press, 2019. 573 p.
16. McWhorter J. *Our Magnificent Bastard Tongue. The Untold History of English*. New York, Gotham Books, 2008. 256 p.
17. Gelderen E. van. *A History of English Language. Revised ed.* Amsterdam, John Benjamins Publishing Company Publ., 2014. 338 p.
18. Arakin V. D. *Istoriya angliyskogo yazyka. Uchebnoye posobiye* [History of the English language. Coursebook]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2003. 272 p. (in Russian).
19. Rastorgueva T. A. *Istoriya angliyskogo yazyka* [History of the English language]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2003. 348 p. (in Russian).
20. Viëtor W. *The Anglo-Saxon Runic Casket (The Franks Casket) five photographed plates with explanatory text*. Marburg: Elvert, 1901. 12 p. URL: www.archive.org/details/anglosaxonrunicc00viuoft/ (accessed 27 March 2024).
21. Kobenko Yu. V. Standartnyy amerikano-britanskiy angliyskiy kak yazyk sovremennoy globalizatsii [Standard British-American English as language of the modern globalisation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, vol. 9 (111), pp. 20–23 (in Russian).

Информация об авторах

Марцева Т. А., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Покровский бульвар, 11, Москва, Россия, 101000).

E-mail: tMartseva@hse.ru

Кобенко Ю. В., доктор филологических наук, профессор, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

E-mail: serpentis@tpu.ru

Information about the authors

Martseva T. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (Pokrovskiy blv., 11, Moscow, Russian Federation, 101000).

E-mail: tMartseva@hse.ru

Kobenko Yu. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: serpentis@tpu.ru

Статья поступила в редакцию 06.04.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 06.04.2024; accepted for publication 24.05.2024

УДК 811.112.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-84-92>

Конфронтационные стратегии и тактики как средства репрезентации речевой агрессии в политической коммуникации (на материале выступления Олафа Шольца)

Наталья Владимировна Полякова¹, Сергей Евгеньевич Хоменко², Ольга Александровна Лузик³

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

³ *Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия*

¹ *nvp@tspu.edu.ru*

² *sanfrond.white@gmail.com*

³ *andrejewal88@gmail.com*

Аннотация

В политической коммуникации в настоящее время используется целый комплекс конфронтационных речевых стратегий и тактик, направленных на дискредитацию оппонентов в условиях ведения информационной войны, а также навязывания своей точки зрения и формирования определенного общественного мнения относительно дискредитируемых объектов. Конфронтационная стратегия предоставляет говорящему возможность эксплицитно отрицательное отношение к своему оппоненту, враждебность и готовность вступить в конфликт для достижения собственных целей, игнорируя цели, интересы другой стороны. Конфронтационная стратегия сопряжена с отступлением и даже нарушением нравственных и этических норм. К числу конфронтационных речевых стратегий относятся стратегии подчинения и убеждения, дискредитации. Каждая из стратегий реализуется при помощи различных речевых тактик. Для эффективного противодействия угрозам негативного информационного воздействия представляется необходимым выявить применяемые речевые стратегии и тактики, используемые федеральным канцлером Германии Олафом Шольцом, что обуславливает актуальность исследования. Изучение конфронтационных стратегий и тактик в речи О. Шольца, воздействующих на массовую аудиторию и направленных на дискредитацию как самого образа России, так и российской внешней политики, является целью проводимого исследования. Источником материала исследования послужила программная речь Олафа Шольца, с которой он выступил перед федеральным правительством Германии 27 февраля 2022 г. Данная речь стала реакцией ФГР на начало Российской Федерацией специальной военной операции. Для достижения поставленной цели использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы с применением методик контекстного анализа, а также дефиниционного, семантического анализа. В статье проводится анализ двух конфронтационных стратегий, применяемых Олафом Шольцом: дискредитации, подчинения и убеждения. Стратегия дискредитации используется чаще, чем стратегия подчинения и убеждения. Выявлены следующие дискредитирующие тактики: обвинения, негативного прогнозирования и поляризации. Стратегия подчинения и убеждения объективируется при помощи угрозы и приказа. Конфронтационные тактики выступают как автономно (изолированно), так и в сочетании друг с другом (комбинированно).

Ключевые слова: *речевая агрессия, конфронтационная речевая стратегия, стратегия дискредитации, стратегия подчинения и убеждения, речевая тактика, политическая коммуникация, немецкий язык, Олаф Шольц*

Для цитирования: Полякова Н. В., Хоменко С. Е., Лузик О. А. Конфронтационные стратегии и тактики как средства репрезентации речевой агрессии в политической коммуникации (на материале выступления Олафа Шольца) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 84–92. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-84-92>

Confrontational strategies and tactics as a means of representing speech aggression in political communication (based on Olaf Scholz's speech)

Natalya V. Polyakova¹, Sergey E. Khomenko², Olga A. Luzik³

^{1,2} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

³ *Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *nvp@tspu.edu.ru*

² *sanfrond.white@gmail.com*

³ *andrejewal88@gmail.com*

Abstract

Nowadays, political communication uses a whole range of confrontational speech strategies and tactics aimed at discrediting opponents in an information war, as well as imposing their point of view and forming a certain public opinion regarding discredited objects. A confrontational strategy provides the speaker with the opportunity to express a negative attitude towards his opponent, hostility and willingness to enter into conflict to achieve his own goals, ignoring the goals and interests of the other side. A confrontational strategy involves retreat and even violation of moral and ethical norms. Confrontational speech strategies include strategies of submission and persuasion, discrediting. Each of the strategies is implemented using different speech tactics. In order to effectively counter the threats of negative information impact, it is necessary to identify the speech strategies and tactics used by the German Federal Chancellor Olaf Scholz, which determines the relevance of the study. The purpose of the research is to study the confrontational strategies and tactics in O. Scholz's speech, affecting a mass audience and aimed at discrediting both the image of Russia itself and Russian foreign policy. The source of the research material was Olaf Scholz's keynote speech, which he delivered to the German Federal Government on February 27, 2022. This speech was the FGR reaction to the beginning of a special military operation by the Russian Federation. Descriptive and comparative methods along with contextual analysis techniques, as well as definitional, semantic analysis were used to achieve this goal. The article analyzes two confrontational strategies used by Olaf Scholz: discrediting, submission and persuasion. The discrediting strategy is used more often than the strategy of submission and persuasion. The following discrediting tactics have been identified: accusation, negative forecasting and polarization. The strategy of submission and persuasion is objectified with the help of threats and orders. Confrontational tactics act both autonomously (in isolation) and in combination with each other (combined).

Keywords: *speech aggression, confrontational speech strategy, discrediting strategy, strategy of submission and persuasion, speech tactics, political communication, the German language, Olaf Scholz*

For citation: Polyakova N. V., Khomenko S. E., Luzik O. A. Konfrontatsionnyye strategii i taktiki kak sredstva reprezentatsii rechevoy agressii v politicheskoy kommunikatsii (na materiale vystupleniya Olafa Shol'tsa) [Confrontational strategies and tactics as a means of representing speech aggression in political communication (based on Olaf Scholz's speech)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 84–92 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-84-92>

Введение

Феномен речевой агрессии вызывает повышенный интерес ученых и часто становится объектом исследования в современной лингвистике, психологии, социологии, конфликтологии, теории коммуникации [1–4]. Значительный интерес исследователей к данному феномену обусловлен его широким распространением в разных сферах коммуникативного взаимодействия, особенно в тех из них, которые характеризуются повышенной конфликтностью, напряженностью, борьбой за доминирование определенных сил – в политическом, медийном, интернет-дискурсе, дискурсе массовой культуры и др. Проявления речевой агрессии создают деструктивный фон для коммуникации, препятствуя установлению атмосферы взаимопонимания и сотрудничества между ее участниками. Речевая агрессия является препятствием для конструктивного диалога, провоцирует конфликты.

Одну из наиболее полных дефиниций речевой агрессии предлагает Т. А. Воронцова: «Речевая агрессия – это вторжение в коммуникативное пространство личности, совершаемое посредством употребления определенных речевых стратегий и тактик с целью оскорбить, унижить, обесчестить или иным образом причинить вред адресату» [5, с. 12].

Е. И. Шейгал четко разграничивает прямые, эксплицитные (инвективные) виды речевой агрессии

и ее опосредованные, имплицитные проявления, включающие намеки, иносказания, различные манипулятивные приемы [6].

Анализируя специфику речевой агрессии в политическом дискурсе, В. Н. Базылев рассматривает ее как одно из ярчайших проявлений повышенной эмоциональности, конфликтности и напряженности данной коммуникативной сферы. По его мнению, к основным типичным видам речевой агрессии в политике относятся оскорбления, угрозы, демонстративное невежливое и провокационное поведение, намеренное перебивание, игнорирование и бойкот оппонентов [7].

А. Г. Алтунян фокусирует внимание на таких распространенных в политическом дискурсе проявлениях речевой агрессии, как ярлыкирование (навешивание негативных клеймящих ярлыков на оппонента), принижение и обесценивание его личности, роли и значимости, умаление важности его взглядов и позиции [8].

О. С. Иссерс, крупнейший специалист в области теории речевых стратегий и тактик, включает в число основных видов реализации стратегии речевой агрессии обвинение, оскорбление, угрозу (как прямую, так и косвенную), издевку, упрек, демонстративное несогласие и противопоставление своей позиции оппоненту, ее превознесение [9]. Развернутую классификацию типичных видов проявлений речевой агрессии предлагает Н. Б. Руженцева:

- дискредитация личности оппонента, его позиции и взглядов;
- оскорбления, применение инвективной лексики;
- клевета, распространение заведомо ложных сведений о собеседнике;
- неуважительное, пренебрежительное отношение;
- использование некорректных оскорбительных характеристик и негативных ярлыков в адрес оппонента;
- намеренное перебивание, игнорирование реплик собеседника;
- использование грубых форм обращения, фамильярности;
- проявление высокомерия и пренебрежения к мнению оппонента;
- нарушение принципов коммуникативной вежливости и толерантности [1].

Проведенный обзор разных точек зрения на феномен речевой агрессии показывает, что она проявляется крайне многопланово. При этом речевая агрессия распространена практически во всех сферах общения, однако наиболее интенсивно используется в дискурсах с повышенной конфликтностью и напряженностью – политическом, медийном, интернет-коммуникации, корпоративном дискурсе и др. В таких конфликтных сферах речевая агрессия используется в качестве инструмента воздействия на оппонента и аудиторию с целью достижения определенных прагматических задач: дискредитации противника, мобилизации сторонников, формирования нужного общественного мнения и т. п.

Влияние речевой агрессии на коммуникативные процессы имеет преимущественно деструктивный, разрушительный характер. Проявления речевой агрессии создают атмосферу напряженности и враждебности, препятствуют конструктивному диалогу, разрушают доверие между коммуникантами, нарушают коммуникативное равновесие. Таким образом, в целом речевая агрессия способствует эскалации конфликтов в межличностных и социальных отношениях.

Изучение феномена речевой агрессии в его многообразных проявлениях, анализ факторов и условий, способствующих его распространению, а также выработка стратегий и механизмов противодействия речевой агрессии и замещения ее конструктивными формами речевого взаимодействия представляется актуальной междисциплинарной задачей, направленной на оздоровление коммуникативного пространства современного общества.

Цель статьи заключается в исследовании конфронтационных стратегий и тактик, репрезентирующих речевую агрессию в речи федерального канцлера Олафа Шольца.

Материал и методы

Источником материала исследования выступила стенограмма выступления канцлера ФРГ Олафа Шольца на экстренном заседании правительства ФРГ от 27 февраля 2022 г., посвященная началу специальной военной операции [10].

Эмпирическую базу исследования составляют контексты, актуализирующие две конфронтационные стратегии: дискредитации, подчинения и убеждения, а также репрезентирующие их тактики обвинения, угрозы, негативного прогнозирования, поляризации, приказа.

Для достижения поставленной цели в исследовании используются описательный и сравнительно-сопоставительный методы с применением методик контекстного анализа, а также дефиниционного, семантического анализа.

Результаты и обсуждение

Речевая тактика является одним из ключевых понятий в современной теории речевого воздействия и речевых стратегий. Она представляет собой «конкретный речевой ход в процессе реализации той или иной стратегии, направленный на решение частной коммуникативной задачи этапа в достижении глобальной коммуникативной цели» [9, с. 110]. Таким образом, речевая тактика – это конкретное языковое воплощение речевой стратегии в рамках определенного речевого события.

Термин «речевая тактика» тесно связан с понятиями речевой стратегии, речевого акта и речевого воздействия. Речевая стратегия представляет собой «совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [9, с. 100]. Стратегия реализуется через набор речевых тактик. Речевое воздействие представляет собой «оказание влияния на сознание, эмоции, установки и поведение адресата посредством речи» [11]. Речевые тактики служат важным инструментом речевого воздействия и достижения коммуникативных целей. Место речевой тактики в теории речевых стратегий раскрывается в трудах многих отечественных лингвистов [9, 12, 13].

По мнению О. С. Иссерс, «речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных ситуаций общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [9, с. 109].

Речевые тактики представляют собой конкретные речевые действия в рамках реализации стратегии. Основными характеристиками речевой тактики являются:

- целенаправленность. Каждая речевая тактика преследует определенную цель, которая вписывается в общую коммуникативную стратегию говорящего. Как отмечает О. Н. Паршина, «тактики репрезентируются последовательностью практиче-

ских ходов, рассчитанных на определенную реакцию участников коммуникативного акта» [12, с. 56]. Цель тактики может быть самой разнообразной – убедить, похвалить, упрекнуть, дискредитировать и т. д.;

– ситуативность. Выбор конкретной речевой тактики определяется коммуникативной ситуацией: статусно-ролевыми отношениями участников, их коммуникативными целями и намерениями, хронотопом общения [9]. Одна и та же стратегия может реализовываться с помощью разных тактик в разных ситуациях;

– конвенциональность. Речевые тактики базируются на принятых в данном языковом сообществе нормах и конвенциях общения. Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, «речеповеденческие тактики – это своего рода правила речевого поведения носителей языка, усвоенные ими с детства и действующие в их подсознании» [14, с. 652]. Конвенциональность обеспечивает взаимопонимание между коммуникантами.

Помимо названных основных характеристик, исследователи выделяют и другие свойства речевых тактик, такие как адресность, мотивированность, вариативность, прагматичность, контекстуальность и др. [15, 16].

Политическая коммуникация характеризуется резким противостоянием позиций, противоборством сил за влияние на общественное сознание. Риторика нападок и очернения конкурентов, нередко переходящая в прямую диффамацию, является типичной для данной сферы. Обширный арсенал речевых тактик направлен здесь на подрыв авторитета, репутации и доверия к оппонентам, их программам и взглядам.

В лингвистической литературе выделяют два типа речевых стратегий: конфронтационные и кооперативные [17]. Если первые стратегии, объективируя речевую агрессию, приводят к конфронтации, то вторые направлены на консолидацию, поиск компромиссов и учет интересов каждой из сторон.

Стратегия дискредитации, являясь одной из конфронтационных стратегий, направлена на подрыв авторитета, умаление достоинства оппонента, а также формирование определенного общественного мнения относительно объекта дискредитации, а стратегия подчинения и убеждения – на демонстрацию своего превосходства над оппонентом и принуждение к совершению определенных действий, которые выгодны адресанту, но идут вразрез с интересами адресата [4].

Стратегия дискредитации реализуется посредством целого комплекса конфронтационных тактик: обвинения, оскорбления, поляризации, негативного прогнозирования.

Тактика обвинения направлена на объявление кого-либо виновным в чем-либо, приписывание вины, а также негативное оценивание как самого объекта дискредитации, так и его действий, поступков, намерений и т. п. [18].

Тактика оскорбления заключается в унижении оппонента, высмеивании его недостатков и слабых сторон (как реально существующих, так и приписываемых объекту дискредитации).

Тактика поляризации реализуется при помощи противопоставления «мы»/«они», при этом «они» наделяются преимущественно негативными чертами по сравнению с другой стороной.

Тактика негативного прогнозирования заключается в навязывании негативного развития событий как единственно возможного.

Для объективации стратегии подчинения и убеждения используются такие речевые тактики, как угроза, упрек и приказ.

Угроза заключается в постулировании адресантом намерения причинить вред адресату. Упрек – указание оппоненту на недостатки, просчеты, ошибки, которые, с точки зрения адресанта, должны быть устранены. Приказ – это принуждение адресата к выполнению/отказу от выполнения каких-либо действий.

Исследование конфронтационных стратегий и тактик в политической коммуникации осуществлялось на материале выступления Олафа Шольца. Выступление федерального канцлера Германии на экстренном заседании правительства ФРГ 27 февраля 2022 г. стало реакцией на начало Российской Федерацией специальной военной операции. Данная речь отличается от многих речей Олафа Шольца своей агрессивностью, эмоциональностью и беспепелляционностью. Проведенный анализ позволил выявить использование канцлером двух конфронтационных речевых стратегий: дискредитации, подчинения и убеждения, реализующихся целым арсеналом тактик.

Стратегия дискредитации реализуется в речи О. Шольца при помощи тактик обвинения, поляризации, негативного прогнозирования.

Тактика обвинения

В исследуемой программной речи тактика обвинения реализуется как автономно, так и в сочетании с другими конфронтационными тактиками. При этом тактика обвинения является лидирующей по своей частотности.

Начало данной эмоциональной речи содержит серию обвинений, объективируемых при помощи лексических и фразеологических единиц: *Mit dem Überfall* ‘нападение’, *hat... kaltblütig einen Angriffskrieg vom Zaun gebrochen* ‘хладнокровно начал агрессивную войну’, *sein eigenes Unterdrückungsregime* ‘его

собственный репрессивный режим'. Обвинения сопровождаются лексемами с негативной семантикой: *menschenverachtend* 'бесчеловечно', *völkerrechtswidrig* 'нарушает международное право' [10].

Усилению обвинительного потенциала способствует фраза *Das ist durch nichts und niemanden zu rechtfertigen* [10] 'Это ничем и никем не может быть оправдано', в которой тяжесть обвинения репрезентируется использованием двух отрицательных местоимений *nichts* и *niemand*. Следует отметить, что за время своего выступления канцлер использует повтор как средство обличения оппонента: трижды он упоминает о нападении на Украину, 27 раз называет фамилию президента РФ, тем самым четко обозначая объект своей агрессии и причину выдвигаемых обвинений.

Продолжение речи приносит новое обвинение в беспринципности – *die ganze Skrupellosigkeit*, проявляющейся на фоне ужасных кадров из разных украинских городов – *die schrecklichen Bilder*. Данные обвинения усиливаются при помощи эпитетов.

К ранее предъявленным обвинениям добавляются обвинения в стремлении 'стереть независимую страну с карты мира' – *...will Putin nicht nur ein unabhängiges Land von der Weltkarte tilgen*, в 'уничтожении европейской системы безопасности' – *zertrümmert die europäische Sicherheitsordnung* и даже в исключении из мирового сообщества – *Er stellt sich auch ins Abseits der gesamten internationalen Staatengemeinschaft* [10].

Тактика обвинения объективируется при помощи модального глагола *wollen*, эпитетов и лексических единиц с оценочной семантикой.

Обвинение в желании построить Российскую империю – *Putin will ein russisches Imperium errichten* – усиливает использование модального глагола *wollen*, обозначающего твердое намерение [10].

Нежелание участвовать в диалоге, неготовность к нему является еще одним обвинением, предъявляемым Шольцом президенту РФ, – *Daran mangelt es aufseiten Putins ganz offensichtlich* [10], репрезентируемым при помощи глагола *mangeln* 'недоставать, испытывать недостаток в чем-либо'.

Обвинения в нападении на независимую страну сопровождаются эпитетом *rechtfertigender* 'неоправданный', для усиления обвинительного эффекта Олаф Шольц уточняет, что неоправданным было не только нападение на независимую страну, но и на мирный порядок в Европе и во всем мире – *auf die Friedensordnung in Europa und in der Welt* [10]. Оратор прибегает к перечислению, при этом каждый из перечисляемых элементов является крупнее предыдущего: независимая страна – Европа – весь мир.

Помимо автономного применения тактики обвинения, выявлены также случаи ее комбинирования с тактиками угрозы и негативного прогнозирования.

В одном из контекстов выдвигается обвинение в том, что президент Путин, напав на Украину, создал новую реальность – *...hat Präsident Putin mit seinem Überfall auf die Ukraine eine neue Realität geschaffen* [10]. В данном фрагменте вновь упоминается не только фамилия, но и должность В. В. Путина. Персонификация ответственности за нападение на Украину достигается не только упоминанием президента РФ, но и использованием притяжательного местоимения *sein* в сочетании с существительным *Überfall*.

Далее федеральный канцлер Германии переходит к прямым угрозам о поставках вооружения на Украину: *...dass Deutschland der Ukraine Waffen zur Verteidigung des Landes liefern wird* [10] 'Германия поставит Украине оружие для защиты страны'.

После угрозы поставок оружия предпринимается попытка объяснения принятого решения, содержащая очередное обвинение в агрессии, – *Auf Putins Aggression konnte es keine andere Antwort geben* [10] 'На агрессию со стороны Путина не может быть иного ответа'.

Помимо сочетания с тактикой угрозы, тактика обвинения используется в выступлении Олафа Шольца в комбинации с тактикой негативного прогнозирования: *Präsident Putin redet dabei stets von unteilbarer Sicherheit. Tatsächlich aber will er gerade mit Waffengewalt in altbekannte Einflussphären teilen. Das hat Folgen für die Sicherheit in Europa* [10]. Первые два предложения объективируют тактику обвинения в намерении разделить сферы влияния при помощи оружия. Тактика поддерживается использованием модального глагола *wollen* и лексических единиц-экспликантов обвинения. Третье предложение эксплицирует негативный прогноз о последствиях для безопасности в Европе.

Реализация тактики обвинения происходит также и при помощи сравнения: *Kriegstreibern wie Putin* [10] 'разжигатели войны как Путин'.

Помимо тактики обвинения, были выявлены еще две дискредитирующие тактики: поляризации и негативного прогнозирования.

Тактика поляризации

В анализируемой речи используется тактика поляризации, реализующаяся посредством множества оппозиций, представленных как эксплицитно, так и имплицитно. Основная оппозиция – это эксплицитное противопоставление России и Украины, которую поддерживают ФРГ и другие страны Евросоюза. Противопоставляемая Российской Федерации сторона борется за демократию, ценности,

которые Германия разделяет с Украиной: *...kämpfen für Freiheit und ihre Demokratie, für Werte, die wir mit ihnen teilen* [10]; все демократы и европейцы стоят на их стороне – *Als Demokratinnen und Demokraten, als Europäerinnen und Europäer stehen wir an ihrer Seite* [10], при этом данная позиция оценивается Олафом Шольцом как единственно правильная: *auf der richtigen Seite der Geschichte* [10] ‘на правильной стороне истории’.

Большой конфронтационный эффект достигается при комбинировании тактик поляризации и обвинения: сначала подчеркивается то, на чьей стороне Германия, – *Deutschland steht heute an der Seite der Ukrainerinnen und der Ukrainer* [10], а затем, помимо обозначения стороны, которую поддерживает ФРГ, следует обвинение в начале агрессивной войны: *Unsere Gedanken und unser Mitgefühl gelten heute den Opfern des russischen Angriffskriegs* [10]. Тактика обвинения реализуется при помощи существительного *den Opfern* ‘жертвам’ и сочетания имени существительного *des Angriffskriegs* ‘агрессивной войны’ с именем прилагательным, обозначающим объект дискредитации, – *russischen*.

Апогеем объективации тактики поляризации является противопоставление Путина и свободного мира: *...dieser Konflikt zwischen Putin und der freien Welt* [10]. Если предыдущие рассмотренные контексты, объективирующие тактику поляризации, содержали имплицитное противопоставление, то в последнем рассмотренном контексте имеет место эксплицитное противопоставление, реализуемое при помощи лексемы *Konflikt* в сочетании с указательным местоимением *dieser*, предлога *zwischen* ‘между’ и обозначения двух сторон конфликта – *Putin* и *der freien Welt* ‘свободным миром’.

Третьей конфронтационной тактикой, реализующей стратегию дискредитации, является тактика негативного прогнозирования.

Тактика негативного прогнозирования

Aber der Krieg wird sich auch als Katastrophe für Russland erweisen [10]. В данном примере негативный прогноз реализуется при помощи будущего времени глагола (Futurum I) *erweisen* и лексемы *Katastrophe*.

Тактика негативного прогнозирования выступает не только автономно, но и комбинируется с тактикой угрозы: *Doch schon sehr bald wird die russische Führung spüren, welch hohen Preis sie bezahlt. <...> Und wir behalten uns weitere Sanktionen vor, ohne irgendwelche Denkverbote* [10].

Негативный прогноз выражается при помощи Futurum I глагола *spüren* ‘чувствовать’, наречий, указывающих на то, что данный прогноз сбудется в кратчайшие сроки, – *sehr bald* ‘очень скоро’ и выражения *hohen Preis bezahlen* ‘заплатить высокую

цену’. Угроза ввода санкций усиливается во второй части предложения при помощи словосочетания *ohne irgendwelche Denkverbote* ‘без каких-либо внутренних ограничений’.

Тактика угрозы

Для политической коммуникации характерно минимальное использование эксплицитных способов выражения угрозы, чаще всего политики обращаются к имплицитным способам ее выражения. Однако господин Шольц в данной речи применяет эксплицитные способы объективации угрозы. Для усиления эффекта угрозы следуют одна за другой:

Wir schneiden russische Banken und Staatsunternehmen von der Finanzierung ab [10]. ‘Мыотрежем российские банки и государственные предприятия от финансирования’.

Wir verhindern den Export von Zukunftstechnologien nach Russland [10]. ‘Мы предотвратим попадание в Россию технологий завтрашнего дня’.

Wir nehmen die Oligarchen und ihre Geldanlagen in der EU ins Visier [10]. ‘Мы займемся олигархами и их счетами в Евросоюзе’.

Hinzu kommen die Strafmaßnahmen gegen Putin und Personen in seinem direkten Umfeld sowie Einschränkungen bei der Visavergabe für russische Offizielle [10]. ‘К этому прибавим меры наказания в отношении Путина и его ближайшего окружения, а также ограничения при выдаче виз для российских официальных лиц’.

Und wir schließen wichtige russische Banken vom Bankenkommunikationsnetz SWIFT aus [10]. ‘Мы отключим важные российские банки от коммуникационной сети SWIFT’.

На реальность озвученных угроз и их скорейшее осуществление указывает использование настоящего времени глагола (Präsens).

Помимо конфронтационной стратегии, направленной на Российскую Федерацию, в данных угрозах репрезентируется и кооперативная стратегия – объединение перед лицом врага: в данных предложениях в качестве подлежащего выступает личное местоимение *wir*.

Заключительная часть речи Олафа Шольца также богата угрозами, выраженными эксплицитно:

Und wir sind bereit, uns mit Luftabwehrraketen auch an der Verteidigung des Luftraumes unserer Alliierten in Osteuropa zu beteiligen [10]. ‘И мы готовы участвовать в защите воздушного пространства наших союзников в Восточной Европе с помощью зенитных ракет’.

Тактика приказа

Применение данной тактики подтверждает то, что конфронтационные стратегии сопряжены с от-

ступлением и даже нарушением этических, моральных и иных норм. Во время своей программной речи канцлер лишь единожды использовал тактику приказа. Он обратился с этим приказом к гражданам России, которые выходили на антивоенные митинги, что является прямым вмешательством во внутреннюю политику Российской Федерации: *Ihnen allen sage ich: Geben Sie nicht auf!* [10]. 'Им я говорю: не сдавайтесь!'. Для объективации приказа используется вежливая форма повелительного наклонения глагола *aufgeben*.

Исследование показало, что Олаф Шольц прибегает к использованию конфронтационных стратегий дискредитации, подчинения и убеждения для умаления авторитета, дискредитации своего оппонента, принуждения к совершению/отказу от выполнения действий, выгодных для адресанта и идущих вразрез с намерениями адресата.

Конфронтационные тактики репрезентируются преимущественно при помощи лексических единиц с негативной семантикой, фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний. Для реализации тактики негативного прогнозирования используется *Futurum I*, для приказа – *Imperativ*. Тактика обвинения во многих случаях объективируется при помощи модального глагола *wollen*. Установлено, что конфронтационные тактики вербализуются как эксплицитно, так и имплицитно.

Заключение

Исследование позволило выявить две конфронтационные стратегии, которыми оперирует феде-

ральный канцлер Германии Олаф Шольц в своем выступлении: дискредитации, подчинения и убеждения.

Стратегия дискредитации превосходит стратегию подчинения и убеждения как по количеству реализующих ее тактик, так и по частотности использования. В число дискредитирующих тактик, применяемых О. Шольцом, входят тактики обвинения, негативного прогнозирования, поляризации. Данные тактики используются для репрезентации речевой агрессии как изолированно (автономно), так и комбинированно (в сочетании с другими тактиками). Выявлены следующие комбинации речевых тактик: тактика обвинения + тактика угрозы, тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования, тактика поляризации + тактика обвинения, тактика негативного прогнозирования + тактика угрозы.

Стратегия подчинения и убеждения объективируется при помощи двух тактик: угрозы и приказа. Выявлен единичный случай использования тактики приказа, адресованной к участникам антивоенных митингов в России. Тактика угрозы использовалась в речи канцлера гораздо чаще и выражалась преимущественно эксплицитно, что усиливало конфронтационную риторику Олафа Шольца.

В дальнейшем представляется перспективным продолжить изучение конфронтационных стратегий и тактик в текстах выступлений федерального канцлера Германии, а также языковых средств репрезентации речевой агрессии.

Список источников

1. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Знание, 2004. 294 с.
2. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник РУДН. 2017. Т. 21, № 1. С. 203–220.
3. Бурмакова Е. А., Полякова Н. В. Комбинированные тактики, реализующие речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена: на материале передачи Tucker Carlson Tonight // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 1. С. 62–71. doi: 10.21603/sibscript-2024-26-1-62-71
4. Зиско О. Ю. Речевые тактики, реализующие конфронтационную коммуникативную стратегию подчинения и убеждения // Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования: сб. тезисов IV Международной научно-практической конференции памяти кандидата педагогических наук, доцента Н. А. Качалова. Томск, 2023. С. 140–144.
5. Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 43 с.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 433 с.
7. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2005. № 15. С. 5–32.
8. Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов. М.: РГГУ, 1999. 263 с.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 320 с.
10. Scholz O. Regierungserklärung in der Sondersitzung zum Krieg gegen die Ukraine vor dem Deutschen Bundestag am 27. Februar 2022 in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/2131062/78d39dda6647d7f835bbe76713d30c31/bundeskanzler-olaf-scholz-reden-zur-zeitenwende-download-bpa-data.pdf?download=1> (дата обращения: 01.04.2024).

11. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
12. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
13. Мощева С. В. Интенциональность речевого поведения: система средств интенсификации. М.: Русайнс, 2018. 324 с.
14. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1037 с.
15. Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 1. С. 26–33.
16. Гриценко Л. М. Коммуникативные стратегии и тактики, репрезентируемые прецедентными текстами (на материале чат-коммуникации) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21). С. 15–21.
17. Хлопотунов Я. Ю. Языковые приемы реализации коммуникативной тактики обвинения в американском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 1 (12). С. 63–68. doi: 10.30853/filnauki.2019.1.14
18. Бурмакова Е. А., Полякова Н. В. Обвинение как стратегия дискредитации администрации Дж. Байдена в американской медиакоммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 1. С. 63–73. doi: 10.29025/2079-6021-2024-1-63-73

References

1. Ruzhentseva N. B. *Diskreditiruyushchiye taktiki i priyomy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg, USPU Publ., 2004. 294 p. (in Russian).
2. Ozyumenko V. I. *Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulatsii – k agressii* [Media discourse in an atmosphere of information warfare: From manipulation to aggression]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2017, vol. 21, no. 21 (1), pp. 203–220 (in Russian). URL: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220> (accessed 12 March 2024).
3. Burmakova E. A., Polyakova N. V. *Kombinirovannyye taktiki, realizuyushchiye rechevovedencheskuyu strategiyu diskreditatsii administratsii D. Baydena: na materiale peredachi Tucker Carlson Tonight* [Combined Tactics of Communication Strategy: Discrediting Biden's Administration in Tucker Carlson Tonight]. *SibScript*, 2024, no. 26 (1), pp. 62–71 URL: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-62-71> (accessed 15 March 2024).
4. Zisko O. Yu. *Rechevye taktiki, realizuyushchiye konfrontatsionnyy kommunikativnyy strategiyu podchineniya i ubezhdeniya* [Speech tactics implementing a confrontational communicative strategy of subordination and persuasion]. *Lingvisticheskiye i kul'turologicheskiye aspekty sovremennogo inzhernogo obrazovaniya. Sbornik tezisov IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii pamyati kandidata pedagogicheskikh nauk, dotsenta N. A. Kachalova* [Linguistic and cultural aspects of modern engineering education. Collected abstracts of the IV International Scientific and Practical Conference in memory of N. A. Kachalov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor]. Tomsk, 2023. Pp. 140–144 (in Russian).
5. Vorontsova T. A. *Rehevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyy podkhod*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Speech aggression: a communicative and discursive approach. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2006. 43 p. (in Russian).
6. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Dis. dokt. filol. nauk [Semiotics of political discourse. Diss. doc. philol. sci.]. Volgograd, 2000. 433 p. (in Russian).
7. Bazylev V. N. *Politicheskyy diskurs v Rossii* [Political discourse in Russia]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*, 2005, no. 15, pp. 5–32 (in Russian).
8. Altunyan A. G. *Ot Bulgarina do Zhirinovskogo: ideyno-stilisticheskyy analiz politicheskikh tekstov* [From Bulgarin to Zhirinovskyy: an ideological and stylistic analysis of political texts]. Moscow, RSUH Publ., 1999. 263 p. (in Russian).
9. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 284 p. (in Russian).
10. Scholz O. *Regierungserklärung in der Sondersitzung zum Krieg gegen die Ukraine vor dem Deutschen Bundestag am 27. Februar 2022* in Berlin. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/2131062/78d39dda6647d7f835bbe76713d30c31/bundeskanzler-olaf-scholz-reden-zur-zeitenwende-download-bpa-data.pdf?download=1> (accessed 1 April 2024).
11. Sternin I. A. *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye* [An introduction to speech impact]. Voronezh, 2001. 252 p. (in Russian).
12. Parshina O. N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii*. Dis. dokt. filol. nauk [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia. Diss. doc. philol. sci.]. Saratov, 2005. 325 p. (in Russian).
13. Moshcheva S. V. *Intentsional'nost' rechevogo povedeniya: sistema sredstv intensifikatsii* [The intentionality of speech behavior: a system of means of intensification]. Moscow, Rusains Publ., 2018. 324 p. (in Russian).
14. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskiye kontseptsii: leksicheskogo fona, rechevovedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: Lexical background, speech-behavioral tactics, and sapienthemes]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1037 p. (in Russian).
15. Kirillova N. N. *Kommunikativnyye strategii i taktiki s pozitsii nraivstvennykh kategoriy* [Communicative strategies and tactics from the position of moral categories]. *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseyeva. Seriya: Upravleniye v sotsial'nykh sistemah. Kommunikativnyye tekhnologii*, 2012, no. 1, pp. 26–33 (in Russian).

16. Gritsenko L. M. Kommunikativnyye strategii i taktiki, reprezentiruyemye pretsedentnymi tekstami (na materiale chat-kommunikatsii) [Communicative strategies and tactics, represented by precedent texts (based on the material of chat communication)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 1 (21), pp. 15–21 (in Russian).
17. Khlopotunov Ya. Yu. Yazykovyye priomy realizatsii kommunikativnoy taktiki obvineniya v amerikanskom politicheskom diskurse [Language techniques of communicative accusation tactics realisation in the American political discourse]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2019, no. 1 (12), pp. 63–68 (in Russian). URL: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.14> (accessed 10 March 2024).
18. Burmakova E. A., Polyakova N. V. Obvineniye kak strategiya diskreditatsii administratsii Dzh. Baydena v amerikanskoj mediakommunikatsii [Accusation as a strategy to discredit the Biden administration in the American media]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2024, no. 1, pp. 63–73 (in Russian). URL: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-63-73> (accessed 20 April 2024).

Информация об авторах

Полякова Н. В., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: nvp@tspu.edu.ru

Хоменко С. Е., студент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: sanfrond.white@gmail.com

Лузик О. А., кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления (ул. Каменская, 56, Новосибирск, Россия, 630099).

E-mail: andrejewal88@gmail.com

Information about the authors

Polyakova N. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: nvp@tspu.edu.ru

Khomenko S. E., undergraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: sanfrond.white@gmail.com

Luzik O. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (ul. Kamenskaya, 56, Novosibirsk, Russian Federation, 630099).

E-mail: andrejewal88@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 02.05.2024; accepted for publication 24.05.2024

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 811.512.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-93-102>

Опыт создания и реализации модели подготовки специалистов в области преподавания русского языка как иностранного в современном поликультурном пространстве (на примере деятельности Муданьцзянского педагогического университета)

Мэн Линся¹, Ван Синхуа²

^{1,2} Муданьцзянский педагогический университет, Китайская Народная Республика, Муданьцзян

¹ mdjmlx@163.com

² paveltgpu@yandex.ru

Аннотация

Речь идет о необходимости поиска новых решений в образовательной деятельности, связанной с изучением русского языка как иностранного, в условиях современного поликультурного пространства. Национальные образовательные системы по-разному реагируют на вызовы и тренды сегодняшнего дня и разрабатывают программы подготовки специалистов, компетентностная база которых удовлетворяет запросы внутреннего и международного рынка кадровых ресурсов. Инициированная Китаем стратегия «Один пояс – один путь» является политическим, социальным и экономическим контекстом, обуславливающим динамику и трансформацию подготовки профильных кадров. Владение русским языком как средством коммуникации в поликультурном мире считается в Китае важным показателем высокого класса специалистов, что ставит перед вузами страны задачу тщательного продумывания концепции обучения русскому языку как иностранному. Описывается опыт внедрения оригинальной модели подготовки высокопрофессиональных кадров в предметной области «Русский язык как иностранный» в китайском региональном вузе. Раскрываются принципы, детерминирующие образовательную модель, описывается ее дидактический ресурс, содержательное наполнение, функциональные особенности, результаты апробации, намечаются перспективы совершенствования с учетом меняющихся социополитических обстоятельств. Подчеркивается, что при проектировании подобной образовательной модели учитываются факторы территориального расположения вуза-разработчика, его предшествующий опыт многоаспектного взаимодействия с Россией, включая торговлю, образовательные и культурные обмены, наличие материально-технической базы, мотивационные запросы и ожидания сторон, вовлеченных в процесс. В числе черт своеобразия образовательной модели подготовки кадров в области русского языка как иностранного, предложенной к реализации Муданьцзянским педагогическим университетом, отмечается установка на приоритет практической и прикладной подготовки, широкого привлечения стажировочных площадок, этапность и уровневость реализации учебных программ, их междисциплинарность, обязательное использование как традиционных, так и инновационных приемов и методик обучения, отбор контингента для обучения и дифференцированная работа с ним на всем протяжении учебного процесса. Опыт регионального китайского вуза может быть полезен с точки зрения применения в других вузах и других странах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, поликультурная коммуникация, компетентностный подход, предметные и метапредметные компетенции, образовательная модель

Источник финансирования: работа выполнена при поддержке гранта исследования и практики в контексте формирования новой гуманитарной дисциплины провинции Хэйлунцзян (грант № 2021HLJXWP0093) «Создание и реализация модели подготовки специалистов в области русского языка как иностранного в сфере международного дела в контексте новой гуманитарной дисциплины» 本文系黑龙江省新文科研究与改革实践项目“新文科背景下“三型一化”涉外俄语法律人才培养模式的构建与实践”(2021HLJXWP0093阶段性成果); работа выполнена при поддержке гранта реформы в обучении иностранным языкам в провинции Хэйлунцзян (гранта № HXW2022035-C) «Исследование модели подготовки специалистов в сфере специальных языков и практика в реализации концепции „Один пояс, один путь“ в контексте формирования контексте новой гуманитарной дисциплины». 本文系黑龙江省本科高校首批外语教育改革创新项目“新文科背景下“一带一路”非通用

语人才培养模式研究与实践” (HWX2022035-C) 阶段性成果); публикация подготовлена в рамках реализации грантового проекта Муданьцзянского педагогического университета «Создание примерной учебной программы по предмету „Практический русский язык“ для подготовки магистров» (Муданьцзян, 26.07.2022) [本文为牡丹江师范学院校级研究生课程思政课程项目的阶段性成果, 项目编号KCSZKC-2022005].

Для цитирования: Мэн Линся, Ван Синхуа. Опыт создания и реализации модели подготовки специалистов в области преподавания русского языка как иностранного в современном поликультурном пространстве (на примере деятельности Муданьцзянского педагогического университета) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 93–102. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-93-102>

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

Experience in creating and implementing a model for training specialists in the field of teaching Russian as a foreign language in a modern multicultural space (based on the example of the activities of Mudanjiang Normal University)

Meng Lingxia¹, Wang Xinghua²

^{1,2} Mudanjiang Normal University, China, Mudanjiang

¹ mdjmlx@163.com

² paveltgpu@yandex.ru

Abstract

We are talking about the need to find new solutions in educational activities related to the study of Russian as a foreign language, in the conditions of a modern multicultural space. National educational systems respond differently to the challenges and trends of today and develop specialist training programs whose competency base satisfies the needs of the domestic and international human resources market. The “One Belt, One Road” strategy initiated by China is a political, social and economic context that determines the dynamics and transformation of specialized personnel training. Proficiency in Russian as a means of communication in a multicultural world is considered in China to be an important indicator of a high-class specialist, which poses the task of the country’s universities to carefully consider the concept of teaching Russian as a foreign language. The experience of introducing an original model for training highly professional personnel in the subject area “Russian as a Foreign Language” at a Chinese regional university is described. The principles that determine the educational model are revealed, its didactic resource, content, functional features, testing results are described, and prospects for improvement are outlined taking into account changing sociopolitical circumstances. It is emphasized that when designing such an educational model, the factors of the territorial location of the developer university, its previous experience of multifaceted interaction with Russia, including trade, educational and cultural exchanges, the availability of material and technical base, motivational needs and expectations of the parties involved in the process are taken into account. Among the unique features of the educational model of training in the field of Russian as a foreign language, proposed for implementation by Mudanjiang Normal University, there is an emphasis on the priority of practical and applied training, widespread involvement of internship sites, staged and leveled implementation of educational programs, their interdisciplinarity, mandatory use as traditional, as well as innovative techniques and teaching methods, selection of the contingent for training and differentiated work with them throughout the educational process. The experience of a regional Chinese university can be useful in terms of application in other universities and other countries.

Keywords: *Russian as a foreign language, multicultural communication, competency-based approach, subject and meta-subject competencies, educational model*

For citation: Meng Lingxia, Wang Xinghua. Opyt sozdaniya i realizatsii modeli podgotovki spetsialistov v oblasti prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v sovremennom polikul'turnom prostranstve (na primere deyatel'nosti Mudan'czyanskogo pedagogicheskogo universiteta) [Experience in creating and implementing a model for training specialists in the field of teaching Russian as a foreign language in a modern multicultural space (based on the example of the activities of Mudanjiang Normal University)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 93–102 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-93-102>

Введение

В новой исторической эпохе развитие интегрированного евразийского пространства в рамках реализации стратегии «Один пояс – один путь», продвигаемой Китайской Народной Республикой и поддерживаемой Российской Федерацией, формирует новую систему требований, которые предъявляются в области поликультурного образования к специалистам, преподающим русский язык как иностранный (РКИ) в китайских вузах. Воплощение данной инициативы, предполагающей активную включенность Китая в разветвленную сеть внешнеэкономических связей, стимулирует интерес государства к осуществлению обдуманной кадровой политики. Подготовка профессионалов, способных адекватно реагировать на вызовы времени, быть востребованными на современном международном рынке труда, отвечать требованиям глобального мироустройства, является одним из государственных приоритетов. Поставленная правительством страны задача является актуальной для учреждений высшего образования Китая, поскольку именно университеты имеют в качестве своей миссии подготовку профильных специалистов в различных предметных областях. Посредством подготовки таких специалистов можно обеспечить поддержку инициативе «Один пояс – один путь» в качестве «интеллектуальной силы» [1, с. 80]. Для налаживания беспрепятственной коммуникации (в осуществление данной стратегии сегодня вовлечены свыше 140 стран) в качестве необходимого навыка позиционируется знание иностранного языка. «Путем применения иностранного языка и интернационального мышления для общения и сотрудничества в специализированных областях можно лучше продвинуть международное торгово-экономическое сотрудничество» [1, с. 81–82]. Прочные позиции здесь занимает русский язык [2–4].

В Китае повсеместно русский язык имеет статус первого и/или второго иностранного языка: «Язык северного соседа пользуется популярностью не только на севере Китая, но и в южных регионах» [2, с. 86]. С каждым годом укрепляется статус русского языка в системе китайского образования [4]. Каждый преподаватель в области русского языка постоянно задается вопросом, как обеспечить подготовку специалистов, востребованных в современном обществе. Сегодня в Китае в среде профессионалов особенно ценится умение взаимодействовать в условиях поликультурной и мультязыковой коммуникации, используя ресурс языка межнационального общения, каким для носителей китайского языка является русский язык. Знание русского языка с опорой на широкий социокультурный контекст его современного функцио-

нирования в среде исконных носителей должно стать одной из профессиональных задач специалиста. Это значит, что при обучении РКИ нужно уделять особое внимание формированию и последующему совершенствованию не только предметных – языковой и лингвистической, но и метапредметных компетенций – лингво-, меж-, кросс-культурной. Именно об этом сейчас пишут многие китайские исследователи, называя специалистов подобного рода международниками [5–8].

В современном мире ведущим является компетентностный подход в обучении [9–11]. Профессиональная компетенция преподавателя РКИ определяется как «потенциальный резерв, включающий набор профессионально значимых знаний, умений, навыков и личностных качеств, обеспечивающих эффективность обучения РКИ» [12, с. 459]. Содержательное наполнение предметной сферы РКИ определяет значимость владения специалистом такими предметными компетенциями, как языковая и лингвистическая. Знание принципов устройства системы изучаемого языка, ее единиц и связей между ними, а также особенностей функционирования в разных коммуникативных сферах составляет суть обозначенных компетенций [13]. Метапредметные компетенции позволяют специалисту в области РКИ не только самому быть активно включенным в коммуникацию с исконными носителями русского языка, но и обучать слушателей русскому языку с опорой на факты, составляющие социокультурный контекст обучения, что повышает качество результата и ресурс специалиста в плане его востребованности на рынке труда [14]. Обучение иностранному языку в современном контексте эффективно в случае его практико-ориентированности, когда на первое место выдвигается личностно-деятельностный подход и усиление «дискурсивно-речевого, риторико-стилистического, коммуникативного (в узком понимании термина) и межкультурного аспектов обучения» [15, с. 239].

В настоящее время существует ряд проблем, нерешенность которых препятствует получению максимально эффективных результатов в обучении китайских студентов-русистов. В частности, в контексте расширения китайско-российского взаимодействия наблюдается недостаточная обеспеченность учебного процесса в предметной области «русский язык как иностранный» квалифицированными кадрами. Спрос на специалистов, обладающих качественной компетентностной базой, в китайских вузах высок. Ежегодно организуются мероприятия, направленные на упрочение внешних связей Китая (например, Китайско-российская или Суйфэнхэская международные выставки вакансий), в ходе проведения которых обсуждаются вопросы кадрового дефицита, в том числе в образо-

вательной деятельности в рамках обозначенного профиля.

Во-вторых, в системе вузовской подготовки в КНР в последнее время четко обозначилась проблема с набором желающих изучать русский язык. С отменой курсов русского языка в средних школах провинции Хэйлунцзян, например, сложилась ситуация, когда большинство студентов старших курсов не имеют базовой подготовки по русскому языку, что приводит к падению интереса к языку и мотивации к его изучению.

Наконец, наблюдается слабая степень адаптивности выпускников вузов к профессиональной деятельности в новых условиях. Большинство студентов изучают русский язык с нуля в рамках четырехлетней бакалаврской подготовки, что не позволяет им сформировать в полной мере и системном виде навыки, которые дали бы им возможность стать востребованными специалистами на рынке труда. Многие студенты после окончания университета не работают по специальности, связанной с русским языком, что приводит к потере предметных компетенций, касающихся как знаниевого ресурса, так и навыка владения русским языком.

Для решения обозначенного круга проблем китайскими специалистами начинают активно создаваться и апробироваться образовательные практики, основанные на реализации различных моделей подготовки специалистов по преподаванию РКИ [16–20]. В числе предложенных проектов можно отметить учебные программы, которые являются междисциплинарными по содержанию и инновационными с точки зрения инструментального воплощения (имеется в виду объединение в целях их осуществления методологических процедур и методического инвентаря каждой из задействованных предметных областей). Самым значимым результатом деятельности в рамках таких программ выступает подготовка специалистов, соответствующих требованиям сегодняшнего дня, способных адаптироваться к современным вызовам и дать достойный ответ в русле актуальных образовательных трендов. Речь идет, например, о таких моделях обучения в предметной области РКИ, как «Русский язык + английский язык», «Русский язык + экономика и торговля», «Русский язык + педагогика» и др. В сложившихся обстоятельствах каждый университет стремится разработать и реализовать собственную модель обучения, учитывая особенности своего контингента студентов, образовательной среды, территориальной привязки образовательного учреждения, уже наработанных схем и алгоритмов профессиональной деятельности, связанной с преподаванием русского языка, поддержанием и углублением интереса к языку со стороны обучающихся, укреплением мотивации к его изучению.

Материал и методы

Материалом исследования выступает образовательный опыт Муданьцзянского педагогического университета в области подготовки квалифицированных кадров в предметной области «Русский язык как иностранный». Основным методом исследования является моделирование: описывается образовательная модель, разработанная специалистами китайского университета и апробированная на протяжении ряда лет. Приводится аналитика результатов реализации данной образовательной модели в учебном процессе.

Результаты и обсуждение

Муданьцзян, расположенный в юго-восточной части провинции Хэйлунцзян, имеет уникальные географические преимущества по сравнению с другими региональными вузами для достижения качественных результатов в подготовке специалистов в предметной области «Русский язык как иностранный». Строительство различных экономических зон и активное развитие торговли с Россией создают предпосылки для существования повышенного спроса на специалистов по русскому языку. В последние годы Институт восточных языков – структурное подразделение Муданьцзянского педагогического университета (МПУ) – уделяет особое внимание подготовке практических специалистов, обладающих предметными и метапредметными компетенциями, что определяет включенность выпускников вуза в поликультурную коммуникацию в разных сферах. Сотрудники института активно развивают практические навыки студентов, способствуя повышению их конкурентоспособности на рынке труда. В университете в целом уделяется особое внимание к изучению эффективных способов реализации образовательной подготовки практико-ориентированных специалистов РКИ в соответствии с потребностями общества и рынка труда.

В числе таких способов – разработка образовательной модели подготовки специалистов в предметной области РКИ на компетентностной основе и ее дальнейшая апробация в учебной деятельности. Сотрудниками МПУ уделяется большое внимание усилению работы по привитию студентам практических навыков в области владения русским языком, поскольку именно наличие прикладных навыков способствует повышению конкурентоспособности будущих специалистов на рынке труда, что в свою очередь определяет их вклад в развитие местной экономики. С учетом существующего спроса в обществе на квалифицированных преподавателей-русистов, опираясь на территориальные преимущества и наработанные связи с рядом российских вузов, университет спроектировал и приступил к апробации оригинальной модели подго-

товки кадров в предметной области «русский язык как иностранный». Представим краткое описание данной модели.

Создатели модели твердо уверены в том, что для обеспечения надежной поддержки при разработке программ подготовки талантливых специалистов важно проводить исследования на предприятиях. Эти исследования позволяют университетам и колледжам понять текущие и будущие потребности рынка труда, требования к специалистам и тенденции в развитии отраслей производства и сфер услуг. В ходе таких исследований можно выявить ключевые компетенции и навыки, которые будут востребованы на рынке труда, а также определить оптимальные методы обучения и подходы к практическому обучению слушателей учебных программ.

Проведение исследований на предприятиях позволяет университетам установить партнерство с бизнес-сектором и интегрировать реальный опыт работы в реализацию программ подготовки профильных специалистов. Это способствует формированию практико-ориентированных навыков у студентов, что повышает их кадровый потенциал и карьерное продвижение. Кроме того, предприятия могут предоставлять стажировочные места и возможности для прохождения практики, что позволяет студентам приобретать опыт работы в реальной профессиональной среде.

В сентябре 2014 г. специалисты МПУ приняли участие в работе выставки вакансий в Суйфэньхэ с целью мониторинга текущей ситуации спроса на русскоязычные квалифицированные кадры и корректировки существующей в вузе программы подготовки специалистов в соответствии с результатами исследования. С мая 2014 г. по ноябрь 2015 г. в университете проанализированы перспективы реализации дорожной карты запуска учебной программы по русскому языку для базового образования в провинции.

Описываемая образовательная модель основана на профильно-прикладном принципе обучения, внедрении режима градуированного преподавания базовых курсов (с учетом стартового уровня студентов), создании специальных модулей профессиональной направленности (перевод, экономика и торговля), ориентации на образовательные потребности студентов различных целевых категорий.

Реализация модели предполагает также увеличение доли практических курсов: их общая продолжительность должна составлять не менее 30 % от общего количества часов в структуре учебного плана. Практическую подготовку, согласно концепции, отраженной в модели, дополняет вовлеченность слушателей в иные практико-ориентированные формы деятельности: второстепенные классы (мероприятия второго уровня), академические кон-

курсы, практические курсы по развитию комплексных языковых навыков.

Содержательное наполнение образовательной модели и выбор инструментов для ее воплощения в учебном процессе базируются на тактиках общей оптимизации обучения в направлении его прикладного вектора, реорганизации существующих образовательных подходов и интеграции всего накопленного успешного опыта. Модель, предложенная специалистами МПУ, имеет уровни теоретического обучения и практической подготовки. В качестве инструментов для реализации модели задействуются как традиционные, так и инновационные средства, приемы и методики.

Новая модель подготовки профильных специалистов продвигает их профессиональное позиционирование, предполагает обучение на целевой основе, что в целом соответствует задачам реализации планомерной кадровой политики: решаются проблемы наблюдающегося сейчас разрыва связей между профессиональной вузовской подготовкой и социальным заказом, трудоустройства выпускников вузов. Модель имеет научную обоснованность, проявляющуюся в опоре учебной программы подготовки на актуальные научные теории и концепции (лингвокультурологию, теорию вторичной языковой личности и вторичной картины мира, меж- и кросс-культурной коммуникации, лингводидактику). Модель отличается образовательным потенциалом, поскольку предполагает комплексное использование разнообразных методов и приемов, цель применения которых состоит в том, чтобы сделать занятия русским языком увлекательными и познавательными. Наконец, модель можно считать обладающей воспитательным ресурсом, поскольку ее реализация связана с формированием положительного образа России, русского языка, русской культуры в сознании представителей современной китайской лингвокультуры.

Модель предполагает поэтапную реализацию. В первую очередь следует организовать обучение в рамках элитных и инновационных экспериментальных классов. С целью подготовки специалистов высокого уровня в области русского языка 6 ноября 2014 г. был создан Институт внешней торговли и коммерции, который в настоящее время объединен с Институтом восточных языков. Кроме того, были учреждены элитные экспериментальные классы, реализующие режим подготовки «3 + 1» и специально ориентированные на формирование кадровой элиты в области русского языка. Для этого были оборудованы лингафонный кабинет, комната для симуляции переговоров и комната дежурного менеджера.

Одновременно с созданием учебных программ, техническим оснащением учебных площадей

осуществляется работа по отбору талантливой молодежи для обучения. Тщательным образом анализируются результаты вступительных экзаменов по английскому языку, тестам по китайскому языку и фонетической имитации русского языка для формирования инновационных экспериментальных классов. Эти классы комплектуются опытными преподавателями-ветеранами, которые активно развивают базовые навыки студентов. Основное направление обучения в экспериментальных классах основано на принципе «один уровень, две базы, четыре этапа», включая уровень владения русским языком до четвертого профессионального класса, укрепление фундамента русского языка и профессиональной основы, успешное прохождение базового этапа, этапа совершенствования, этапа профессиональной основы и этапа профессионального совершенствования.

Практика показала, что многие студенты из инновационных экспериментальных классов успешно перешли в элитные экспериментальные классы при отборе. В период с 2014 по 2016 г. более 80 студентов (включая 17 студентов элитного класса 2012 г., 20 студентов элитного класса 2013 г. и других студентов русского отделения Института восточных языков) поступили на профессиональное обучение в Дальневосточном федеральном университете, Томском государственном педагогическом университете, Российском государственном педагогическом университете и других учебных заведениях. В зависимости от своих профессиональных интересов некоторые студенты выбрали изучение экономики, культуры и других специализированных курсов в зарубежных университетах, что способствовало развитию профильной подготовки по программе «Русский язык + профессиональный язык» в МПУ.

Для повышения качества подготовки высококвалифицированных кадров в МПУ была внедрена система наставничества для студентов, поступивших в 2012 и 2013 гг. В каждом из классов отбирались три-пять успешных студента, которые затем проходили углубленное обучение с преподавателями интенсивного курса чтения в классе в свободное от занятий время. Эти занятия проводились в форме тематических бесед, письменных, в том числе переводческих, работ. После года эксперимента стало очевидно, что устная и письменная речь студентов значительно улучшилась, а их профессиональные знания укрепились. Однако данная практика была прекращена через год из-за ограничений в системе преподавания, не позволяющих внедрить эти курсы на постоянной основе.

С целью обеспечения кадрового резерва в области бизнеса разработана новая система учебных программ «Русский язык + бизнес». Учебная про-

грамма строилась на принципе «язык + профессионализм + способности» с акцентом на изучение русского языка и русской литературы как основных предметов. При этом особое внимание уделялось подготовке кадров по экономическому и торговому профилям. Обладая прочной языковой базой, широким профессиональным уровнем и практическими способностями, выпускники этой программы будут иметь необходимые навыки для развития местной экономики и китайско-российского торгового сотрудничества.

В рамках подготовки специалистов РКИ в элитных классах (например, элитный бизнес-класс 2012 и 2013 гг.) в МПУ приглашаются ученые-бизнесмены и эксперты из российских вузов для чтения лекций. Создается новая система учебных планов «Русский язык + экономические и торговые специальности», в которой используется совместное содержание обучения китайских и российских преподавателей. В учебный план включаются такие курсы, как «Высшая математика», «Основы ВТО», «Экономика» и др., чтобы удовлетворить потребности общества в кадрах, владеющих русским языком. Это позволило провести реформу инновационного режима подготовки квалифицированных кадров, обеспечивая органическое единство «владение русским языком и знание специальностей».

На первом курсе университета студенты углубляют свои знания русского языка и проходят вводные курсы по основам специальности. В рамках четвертого семестра они начинают изучение специализированных курсов по экономике и торговле, чтобы заранее ознакомиться с соответствующей терминологией. Затем они переходят на этап подготовки по профилю «Русский язык + экономика и торговля»: специализированные курсы идут параллельно с курсами русского языка. Особо отличившиеся студенты направляются в Россию для продолжения обучения на третьем и четвертом курсах.

Реализация описываемой модели предполагает применение инновационных методов преподавания. Во-первых, была проведена реформа в использовании дискуссионного метода обучения, основанного на исследовательских практиках. Реформа дискуссионного преподавания, проводимая раз в две недели, была осуществлена в рамках обучения в институте с целью развития и тренировки способности студентов к устному выражению, импровизации, размышлению и чтению.

Прежде всего были обсуждены методы преподавания различных типов курсов и было определено использование дискуссионного метода преподавания на курсах базового русского языка, углубленного русского языка, истории русской литературы и избранных произведений. В 2014–2015 гг.

состоялась годовичная практика преподавания дискуссионных классов раз в две недели. В частности, каждые две недели в классе проводились дискуссии, студенты оснащали учебное пространство в соответствии с темами дискуссий, организовывали собственные выступления и дебаты, а преподаватель их комментировал. Результаты показали, что благодаря многократному обучению с использованием данного метода многие студенты, которые обычно не решаются говорить по-русски, значительно повысили свою мотивацию к изучению русского языка и способность выражать свои мысли на этом языке.

Во-вторых, проводились семинары по дискуссионному, вдохновляющему и проблемному обучению. Состоялось четыре семинара по методике преподавания, в том числе два семинара по методике преподавания в китайских и российских университетах. Преподаватели комментировали свои методы обучения на примерах в соответствии с проблематикой своих курсов и представили опыт профессиональной деятельности в 20 работах по реформе преподавания на русском языке. Они обсуждали методы преподавания с экспертами и профессорами из российских университетов, перенимали опыт лучших и внедряли новые идеи в преподавание.

Нужно отметить в качестве компонента анализируемой образовательной модели инновационную систему оценивания, в основе которой лежит «структурная кредитная реформа», неуклонное совершенствование практических способностей обучающихся.

В соответствии со «специализацией» и «диверсификацией» социального спроса на русскоязычные кадры институт активизировал усилия по подготовке кадров. Во-первых, была проведена реформа структурных зачетов. В 2006 г. осуществлена реформа устного экзамена по дисциплинам «Основной русский язык» и «Продвинутый русский язык». В результате формирование у студентов способности применять русский язык и учиться самостоятельно выведено на качественно новый уровень, эффект был значительным. Вырос процент сдачи единовременных зачетов по русскому языку по специальностям, введена оценка процесса. При изменении традиционного способа выставления оценки в виде оценивания качества одной экзаменационной работы в конце семестра и при внедрении оценки процесса улучшилась посещаемость студентами занятий. Модель, таким образом, закрепила тесную связь между деятельностью обучающихся в аудитории, написанием промежуточных тестов и других форм работы, включенных в содержание оценки, и результатами итогового письменного экзамена. Тем самым создан инстру-

ментарий для всестороннего определения способности к обучению студентов – гибкий способ оценки, способствующий максимальной вовлеченности студентов в учебный процесс, своевременному обнаружению проблем и поискам адекватных способов их устранения. В целом подобный подход значительно мобилизует интерес студентов к обучению и улучшает их способность к самостоятельному обучению.

Формирование системы практического обучения в рамках апробации созданной модели обуславливает создание ситуации улучшения практических способностей студентов. Во-первых, ориентируясь на требования общества, связанные с необходимостью внедрения инновационных методов обучения, развития предпринимательства и практических способностей русскоязычных специалистов, создана система практического обучения, сочетающая систематическое и всестороннее привитие практических навыков в аудитории, симуляционное обучение вне аудитории, профессиональную подготовку на протяжении всего процесса обучения в кампусе и стажировки вне кампуса. Во-вторых, в МПУ уделялось особое внимание развитию качества и созданию системы совершенствования уже сформированных способностей. Участвуя в различных всесторонних конкурсах, студенты неуклонно развивают свои профессиональные способности. Организуется участие студентов в различных культурных мероприятиях, таких как Неделя русской культуры и Месяц академических соревнований. Участники совершенствуют свои организаторские и координационные способности и дух коллективного сотрудничества. В-третьих, значительно улучшились всесторонние качества и прикладные способности студентов. С этой целью осуществлен ряд практических и инновационных проектов для студентов МПУ. В настоящее время восемь проектов вошли в перечень победителей университетской программы практической инновационной подготовки для студентов. Эти проекты финансировались университетом. В числе результатов апробации модели выделим выдающиеся достижения слушателей курсов РКИ в дисциплинарных конкурсах. За последние два года получены высокие результаты в конкурсе стилей русского языка Северо-Восточной сети и конкурсе русского языка, организованном совместно китайско-российскими колледжами и университетами Хэйхэ. В конкурсе «Песня моего сердца на русском языке», проведенном китайскими и российскими университетами в колледже Хэйхэ в 2015 г., студенты МПУ заняли второе место в группе и первое место по разговорному языку. Значительно выросли также показатели сдачи экзаменов и трудоустройства. Количество принятых аспирантов увеличилось с 7

в 2010 г. до 15 в 2011 г., 17 в 2012 г. и 39 в 2019 г., а показатели сдачи экзаменов выросли с 10,23 до 18,45 и 31,6 %, что является лучшим показателем за последние годы. Уровень трудоустройства выпускников вырос с 84,8 % в 2003 г. до 95,81 % в 2019 г. Постоянно наблюдается наращивание материально-технической базы реализуемых направлений подготовки в предметной области РКИ. Увеличивается количество баз практики и стажировки. В стране и за рубежом построено более 10 баз, где студенты могут расширить свои профессиональные знания и способности. Такие «точки роста» функционируют в Пекине, Циньхуандао, Суйфэнхэ, Дуннине. Особое внимание уделяется укреплению сотрудничества с зоной свободной торговли Суйфэнхэ, Муданьцзянским китайско-российским научно-техническим парком, Муданьцзянским Цзяннаньским бюро образования, Муданьцзянской средней школой № 9, Цзяннаньской начальной школой и т. д. Неуклонно увеличивается число стажировочных площадок за рубежом, таких как Уссурийский педагогический колледж в России.

Заключение

Реализация модели подготовки кадров в Китае по русскому языку и культуре имеет особую значимость по ряду причин.

1. Развитие культурного и образовательного взаимодействия между Китаем и русскоговорящи-

ми странами. Понимание русского языка и культуры помогает укреплять отношения между народами и способствует развитию дипломатических, экономических и культурных связей.

2. Повышение конкурентоспособности и мобильности китайских специалистов на международном рынке труда. Знание русского языка и культуры может открыть новые возможности для карьерного роста и работы в многонациональных компаниях.

3. Расширение возможностей для образовательного туризма и обмена студентами между Китаем и русскоязычными странами. Студенты могут изучать русский язык и культуру не только в своей стране, но и за рубежом, что обогатит их образовательный опыт.

4. Поддержка развития туризма и межкультурного обмена между Китаем и русскоязычными странами. Китайцы, владеющие русским языком, могут лучше понимать и взаимодействовать с туристами и бизнесменами из России, Казахстана и других стран.

Таким образом, реализация модели подготовки кадров в Китае по РКИ может принести пользу как для отдельных индивидуумов, так и для общества в целом, способствуя развитию межкультурного сотрудничества и обмена знаниями. Опыт китайских специалистов может найти применение в образовательном пространстве других стран.

Список источников

1. Чжоу Я. Исследование путей подготовки в Китае специалистов-международников нового типа в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Reports Scientific Society. 2023. № 8 (40). С. 80–86.
2. Шань Н. Русский язык в Китае // Русский язык в школе. 2012. № 9. С. 86–88.
3. Дроздова С. А., Ван Ц. Традиции изучения русского языка в Китае / Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования: сборник научных статей V международной научно-практической конференции. Симферополь: Ариал, 2017. С. 142–146.
4. Каплунова М. Я. Русский язык в современном Китае // Социоллингвистика. 2023. № 1. С. 60–71. doi: 10.37892/2713-2951-1-13-60-71
5. Чэн Х. Практические пути подготовки молодых специалистов-международников с точки зрения инициативы «Один пояс – один путь» // Статистика. 2023. № 2. С. 230–231.
6. Чэнь Ю. Пути подготовки специалистов-международников нового типа в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Офисный бизнес. 2022. № 14. С. 174–176.
7. Чжан Ц. Международное сотрудничество и практика подготовки специалистов-международников в контексте инициативы «Один пояс – один путь» на примере Сучжоуского профессионального университета // Технологии и инновации. 2020. № 5. С. 142–144.
8. Чэнь Н. Оптимизированная стратегия модели подготовки в высших учебных заведениях специалистов-международников в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Качественное образование Запада. 2020. № 6 (02). С. 210.
9. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–44.
10. Фэн Ш. Изучение русского языка китайскими студентами: проблемы, возможности, перспективы // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 2. С. 70–74.
11. Хуторской А. В. Модель компетентностного образования // Высшее образование сегодня. 2017. № 12. С. 9–16.
12. Ни Я. Ключевые профессиональные компетенции преподавателя при личностно-ориентированном онлайн-обучении русскому языку как иностранному на подготовительном факультете // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16, № 4. С. 458–466. doi: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-4-458-466>

13. Курьянович А. В. Психолого-педагогические, лингводидактические и методические аспекты совершенствования языковой компетенции в школе и вузе // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2015. Вып. 1 (7). С. 90–101.
14. Курьянович А. В. Компетентностный подход как методологическая основа современного поликультурного языкового образования // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции, 7 февраля 2020 г. Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2020. Ч. 1. С. 114–118.
15. Поршнева Е. Р., Королева С. Б. Формирование профессиональной речевой личности преподавателя иностранного языка: роль и место родного языка и культуры // Язык и культура. 2023. № 63. С. 239–254. doi: 10.17223/19996195/63/12
16. Гао Г. О системе подготовки специалистов РКИ к межкультурной коммуникации // Русский язык в зеркале перевода. 2018. № 1. С. 553–564.
17. Сун Я. Дидактическая модель подготовки учителя русского языка как иностранного с учетом национальной специфики // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2007. № 2. С. 178–184.
18. Басалаева Е. Г., Шпильман М. В. Анализ модели организационно-методического и кадрового обеспечения образовательной деятельности на русском языке в Китайской Народной Республике // Вестник педагогических инноваций. 2023. № 3 (71). С. 26–44.
19. Барматина И. В., Варакута А. А., Марущак Е. Б. Модель взаимодействия педагогического вуза с базовыми школами в условиях вовлечения высшей школы в непрерывное развитие педагогических работников // Философия образования. 2021. Т. 21, № 4. С. 212–227.
20. Ефремова Л. И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 4. С. 857–865.

References

1. Chzhou Ya. Issledovaniye putey podgotovki v Kitaye spetsialistov-mezhdunarodnikov novogo tipa v ramkakh initsiativy “Odin poyas – odin put” [Study of ways to train a new type of international specialists in China within the framework of the “One Belt – One Road” initiative]. *Reports Scientific Society*, 2023, no. 8 (40), pp. 80–86 (in Russian).
2. Shan’ N. Russkiy yazyk v Kitaye [Russian language in China]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian language at school*, 2012, no. 9, pp. 86–88 (in Russian).
3. Drozdova S. A., Van Ts. Traditsii izucheniya russkogo yazyka v Kitaye [Traditions of studying the Russian language in China]. *Dialog kul'tur: lingvokul'turologicheskaya baza gumanitarnogo obrazovaniya: sbornik nauchnykh statey V mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Dialogue of cultures: linguoculturological base of humanitarian education: collection of scientific articles of the V international scientific and practical conference]. Simferopol’, Arial Publ., 2017. Pp. 142–146 (in Russian).
4. Kaplunova M. Ya. Russkiy yazyk v sovremennom Kitaye [Russian language in modern China]. *Sotsiolingvistika – Sociolinguistics*, 2023, no. 1, pp. 60–71 (in Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-60-71
5. Chen Kh. Prakticheskiye puti podgotovki molodykh spetsialistov-mezhdunarodnikov s tochki zreniya initsiativy “Odin poyas – odin put” [Practical ways of training young international specialists from the point of view of the “One Belt – One Road” initiative]. *Statistika – Statistics*, 2023, no. 2, pp. 230–231 (in Russian).
6. Chen’ Yu. Puti podgotovki spetsialistov-mezhdunarodnikov novogo tipa v ramkakh initsiativy “Odin poyas – odin put” [Ways to train international specialists of a new type within the framework of the “One Belt – One Road” initiative]. *Ofisnyy biznes*, 2022, no. 14, pp. 174–176 (in Russian).
7. Chzhan Ts. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo i praktika podgotovki spetsialistov-mezhdunarodnikov v kontekste initsiativy “Odin poyas – odin put” na primere Suchzhouskogo professional’nogo universiteta [International cooperation and the practice of training international specialists in the context of the “One Belt – One Road” initiative using the example of Suzhou Vocational University]. *Tekhnologii i innovatsii*, 2020, no. 5, pp. 142–144 (in Russian).
8. Chen’ N. Optimizirovannaya strategiya modeli podgotovki v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh spetsialistov-mezhdunarodnikov v ramkakh initsiativy “Odin poyas – odin put” [Optimized strategy for the model of training international specialists in higher educational institutions within the framework of the “One Belt – One Road” initiative]. *Kachestvennoye obrazovaniye Zapada*, 2020, no. 6 (2), p. 210 (in Russian).
9. Zimnyaya I. A. Klyuchevyye kompetentsii – novaya paradigma rezul’tata obrazovaniya [Key competencies – a new paradigm for educational results]. *Vyssheye obrazovaniye segodnya – Higher education today*, 2003, no. 5, pp. 34–44 (in Russian).
10. Fen SH. Izucheniye russkogo yazyka kitayskimi studentami: problemy, vozmozhnosti, perspektivy [Studying the Russian language by Chinese students: problems, opportunities, prospects]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya – Bulletin of RUDN University. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*, 2015, no. 2, pp. 70–74 (in Russian).
11. Khutorskoy A. V. Model’ kompetentnostnogo obrazovaniya [Model of competency-based education]. *Vyssheye obrazovaniye segodnya – Higher education today*, 2017, no. 12, pp. 9–16 (in Russian).

12. Ni Ya. Klyuchevyye professional'nyye kompetentsii prepodavatelya pri lichnostno-oriyentirovannom onlaynovom obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu na podgotovitel'nom fakul'tete [Key professional competencies of a teacher in personally oriented online teaching of Russian as a foreign language at the preparatory faculty]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Mari State University*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 458–466 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-4-458-466>
13. Kur'yanovich A. V. Psikhologo-pedagogicheskiye, lingvodidakticheskiye i metodicheskiye aspekty sovershenstvovaniya yazykovoy kompetentsii v shkole i vuze [Psychological, pedagogical, linguodidactic and methodological aspects of improving language competence at school and university]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2015, no. 1 (7), pp. 90–101 (in Russian).
14. Kur'yanovich A. V. Kompetentnostnyy podkhod kak metodologicheskaya osnova sovremennogo polikul'turnogo yazykovogo obrazovaniya [Competence-based approach as a methodological basis of modern multicultural language education]. *Aktual'nyye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki: materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii, 7 fevralya 2020 g. Chast' 1* [Current problems of German studies, novel studies and Russian studies: materials of the annual international conference, February 7, 2020. Part 1]. Yekaterinburg, USP Publ., 2020. Pp. 114–118 (in Russian).
15. Porshneva Ye. R., Koroleva S. B. Formirovaniye professional'noy rechevoy lichnosti prepodavatelya inostrannogo yazyka: rol' i mesto rodnogo yazyka i kul'tury [Formation of a professional speech personality of a foreign language teacher: the role and place of the native language and culture]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2023, no. 63, pp. 239–254 (in Russian). DOI: 10.17223/19996195/63/12
16. Gao G. O sisteme podgotovki spetsialistov RKI k mezhkul'turnoy kommunikatsii [On the system of training RFL specialists for intercultural communication]. *Russkiy yazyk v zerkale perevoda – Russian language in the mirror of translation*, 2018, no. 1, pp. 553–564 (in Russian).
17. Sun Ya. Didakticheskaya model' podgotovki uchitelya russkogo yazyka kak inostrannogo s uchetom natsional'noy spetsifiki [Didactic model for training teachers of Russian as a foreign language, taking into account national specifics]. *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokikh tekhnologiy – Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies*, 2007, no. 2, pp. 178–184 (in Russian).
18. Basalayeva Ye. G., Shpil'man M. V. Analiz modeli organizatsionno-metodicheskogo i kadrovogo obespecheniya obrazovatel'noy deyatel'nosti na russkom yazyke v Kitayskoy Narodnoy Respublike [Analysis of the model of organizational, methodological and personnel support for educational activities in Russian in the People's Republic of China]. *Vestnik pedagogicheskikh innovatsiy – Bulletin of Pedagogical Innovations*, 2023, no. 3 (71), pp. 26–44 (in Russian).
19. Barmatina I. V., Varakuta A. A., Marushchak Ye. B. Model' vzaimodeystviya pedagogicheskogo vuza s bazovymi shkolami v usloviyakh vovlecheniya vysshey shkoly v nepreryvnoye razvitiye pedagogicheskikh rabotnikov [Model of interaction between a pedagogical university and basic schools in the conditions of involving higher education in the continuous development of teaching staff]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 212–227 (in Russian).
20. Yefremova L. I. O rossiysko-kitayskom sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya [On Russian-Chinese cooperation in the field of education]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya – Bulletin of RUDN University. Series: International relations*, 2017, no. 4, pp. 857–865 (in Russian).

Информация об авторах

Мэн Линся, доктор филологических наук, профессор, директор магистратуры, Муданьцзянский педагогический университет (ул. Вэньхуа, 191, Муданьцзян, Китай, 157011).
E-mail: mdjmlx@163.com

Ван Синхуа, кандидат филологических наук, декан, Муданьцзянский педагогический университет (ул. Вэньхуа, 191, Муданьцзян, Китай, 157011).
E-mail: paveltgpu@yandex.ru

Information about the author

Meng Lingxia, Doctor of Philology, Professor, Deputy Director of the Institute of Oriental Languages, Mudanjiang Normal University (ul. Wenhua, 191, Mudanjiang, China, 157011).
E-mail: mdjmlx@163.com

Wang Xinghua, Candidate of Philology, Dean of the Faculty of Russian Language, Mudanjiang Normal University (ul. Wenhua, 191, Mudanjiang, China, 157011).
E-mail: paveltgpu@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 17.04.2024; accepted for publication 24.05.2024

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-103-110>

Фразеологическая картина мира обучающихся в системе среднего профессионального образования: лингвокогнитивное исследование

Галия Спартаковна Асадулина^{1,2}

¹ *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

² *Томский индустриальный техникум, Томск, Россия*

^{1,2} asadulinags@tomintech.ru

Аннотация

Представления о мире объективированы во фразеологических единицах, отражающих общечеловеческие ценности, которые являются приобретенными в период взросления и вступления во взрослую жизнь. В статье поднимается вопрос формирования фразеологической картины мира у обучающихся в учебных заведениях среднего профессионального образования России. Отмечается разница между сформированными фразеологическими картинами мира обучающихся на базе девяти (десяти) классов основного общего образования и обучающихся в высших учебных заведениях. Сопоставляются фразеологические картины мира русскоязычных и иноязычных обучающихся. Отмечено влияние возраста, уровня образования и жизненного опыта на широту используемых в речи фразеологизмов. Доказывается, что формирование картины мира зависит не только от семьи и социальной среды, в которой рос и воспитывался человек, но и от его умений и желаний познавать этот мир. Определяются основные факторы, влияющие на формирование концептов фразеологических картин мира. На основании интерпретации обучающимися фразеологических единиц делается вывод об эволюции языка.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, фразеологическая картина мира, когнитивная лингвистика*

Для цитирования: Асадулина Г. С. Фразеологическая картина мира обучающихся в системе среднего профессионального образования: лингвокогнитивное исследование // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 103–110. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-103-110>

Phraseological picture of the world of students in the system of secondary vocational education: cognitive research

Galia S. Asadulina^{1,2}

¹ *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

² *Tomsk Industrial College, Tomsk, Russian Federation*

^{1,2} asadulinags@tomintech.ru

Abstract

Ideas about the world are objectified in phraseological units reflecting universal human values that are acquired over time growing up and entering adulthood. The article raises the issue of the formation of a phraseological picture of the world among students in educational institutions of secondary vocational education in Russia. There is a difference between the formed phraseological pictures of the world of students on the basis of nine/ten grades of basic general education and students in higher educational institutions. The phraseological pictures of the world of Russian-speaking and foreign-speaking students are compared. The influence of age, level of education and life experience on the breadth of phraseological units used in speech is noted. It is proved that the formation of a picture of the world depends not only on the family and the social environment in which a person grew up and was brought up, but also on his skills and desires to explore this world. The main factors influencing the formation of concepts of phraseological pictures of the world are determined. Based on the interpretation of phraseological units by students, a conclusion is made about the evolution of the language.

Keywords: *phraseological units, phraseological picture of the world, cognitive linguistics*

For citation: Asadulina G. S. Frazеологическая картина мира обучающихся в системе среднего профессионального образования: лингвокогнитивное исследование [Phraseological picture of the world of students in the system of secondary vocational education: cognitive research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 103–110 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-103-110>

Введение

В связи с постоянными изменениями в жизни современного общества, такими как войны, пандемии, миграции населения, информатизация общества, ритм жизни, изменения форм трудовой деятельности (например, фриланс, онлайн-обучение), меняется и отношение к общечеловеческим ценностям, что в конечном счете приводит и к изменениям в языке. Следует отметить, что речь современной молодежи сильно отличается от речи старшего поколения. Привычка писать короткие сообщения в разного рода мессенджерах, необходимость перерабатывать большие объемы информации не дают возможности использовать широкий спектр языковых единиц.

Когнитивная фразеология исследует фразеологические единицы как способы концептуализации и интерпретации мира. В. Н. Телия отмечает, что концепт отражает существенные признаки объекта, соответствующие знаниям определенного языкового коллектива [1, с. 96]. В процессе роста ребенок попадает в разные социальные среды, влияющие на формирование его картины мира, в том числе и фразеологической. Когнитивная фразеология относится к числу актуальных направлений отечественной лингвистики. Даная тема является актуальной в связи с проблемой динамики фразеологической картины мира обучающихся и изучения фразеологических актуализаторов, составляющих ее концептов. Цель настоящего исследования состоит в анализе понимания и использования фразеологических средств русского языка для отражения тенденций изменения языковой картины мира у современной молодежи России (включая инофонов). Основные задачи: 1) определить фразеологический материал исследования и фокус-группы участников эксперимента; 2) провести сопоставительный анализ полученных в результате опроса данных; 3) обосновать закономерности формирования фразеологической картины мира обучающихся; 4) описать механизм интерпретации фразеологизмов.

Новизна работы состоит в получении и описании новых эмпирических данных о знании и понимании фразеологических единиц (ФЕ) русского языка обучающимися в системе среднего профессионального образования (СПО), так как в настоящее время этой категории обучающихся уделяется меньше внимания, чем представителям средней школы или высших учебных заведений. Сопоставление интерпретаций и использования ФЕ обучающимися в системе СПО и в вузах, а также русскоязычных обучающихся и инофонов позволяет проанализировать тенденции формирования и изменения их фразеологических картин мира.

Теоретическая значимость состоит в уточнении факторов формирования и изменения языковой

картины мира обучающихся на основе когнитивно-го изучения их фразеологической картины мира.

Практическая значимость заключается в использовании представленных теоретических материалов для информационного обеспечения курса «Современный русский язык», «Русский как иностранный», «Межкультурная коммуникация», «Сопоставительное языкознание» при изучении раздела «Фразеология», а также в исследовательской практике при изучении фразеологической картины мира.

Материал и методы

Материал и методы исследования касаются фразеологии, картины мира и когнитивной лингвистики.

Картина мира – это представление об окружающем нас мире, основанное на опыте и знаниях как предыдущих поколений, так и собственных (современных) [2]. Зафиксированное в языке мировидение образует языковую картину мира, которая является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики и отражает лишь часть картины мира. Впервые мысль об особом языковом мировидении высказал В. фон Гумбольдт еще в начале XIX в.

Фразеология – одна из составляющих языковой картины мира. Фразеологические средства языка делают речь более выразительной, привнося в нее образность, некоторую долю юмора и житейской мудрости. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский выделяют следующие типы фразеологизмов: идиомы (*водить за нос, до упаду*), коллокации (*зерно истины, проливной дождь*), пословицы (*не в свои сани не садись*), поговорки (*опять двадцать пять*), крылатые слова (*грабь награбленное*) [3, с. 9]. М. Л. Ковшова выделяет особую культурную функцию, которую выполняют фразеологизмы в символизации мира, так как смыслы, заложенные в языковую семантику фразеологизмов, служат символами (эталоном, стереотипами), извлеченными из них в речь. Ученый считает, что ограничение на употребление фразеологизмов для эвфемизации речи имеет культурное объяснение [4, с. 7]. Образованный на пересечении языка и культуры и актуализированный в речи фразеологизм является культурноносным знаком. Согласно предложенной М. Л. Ковшовой модели культурной интерпретации у носителя языка сначала «пробуждаются» в памяти исходные смыслы, относящиеся к далекому прошлому культуры, потом он припоминает знания, связанные с фразеологизмом для его более точного употребления, ассоциируя фразеологизм с символами, эталонами, стереотипами. В ассоциации фразеологизма с теми или иными символами лежит обыденная философия, или наивная картина мира; в этой сфере осуществляется связь образа

фразеологизма с ценностными смыслами, которые разными способами кодируются в пространстве культуры (с помощью символов, эталонов, стереотипов и т. д.) [4, с. 17]. В. Н. Телия определяет языковую наивную картину мира как знания обычного человека о мире, в котором он живет и действует [5, с. 173]. У Ю. Д. Апресяна термин наивная картина мира является аналогом понятия «языковая картина мира», так как наивные знания извлекаются из единиц языка, выражающих наивно-языковую этику, например, нехорошо подсматривать, подслушивать, любопытствовать и т. д. [6, с. 350–351].

Фразеологическая картина мира (в настоящей статье термин понимается вслед за Р. Т. Сираевой и Ф. Г. Фаткуллиной как часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии [2]) формируется в той социальной среде, в которой растет и развивается человек; свою лепту вносят телевидение, радио, Интернет и другие средства массовой информации. Анализируя, каким образом человек интерпретирует в своем сознании фразеологизмы, понимаем, насколько сформирована его картина мира, определены его ценности в жизни и его место в ней. [2].

В центре когнитивной лингвистики стоит сознание человека в соотношении с языком. Е. В. Дзюба отмечает, что предмет лингвокогнитивных исследований может быть разным и может зависеть «от аспекта изучения лингвокогнитивных процедур, от типа когнитивных структур и лингвистического материала, репрезентирующих знания человека о мире и о себе самом» [7, с. 16]. Когнитивный анализ сосредотачивается на изучении концептов и категорий, которые используются в языке и мышлении, исследуя, как люди организуют и структурируют свои знания и представления о мире через язык.

М. М. Гутовская определяет когнитивное изучение фразеологии как подход, при котором фразеология понимается как средство хранения и организации фразеологических (аккумулированных во фразеологической семантике) знаний о мире в человеческом сознании. Основным объектом исследования в когнитивной фразеологии является семантика. Ученый пишет, что фразеологическая картина мира выделяется в рамках языковой картины мира как особое когнитивное образование, отмечая, что лингвокогнитивному изучению обычно подвергается не фразеологическая картина как целое по причине ее труднообозримости, а отдельные, вполне доступные для обозрения ее фрагменты – фразеологические концепты [8, с. 75, 79].

Как отмечает Е. Е. Чикина, при когнитивном подходе фразеологизм рассматривается в качестве микротекста, структура которого формируется носителем языка в зависимости от смыслового аспекта фразеологизма, путем соотношения формы сообще-

ния и его смыслового содержания [9]. Основной проблемой когнитивной лингвистики В. А. Маслова считает построение модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями. Ученый определяет познавательную деятельность человека необходимостью развития умений ориентироваться в мире, для чего требуется отождествлять и различать объекты [10, с. 12–13]. У А. А. Кибрика когнитивный подход к языку является убеждением, что языковая форма – это «отражение когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [11, с. 126]. В качестве когнитивных моделей, обеспечивающих обработку и хранение информации о мире в сознании человека, В. А. Маслова выделяет фреймовую семантику, теорию метафоры и метонимии, сценарии и когнитивные прототипы [10, с. 45].

Когнитивный анализ включает разбор фразеологизмов, из которых складывается картина мира. В данном исследовании делается попытка использовать элементы когнитивного подхода для выявления восприятия фразеологических единиц подростками. В качестве основных критериев исследования когнитивности были выбраны:

- соотношение понимания ФЕ в зависимости от уровня образования и социальной среды;
- концепты как мыслительные образы;
- соотношение понимания и использования в речевых ситуациях ФЕ.

Для анализа динамики изменения фразеологической картины мира в данной работе используется один из основных методов когнитивного анализа – эмпирическое исследование, в рамках которого был проведен качественный эксперимент в форме анкетирования и анализа результатов для изучения того, как обучающиеся воспринимают и обрабатывают языковую информацию, представленную ФЕ русского языка.

Уже в раннем детстве у ребенка сформированы понятия о добре и зле, о труде и лени, о традициях и обычаях, о дружбе и взаимопомощи. Все перечисленные понятия относятся к общечеловеческим ценностям, формирующим правильную картину мира ребенка. Для исследования методом сплошной выборки, исходя из частотности употребления в речи, были отобраны некоторые из фразеологизмов, отражающих общечеловеческие ценности, сформирована анкета и проведен анализ полученных результатов. В данном исследовании ни социальная среда, в которой выросли респонденты, ни уровень образования родителей не учитывались. Была составлена анкета, в которой необходимо было ответить, как респонденты понимают предложенные фразеологизмы, а также написать фразеологизмы, которые они употребляют в своей речи (любые, в том числе и отсутствующие в предлагаемой анкете).

Результаты и обсуждение

Для исследования были выбраны 60 ФЕ из следующих источников: «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Фёдорова [12] и «Большой фразеологический словарь русского языка» И. С. Брилевой [13]. Сформированные группы включают следующие фразеологизмы:

1) группа фразеологизмов о труде и хорошем работнике: *вкладывать душу; до седьмого пота; не за страх, а за совесть; разбиться в лепешку; приносить свою лепту (внести лепту); тютелька в тютельку; умываться потом; комар носа не подточит; собаку съел; цены нет;*

2) группа фразеологизмов о нерадивом работнике: *валить через пень колоду; когда рак на горе свистнет; не ахти как; ни богу свечка, ни черту кочерга; псу под хвост; с гулькин нос; средней руки; филькина грамота; хромать на обе ноги; час от часу не легче;*

3) группа фразеологизмов о лени: *бить баклуши; играть в бирюльки; из-под палки; лежать на боку (печи); тяжел на подъем; чесать в затылке; палец о палец не ударит; сидеть сложа руки; плевать в потолок; Ваньку валять;*

4) группа фразеологизмов о характере человека: *тепличное растение; большое сердце, золотое сердце; без царя в голове; стреляный воробей; ни рыба ни мясо; бедный родственник; рыльце в пушку; ангел во плоти; сирота казанская; не льком шит;*

5) группа фразеологизмов о любви: *вскружить голову; дамский угодник; блюсти себя; высокие отношения; засидеться в девках; дать отставку; жить бобылем; ловить на крючок; семейная баталия; соломенная вдова (соломенный вдовец);*

6) группа фразеологизмов о традициях и обычаях: *встречать хлебом-солью; кланяться в ноги; при всем честном народе; дым коромыслом; всем миром; ездить в Тулу со своим самоваром; во всю ивановскую (кричать); вешать хомут на шею; лапти плести; не шубу шить.*

В результате исследования было опрошено 46 человек, среди них 45 человек от 16 до 21 года и 1 человек в возрасте 26 лет. Из этого числа 23 человека окончили 9 классов средней образовательной школы, три – 10 и 20 респондентов – 11 классов. Фокус-группа из числа обучающихся в ОГБПОУ «Томский индустриальный техникум» – студенты первого и второго курсов специальностей «техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования» (16 человек) и «почтовая связь» (10 человек). Выбор специальностей был произвольным, но все же следует уточнить, что это специальности с самым низким проходным баллом – 3,7, и результаты исследования показывают низкий уровень по-

нимания и применения русской фразеологии именно данной группы обучающихся. Из 26 респондентов этой группы родным языком является русский для 22 человек, для четырех других студентов русский язык не является родным (зачастую вторым) языком, поэтому мы определяем их как инофонов (два таджика, один алтаец и одна тувинка). Вторая фокус-группа – студенты первого курса факультета физической культуры Томского государственного университета. Из 20 респондентов этой группы русский является родным для 16 человек, также четыре студента-инофона (три казаха и узбек).

Соотнесем степень понимания с возрастом и уровнем образования: обучающиеся в СПО на базе 9 классов в возрасте от 16 до 19 лет – 27 % понимания ФЕ; обучающиеся в СПО на базе 10 классов от 17 до 19 лет – 45 % понимания ФЕ; обучающиеся в вузе на базе 11 классов в возрасте от 18 до 19 – 56 %. Кроме того, 40 % обучающихся на базе 9 классов указали, что совсем не употребляют в своей речи фразеологизмы, обучающиеся на базе 10 классов 33 % соответственно. 100 % окончивших 11 классов употребляют в своей речи фразеологизмы.

Следует отметить, насколько отличается уровень знаний русской фразеологии обучающегося на базе 9 классов 26-летнего студента первого курса, совмещающего учебную деятельность с работой. В его ответах чувствуется и жизненная мудрость, и житейский опыт, что является подтверждающим фактором развития личности по мере ее взросления.

В целом картины мира респондентов во многом похожи. В процессе воспитания личности основная задача родителей и школы – привить трудолюбие, стремление к знаниям, помимо общих этических правил и норм. В связи с чем труд и отношение к нему – это основа картины мира подрастающего ребенка. Результаты исследования подтверждают эту гипотезу. Лучше всего все обучающиеся понимают ФЕ о труде, лени и нерадивом работнике. Однако обучающиеся в университете в 2,5 раза лучше знают ФЕ о характере человека, в 2 раза больше понимают ФЕ о любви, обычаях и традициях. Картина мира 26-летнего обучающегося на базе 9 классов отличается от картин мира всех респондентов. Выявляется его понимание роли труда и ценности хорошего работника.

Наблюдается тенденция изменения фразеологической картины мира и у иноязычных обучающихся в сравнении с данными 2021 г. Проведенное автором исследование понимания русской фразеологии студентами-инофонами Томского индустриального техникума для определения уровня коммуникативной компетенции в 2021 г. выявило уровень понимания от 18 до 68 %, а 40 % опрошенных инофонов смогли правильно объяснить менее 50 %

фразеологизмов [14, с. 229]. В данном исследовании студенты-инофоны техникума, обучающиеся на базе 9 классов, показали общее понимание всех ФЕ в целом только на 21 % (русскоязычные обучающиеся на базе 9 классов в среднем показали 43 % понимания (с учетом данных 26-летнего студента, без учета его результатов – 27 %); студенты-инофоны вуза – на 48 % (русскоязычные студенты в среднем показали 56 % понимания). Основные концепты фразеологических картин мира такие же, как у русскоязычных студентов – труд и лень, что подтверждает гипотезу о направленности мышления подростков независимо от их языковой принадлежности. Тенденция к снижению уровня понимания русских ФЕ данными группами студентов несомненно отражается и на их фразеологической картине мира. Это связано со снижением влияния русского языка в иноязычных регионах России и бывших советских республиках в 90-х гг. прошлого века и начале XXI в., этот период времени приходится на воспитание родителей современных обучающихся. Их родители владеют русским языком хуже, чем их бабушки и дедушки. Повлиять на развитие их картины мира могут преподаватели и наставники во время прохождения производственных практик на предприятиях области, а также активное участие в общественной жизни техникума, например в студенческом совете или в волонтерском движении, где общаются студенты разных национальностей, групп, курсов и специальностей.

Согласно «Толковому словарю...» С. И. Ожегова, одним из определений понятия «труд» является «усилие, направленное к достижению чего-нибудь», а лень определяется как «отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью» [15, с. 487, 1196]. Связка «труд – лень» является основополагающей в процессе формирования личности. Лингвокогнитивное исследование показало, что данные концепты сформированы в сознании из языкового общения, предметной деятельности и мыслительных операций, что вполне логично для возраста респондентов. Исходя из предложенных В. А. Масловой оценок концептов, можно выделить в первую очередь индивидуально-личностную, формируемую под влиянием личностных особенностей – образования, воспитания, индивидуального опыта, и психофизиологических особенностей, а единицей когнитивной лингвистики считать сценарий, так как алгоритм осознанного мышления прежде всего определяется основными компонентами: занятиями в учебном заведении, выполнением домашних заданий и обязанностей по дому [10, с. 42].

Социальная среда определенного студенческого сообщества тоже влияет на формирование и изменение фразеологической картины мира. Поэтому в

качестве второй оценки концептов выделяем социальный, определяемый принадлежностью человека к определенному социальному слою. В целом обучающиеся СПО редко выходят за рамки своего студенческого сообщества, теряют связи с бывшими одноклассниками.

Анализ показал, как далеки от сознания современной молодежи историко-культурные корни некоторых фразеологизмов. Например, для объяснения ФЕ «собаку съел» типичными являются ответы, связанные с едой или голодом, например, «очень голоден, что съел бы собаку», «очень хорошо поел», «голодный» (4 ответа), «очень голодный» (2 ответа). Нетипичные ответы – «молчание», «не говорит», «обиделся» – свидетельствуют, что обучающиеся считают ФЕ «собаку съел» синонимом ФЕ «язык проглотил». ФЕ «тепличное растение» понимается как ленивый человек или человек-домосед, например, «человек, который сидит дома и никуда не выходит», «сидеть дома», «ленивый человек, сидящий на печи», «сидит вечно дома», «сильно домашний человек». Кто-то соотносит эту ФЕ с овощами или цветами, например «помидор», «цветы». Из этих примеров можно сделать два вывода: 1) первоначальное значение фразеологизмов теряется и в сознании обучающихся трансформируется в иное, что говорит об эволюции языка; 2) из-за незнания значения ФЕ даются объяснения прямых значений слов, его составляющих.

Проанализировав ФЕ, используемые респондентами в своей речи, находим подтверждение сформированности их фразеологических картин мира (ФКМ), основанных прежде всего на концептах «труд» и «лень». Чаще всего обучающиеся используют следующие ФЕ (расположены в порядке частотности применения):

– о труде: *цены нет; тютелька в тютельку; без труда не выловишь и рыбку из пруда; вкладывать душу; любишь кататься, люби и саночки возить; семь раз отмерь, один раз отрежь; Филькина грамота; писать как курица лапой; коту под хвост; как собаке пятая нога; Сизифов труд; воду решетом собирать;*

– о лени: *бить баклуши; когда рак на горе свистнет; тяжелый на подъем; языком чесать; валять дурака; спустя рукава; сидеть сложа руки; тянуть кота за хвост.*

Кроме того, респонденты активно используют в речи ФЕ:

– о характере человека: *ни рыба ни мясо; в тихом омуте черти водятся; ума палата;*

– о мировоззрении и образе действия: *бежать впереди паровоза; вперед бабки в пекло; без царя в голове; семь пятниц на неделе; душа в душу; кричать во всю ивановскую; встречать хлебом-солью;*

– о качественных характеристиках объекта или действий: *с гулькин нос; не вешать нос; бесплатный сыр; час от часу не легче; дать сдачи; точка зрения.*

Побочным результатом исследования явилось выявление устаревания некоторых фразеологизмов. Этот вывод сделан на основании массовых ответов «не знаю», а также количестве правильных ответов. Исследование показало возможность исчезновения из обихода ряда ФЕ, и прежде всего таких как *средней руки, соломенная вдова (соломенный вдовец), жить бобылем, ездить в Тулу со своим самоваром, не шубу шить* (0 правильных ответов).

Заключение

В данной работе проанализированы результаты анкетирования обучающихся в системе СПО и в вузе на знание ФЕ, отражающих общечеловеческие ценности. Результаты исследования показали слабое понимание русской фразеологии обучающимися на базе 9 классов в возрасте от 16 до 19 лет. У всех респондентов недостаточно сформирована картина мира, связанная с характером человека, любовью и традициями. Выявилась разница между сформированными фразеологическими картинками мира среди исследуемых респондентов.

Изучение когнитивного мира респондентов на основании анализа выбранных критериев когниции показывает прямую связь между пониманием и использованием в речевых ситуациях ФЕ в зави-

симости от уровня образования и социальных групп (чем выше уровень образования и, соответственно, социальная среда коммуникации, тем выше уровень понимания и применения ФЕ, а также глубже картина мира). Формирование ФКМ зависит не только от семьи и социальной среды, в которой рос и воспитывался человек, но и от его умений и желаний познавать этот мир (подтверждением этой гипотезы являются результаты 26-летнего студента). Основными концептами ФКМ как мыслительными образами у всех респондентов являются труд и лень. Данные концепты сформированы на основании сценария как единицы когнитивной лингвистики, оценка концептов – индивидуально-личностная, основанная личностными и психофизическими особенностями личности.

Сравнительный анализ между русскоязычными студентами и инофонами, обучающимися в системе СПО на базе 9 классов, выявляет схожесть их фразеологических картин мира и примерно сопоставимый уровень понимания ФЕ, что, несомненно, говорит об особенностях мышления, обусловленного социальными, возрастными и образовательными факторами, и в связи с этим – об образовании лакун в формировании картины мира у русскоязычных студентов. На основе проведенного когнитивного анализа можно разработать эффективные методы обучения русскому языку для улучшения коммуникативных навыков и понимания языка.

Список источников

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
2. Сираева Р. Т., Фаткуллина Ф. Г. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки // Современные проблемы науки и образования, 2014. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13230> (дата обращения: 04.12.2022).
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
4. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 48 с. URL: <https://www.disscat.com/content/semantika-i-pragmatika-frazeologizmov-lingvokulturologicheskii-aspekt> (дата обращения: 10.01.2023).
5. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 203 с.
6. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
7. Дзюба Е. В. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие для высших учебных заведений. Екатеринбург: [б. и.], 2018. 280 с.
8. Гутовская М. С. Актуальные проблемы когнитивной фразеологии // Языки мира в мир языков: межвуз. сб. науч. ст. Минск: БГУ, 2015. С. 75–82. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/123172> (дата обращения: 10.01.2023).
9. Чикина Е. Е. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов: современные подходы // INTERCULTUR@L-NET. 2004. Вып. 3. URL: <https://textarchive.ru/c-2655325.html> (дата обращения 28.01.2023).
10. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
11. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1994-5/126-139> (дата обращения 08.04.2023).
12. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. 878 с.

13. Брилева И. С. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / под ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. 781 с.
14. Асадулина Г. С. Формирование социокультурной языковой адаптации иноязычных обучающихся через изучение русских фразеологизмов в учебных заведениях среднего профессионального образования России // Сборник статей XX Международного научно-исследовательского конкурса «Студент года – 2022». Пенза, 2022. С. 226–231. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47950052&pff=1> (дата обращения 07.05.2023).
15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и Образование: Астрель, 2011. 1360 с.

References

1. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 288 p. (in Russian).
2. Sirayeva R. T., Fatkullina F. G. Frazеologicheskaya kartina mira: osnovnoye sodержaniye i priznaki [Phraseological picture of the world: main content and features]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 2014, no. 3 (in Russian). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13230> (accessed 4 December 2022).
3. Baranov A. N., Dobrovol'skiy D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znak Publ., 2008. 656 p. (in Russian).
4. Kovshova M. L. *Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokul'turologicheskij aspekt)*. Avtoref. dis. dokt. ped. nauk [Semantics and pragmatics of phraseological units (linguistic and cultural aspect). Abstract of thesis doc. ped. sci.]. Moscow, 2009. 48 p. (in Russian). URL: <https://www.disscat.com/content/semantika-i-pragmatika-frazeologizmov-lingvokulturologicheskii-aspekt> (accessed 10 January 2023).
5. Teliya V. N. Metaforizatsiya i yeyo rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language. Language and worldview]. Moscow, 1988. 203 p. (in Russian).
6. Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy. Tom 2. Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral language description and system lexicography. Vol. 2]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1995. 767 p. (in Russian).
7. Dzyuba E. V. *Kognitivnaya lingvistika: uchebnoye posobiye dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Cognitive Linguistics: a textbook for higher education institutions]. Ekaterinburg, 2018. 280 p. (in Russian).
8. Gutovskaya M. S. Aktual'nyye problemy kognitivnoy frazeologii [Current problems of cognitive phraseology]. *Yazyki mira v mir yazykov: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey* [Languages of the world into the world of languages: interuniversity collection of scientific articles]. Minsk, BGU Publ., 2015. Pp. 75–82 (in Russian). URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/123172> (accessed 10 January 2023).
9. Chikina E. E. Vyyavleniye natsional'no-kul'turnoy spetsifiky frazeologizmov: sovremennyye podkhody [Identification of the national and cultural specificity of phraseological units: modern approaches]. *Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskij (elektronnyy) zhurnal "INTER-CULTUR@L-NET"*, 2004, no. 3 (in Russian). URL: <https://textarchive.ru/c-2655325.html> (accessed 28 January 2023).
10. Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika: uchebnoye posobiye* [Cognitive Linguistics: A Textbook]. Minsk, TetraSystems Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
11. Kibrik A. A. Kognitivnyye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Voprosy Jazykoznanija – Topics in the Study of Language*, 1994, no. 5, pp. 126–139 (in Russian). URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1994-5/126-139> (accessed 8 April 2023).
12. Fedorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2008. 878 p. (in Russian).
13. Brileva I. S. *Bol'shoy frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka: znachenije, upotrebleniye, kul'turologicheskij kommentariy* [Big Phraseological Dictionary of the Russian Language: Meaning, Usage, Cultural Commentary]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2006. 781 p. (in Russian).
14. Asadulina G. S., Formirovaniye sotsiokul'turnoy yazykovoy adaptatsii inoyazychnykh obuchayushchikhsya cherez izuchenije russkikh frazeologizmov v uchebnykh zavedeniyakh srednego professional'nogo obrazovaniya Rossii [Formation of socio-cultural language adaptation of foreign-speaking students through the study of Russian phraseological units in educational institutions of secondary vocational education in Russia]. *Sbornik statey XX Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa "Student goda – 2022"* [Collection of articles of the XX International Research Competition "Student of the Year – 2022"]. Пенза, 2022. P. 226–231 (in Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47950052&pff=1> (accessed 7 May 2023).
15. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Ok. 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language. About 100,000 words, terms and phraseological expressions]. Ed. professor L. I. Skvortsova. Moscow, Oniks: Mir i Obrazovaniye: Astrel' Publ., 2011. 1360 p. (in Russian).

Информация об авторе

Асадулина Г. С., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская., 60, Томск, Россия, 634061); преподаватель, Томский индустриальный техникум (ул. А. Беленца, Томск, Россия, 634050).

E-mail: asadulinags@tomintech.ru

Information about the author

Asadulina G. S., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061); Lecturer, Tomsk Industrial College (ul. A. Belentsa, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: asadulinags@tomintech.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 18.05.2023; accepted for publication 24.05.2024

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 82

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-111-119>

Коранические мотивы как доминанта творческих поисков Д. П. Ознобишина

Ибрагим Назим оглы Асадов

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан, joker_94_91@mail.ru

Аннотация

Исследования творчества поэтов и писателей русской литературы, в чьем художественном наследии осваиваются ориентальные мотивы, восходящие непосредственно к мусульманскому Востоку, трансдентальным базисом которого выступает священная книга мусульман – Коран, является актуальным в сфере сравнительного изучения литератур народов, генетически не связанных между собой, но близких по географическим регионам. И речь идет не только о знаменитых «Подражаниях Корану» А. С. Пушкина или кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова, но и о творчестве их современников, среди которых следует особо выделить В. К. Кюхельбекера, Я. Н. Полонского, Л. А. Якубовича, А. Г. Ротчева, А. Ф. Вельмана, Д. П. Ознобишина и многих других, сыгравших не менее значительную роль в процессе освоения инациональных художественных мотивов. Их наследие представляет собой интереснейший материал для наблюдений над диалектикой национального и инационального в рамках русско-восточного литературного и культурного диалога. В этом отношении определенное внимание привлекают коранические мотивы в творчестве русского поэта, писателя и переводчика Дмитрия Петровича Ознобишина (1804–1877), философско-созерцательное ориентальное наследие которого до настоящего времени изучено слабо. Мы выделяем семь коранических мотивов: молитвы, клятвы, покаяния, мотивы, связанные с мусульманскими обычаями и с процессией шариатского суда, мотив коранических стихов, мотив коранических преданий. Основное содержание статьи составляет выявление особенностей данных мотивов в ориентальных повестях Ознобишина «Посещение», «Идеал», «Соперничество шести невольниц», «Спор», «Желание», «Любовь», «Вор», «Примирение», «Золотая монета» и переложенной макаме (новелле) Абу Мухаммеда аль-Харири (1054–1122) «Караван». Эти восточные повести Ознобишин впоследствии объединил под общим названием «Арабески, или Собрание восточных повестей». Указанный сборник открывает перспективу решения искомой проблемы. Анализ обнаруженных в целом ряде повестей Ознобишина коранических мотивов позволяет с уверенностью утверждать, что русский писатель, обратившийся к этой теме, пытался представить собственное видение важнейших вопросов бытия через осмысление иной, ранее незнакомой ему религиозной философии.

Ключевые слова: *Коран, ислам, мотив, русская литература, освоение, поэт, Ознобишин*

Для цитирования: Асадов И. Н. оглы. Коранические мотивы как доминанта творческих поисков Д. П. Ознобишина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 111–119. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-111-119>

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Quranic motifs as the dominant of D. P. Oznobishin's creative searches

Ibrahim Nazim oglu Asadov

Baku State University, Baku, Azerbaijan, joker_94_91@mail.ru

Abstract

Coverage of the activities of representatives of Russian literature, in whose works the motives associated with the Muslim East, whose spiritual base is the holy book of Muslims, are traced – The Quran is relevant in the field of comparative study of the literatures of peoples who are genetically unrelated, but close in geographical region. And we are talking not only about the famous “Imitations of the Koran” by A. S. Pushkin or the Caucasian poems by M. Y. Lermontov, but also about the work of their contemporaries, among whom V. K. Kuhelbecker, Ya. N. Polonsky, L. A. Yakubovich, A. G. Rotchev, A. F. Veltman should be singled out, D. P. Oznobishin and many others who played an equally significant role in the process of mastering foreign artistic images. Their artistic heritage is an interesting material for observations on the dialectic of national and foreign in the framework of the Russian-Eastern literary and cultural dialogue. In this regard, the Quranic motifs of the Russian poet, writer and translator Dmitry Petrovich Oznobishin (1804–1877), whose orientalism, which was mostly philosophical and contemplative, is still poorly studied, are of undoubted interest. We distinguish seven Quranic motives: the motive of prayer, the motive of an oath, the motive of repentance, the motive of Quranic verses, motives associated with Muslim customs and with the procession of the Sharia court, the motive of Quranic traditions and the motive of Quranic eschatology. The main content of the article is the identification of the features of these motifs on the example of the collection “Arabesques, or Collection of Oriental stories” by D. P. Oznobishin, which includes ten works: “Visitation” (Oriental novel), “Ideal” (Oriental novel), “The Rivalry of Six Slaves” (Oriental novel), “Dispute” (Oriental novel), as well as arrangements of the makama (novella) by Abu Mohammed al-Hariri (1054–1122) “Caravan”, “Desire” (Arabic novella), “Love”, “Thief”, “Reconciliation” and “Gold Coin” (Dinari makama). The analysis of the Quranic motifs found in a number of Oznobishin's novels allows us to state with confidence that the Russian poet, who turned to this topic, tried to present his own idea of the most important issues of being through the comprehension of another, previously unfamiliar to him, religious philosophy.

Keywords: *Koran, Islam, motive, Russian literature, mastering, poet, Oznobishin*

For citation: Ibrahim Nazim oglu Asadov. Koranicheskiye motivy kak dominanta tvorcheskikh poiskov D. P. Oznobishina [Quranic motifs as the dominant of D. P. Oznobishin's creative searches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 111–119 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-111-119>

Введение

По справедливому замечанию Р. В. Алиевой, «значимый интерес и внимание к традициям восточных литератур Средних веков, культуре и искусству Востока в русской литературе обозначился в первой половине XIX века» [1, с. 97].

Именно в этот период, точнее, в середине 20-х гг. XIX в. Ознобишин начал посещать лекции профессора-арабиста А. В. Болдырева в Московском университете, основательно изучать персидский и арабские языки, а также осваивать образцы литератур на данных языках, что в дальнейшем способствовало знакомству будущего востоковеда не только с Кораном – сокровищницей мусульманской мудрости, но и с исламом и шариатом.

Обращение Ознобишина в поэзии, прозе и критике, т. е. параллельно в нескольких художествен-

ных направлениях, к кораническим мотивам свидетельствует о стойкости его интереса не только к Корану, но и восходящим к нему исламу и шариату. Напомним утверждение С. Л. Кагановича о том, что «немного найдется русских поэтов, столь увлеченных Востоком, изучавших его столь же досконально и тщательно, как Д. Ознобишин!» [2, с. 274].

В настоящей статье прослеживается попытка выявления данного процесса на материале его прозаических произведений. Для этого необходимо привлечь к исследованию ранее нерассмотренное собрание ориентальных повестей Ознобишина, обращенных к широкому кругу образованных читателей тогдашнего времени, и объединенных под общим названием «Арабески, или Собрание восточных повестей». Хронологически данный сбор-

ник датируется приблизительно началом 40-х гг. XIX в.

В собрании ориентальных повестей Ознобишина содержатся не только переводные произведения и переложения, отобранные им из различных источников, но и подробнейшие примечания и сноски, выполненные самим Ознобишиным и имеющие как собственно художественную, филологическую, так и историческую ценность. Повести в своё время были опубликованы на страницах различных альманахов и журналов («Северная лира», «Уrania», «Галатей», «Москвитянин» и др.).

Материал и методы

Накоплено достаточное количество компаративистских исследований, которые косвенным образом затрагивают проблему коранических мотивов в творчестве Ознобишина. Принимая во внимание обозначенную проблему нашего исследования, следует отметить труды таких ученых-литературоведов, как П. В. Алексеев [3, 4], А. Дж. Гаджиев [5, 6], Г. А. Гуковский [7], Г. Д. Данильченко [8], И. Ермаков [9], В. М. Жирмунский [10], С. Каганович [11], М. Б. Каменева [12], Н. И. Конрад [13], В. Н. Кубачева [14], А. Массэ [15], Г. Э. Меджидова [16], М. Б. Пиотровский [17], Б. Р. Рахманов [18], П. И. Тартаковский [19], Н. А. Хохлова [20]. Перечисленные исследователи внесли серьезный вклад как в изучение, так и в развитие русско-восточных литературных связей, однако по-прежнему актуальной остается проблема коранических мотивов как доминанта творческих поисков Ознобишина, поскольку все еще отсутствует всесторонний и комплексный анализ обозначенной темы.

Основная черта мотива заключается в его способности оказываться полуреализованным в контексте художественного произведения и порой оставаться скрытым в его «невидимых структурах». Мотив может проявляться в виде отдельных слов или словосочетаний, которые повторяются, варьируются, или представляет собой некое явление, которое реализуется с помощью различных лексических элементов, или выступает в качестве эпиграфа, или остается лишь угадываемым, уходящим в подтекст. В данном отношении уместно высказывание В. Хализева, согласно которому, «мотив – это компонент произведений, обладающий повышенной значимостью» [21, с. 280].

В настоящей статье коранические мотивы рассматриваются в двух аспектах:

1. Коран как поведенческий кодекс правоверных мусульман (мотив молитвы, клятвы, покаяния; мотивы, связанные с мусульманскими обычаями и с процессией шариатского суда).

2. Коран как художественно-эстетическое явление (мотив коранических стихов, мотив коранических преданий).

Материал исследования – сборник ориентальных повестей Ознобишина «Арабски, или Собрание восточных повестей». Среди них восточными по происхождению являются «Посещение», «Идеал», «Соперничество шести невольниц», «Спор», арабской – «Желание», динарийской – «Золотая монета». Повесть «Караван» представляет собой переложение макамы (новеллы) Абу Мухаммеда аль-Харири (1054–1122). Источники повестей «Любовь», «Вор» и «Примирение» Ознобишиным не указаны, но по стилю они приближаются к сказкам из «Тысячи и одной ночи». Таким образом, сборник восточных повестей Ознобишина насчитывает 10 произведений.

Результаты и обсуждение

В предисловии к сборнику «Арабски, или Собрание восточных повестей» Ознобишин писал, что «старался ознакомить читателей с нравами и обычаями жителей Востока» [22, т. 2, с. 585], и последовательно стремился выполнить обещанное. Цель Ознобишина заключалась в ознакомлении русского читателя с мусульманским Востоком. В качестве одного из аспектов преследуемой цели писатель видел необходимость разъяснения основных принципов ислама, шариата и изложения некоторых положений Корана через такие мотивы, как мотив молитвы, мотив клятвы, мотив покаяния, мотив коранических стихов, мотивы, связанные с мусульманскими обычаями и с процессией шариатского суда, мотив коранических преданий и мотив коранической эсхатологии.

Мотив молитвы, клятвы и покаяния. В повести «Караван» Ознобишин упоминает пять ежедневных обязательных молитв-намазов, важнейших из столпов ислама [23, с. 222]: «Он (дервиш) отвечал: „Да всякий из вас читает утром и вечером первую суру Корана“» [24, с. 306]. Речь идет об утреннем и вечернем намазах, а также о суре «Аль-Фатиха», состоящей из семи аятов, которые нужно обязательно читать при совершении пятикратного молитвенного цикла. Внимания заслуживает и следующее пожелание дервиша: «удостой пролить Твои благословения на Магомеда, на лучезарные светочи его семейства, и на ключи его побед» [23, с. 306], что восходит к салавату (благословение) [23, с. 243] – традиционной мусульманской молитве, произносимой во время намаза: «О Аллах, благослови Мухаммада и семейство Мухаммада».

В произведение Ознобишина «Идеал» (1827) включен небольшой фрагмент, в котором содержится ссылка на одну из традиционно важных мусульманских клятв, упоминаемой в Коране: «Я по-

клялся ей Кораном» [22, т. 2, с. 278–279]. Подобная форма клятвы, восходящая к таким кораническим стихам, как «Клянусь Кораном мудрым!» [25, с. 380, сура 36, аят 1]; «Клянусь Кораном, содержащим напоминание!» [25, с. 371, сура 38, аят 1]; «Клянусь Кораном славным!» [25, с. 424, сура 50, аят 1], упоминается в повести еще дважды: «Я принял условия и поклялся Кораном» [22, т. 2, с. 279]; «Я поклялся Кораном в сохранении тех же условий» [22, т. 2, с. 280].

Не менее интересны в плане освоения Ознобишиным мусульманских мотивов и другие повести из сборника «Арабески». Так, в повести «Желание» (1829) Ознобишин упоминает другой вид клятвы, приносимой мусульманами, признающими посланническую миссию пророка Мухаммеда: «Клянусь тебе Пророком» [22, т. 2, с. 285], что согласуется с сурой Корана: «Клянусь твоей (Мухаммеда) жизнью! Ведь они в своем опьянении скитаются слепо» [25, с. 220, сура 15, аят 72]. Подобные примеры клятв, приносимых героями повестей, свидетельствуют о том, что Ознобишин не просто воспроизводит восточные реалии с целью обозначить этническую специфику своих переложений, но и пытается проникнуть вглубь мировоззрения мусульманина с его системой взглядов на жизнь и духовными ценностями.

В произведении «Караван» Ознобишина упоминается также традиционное в исламе покаяние, молитва Аллаху о прощении грехов, совершаемая после каждого греха с намерением более не совершать его, – тауба [23, с. 269]: «дал обет Всевышнему (да хвала Его пребудет всегда на устах моих) никогда не вступать в дом винопродавца» [25, с. 310]. О необходимости совершения покаяния, которому необходимо неукоснительно следовать, говорится во многих коранических стихах.

Мотивы, связанные с мусульманскими обычаями и с процессией шариатского суда. Немалый интерес вызывает и повесть Ознобишина (Из Гаррири) «Караван», в которой описываются некоторые восточные обычаи, складывавшиеся под влиянием шариатских традиций: «в руке своей держал он четки» [24, с. 305]. Вызывает интерес и примечание Ознобишина к данному фрагменту, где он разъясняет, что в «собственном значении (четки) означают признания совершенности Бога, а в обыкновенном смысле – четки, поскольку правоверные мусульмане, перебирая свои четки, хвалят Бога во всех его совершенствах и припоминают все превосходные его имена»; «Дервиши носят четки у пояса по обязанности» [24, с. 310]. Данный факт свидетельствует о том, что Ознобишин полностью, на ментальном уровне, проникся духом и традициями мусульманского Востока.

В произведении «Караван» Ознобишин упоминает более точное по форме, но не по содержанию традиционное арабское приветствие, укоренившееся в исламе и используемое мусульманами разных национальностей: «Приветствую тебя, сказал я, Повелитель Правоверных, Наследник Пророка! Милосердие и благословение Божие да будет над тобою!» [22, т. 2, с. 284].

Элементы, восходящие к шариату (в частности, мусульманское судопроизводство), присутствуют в другой ориентальной повести Ознобишина – «Вор». В произведении описывается картина публичного судопроизводства над благородным юношей, совершившим кражу. Согласно закону шариата, наказанием за воровство является отсечение руки, покушавшейся овладеть чужим достоянием.

Наместник Бассоры Халед, вершивший суд, не мог поверить, что такой благородный юноша способен совершить подобное преступление. Он долго расспрашивал юношу о причинах, толкнувших его на воровство. В ответ на допрос судьи герой Ознобишина отвечает: «Не старайся спасти меня, Государь! Исполни предписанное законами (шариатом. – И. А.). Суди меня по делам руки моей» [23, с. 317], что полностью согласуется с фактурой следующей параллели:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Поистине, Аллах ни в чем не несправедлив к людям...» [25, с. 179, сура 15, аят 44].	«...всемогущий Алла никогда не бывает несправедлив к рабам своим!» [24, с. 317].

Далее Ознобишин знакомит читателей с деталями шариатского судопроизводства, согласно которым обвиняемый вправе оправдать себя: «когда в последний раз выступит доноситель и судьи в последний раз произнесут приговор твой, можешь ты еще спасти себя, если только представишь правдоподобное извинение, дозволенное законами (шариатом); сам пророк говорит: „Наказание отклоняется сомнением“» [24, с. 317].

В конце повести происходит занимательная сцена. Согласно приговору, рука юноши подлежала отсечению. Но, когда сабля палача уже готова была опуститься на плаху, из толпы с воплями и рыданиями выбежала прелестная девушка, которая раскрыла всю правду. Оказывается, они любят друг друга. Три дня назад он прокрался в их дом и, бросая камушки, подавал ей условные знаки. Отец и братья, заметив это, начали искать виновника. Юноша, не имея возможности спастись бегством, схватил несколько попавшихся ему под руку предметов. Не желая подвергнуть дурной славе свою возлюбленную, юноша предпочел быть пойманным как вор.

Халед, восхищенный возвышенным образом мыслей и благородным великодушием юноши, ве-

лел призвать отца девушки и сказал ему: «Шейх! я был готов совершить несправедливый приговор над сим юношей. Всемогущий предохранил меня от этого; даю ему десять тысяч диргемов из казны моей и прошу только у тебя дозволения соединить его с твоею дочерью. – От всего сердца, Государь, – отвечал отец девушки» [24, с. 319].

Халед поблагодарил его за это и приступил немедленно к браку со всею торжественностью и по употребляемому обряду. Таким образом, Ознобишин, с одной стороны, знакомит русского читателя с процессами мусульманского судопроизводства, с другой же – раскрывает особенности менталитета людей Востока, для которых справедливость, честь и достоинство превыше всего.

Мотив коранических стихов. В повести «Соперничество шести невольниц» (1841) автор находит интересные способы использования пяти коранических стихов. Они придают сюжету повести дополнительное разнообразие, помогают глубже раскрыть характеры героинь, проникая в их внутренний мир. Повесть основана на споре шести девушек-невольниц, которые соревнуются в превознесении своей красоты и одновременно отрицают внешние достоинства своих соперниц. Каждая из них обязана подтверждать свои аргументы строками из стихов поэтов или коранических сур. Один из таких споров происходит между белой и черной красавицами. Устами белой невольницы автор приводит содержание следующего коранического стиха:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Кроме тех, кто раскаялся и уверовал и творил доброе, – эти войдут в рай и не будут обижены ни в чем»; «... – в сады вечности» [25, с. 255, сура 19, аят 60–61].	«В Коране написано: те, кои убелили свое лицо, то есть которые очистили себя раскаянием, вечно будут обитать в эдеме» [22, т. 2, с. 294].

Утверждение самого автора свидетельствует о том, что он очень хорошо понимал, как важен белый цвет для мусульман. Для них это символ чистоты и духовности: «бела и кисея, которую правверные употребляют на чалмы свои» [21, т. 2, с. 294]. Следующие строки Ознобишина могут служить подтверждением того, что

«Цвет белый – примета любимцев пророка;
По черному грешных нетрудно узнать»

[22, т. 2, с. 294].

Страстно отстаивает свое превосходство, ссылаясь непосредственно на Коран, и черная невольница:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Клянись утром»; «и ночью, когда она густеет» [25, с. 502, сура 93, аят 1]	«Разве ты не знаешь то место Корана, где Бог клянется мраком ночи и сиянием дня?» [22, т. 2, с. 294–295]

Цвет чернил, которыми написан Коран, становится важным аргументом, доказывающим значимость этой книги в любом споре. Самый важный вопрос, который черная невольница задает сопернице, свидетельствует об этом. «Чернила, которыми нам передано слово Божие, Коран, разве не черного цвета?» [22, т. 2, с. 295].

Спор, который возник между худой и полной невольницами, завершился победой последней. Худая невольница, несмотря на свою скромную внешность, подчеркивает свою величественность, выдвигая свою красоту в качестве аргумента. Однако полная невольница, не теряя самообладания, в свою очередь пытается уверить в своей привлекательности и, обращаясь к священным строкам из Корана, оправдывает свою полноту как принятую и благословенную волей Аллаха:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Вот, Аллах приказывает вам заколоть корову... Она – корова, не старая и не телка, средняя по возрасту...» [22, с. 33, сура 2, аят 67]; «...Она – корова не укрошенная, которая пашет землю, и не орошает пашню, она сохранена в целости, нет отметины на ней...» [25, с. 34, сура 2, аят 71].	«Сам Коран восхваляет толщину, чтобы корова, для жертвы обреченная, была упитанная и жирная» [22, т. 2, с. 296].

О традиционном ритуальном мусульманском жертвоприношении, делающим данный фрагмент примечательным, упоминается и в Коране: «...обряд поклонения, чтобы они поминали имя Аллаха над животными из скота, которых Он им даровал» [25, с. 277, сура 22, аят 34].

В ознобишинском тексте выделяются конкретные детали, необходимые для определения животного, которое может быть принято в качестве жертвы: оно должно быть упитанным, молодым и здоровым.

В споре между смуглой и желтой невольницами последняя в качестве довода, подтверждающего неповторимую красоту цвета ее кожи, приводит коранический стих:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«Он говорит: Она – корова желтая, светел цвет ее, радуется она смотрящих» [25, с. 33, сура 2, аят 69].	«Бог сказал в Коране, говоря о моем цвете: желтый цвет улаждает лицезрение» [22, т. 2, с. 297].

Обращает на себя внимание тот факт, что полная невольница, не соблюдая условия спора, опирается в аргументах не на строки поэтов, а на Коран, и это подтверждает авторитарность коранических предписаний для мусульман, что нашло свое отражение и в примечаниях Ознобишина к этой повести: «Коран, по мнению арабов, есть самая высшая поэзия» [22, т. 2, с. 300]. В качестве подтверждения можно дать эту параллель:

В Коране	У Д. П. Ознобишина
«...Если бы собрались люди и джинны, чтобы сделать подобное этому Корану, они бы не создали подобного; хотя бы одни из них были другим помощниками» [25, с. 239, сура 17, аят 88].	«сам Магоммед говорит в нем: „принесите мне какое-либо творение, которое могло бы хотя приблизиться к учению и изяществу Корана“» [22, т. 2, с. 300].

В повести «Соперничество шести невольниц» Ознобишин обращает внимание на систему поэтических постулатов Корана как одну из главных объектов его литературных интересов, поскольку философия Корана и историческая «физиономия народа», его создавшего, так хорошо представлены в них, что писателю удалось передать не только ключевые аспекты философии и быта Корана, но и их истинную значимость.

Коранические мотивы присутствуют и в повести «Золотая монета» (1830). Включенный в текст повести стихотворный фрагмент завершается строкой: «Писанье нас учит: „Греха нет хромать!“» [22, т. 2, с. 290]. Эта строка явно навеяна следующим кораническим стихом, из которого следует, что правоверные мусульмане обязуются предпринять священный поход с целью расширить границы распространения влияния ислама. Однако, согласно той же суре Корана, «если слепой, хромой и слабый не пойдут на войну, то не будет им это поставлено в вину» [25, с. 179, сура 98, аят 17].

В этом отношении нельзя не согласиться с мнением М. Б. Каменевой, утверждавшей, что «русские писатели, воспринимая философскую систему Корана, создавали произведения, в которых через вероучение ислама рассматривали взаимоотношение человека и Бога не только как основу духовной жизни человека, но и как главную концепцию ислама...» [12, с. 145].

Мотив коранических преданий. Несомненный исследовательский интерес представляют также примечания к повести «Примирение», где Ознобишин упоминает кораническое предание о семи спящих отроках, обитателях пещеры, спрятавшихся в ней. Они проспали в ней 309 лет, чтобы уберечь свою веру: «Катим... имя собаки семи спящих Асхаб Каф (точнее, Асхаб аль-Кахф [23, с. 36]. – И. А.), т. е. товарищей пещеры» [24, с. 323]. Этот фрагмент повести согласуется со следующими стихами Корана: «Или ты полагаешь, что обитатели пещеры и ар-Ракима были чудом среди Наших знамений?» [25, с. 242, сура 18, аят 9]; «...и собака их растянула лапы на порог...» [25, с. 243, сура 18, аят 18]; «И оставались они в пещере своей триста лет и прибавили еще девять» [25, с. 244, сура 18, аят 25].

Примечательно, что коранические мотивы со временем начинают звучать и в неориентальных произведениях Ознобишина. Так, в повести «По-

ливна» (1845), посвященной описанию живописных окрестностей Симбирска, упоминается очень тонкий, не превышающий размеры волоса и острия лезвия меча мост Сират (прямой путь) [23, с. 251], который, согласно исламской эсхатологии, расположен над огненной преисподней: «Все трое перешли мы на другую сторону оврага через зыбкий мостик, отчасти напоминающий страшный для грешников мост Сират, описанный в Коране» [22, т. 2, с. 309].

Скорее всего, Ознобишин был знаком с эсхатологическим преданием, в котором повествуется о том, что в день Страшного суда мост Сират станет испытанием для всех людей и только те мусульмане, которые живут праведной жизнью, смогут перебежать по мосту с такой же скоростью, как молния, и попадут в рай. В то же время те, кто не верит и грешит, упадут с моста и окажутся в аду. Это восходит к кораническому стиху: «А если кто отказывается от посланника после того, как стал ему ясен прямой путь – и он следует не по пути верующих. Мы обратим его к тому, к чему он сам обратился, и спалим его в геенне. Скверно это пристанище!» [25, с. 95, сура 4, аят 115].

Заключение

Д. П. Ознобишин на протяжении всего творчества, будучи одним из видных знатоков восточной литературы, выступал ее неистовым популяризатором и не мог оставаться равнодушным к философии Корана и ислама. «Ислам, – отмечал С. Д. Артамонов, – исходит из общих для всех религий принципов – безграничной веры и безграничной покорности Богу. Само слово „ислам“ означает в переводе „покорность“» [26, с. 73].

Ознобишин справился со своей задачей, решение которой заключалось в понимании и осмыслении глубин и мудрости исламской религии. Следовательно, поэтому его произведения представляют собой не просто калейдоскопическую интерпретацию экзотических восточных реалий, а серьезное освоение духовно-философского наследия мусульманского Востока, свидетельствующее о стремлении писателя постичь его.

Ознобишин, стремясь достоверно изобразить обычаи и нравы правоверных мусульман, обращался к исламскому Востоку, чтобы понять и осознать окружающий мир, используя при этом Коран как систему религиозно-философских представлений, постулаты ислама, а также отдельные положения шариата.

Результатом этого стремления стали его ориентальные прозаические произведения, являющиеся олицетворением его художественного осмысления исламской культуры и мудрости. В этом плане справедливо утверждение А. Дж. Гаджиева, что

«Ознобишин был крупнейшим для своего времени знатоком восточной литературы, который на протяжении всей своей творческой деятельности выступал ее страстным и активным пропагандистом» [6, с. 95].

Возникший интерес к Корану в русской литературе 20–30-х гг. XIX в. не мог остаться без внимания Ознобишина. В своем литературном наследии он прибегал к нескольким подходам в использовании Корана: прямое цитирование сур и аятов, а также трансформация коранических мотивов. Так, Ознобишин смог наладить гармоничный диалог между русской литературой и исламской культурой, показав их взаимодействие и влияние друг на друга. По словам П. В. Алексева, «творчество Д. П. Ознобишина, поэта, писателя, профессио-

нального переводчика с европейских и восточных языков, дает богатый материал для анализа ориентальных кодов русского романтизма» [4, с. 66].

Именно Коран, будучи одним из ориентальных кодов русского романтизма, стал для Ознобишина источником бесконечного вдохновения и новых возможностей для развития его собственного творчества.

Индивидуальное эстетическое «осознание» и представление о Коране – своего рода имманентный творческий подход к осмыслению мотивов Корана. Опыт русского писателя в области освещения и напоминания священных страниц главной книги ислама является, с нашей точки зрения, уникальным в контексте высвечивания общечеловеческих ценностей в литературе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алиева Р. В. Восточные мотивы в русской литературе XIX века // Наука. Образование. Техника. 2021. № 2. С. 97–102.
2. Каганович С. Л. Диалог культур в русской художественной интерпретации Корана // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4, т. I (Гуманитарные науки). С. 272–275.
3. Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 420 с.
4. Алексеев П. В. Д. П. Ознобишин и Хафиз: проблемы перевода суфийской поэтики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 66–75.
5. Гаджиев А. Дж. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. Баку: Язычы, 1982. 160 с.
6. Гаджиев А. Дж. Страницы азербайджанской литературы. Баку: АГПУ, 2010. 204 с.
7. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Художественная литература, 1965. 356 с.
8. Данильченко Г. Д. Романтический ориентализм в русской литературе первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 1999. 146 с.
9. Ермаков И. Ислам в русской литературе XV–XX веков. М.: Спутник, 2000. 184 с.
10. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 493 с.
11. Каганович С. Романтизм и Восток // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 153–173.
12. Каменева М. Б. Исламские мотивы и образы в русской литературе 20–30-х годов XIX века. Бишкек: КРСУ, 2014. 154 с.
13. Конрад Н. И. О литературном посреднике. Запад и Восток. М.: Восточная литература, 1972. 287 с.
14. Кубачева В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век: сборник. М.: Наука, 1962. С. 295–315.
15. Массэ А. Ислам. Исторические очерки. М.: Восточная литература, 1963. 229 с.
16. Меджидова Г. Э. Коран в русской литературе XIX века (первая половина): дис. ... д-ра философии по филологии. Баку: БГУ, 2007. 158 с.
17. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991. 217 с.
18. Рахманов Б. Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Душанбе: РТУ, 2017. 348 с.
19. Тартаковский П. И. Русская поэзия и Восток (1800–1955). Опыт библиографии. М.: Наука, 1975. 180 с.
20. Хохлова Н. А. Обзор архива Д. П. Ознобишина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. с. 3–28.
21. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
22. Ознобишин Д. П. Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Наука. 2001. Т. 1. 582 с.; Т. 2. 661 с.
23. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 340 с.
24. Орлицкий Ю. Б. Д. П. Ознобишин. Из неопубликованных восточных переводов // К 140-летию со дня рождения Б. Л. Модзалевского. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. с. 300–335.
25. Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986. 730 с.
26. Артамонов С. Д. Сорок веков мировой литературы. Кн. 2 (литература Средних веков). М.: Просвещение, 1997. 224 с.

References

1. Alieva R. V. Vostochnyye motivy v russkoy literature XIX veka [Oriental motifs in Russian literature of the 19th century]. *Nauka. Obrazovaniye. Tekhnika – Science. Education. Technology*, 2021, no. 2, pp. 97–102 (in Russian).
2. Kaganovich S. L. Dialog kul'tur v russkoy khudozhestvennoy interpretatsii Korana [Dialogue of cultures in the Russian artistic interpretation of the Koran]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2013, no. 4, vol. 1, pp. 272–275 (in Russian).
3. Alekseev P. V. *Vostok i vostochnyy tekst russkoy literatury pervoy poloviny XIX veka: kontseptosfera russkogo oriyentalizma*. Dis. dokt. filol. nauk [The East and the eastern text of Russian literature of the first half of the 19th century: the concept sphere of Russian Orientalism. Diss. doc. philol. sci.]. Tomsk, TSU Publ., 2015. 420 p. (in Russian).
4. Alekseev P. V. D. P. Oznobishin i Khafiz: problemy perevoda sufiyskoy poetiki [D. P. Oznobishin and Hafiz: problems of translation of Sufi poetics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 2 (22), pp. 66–75 (in Russian).
5. Gadzhiev A. Dzh. *Kavkaz v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka* [The Caucasus in Russian literature of the first half of the 19th century]. Baku, Yazychy Publ., 1982. 160 p. (in Russian).
6. Gadzhiev A. Dzh. *Stranitsy azerbaydzhanskoy literatury* [Pages of Azerbaijani literature]. Baku, ASPU Publ., 2010. 204 p. (in Russian).
7. Gukovskiy G. A. *Pushkin i russkiye romantiki* [Pushkin and Russian romantics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 356 p. (in Russian).
8. Daniil'chenko G. D. *Romanticheskiy oriyentalizm v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka*. Dis. kand. filol. nauk [Romantic orientalism in Russian literature of the first half of the 19th century. Dis. cand. philol. sci.]. Bishkek, 1999. 146 p. (in Russian).
9. Ermakov I. *Islam v russkoy literature XV–XX vekov* [Islam in Russian literature of the XV–XX centuries]. Moscow, Sputnik Publ., 2000. 184 p. (in Russian).
10. Zhirmunskiy V. M. *Sravnitel'noye literaturovedeniye. Vostok i Zapad* [Comparative literature. East and West]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 493 p. (in Russian).
11. Kaganovich S. Romantizm i Vostok [Romanticism and the East]. *Voprosy literatury*, 1979, no. 2, pp. 153–173 (in Russian).
12. Kameneva M. B. *Islamskiye motivy i obrazy v russkoy literature 20–30-kh godov XIX veka* [Islamic motifs and images in Russian literature of the 20–30s of the 19th century]. Bishkek, KRSU Publ., 2014. 154 p. (in Russian).
13. Konrad N.I. *O literaturnom posrednike. Zapad i Vostok* [About the literary intermediary. West and East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1972. 287 p. (in Russian).
14. Kubacheva V.N. “Vostochnaya” povest' v russkoy literature XVIII – nachala XIX veka [“Eastern” story in Russian literature of the 18th and early 19th centuries]. *XVIII vek: sbornik* [XVIII century, collection]. Moscow, Nauka Publ., 1962. Pp. 295–315 (in Russian).
15. Masse A. *Islam. Istoricheskiye ocherki* [Islam. Historical essays]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963. 229 p. (in Russian).
16. Medzhidova G. E. *Koran v russkoy literature XIX veka (pervaya polovina)*. Dis. dokt. filol. nauk [The Koran in Russian literature of the 19th century (first half). Diss. doc. philol. sci.]. Baku, BSU Publ., 2007. 158 p. (in Russian).
17. Piotrovskiy M. B. *Koranicheskiye skazaniya* [Koranic tales]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 217 p. (in Russian).
18. Rakhmanov B. R. *Persidsko-tadzhikskaya literatura v kontekste rusko-vostochnykh literaturnykh svyazey pervoy treti XIX veka*. Dis. dokt. filol. nauk [Persian-Tajik literature in the context of Russian-Eastern literary connections of the first third of the 19th century. Diss. doc. philol. sci.]. Dushanbe, 2017. 348 p. (in Russian).
19. Tartakovskiy P. I. *Russkaya poeziya i Vostok (1800–1955). Opyt bibliografii* [Russian poetry and the East (1800–1955). Bibliography experience]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 180 p. (in Russian).
20. Khokhlova N. A. Obzor arkhiva D. P. Oznobishina [Review of the archive of D. P. Oznobishin]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god* [Yearbook of the manuscript department of the Pushkin House for 1991]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. Pp. 3–28 (in Russian).
21. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 405 p. (in Russian).
22. Oznobishin D. P. *Polnoye sobraniye sochineniy v 2-kh tomakh* [Complete works in 2 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2001 (in Russian).
23. Ali-zade A. *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Ali-zade A. Islamic encyclopedic dictionary]. Moscow, Ansar Publ., 2007. 340 p. (in Russian).
24. Orbitskiy Yu. B. D. P. Oznobishin. Iz neopublikovannykh vostochnykh perevodov [Orbitskiy Yu. B. D. P. Oznobishin. From unpublished oriental translations]. *K 140-letiyu so dnya rozhdeniya B. L. Modzalevskogo* [To the 140th anniversary of the birth of B. L. Modzalevsky]. Saint Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2016. Pp. 300–335 (in Russian).
25. *Koran. Perevod I. Yu. Krachkovskogo* [Koran. Translation by I. Yu. Krachkovsky]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 730 p. (in Russian).
26. Artamonov S. D. *Sorok vekov mirovoy literatury. Kniga 2 (literatura Srednikh vekov)* [Forty centuries of world literature. Book 2 (literature of the Middle Ages)]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1997. 224 p. (in Russian).

Информация об авторе

Асадов Ибрагим Назим оглы, докторант, Бакинский государственный университет (ул. Академика Захида Халилова, 33, Баку, Азербайджан, AZ1148).

E-mail: joker_94_91@mail.ru

Information about the author

Asadov I. N., doctoral student, Baku State University (ul. Akademika Zakhida Khalilova, 33, Baku, Azerbaijan, AZ1148).

E-mail: joker_94_91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.11.2023; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 14.11.2023; accepted for publication 24.05.2024

УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-120-127>

Тема страха в творчестве А. П. Чехова 1880-х – начала 1890-х годов: типология авторской позиции

Аль-Аббуди Мунтассир Абдулкадим Найма

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, mntsrkadum@gmail.com*

Аннотация

Страх как один из важнейших концептов человеческой культуры интенсивно и разнообразно описывается в мировой художественной литературе. А. П. Чехов на протяжении всего творчества неоднократно обращался к проблематике человеческих страхов. Показательно, что им написан ряд произведений, в которых существительное «страх» вынесено в название, причем это преимущественно рассказы раннего периода творчества, традиционно датирующийся 1880–1887 гг.: «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь» (1880), «Страшная ночь» (1884), «Страхи» (1886). При этом в указанный период создаются и другие произведения, в которых чувство страха, опасность является основой всего повествования, например, «На большой дороге» (1884), «Ночь на кладбище (Святочный рассказ)» (1886). Наконец, рассказ «Страх» (1892) становится кульминацией чеховской проблематики страха жизни. Целью работы стало выявление и описание типологии авторской позиции по отношению к теме страха в творчестве Чехова 1880-х – начала 1890-х гг. Основным материалом являются произведения Чехова раннего периода творчества – 1880–1887 гг., посвященные теме страха, а также рассказ «Страх» начала 1890-х гг. и эпистолярный писателя. Использован метод сопоставительного анализа, системный и нарратологический подходы к художественным произведениям и анализ творчества Чехова в русле позиционного стиля. Сопоставительный анализ чеховских произведений «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь», «Страшная ночь», «На большой дороге», «Ночь на кладбище (Святочный рассказ)», «Страхи», «Страх» позволил выявить общее «резонантное» пространство в наследии писателя, посвященное теме страха, что позволяет поставить вопрос о единой авторской позиции по отношению к указанной теме в русле позиционного стиля Чехова. Ранние рассказы «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь» и «Страшная ночь» определяются юмористическим подходом к «страшному», однако уже в 1884 г. в драме малой формы «На большой дороге» страх получает драматическое воплощение. Важным в развитии темы страха является 1886 г.: с одной стороны, в рассказе «Ночь на кладбище» Чехов возвращается к юмористическому изображению страха, с другой стороны, в рассказе «Страхи» эта тема обретает экзистенциальные смыслы, которые в рассказе 1892 г. «Страх» вырастают до представления о том, что экзистенциальный страх в человеческой жизни тотален. Рассмотрение произведений Чехова 1880-х – начала 1890-х гг. с точки зрения позиционного стиля позволило увидеть в них типологию авторской позиции по отношению к человеческому страху. Произведения, объединенные этой проблематикой, обладают сходными художественными особенностями: это мотив ночи, мотив непогоды, внутренняя фокализация, обусловленная тем, что повествование организовано от первого лица. Но в целом в этих произведениях выявлена типология изображения чувства страха: авторская позиция по отношению к этой теме определяется юмористическим, драматическим и экзистенциальным подходами.

Ключевые слова: *А. П. Чехов, страх, авторская позиция, фокализация*

Для цитирования: Найма Аль-Аббуди М. А. Тема страха в творчестве А. П. Чехова 1880-х – начала 1890-х годов: типология авторской позиции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 120–127. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-120-127>

The theme of fear in A. P. Chekhov's works in the 1880s – early 1890s: typology of the author's position

Al-Abboodi Muntassir Abdulkhadim Nima

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mntsrkadum@gmail.com

Abstract

Fear as one of the key basic concepts of culture has repeatedly become the object of researches by Russian and foreign scientists. A.P. Chekhov, throughout his work, repeatedly addressed the problem of human fears. Let us also pay attention to the fact that in the works of A. P. Chekhov there are more than one work with the word “fear” in the title: these

are the stories 'A Thousand and One Passions, A Scary Night' (1880), 'A Terrible Night' (1884), 'Panic Fears' (1886), and 'Terror' (1892). As we can see, the writer repeatedly came back to the problem of fear and how fear affects people throughout his whole life. In these stories, "fear" is the basis of the entire narrative, this feeling, starting with the title, is embodied at the compositional and metaphorical levels of the text. At the same time, other works were created during this period, in which the feeling of fear and danger is the basis of the entire narrative, for example, 'On the High Road' (1884), 'Night in the Cemetery (Christmas Story)' (1886). Finally, the story 'Terror' (1892) becomes the culmination of Chekhov's fear of life. The aim is to identify and describe the typology of the author's position in relation to the theme of fear in the work of A. P. Chekhov in the 1880s and early 1890s. The main material is Chekhov's works of the early period of creativity in 1880–1887, dedicated to the theme of fear, as well as the story 'Fear' (1892) and the writer's epistolary. The method of comparative analysis, systemic and narratological approaches to works of art and methodological scientific problems of positional style are used. A comparative analysis of Chekhov's works 'A Thousand and One Passions, A Scary Night' (1880), 'A Terrible Night' (1884), 'On the High Road' (1884), 'Night in the Cemetery (Christmas Story)' (1886), 'Panic Fears' (1886), and 'Terror' (1892) made it possible to identify a common "resonant" space in the writer's heritage, dedicated to the theme of fear, which allows us to raise the question of a single author's position in relation to this topic in line with the scientific problems of Chekhov's positional style. The early stories 'A Thousand and One Passions, A Scary Night and 'A Terrible Night' are determined by a humorous approach to the "terrible", but already in 1884, in the small-form drama 'On the High Road', fear receives a dramatic embodiment. Important in the development of the theme of fear in 1886 is on the one hand, in the story 'Night in the Cemetery' Chekhov returns to the humorous depiction of fear, on the other hand, in the story 'Panic Fears' this theme acquires existential meanings, which in the story of 1892 'Terror' grow to the notion that existential fear in human life is total. The methodological approach in terms of Chekhov's positional style made it possible to identify in his works of the 1880s and early 1890s the typology of the author's position in relation to human fear. The works united by this problem have similar artistic features: this is the motif of the night, bad weather, internal focalization, due to the fact that the narration is organized in the first person. But in general, in these works, a typology of depicting a feeling of fear is revealed: the author's position in relation to this topic is determined by humorous, dramatic and existential approaches.

Keywords: A. P. Chekhov, fear, author's position, focalization

For citation: Al-Abboodi Muntassir Abdulkhadim Nima. Tema strakha v tvorchestve A. P. Chekhova 1880-kh – nachala 1890-kh godov: tipologiya avtorskoy pozitsii [The theme of fear in A. P. Chekhov's works in the 1880s – early 1890s: typology of the author's position]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 120–127 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-120-127>

Введение

Многие литературоведы ставили перед собой задачу получения целостного представления о литературных произведениях и творчестве определенного автора в таком методологическом подходе, в котором «художественный текст рассматривается как целое, которое больше, чем сумма составляющих его частей» [1, с. 292]. В современном литературоведении этой проблемой занимаются ученые, так или иначе сосредоточенные на вопросе целостного восприятия художественного текста одного или нескольких авторов [2–4]. Суть указанной методологии состоит в том, что она определяется соотношением части и целого в одном – художественном тексте или в определенном корпусе текстов одного автора.

В системном подходе целостная парадигма устанавливается по фокальной точке: без ее нахождения невозможно описать целое и представить детали в стройном единстве. Фокализация – важное условие реализации системного подхода к художественному произведению, в котором роль фокальной точки играет «нечто особенно ярко отмеченное» [5, с. 19], что может прояснить взаимосвязь частей и целого; это может быть название места действия, имена персонажей, мифологические или

библейские сюжеты и персонажи, какие-то ключевые категории человеческого существования и др. Такая исследовательская позиция, по мысли современных ученых, позволяет выявить «„резонантное“ пространство» литературы [5].

Данная проблематика активно разрабатывается на материале творчества Чехова [6, 7], и это представляется принципиально важным в свете актуальных размышлений о месте и значении наследия писателя в современных гуманитарных исследованиях.

В книге В. К. Зубаревой творчество Чехова анализируется с точки зрения позиционного стиля [6, с. 40–44] как вопрос об уникальной специфике чеховской авторской позиции, что способно дополнить указанную методологию. С точки зрения исследователя, позиционный стиль в литературе связан с оформлением целостной авторской художественной позиции, которая может характеризоваться размытостью сюжета и наличием разных неожиданных деталей и отступлений, о которых в свое время писал А. П. Чудаков [7]. По мысли В. К. Зубаревой, Чехов был одним из основателей позиционного стиля в русской и мировой литературе, и он пришел к пониманию его основ посредством медицины, в которой в то время наметился подход,

напоминающий позиционный стиль – так называемая индивидуализация болезни. Чехов в своих произведениях дает только общие предпосылки описываемого явления, а «главную болезнь» читатель, не связанный авторской догмой, должен распознать сам. Он создает свой мир нарочито «неприметным», невыдающимся, подспудным, почти бессюжетным – и тем самым подчеркнута позиционным [6, с. 61–65]. Как пишет об этой же особенности поэтики Чехова И. Б. Роднянская, в его «рассказ не погрузишься, как в толстовский „поток жизни“, едва влез, зачитался – уже выталкивают на берег; он требует от читателя не самозабвения, а натренированного внимания, самоконтроля, навыков, квалификации» [8, с. 443].

Указанные методологические подходы представляются особо значимыми по отношению к феномену раннего чеховского творчества: в нем в системном «резонантом» подходе можно выявить определенные смысловые структуры, состоящие из нескольких произведений, которые были написаны приблизительно в одно время и были названы сходными, а иногда практически одинаковыми названиями. Такие названия выполняют функцию фокальной точки и фиксируют в произведениях «нечто особенно ярко отмеченное». При этом такой системный подход к фиксированному ряду произведений писателя позволяет выявить как целостную авторскую художественную позицию, так и описать ее смысловые типологические варианты по отношению к определенной теме. В данном случае – это тема страха.

К проблематике страха в творчестве Чехова наука о писателе специально обратилась только в конце прошлого – начале текущего века. Так, в работе П. Н. Долженкова (1995) эта проблема была обозначена в широком смысле «страха перед жизнью» в целом [9, с. 66]. В свою очередь, в чеховедении XXI в. появился ряд исследований, посвященных отдельным произведениям писателя, написанным на эту тему. Т. В. Зайцева проанализировала рассказы «Горе», «Счастье», «Скука жизни», «Тоска», «Страхи» и «Страх» [10]; специальному изучению рассказа «Страх» посвящена статья О. К. Евдокимовой [11]. В более расширенном смысле интерпретируется чеховская тема страха в статьях Л. Г. Петраковой [12] и А. Е. Агрatina [13] как «страшное», «непонятное», «угроза». Л. Г. Петракова вновь обращается к рассказам «Страхи», «Страх» (а также к «Дому с мезонином»). А. Е. Агрatina сосредоточивается на раннем периоде творчества Чехова 1880–1887 гг., привлекая при этом достаточно большой материал прозаического наследия писателя.

В данной статье произведения Чехова 1880-х – начала 1890-х гг., посвященные теме страха, впер-

вые рассматриваются с точки зрения системного подхода при помощи анализа произведений Чехова в русле позиционного стиля, что позволяет выявить и описать чеховское отношение к человеческим страхам как определенную типологию различных авторских интерпретаций.

Материал и методы

Основным материалом являются произведения Чехова раннего периода творчества 1880–1887 гг., посвященные теме страха: «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь», «Страшная ночь», «На большой дороге», «Ночь на кладбище (Святочный рассказ)», «Страхи»; также использован рассказ начала 1890-х гг. «Страх» и эпистолярный писателя. По отношению к указанным произведениям применены системный и нарратологический подходы, что позволило осуществить сопоставительный анализ произведений в рамках позиционного стиля. Под ним, в соответствии с определением В. К. Зубаревой, мы понимаем такой стиль художественной литературы, который «отмечен размытым сюжетом, наличием отступлений, описаний, деталей, эпизодов и героев, не связанных прямо с сюжетом и конфликтом». Они, как правило, направлены именно на формирование художественной позиции [14, с. 60]. Как утверждает исследователь, «понимание предрасположенности героя, скрупулезный анализ художественной позиции может в корне поменять интерпретацию произведения и раскрыть совершенно новые качества героев, которые не очевидны при традиционном подходе» [14, с. 66].

Результаты и обсуждение

Исходная авторская позиция Чехова по отношению к страху – юмористическая, и уже это представляется достаточно необычным в традиционном контексте мировой культуры, в которой страх воспринимается и описывается как сложное, обычно негативное переживание, связанное с чувством опасности. Тем не менее авторская установка «раннего» Чехова на юмористическое творчество распространилась и на те его рассказы, в которых тема страха вынесена в название произведения: это «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь» и «Страшная ночь».

«Тысяча одна страсть, или Страшная ночь» (Роман в одной части с эпилогом) (1880) относится к самым ранним произведениям Чехова; оно было опубликовано под псевдонимом «Антоша Ч.» в тридцатом номере известного юмористического журнала «Стрекоза».

Этот ранний роман задает устойчивое соотношение темы страха и мотива ночи в творчестве Чехова, что будет характерно в большей или меньшей

степени для всех анализируемых в данной статье чеховских произведений.

Начало рассказа: «На башне св. Ста сорока шести мучеников пробила полночь. Я задрожал» [15, т. 1, с. 35]. Мотив ночи, выраженный в образе «типографской туши», подчеркивает пародийную вымышленность сюжета и общую пародийную позицию автора: «Небо было темно, как типографская тушь. Было темно, как в шляпе, надетой на голову» [15, т. 1, с. 35].

Веселая ироническая пародия направлена на типичное романтическое произведение и рассказывает о «страшном» преступнике – «демоине» Антонио, который «страшной ночью» из-за «демонической страсти» [14, т. 1, с. 37] убивает своего соперника и воссоединяется с возлюбленной. Поэтому с ироническим подзаголовком «Роман в одной части с эпилогом» сочетается столь же иронический эпиграф «Посвящая Виктору Гюго» [15, т. 1, с. 35].

Объем произведения едва ли достигает четырех страниц, что само по себе выступает в качестве иронического приема, однако этот небольшой текст организован с помощью множества аллюзий, метафор и сравнений, имитирующих романтические штампы. Так, луна выступает как свидетель убийства; атмосфера ужаса и готовящегося убийства задана описаниями грома и неба, которое освещается молниями и метеорами [15, т. 1, с. 35]. Для нагнетания атмосферы ужаса и таинственности Чехов активно использовал многозначие, что сам позже расценивал как чисто внешний прием.

При этом не случайно в подзаголовке был приведен «эпилог». Финал рассказа, звучащий как «Ничего этого никогда не было... Спокойной ночи!» [15, т. 1, с. 38], является смешным и неожиданным сюжетным поворотом и еще раз предельно открыто показывает читателю, что перед ним веселая ироническая пародия, совершенная выдумка.

Нарратив организован от первого лица «демонического» Антонио, поэтому в данном случае следует говорить о внутренней фокализации. Однако весь текст героя в конечном счете определяется иронической позицией автора, которая очевидно доминирует как в стиле, так и в сюжете произведения. Уже этим первым рассказом Чехова о «страхе», пока написанном в юмористическом ключе, задается проблематика специфики авторской позиции, авторской «точки зрения» [16, с. 67–70].

Рассказ «Страшная ночь» был впервые опубликован в 1884 г. Он тоже является иронической пародией, в данном случае на популярный в то время жанр святочного «страшного» рассказа, который был распространен в юмористических журналах конца XIX в.

Основу рассказа составили личные впечатления Чехова от спиритического сеанса, о котором позже

в письме к А. С. Суворину от 11 июля 1894 г. он вспоминал: «Как-то, лет 10 назад, я занимался спиритизмом, и вызванный мною Тургенев ответил мне: „Жизнь твоя близится к закату“» [15, т. 5, с. 305]. Очевидно, что само это воспоминание о явлении Тургенева и о его пророчестве носит иронический характер, и оно самым непосредственным образом вошло в рассказ главного героя «Страшной ночи»: «„Жизнь твоя близится к закату... Кайся...“ Такова была фраза, сказанная мне на сеансе Спинозой, дух которого нам удалось вызвать» [15, т. 3, с. 139].

Рассказ начинается с описания спиритического сеанса, на котором присутствует главный герой произведения – Иван Петрович Панихин, и повествование вновь организовано как внутренняя фокализация, т. е. происходит от лица героя. В «Страшной ночи» тема страха вновь сопровождается мотивом ночи и непогоды: «...перед глазами неистово кружились дождевые капли, а над головою жалобно стонал ветер <...> душу мою наполнял неопределенный и неизъяснимый страх» [15, т. 3, с. 140].

Здесь для игрового нагнетания страха Чехов активно использовал «смертельную» семантику названий улиц и имен собственных: «Успение-на-Могильцах», «чиновник Трупов», «Упокоев», «купец Черепов», «Мертвый переулочек», «Погостов», «статский советник Кладбищеский» [15, т. 3, с. 139–143]. Таково окружение главного героя, фамилия которого – Панихин – также входит в этот семантический круг.

Суть сюжета рассказа состоит в том, что, получив предсказание о своей смерти «сегодня ночью», Панихин обнаруживает в своей комнате гроб; то же самое он видит у своих друзей Упокоева и Погостова. Герои находятся в состоянии «страшного, невыносимого ужаса» [15, т. 3, с. 142], и комический эффект вызван тем, что гробы действительно находятся в их комнатах, но при этом существует и рациональное, вполне «материальное» объяснение их появления. Персонажи узнают о его причине из письма своего друга: в нем сообщается о проблемах в семье и озвучивается просьба сохранить их гроб как ценное имущество до востребования [15, т. 3, с. 143].

В самый разгар приключений Панихин слышит, что «в Кремле ударили к рождественской заутрене» [15, т. 3, с. 144], что подчеркивает авторскую позицию, выражающую пародию на «страшный» святочный рассказ, который таким образом комически дискредитируется.

Уже в самых ранних чеховских рассказах о «страхе», организованных внутренней фокализацией героев, в конечном счете реализуется установка на позиционный стиль, на авторскую пози-

цию, которая дает свободу интерпретатору, не связанному авторской догмой. В этом смысле очень показательным, что в том же 1884 г., когда был написан рассказ «Страшная ночь», первоначальная юмористическая позиция Чехова по отношению к страху дополняется новой – драматической.

Как известно, к драматическому творчеству писатель обратился уже в 1870-х гг. В 1884 г. им был написан драматический этюд в одном действии «На большой дороге» – одна из первых малых пьес Чехова.

Название и драматическая форма произведения уже показывают, какой в данном случае будет авторская точка зрения. М. М. Бахтин в своей книге «Эпос и роман» писал: «Дорога – преимущественное место случайных встреч. На большой дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов». Ученый отмечает, что здесь неожиданным образом получают возможность встретиться те, кто в обычной жизни находится на разных уровнях социальной иерархии и вследствие этого разделен большой дистанцией. Дорога способна создать самые удивительные контрасты и переплести судьбы, на первый взгляд, не имеющие между собой ничего общего [17, с. 276].

В этой пьесе можно обратить внимание на новаторство Чехова в области конфликта. А. Е. Агратаин убедительно анализирует изображение угрозы в сознании чеховского героя на материале прозаических произведений 1880–1887 гг., указывая, что именно угроза (реальная), внося разлад в привычный ход вещей, зачастую становится залогом развития сюжета [13, с. 70]. Как нам представляется, утверждение Агратаина может быть применимо и к некоторым драматическим произведениям Чехова. В частности, именно угроза, порождающая всеобщий страх, организует конфликт и сюжет драмы «На большой дороге», написанной в то же время.

Кульминацией и финалом драмы становится внезапное нападение опасного разбойника Мерика на бывшую жену дворянина Борцова Марью Егоровну.

Как и в рассказах, события драмы разворачиваются ночью на фоне непогоды, во время холодной осенней грозы, в придорожном кабаке, где остановились люди самого разного толка. Осенняя непогода задает произведению тревожное настроение: «Глубокая ночь. При поднятии занавеса слышится гром, и в дверь видна молния» [15, т. 11, с. 183]. Неожиданно появившийся Мерик предстает здесь истинным человеком ночи, разбойником, который чувствует себя равным природным стихиям: «Эх, силищу бы свою показать! <...> С ветром бы с эфтим помериться! Не сорвать ему двери, а я, ежели что, кабак с корнем вырву!» [15, т. 11, с. 191].

От него исходит угроза, которая явственно ощущается остальными мирными постояльцами, и своим поведением Мерик задевает некоторых из окружающих, таких как богомолка Ефимовна, вызывая страх и напряжение.

Драматическая форма произведения определяет фокализацию: она внешняя и представлена диалогами собравшихся в кабаке людей. Но внешняя фокализация связана также с авторской позицией. При этом по отношению к изображению страха она здесь совершенно иная, чем в предыдущих произведениях, и выражается в собственно драматической форме произведения, которая используется для того, чтобы изобразить драматический конфликт, приведший к страшной кульминации – попытке убийства Мериком Марьи Егоровны. Возникновение драматического конфликта в данном случае объясняется объективными жизненными обстоятельствами, которые отдельный человек не способен достойно преодолеть самостоятельно. Это неумение заново выстроить свою жизнь должным образом связано с одинаковым драматическим жизненным опытом Мерика и Борцова (который каждый все же переживает по-своему): они оба были преданы женщинами, которых глубоко и беззаветно любили [15, т. 11, с. 196]. Борцов не смог перенести измену жены и погрузился в пьянство. История самого Мерика перекликается с историей Борцова: человек был предан женщиной и потому утратил веру в жизнь, людей, справедливость. Отсюда – желание угрожать другим и спонтанная попытка убийства Марьи Егоровны. Мерик, вначале нагонявший ужас на некоторых героев, когда раскрывается его личная трагедия, вызывает и контрастное чувство жалости и сочувствия к себе, подобно Борцову. Автор обнажает причину поведения Мерика: «Тоска! Злая моя тоска! Пожалейте меня, люди православные!» [15, т. 11, с. 204] Именно такое изменение точки зрения на страх в рамках одного произведения ярко демонстрирует чеховский позиционный стиль. Переход от комизма к драматизму позволяет Чехову показать, что за желанием навести страх может скрываться съедающее человека горе. В то же время явная угроза помогает увидеть подлинную сущность жены Борцова, Марьи Егоровны: она не напугана, но поражена видом своего мужа и сложившейся ситуацией, однако при этом очевидно ее полное безразличие к человеку, которого она предала. Что касается персонажей, испытывающих страх (Ефимовна, возможно, Назаровна), то страх демонстрирует их недалекость и предубеждение по поводу Мерика, который, по сути, не является плохим человеком. Борцов же, подобно Марье Егоровне, не боится, но в его случае это демонстрирует степень несчастья, из-за которого ему уже ни до чего нет дела. Таким

образом, мотив страха помогает определить ключевые особенности главных героев.

Особое значение в оформлении чеховской авторской позиции относительно страха имеет 1886 г. С одной стороны, писатель вновь занимает юмористическую точку зрения и возвращается к пародии на «страшный» святочный рассказ. В произведении «Ночь на кладбище» (1886), в сущности, повторяются те художественные приемы, при помощи которых была организована «Страшная ночь».

Повествование «Ночи на кладбище» также организовано при помощи внутренней фокализации, рассказа от имени главного героя Ивана Иваныча. События происходят в новогоднюю ночь, и мы вновь видим природные катаклизмы: «Погода на улице стояла подлейшая...» [15, т. 4, с. 293]. Находясь в нетрезвом состоянии, Иван Иванович сбился с дороги и, как ему показалось, оказался на кладбище, где ему стали являться мертвецы. Однако, как и свойственно чеховским рассказам подобного типа, здесь присутствует реалистический «отрезвляющий» финал: персонажа нашел полицейский у лавки, рядом с которой были выставлены на продажу кресты и памятники [15, т. 4, с. 290].

С другой стороны, в этом же 1886 г. в рассказе «Страхи» Чехов по отношению к теме страха впервые занимает новую – экзистенциальную – позицию.

Произведение организовано как повествование анонимного рассказчика о своих страхах. Оно выстроено на описании внутренних переживаний героя, таким образом Чехов в связи с темой страха вновь использует внутреннюю фокализацию. В рассказе описано три случая, когда рассказчик испытал подлинный страх. Два события из трех вновь происходят ночью и одно – в «вечерние сумерки» [15, т. 5, с. 190].

Первое из них персонаж характеризует как «ничтожное, но странное явление» [15, т. 5, с. 186]. Приехав ночью в деревню, он вдруг увидел на колокольне, в небольшом окошке между колоколами и куполом, мерцающий огонек, природа происхождения которого не была ему ясна [15, т. 5, с. 187]. Невозможность рационального объяснения заставила героя ощутить «неприятное чувство» страха [15, т. 5, с. 187], в результате чего он пришел к выводу: «Это явление страшно только потому, что непонятно... Все непонятное таинственно и потому страшно» [15, т. 5, с. 187]. Таким образом, в творчестве Чехова намечается принципиально новая интерпретация страха: источником его может быть что-то необъяснимое, непонятное, в данном случае отчасти даже мистическое, поскольку событие происходит на колокольне. Так, за необъяснимым страхом возникает общая и почти немотивированная экзистенциальная тревога героя.

Следующий эпизод, по воспоминаниям Чехова, основан на его личных переживаниях, которые он

испытал в имении Г. П. Кравцова в Рогозяной Балке, когда рядом с ним в конце 1870-х гг. шло строительство Донецкой железной дороги.

Герой шел ночью по железнодорожной насыпи, и мимо него неожиданно с огромной скоростью пронесся товарный вагон. Это было поистине загадочное зрелище, поскольку он двигался по рельсам один, без локомотива. В итоге весь окружающий мир показался герою «зловещим» и «пугающим» [15, т. 5, с. 189]. Однако загадка была разгадана при встрече с железнодорожным сторожем, который объяснил, что вагон оторвался от товарного вагона и самостоятельно начал двигаться под уклоном железнодорожных путей. Так во втором случае на смену экзистенциальному переживанию героя приходит вполне понятное объяснение, чего не было в первом случае, однако это лишь подчеркивает экзистенциальную тревогу и страх персонажа.

В третьем случае чеховский подход к описанию страха повторяется; испуг героя и объяснение загадочного явления: когда персонаж вечером шел по лесу домой, за ним увязалась неизвестная ему собака, и ему «стало вдруг жутко». Автор показывает, что фактически страх героя ничем не мотивирован, пес был настроен предельно дружелюбно, вел себя «весело» [15, т. 5, с. 191]. Как и в предыдущем случае, происшествие получает рациональное объяснение: приехавший к нему приятель потерялся в лесу, и его собака отстала от него. Но, как и в предыдущем случае, реакция героя на столь обычное происшествие только подчеркивает сущностную экзистенциальную тревогу персонажа.

Общей доминантой рассказа «Страхи» представляется то экзистенциальное состояние страха, которое может переживать герой, в том числе и в связи с вполне «ничтожными обстоятельствами». Так у Чехова начинает формироваться представление об экзистенциальном страхе человека перед жизнью в целом, которое найдет воплощение в рассказе «Страх» (1892). Не случайно формулировка «страшно только потому, что непонятно», «страшно то, что непонятно» [15, т. 8, с. 130] объединяет рассказы «Страхи» и «Страх».

Основой сюжета последнего является классический любовный треугольник: Силин, его жена Мария Сергеевна и рассказчик. Подзаголовок «Рассказ моего приятеля» вновь свидетельствует о принципе внутренней фокализации. События рассказа снова происходят вечером и ночью, но здесь организация повествования усложняется, потому что в рассказ героя входит развернутое высказывание Силина, которое посвящено теме тотального страха перед жизнью и которое, собственно, и задает основную проблематику произведения. Так, достаточно банальный сюжет любовного треугольника наполняется, казалось бы, неожиданными экзистенциальными переживаниями страшной жизни.

При этом авторская позиция по отношению к экзистенциальному страху здесь отчасти меняется, что вновь позволяет указать на его позиционный стиль: если в рассказе «Страхи» он порождается непонятными, загадочными обстоятельствами, то здесь утверждается, что «все страшно», о чем размышляет Силин в своем монологе: «Кто боится привидений, тот должен бояться и меня, и этих огней, и неба, так как все это, если вдуматься хорошенько, непостижимо и фантастично не менее, чем выходцы с того света» [15, т. 8, с. 130–131]. Далее представления о страшном конкретизируются проблематикой «обыденщины»: «Мне страшна главным образом обыденщина, от которой никто из нас не может спрятаться. Я неспособен различать, что в моих поступках правда и что ложь, и они тревожат меня» [15, т. 8, с. 131].

Именно эта мысль героя реализована автором в сюжете: «обыденщина» для Силина оказалась действительно опасной, потому что ночью его жена Марья Сергеевна изменит ему с человеком, которого он считал своим «искренним другом» и которому безоговорочно «верил» [15, т. 8, с. 131], – с рассказчиком, утром «в недоумении и с отчаянием» спрашивающим себя о причинах своего поступка. Таким образом, страх абсолютной непостижимости жизни наступил и его.

По мысли Силина, человека и всех других существ объединяет именно страх: он делает это заключение, рассуждая о недавно появившейся на свет козявке, которая, как ему кажется, испытывает постоянный ужас и в которой он видит себя [15, т. 8, с. 131].

Экзистенциальный страх становится тотальным, потому что ассоциируется с самой жизнью в самых разных ее проявлениях: жизнь и загробный мир

(«наша жизнь и загробный мир одинаково непонятны и страшны»), семейная жизнь («моя семейная жизнь... – мое главное несчастье и мой главный страх» [15, т. 8, с. 132]), «обыденщина», окружающая ложь («я до самой смерти не выберусь из этой лжи» [15, т. 8, с. 131]), даже сама природа («Я смотрел на грачей, и мне было странно и страшно, что они летают» [15, т. 8, с. 138]). Таким образом, становится обоснованным новый для произведений с анализируемой тематикой тип персонажа, для которого экзистенциальный страх – норма жизни.

Заключение

Рассмотрение произведений Чехова 1880-х – начала 1890-х гг. с точки зрения позиционного стиля позволило выявить в них типологию авторской позиции по отношению к человеческому страху. Произведения, объединенные этой проблематикой, обладают сходными художественными особенностями: это мотив ночи, мотив непогоды, внутренняя фокализация, обусловленная тем, что повествование организовано от первого лица. Авторская позиция по отношению к теме страха определяется юмористическим, драматическим и экзистенциальным подходами. Для ранних рассказов «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь» и «Страшная ночь» характерен юмористический подход к «страшному». Однако уже в драме 1884 г. «На большой дороге» страх получает драматическое воплощение. В 1886 г. в рассказе «Ночь на кладбище» Чехов возвращается к юмористическому изображению страха, однако в том же году в рассказе «Страхи» эта тема приобретает экзистенциальный смысл, который в рассказе 1892 г. «Страх» вырастает до представления о тотальности экзистенциального страха в человеческой жизни.

Список источников

1. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
2. Гиршман М. М. Литературное произведение: теория и практика анализа: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 160 с.
3. Теоретическая поэтика: понятия и определения: хрестоматия для студентов / авт.-сост. Н. Д. Тамарченко М.: РГГУ, 2001. 467 с.
4. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие. М.: Академия, 2009. 336 с.
5. Топоров В. Н. О «резонантном» пространстве литературы (несколько замечаний) // *Literary Tradition and Practice in Russian Culture* / ed. by Valentina Polukhina, Joe Andrew, Robert Reid. Rodopi, 1993. P. 16–61.
6. Зубарева В. Чехов в XXI веке: позиционный стиль и комедия нового типа. Idyllwild: Charles Schlacks, Jr. Publisher, 2015. 277 с.
7. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 282 с.
8. Роднянская И. Б. Конец занимательности? // *Движение литературы: в 2 т. Т. 1.* М.: Знак. Языки славянских культур, 2006. 712 с.
9. Долженков П. Н. Тема страха перед жизнью в прозе Чехова // *Чеховиана: Мелиховские труды и дни.* М., 1995. С. 66–70.
10. Зайцева Т. В. Концепт «страх» в рассказах А. П. Чехова (к антологии «Художественные константы русской литературы») // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2009. № 24. С. 856–861.
11. Евдокимова О. К. Доминантный концепт в рассказе А. П. Чехова «Страх» // *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева.* 2020. № 4 (109). С. 12–19.
12. Петракова Л. Г. «Страшное» и «непонятное» в контексте рассказов А. П. Чехова «Страхи», «Страх» и «Дом с мезонином» // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика.* 2010. № 2. С. 79–81.
13. Агратин А. Е. Угроза в сознании чеховского героя (на материале произведений 1880–1887 гг.) // *Новый филологический вестник.* 2018. № 1 (44). С. 69–78.

14. Зубарева В. К. Чехов – основатель позиционного стиля в литературе // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. № 1. С. 54–69.
15. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.
16. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 62–67.
17. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.

References

1. Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of culture of the twentieth century]. Moscow, 1997 (in Russian).
2. Girshman M. M. *Literaturnoye proizvedeniye: teoriya i praktika analiza. Uchebnoye posobiye* [Literary work: theory and practice of analysis. Study guide]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 160 p. (in Russian).
3. Tamarchenko N. D. *Teoreticheskaya poetika: Ponyatiya i opredeleniya: khrestomatiya dlya studentov* [Theoretical Poetics: Concepts and Definitions: Reading for Students]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 467 p. (in Russian).
4. Тура В. И. *Analiz khudozhestvennogo teksta: uchebnoye posobiye* [Literary text analysis: tutorial]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 336 p. (in Russian)
5. Toporov V. N. О “резонантном” пространстве литературы (несколько замечаний) [On the “resonant” space of literature (a few remarks)]. *Literary Tradition and Practice in Russian Culture*. Ed. by Valentina Polukhina, Joe Andrew, and Robert Reid. Rodopi, 1993. P. 16–61 (in Russian).
6. Zubareva V. *Chekhov v XXI veke: pozitsionnyy stil' i komediya novogo tipa* [Chekhov in XXI century: the Positional Style and the Comedy of a New Type]. Idyllwild: Charles Schlacks, Jr. Publ., 2015 (in Russian).
7. Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [Poetics of Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 282 p. (in Russian).
8. Rodnyanskaya I. B. Konets zanimatel'nosti? [The end of entertainment?]. *Dvizheniye literatury: v 2kh tomakh. Tom 1* [Movement of literature: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 712 p. (in Russian).
9. Dolzhenkov P. N. Tema strakha pered zhizn'yu v proze Chekhova [The theme of fear of life in Chekhov's proze]. *Chekhoviana: Melikhovskiy trudy i dni* [Chekhoviana: Melikhov's works and days]. Moscow, 1995. P. 66–70 (in Russian).
10. Zaytseva T.V. Kontsept “strakh” v rasskazakh A. P. Chekhova (k antologii “Khudozhestvennyye konstanty russkoy literatury”) [Concept of “fear” in Chekhov's proze]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2009, no. 24, pp. 856–861 (in Russian).
11. Evdokimova O. K. Dominantnyy kontsept v rasskaze A. P. Chekhova “Strakh” [The dominant concept in the story “Fear” by A. P. Chekhov]. *Vestnik CHGPU imeni I. Ya. Yakovleva – I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2020, no. 4 (109), pp. 12–19 (in Russian).
12. Petrakova L. G. “Strashnoye” i “neponyatnoye” v kontekste rasskazov A. P. Chekhova “Strakhi”, “Strakh” i “Dom s mezoninom” [“Terrible” and “incomprehensible” in the professional stories of A.P. Chekhov “Panic Fears”, “Fear” and “House with a Mezzanine”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, 2010, no. 2, pp. 79–81 (in Russian).
13. Agratin A. E. Ugroza v soznanii chekhovskogo geroya (na materiale proizvedeniy 1880–1887 gg.) [Threat in the Mind of Chekhov's Hero (Based on the Works of 1880–1887)]. *Novyy filologicheskyy vestnik – The New Philological Bulletin*, 2018, no. 1 (44), pp. 69–78 (in Russian).
14. Zubareva V. K. Chekhov – osnovatel' pozitsionnogo stilya v literature [Chekhov is the founder of the positional style in literature]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy – Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies*, 2018, no. 1, pp. 54–69 (in Russian).
15. Chekhov A. P. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Sochineniya: v 18 tomakh. Pis'ma: v 12 tomakh* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes. Letters: in 12 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983 (in Russian).
16. Shmid W. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. Pp. 62–67 (in Russian).
17. Bahtin M. M. *Epos i roman* [Epic and novel]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 304 p. (in Russian).

Информация об авторе

Аль-Аббуди Мунтассир Абдулкадим Найма, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: mntsrkadum@gmail.com

Information about the authors

Al-Abboodi Muntassir Abdulkhadim Nima, postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: mntsrkadum@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 20.12.2023; accepted for publication 24.05.2024

УДК 82:801.6
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-128-135>

Специфика художественного осмысления темы войны в рассказах Ю. Яковлева «Где стояла батарея» и «Иван-Виллис»

Вера Олеговна Липовка

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, velipovka@yandex.ru

Аннотация

Материалом исследования стали два рассказа классика советской литературы для детей Ю. Я. Яковлева, объединенные темой Великой Отечественной войны: «Где стояла батарея» (1967) и «Иван-Виллис» (1982). Анализ рассказов позволил выявить художественные особенности осмысления этой темы. Писатель сочетает в пространственно-временной поэтике два плана (послевоенный и восстанавливаемый в воспоминаниях военный мир), в системе персонажей значимо присутствие двух поколений – фронтовиков и школьников, родившихся уже в мирное время. Ю. Яковлев использует различные приемы, показывающие процесс запуска работы памяти о войне. В рассказе «Где стояла батарея» есть образы-символы, образы-сигналы, соединяющие эпохи 1940-х г. и 1960–1980-х гг. (тополя, поломанные фашистским снарядом, школьный звонок, напоминающий звук сирены); в «Иване-Виллисе» – автомобиль, который воспринимался владельцем, а затем и подростком как товарищ, сослуживец, а также песни и даже погода, пробуждающие воспоминания военных событий. В поэтике рассказов значимы приемы психологизма (использование различных синтаксических конструкций для передачи внутреннего состояния персонажа, портретные характеристики и поведение, проявляющие эмоции, чувства, мысли и их динамику). В рассказах слабо выражен сюжетный уровень, акцент сделан на внутренней жизни героев, на изменении их сознания, на формировании ценностей. В центре идейного содержания рассказов – приобщение послевоенных поколений школьников к памяти о прошедших событиях, формирование постпамяти (в терминологии М. Хирш) и совместного опыта разных поколений через диалог, дружбу, общее дело. Юрий Яковлев отстаивает значимость мысли о неразрывности времен, о том, что современная мирная жизнь достигнута ценою усилий фронтового поколения. Поэтому новым поколениям важно осознать ответственность перед современниками и потомками за сохранение исторической памяти. В текстах Ю. Яковлева о Великой Отечественной войне осмыслиется путь становления личности ребенка и формирования его миропонимания через приобщение к памяти о трагическом прошлом Родины и народа.

Ключевые слова: литература для детей, Ю. Яковлев, Великая Отечественная война, тема памяти, постпамять, воспоминание

Для цитирования: Липовка В. О. Специфика художественного осмысления темы войны в рассказах Ю. Яковлева «Где стояла батарея» и «Иван-Виллис» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 128–135. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-128-135>

The specifics of the artistic interpretation of the theme of war in the stories of Yu. Yakovlev's "Where the battery stood" and "Ivan-Willis"

Vera O. Lipovka

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, velipovka@yandex.ru

Abstract

The research material is two short stories by the classic of Soviet literature for children Y. Ya. Yakovlev, united by the theme of the Great Patriotic War: "Where the Battery Stood" (1967) and "Ivan-Willis" (1982). The analysis revealed the artistic features of understanding this topic. The writer combines two plans in space-time poetics (the post-war and the military world being restored in memories), the presence of two generations in the character system is significant – veterans and schoolchildren who were born already in peacetime. Yu. Yakovlev uses various techniques to show the process of starting the work of the memory of the war. In the story "Where the battery stood" these are symbolic images connecting war and peace (poplars destroyed by the Nazis and a school bell resembling the sound of a siren); in "Ivan-Willis" – a car that was perceived by the owner, and then by a teenager as a comrade, colleague, songs and even the weather, evoking memories of military events. In the poetics of short stories, the techniques of psychologism are significant (the use of various syntactic constructions to convey the inner state of a character, portrait characteristics and behavior showing emotions, feelings, thoughts and their dynamics). The stories have a weakly expressed plot level, the emphasis is on the

inner life of the characters, on changing their consciousness, on the formation of values. At the center of the ideological content of the stories is the familiarization of post-war generations of schoolchildren with the memory of past events, the formation of post-memory (in M. Hirsch's terminology) and the joint experience of different generations through dialogue, friendship, and common cause. Yuri Yakovlev defends the importance of the idea of the continuity of time, that modern peaceful life has been achieved at the cost of the efforts of the front-line generation. Therefore, it is important for new generations to realize their responsibility to contemporaries and descendants for preserving historical memory. In the texts of Yu. Yakovlev on the Great Patriotic War comprehends the way of formation of the child's personality and the formation of his worldview through familiarization with the memory of the tragic past of the Motherland and the people.

Keywords: literature for children, Yu. Yakovlev, The Great Patriotic War, the theme of memory, post-memory, remembrance

For citation: Lipovka V. O. Spetsifika khudozhestvennogo osmysleniya temy voyny v rasskazakh Yu. Yakovleva "Gde stoyala batareya" i "Ivan-Villis" [The specifics of the artistic interpretation of the theme of war in the stories of Yu. Yakovlev's "Where the battery stood" and "Ivan-Willis"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 128–135 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-128-135>

Введение

Юрий Яковлевич Яковлев (Ховкин, 1922–1995) – писатель, прошедший Великую Отечественную войну, что объясняет его обращение к этой теме. Его рассказы («Девочки с Васильевского острова», «Где стояла батарея», «Девушка из Бреста», «Балерина политотдела», «Память», «Иван-Виллис», «Зимородок», «Как Сережа на войну ходил») адресованы поколению детей поствоенной эпохи, уже на десятилетия отдаленных от трагических событий.

Творчество Ю. Я. Яковлева изучено мало, несмотря на то что его произведения издавались большими тиражами и часто экранизировались (Юрий Яковлевич сам написал сценарии к фильмам и мультфильмам «Первая бастилия» (1965), «Белая шкурка» (1966), «Красавица» (1969), «Балерина политотдела» (1980) и др.). Повышение интереса к его прозе наблюдается в последние годы. Р. Ю. Федоров рассмотрел отдельные обстоятельства биографии Ю. Яковлева, а также интеллектуальные и духовные истоки формирования мировоззрения, ценностных ориентиров и творческих принципов писателя [1, с. 67].

Исследованию проблематики и поэтики рассказов Ю. Яковлева посвящены работы Л. В. Тихомировой, Н. И. Горобец, И. Г. Минераловой, П. Ш. Цуруевой, Е. А. Полевой, У. А. Семашко [2–7]. Филологи отметили специфику организации художественного времени (соположение 1940-х и 1960–1980-х гг.), приемы поэтики психологизма в изображении образов детей и взрослых, значимость мотивов утверждения правды и сохранения исторической памяти. Интересные наблюдения о воплощении мотива двойничества героев (человека и автомобиля) в рассказе «Иван-Виллис» содержатся в диссертации О. Н. Челюпановой [8]. Несмотря на ограниченное число исследований рассказов писателя о войне, отмеченные учеными аспекты – значимый контекст данной работы.

Материал и методы

Для анализа взяты рассказы «Где стояла батарея» (1967) и «Иван-Виллис» (1982). В поэтике этих произведений соположены два пространственно-временных пласта: современность и Великая Отечественная война. В центре повествования участники Великой Отечественной войны, являющиеся носителями индивидуальной памяти и обеспечивающие приобщение подростков 1960–1980-х гг. к воспоминаниям о войне, формированию «постпамяти» (в терминологии М. Хирш) [9, с. 8].

При анализе рассказов применен структурно-семиотический метод исследования с опорой на труды М. Ю. Лотмана [10]. При интерпретации образов персонажей учитывались работы по поэтике психологизма А. П. Скафтымова, Л. Гинзбург, А. Б. Есина [11–13].

Результаты и обсуждение

В рассказе «Где стояла батарея» (1967) повествование ведется от первого лица; рассказчик не называет своего имени, но восстанавливает детали биографии, и через это оформляется его образ. В прошлом он юный участник Великой Отечественной войны («Мы были очень молодыми» [14, с. 92]), его батарея стояла на краю деревни, в непосредственной близости к Москве, и, вероятно, участвовала в боях за столицу (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.): «В ноябре сорок первого года фронт вплотную подошел к нашей батарее. Настал момент, когда между нами и фашистами не осталось ни одной роты, ни одного нашего бойца» [14, с. 92]. Воспоминания помогают повествователю восстановить и передать читателю события более чем 25-летней давности: «Я сразу представил себе огневую позицию. Четыре круглых орудийных окопа, расположенных трапецией. Невысокие насыпи брустверов. И длинные зеленые стволы зенитных орудий...» [14, с. 93–95].

Обрами-символами прошедшей войны становятся тополя. Именно они запускают процесс опознавания местности и воспоминания: «Сперва я не понял, что заставило меня остановиться перед зданием школы и внимательно посмотреть по сторонам», «Память напряженно работала, будто решала сложную задачу со многими неизвестными. И тут мой взгляд задержался на группе старых тополей. <...> Эти тополя заставили меня вздрогнуть. Возле них рухнул сбитый самолет. Один тополь обгорел. Мы его спилили. На дрова. Я вспомнил. Здесь была шестая батарея» [14, с. 92]. Оживление памяти о войне в наррации отмечено изменениями в синтаксисе. Предложения, отражающие движение мысли повествователя, – сложноподчиненные, пространственные. По контрасту с ними для передачи воспоминания о войне автор использует короткие, парцеллированные конструкции, выражающие волнение фронтовика, как бы ритм его сердца, пульсацию работы памяти.

До начала воспоминания повествователь обращается с вопросом «Что здесь было раньше?» к бегущему мимо школьнику, но тот не осведомлен и не расположен к беседе:

«– Пустырь, – нехотя ответил он, собираясь бежать.

– А до пустыря? <...>

Он на мгновение задумался, метнул в меня недовольный взгляд и выпалил:

– Ничего не было!» [14, с. 92].

Дети, которые в общих чертах имеют представления о событиях Великой Отечественной войны, ничего не знают о связи с ней места, где стоит их школа. В сознании повествователя же накладываются два временных пласта, причем спусковым механизмом, активизирующим воспоминания, становятся образы-сигналы не только визуальные (тополя), но и звуковые. Звонок – примета школьного мира, знак начала и окончания уроков, но он же ассоциируется у рассказчика с сигналом тревоги, так же, как и визуальный облик тополей, запускает процесс погружения в прошлое через память: и вот он уже красноармеец, а окоп с орудием располагается под крыльцом школы. Причем воспоминание не отменяет современность, а накладывается на нее, что позволяет автору одновременно обозначить и контраст, и связь исторических эпох. А современные школьники, не догадываясь, что история и современность неразрывны, взаимопроницаемы и сосуществуют здесь и сейчас, «бежали на улицу. Они не знали, что бегут по брустверу орудийного окопа» [14, с. 96].

Ю. Яковлев подводит персонажа-повествователя, прошедшего войну, к уверенности, что необходимо рассказать о ней не отвлеченно, а так, «чтобы отныне все знали: здесь стояла шестая батарея»

[14, с. 96], что на месте школы шли бои за Родину. Сюжетно-фабульная сторона произведения ослаблена, в рассказе практически ничего не происходит (повествователь стоит возле школы, вспоминает, обращается к школьникам – и все), однако писатель развивает внутренний сюжет, показывает этапы работы чувств и сознания повествователя, вызревания сознания экзистенциальной важности донесения до окружающих правды. Рассказчик ощущает вину, так как не сразу узнал место, а после сомневался, нужно ли тратить время и силы для убеждения современных школьников в том, что происходило здесь в 1940-е: «Мне захотелось сказать мальчику: „Я ищу не сто вторую школу, а сто второй зенитно-артиллерийский полк“. Но я промолчал. Я промолчал, и мне стало стыдно своего молчания. Я сильнее сжал руку мальчика и сказал:

– Здесь стояла моя батарея. Мы били по фашистским самолетам, которые летели к Москве» [14, с. 96].

В рассказе Ю. Яковлев проводит центральную во всем его творчестве мысль о значимости активной, действенной памяти, которая направлена не только вовнутрь, но и вовне, такая память связывает историю с настоящим, доказывает, что мирное сегодня построено не на пустом месте (сравним: дети полагали, что школа возникла на «пустыре»). Основа современного мира – подвиги солдат, именно их храбрость обеспечила то, что вместо окопов возникли котлованы строящихся домов и школ. Эту мысль Ю. Яковлев формулирует не завуалированно, а прямо, причем в сильной позиции текста – в самых финальных фразах: «...здесь в годы войны стояла шестая батарея. И потому теперь стоит школа» [14, с. 97] (здесь и далее курсив мой. – В. Л.). Вероятно, Ю. Яковлев верил, что, усваивая детали истории, подрастающие поколения «осуществляют наряду с персональной и социальной свою культурную самоидентификацию» [15, с. 21], формируют культурно-историческую память.

Сюжет рассказа «Иван-Виллис» (1982) также разворачивается в мирное время, но герои – Аполлон Голуб и автомобиль «Иван-Виллис» – прошли войну. Аполлон приехал на краткое время в городок, поддержать своего фронтового командира, а встретил еще одного товарища военной поры – автомобиль.

Повествование в рассказе ведется от лица школьника Валеры Елкина, для которого вначале военный контекст неактуален, он воспринимает окружающее с точки зрения жителя мирного времени. Портрет нового жильца Голуба (как выяснится позднее – фронтовика) передан через его восприятие и подчеркнута негероичен: «...полный человек с красным одутловатым лицом и с остатком бурых вьющихся волос, которые венком лежа-

ли на большой тяжелой голове» [16, с. 35]. Через такой образ, во-первых, проявляется излюбленная тема Ю. Яковлева о несовпадении внутреннего и внешнего: часто у писателя с виду неприятные персонажи оказываются носителями прекрасных, заслуживающих уважения качеств личности [5]. «Тюфяки», «толстяки», «некрасивые девочки» способны на подвиг, дружбу, бескорыстную поддержку. Во-вторых, такой облик подчеркивает миролюбивость бывшего солдата. Хотя он и воевал, его внешность, поведение, а также имя и фамилия выражают семантику света, мира, причастности к прекрасному: Аполлон – имя древнегреческого бога, покровителя искусств, врачевателя, олицетворения мужской красоты, а фамилия Голуб созвучна с «голубем» – символом мира и мудрости. Деталь в описании внешности – волосы на лысеющей голове – ассоциируется с лавровым венком. Герой чудаковат, но, раскрываясь постепенно, предстает как верный товарищ, ценящий фронттовую дружбу. «Внутренний» сюжет рассказа – постижение ребенком (Валерой) подлинной сути людей и вещей.

Итак, мальчик узнает, что дядя Аполлон – фронтовик, бывший старшина 3-го Украинского фронта, не потерявший боевого духа в мирное время. Его воспоминания о войне – теплые, овеянные военной романтикой: «Много было и хорошего. Товарищи были хорошие» [16, с. 36], «Он с такой любовью говорил о далекой венгерской земле, словно она была для него родной» [16, с. 49]. Кроме воспоминаний, с прошлым Голуба связывает боевой товарищ – автомобиль «Иван-Виллис». Именно с этого автомобиля и начинается знакомство Валеры с дядей Аполлоном. «Портрет» машины дается в рассказе подробно: «...я увидел странную машину с выпуклыми старомодными фарами и брезентовым верхом. Крылья у нее были ребристыми, а сзади, как живая круглая печать, виднелся запасный баллон» [16, с. 34]. Автомобиль является своеобразным символом военного времени (это модель Горьковского автозавода ГАЗ-67, в испытании которой принимали участие американцы). Но для дяди Аполлона это не отвлеченный объект, напоминающий прошлое, не просто знакомая марка, потому что именно на этой конкретной машине он перемещался во время войны со своим Командиром.

Голуб уточняет: «Имя русское, фамилия – американская» [16, с. 37]. Уже в этом пояснении содержится указание на то, что для него Иван-Виллис – не предмет, а равнозначный партнер. Бывший фронтовик объясняет подростку, что этот автомобиль вместе с пассажирами получал ранения, спасал их из передраг, вместе с ними воевал: «А сам глажу его, рассматриваю знакомые вмятины, царапины, следы от пуль и осколков. Он! Не

может быть сомнений – он!» [16, с. 43]. Отношение к автомобилю как к человеку вначале непонятно Валере, но дядя Аполлон объясняет: «Я друга фронтового встретил. Мы вместе в нем пол-Европы исколесили, что немаловажно» [16, с. 43].

О. Н. Челюканова подмечает: «Метафорой одухотворенного механизма становится эпизод с заболевшим ребенком, которого необходимо было срочно доставить в больницу. Полуразвалившийся «Иван-Виллис», никогда как следует не заводившийся, на этот раз заводится легко и быстро, и ребенок спасен – машина совершает чудо» [17, с. 230].

Ю. Яковлев приобщает Валеру к военному прошлому через историю вещи, олицетворенной, оживленной отношением к ней Аполлона. Любовь фронтовика к автомобилю, бережное отношение к постоянным воспоминаниям о войне, верность боевому Командиру – те качества, которые привлекли, вызвали интерес и уважение подростка. Если образ Аполлона не развивается, то образ подростка динамичен, что прослеживается в отношении к автомобилю. Благодаря общению с фронтовиком от поверхностного любопытства мальчик переходит к подлинному интересу и, почувствовав тесную связь автомобиля с героическим прошлым, решает сначала спасти боевую машину от позора – продажи «малиновым ушам», а потом помочь передать ее в школьный музей Великой Отечественной войны. Действительно, «история „Ивана-Виллиса“ – метафора победы духа над материей, физиологией» (О. Н. Челюканова) [17, с. 230].

Героем, дополняющим воспоминания о войне, стал Командир, ради встречи с которым Голуб приехал в город. Только 9 Мая, в День Победы, «боевые друзья наконец встретились!» [16, с. 55]. Но Командир, как и Голуб, и «Иван-Виллис», уже не молод и болен [16, с. 57].

Именно от майора Валера узнает о событиях на войне, когда жизни двух товарищей и машины стали единым целым: «...фашистские танки уже заметили нас и тоже прибавили ходу. <...> Ушли мы благополучно. Не подвел нас „Иван-Виллис“. Вот стою перед тобой. Жив!» [16, с. 68]. Таким образом, из обрывочных фрагментов воспоминаний двух участников Великой Отечественной войны перед Валерой складывается детализированная и реальная картина страшных событий того времени и происходит процесс формирования постпамяти.

Судьбы трех героев соединяются на войне настолько тесно, что их товарищество сохраняется и в мирное время, а общение школьника с фронтовиками обеспечивает приобщение к этой судьбе (один из вариантов заглавия рассказа «Остаешься за меня, или Иван-Виллис»: первая часть – слова Голуба, обращенные к Валере). Для писателя важны сформировавшееся в подростковом возрасте чувство сопри-

частности и возникшая память о том, чему он не был свидетелем. Повествователь передает свои ощущения: «Мне казалось, что вместе с фронтовым автомобилем ему достанутся и память о войне, и дружба с Командиром – все, что есть у дяди Аполлона» [16, с. 69]. Сопричастность фронтовикам школьник подтверждает действиями: он делает все возможное, чтобы машина была сохранена как память о войне. Для этого он впервые готов публично высказывать свое мнение и отстаивать его: «...я был полон решимости постоять за „Ивана-Виллиса“. Словно любовь к нему старых солдат влилась в меня и ожила с новой силой. Я решил действовать. Ведь я человек, а не белиберда!» [16, с. 80].

То, что воплотил в своем рассказе Ю. Яковлев, описала современная исследовательница феномена постпамяти Алейда Ассман: «Мифомоторный потенциал национальной исторической памяти заключается именно в этой временной ориентации: она создает смыслы, представляя настоящее как промежуточное звено мотивирующего нарратива, охватывающего как прошлое, так и будущее» [15, с. 25]. Общаясь с живыми свидетелями трагических и героических времен, которые без пафоса рассказывают о страшных событиях Великой Отечественной войны, Валера приобщается к истории, чувствует свою связь с прошлым, которое не исчезло совсем благодаря памяти, рассказам и вещественным доказательствам. Примечательно, что фразы Аполлона Голуба, перешедшие в лексикон школьника («Стоял ясный, солнечный день», «А в Будапеште идут дожди»), вроде бы совсем не касаются истории, отражают наблюдения о погоде, которая повторяется ежегодно. Но после общения с фронтовиком для мальчика в них раскрывается иной смысл: разная погода служит напоминанием о событиях именно военного времени. Валера понимает, что память живет во многом: в вещах, погодных явлениях, песнях. Последняя фраза рассказа «И на груди его сияла медаль за город Будапешт» [16, с. 85] примечательна: это слова песни, которые вначале Валера не понимал, так как они были оторваны от его реальности, а после общения с фронтовиком наполнились смыслом, потому что он их соотнес с конкретными людьми и событиями.

Отдельное место в системе персонажей занимает управдом Пушкевич по прозвищу Пиксида. Если облики дяди Аполлона и Командира, уже пенсионеров, страдающих от болезней, одышки, просто не героичны, то портрет и характер управдома неприятен, вызывает отторжение: «Он подходил бесшумной *волчьей* походкой и замирал. У него было вытянутое лицо какого-то безжизненного пепельного цвета, *тяжелая* челюсть и *скупные* глаза. Он все время сутулился, отчего его спина плоским горбом напознала на шею. Когда Пуш-

кевич говорил, то никогда не смотрел в лицо собеседнику, опускал глаза в землю» [16, с. 38]. Пушкевич не принимает Голуба и его машину, вызывая этим негодование Валеры: «Почему вы не любите дядю Аполлона? – вырвалось у меня. – Он честный!» [16, с. 44]. У дяди Аполлона управдом ассоциируется с пиксидой, которую он интерпретирует как «склянку для яда» [16, с. 48].

Возможно, Ю. Яковлев и здесь сознательно играет значением слова, так как в древнегреческой пиксиде могли храниться и драгоценности, и лекарства. В финале раскрывается глубинная натура Пушкевича и его сопричастность военным событиям. Он появляется на перроне в день отъезда дяди Аполлона из города, представляется санинструктором штурмового батальона и предлагает вылечить ноги Командира: «Управдом – санинструктор? От удивления у меня округлились глаза, а дядя Аполлон приоткрыл рот» [16, с. 83]. Образ Пушкевича в этом эпизоде дан не только глазами мальчика, но и Командира, который, во-первых, восхищен, что тот выжил, пройдя наипоопаснейший опыт санинструктора, спасавшего жизни солдат, рискуя своей, во-вторых, он проникается к нему доверием, большим, чем к «светилам» медицины: «В нем, в старом солдате, вдруг проснулась далекая безграничная вера в могущество фронтового эскулапа, который спас столько раненых, обреченных, что ему любой недуг теперь по плечу. И в сердце Командира бывший санинструктор штурмового батальона затмил всех профессоров» [16, с. 84]. В портрете этого персонажа Ю. Яковлев совместил противоположное: ядовитость и мелочность характера управдома и смелость и самоотверженность санинструктора. Образ Пушкевича выполняет две функции: с одной стороны, демонстрирует, что понятие «фронтовик» не идентично идеальности; фронтовики – реальные люди со своими достоинствами и недостатками. С другой стороны, финальный поступок Пушкевича показывает, что бывших фронтовиков не бывает, и выявляет ценности фронтового братства (поддержка, взаимопомощь).

Рассказ посвящен памяти Бориса Николаевича Полевого, что актуализирует тему «настоящего человека». И важно, что фронтовые ценности и представление о настоящем по наследству передано новому поколению. Это отражено в символической фразе, произносимой Аполлоном Валере при расставании: «Остаешься за меня...» [16, с. 85].

В начале общения мальчик отметил парадокс: если для него война была давным-давно, то для дяди Аполлона – чуть ли не вчера. «Дядя Аполлон говорил о войне так, словно она только на днях закончилась, – для него война всегда была рядом. Для меня же она была далеко-далеко. Словно от войны нас отделяло разное время» [16, с. 48].

Дружба с фронтовиком не сокращает этот временной разрыв, но дает представление о значимости прошлого и важности сохранения памяти о нем. Причем память, во-первых, должна быть активной, действенной, во-вторых, субъектом ее воплощения может быть и ребенок. В творчестве Ю. Яковлева дети легче откликаются на беды других, сильнее и мудрее, чем взрослые, они проявляют чуткость и к историческому прошлому страны [5]. Анализируемый рассказ – не исключение. Поэтому Валера осуществляет задуманное: спасает фронтовой автомобиль, помогает ему попасть в школьный музей.

Художественно воплощенный процесс приобщения к памяти о войне и переход ее в постпамять отражает авторскую концепцию Ю. Яковлева. Ему важно показать, что «официальные» знания, не пропущенные через личностное восприятие, не дают чувства сопричастности. А благодаря знакомству и общению с новым жильцом Голубом Валера постепенно прикасается к событиям героического прошлого и понимает, что война и современность неразрывно связаны; и современный школьник готов «остаться за» поколение фронтовиков, сохранить и усвоить их ценности и их память.

Заключение

В проанализированных рассказах Ю. Я. Яковлев дает «мемориально-ориентированную трактовку» [15, с. 30] прошлого: субъективный опыт поколения, прошедшего войну, становится частью культуры детей и подростков, трансформируясь в постпамять. Писатель, сочетая в одном произведении события исторического и частного значения, устанавливает связи, без которых не может быть сформировано национальное самосознание и культурное наследие нации. Используемая автором страте-

гия приобщения к памяти о Великой Отечественной войне актуальна и для современной детской литературы, авторы которой также работают с национальной и личной «травмой», вызванной историческими событиями [18]. У Ю. Яковлева приобщение к трагическому опыту прошлого деятельно и созидательно; не разрушает, а укрепляет личность и ценностные основания жизни представителей юного поколения.

Проанализированные рассказы схожи тем, что, во-первых, в системе персонажей присутствуют два поколения (фронтовиков и послевоенной молодежи), во-вторых, пространственно-временная организация включает два пласта (военный и современный, т. е. времени создания произведений), в-третьих, тема памяти и постпамяти в них центральная. Вместе с тем отметим значимое отличие. В рассказе «Где стояла батарея» концепцию действенной памяти воплощает фронтовик, дети пассивны, на них направлена инициатива повествователя рассказать о прошлом того места, где сейчас располагается школа. В «Иване-Виллисе» фронтовик не ставит своей задачей приобщить подростка к прошлому; это происходит, потому что сам Валера проявляет заинтересованность; субъектом и инициатором взаимодействия, дружбы, сохранения памяти выступает именно ребенок.

В целом же в сюжетах дается сближение двух поколений и обозначен механизм обогащения «личного опыта за счет опыта других, а также использования собственного опыта и его перспективизации через призму чужих воспоминаний» [15, с. 20]. Иными словами, через живое общение или через литературу поколение, не прошедшее войну, усваивает опыт нации и проходит культурную самоидентификацию.

Список источников

1. Федоров Р. Ю. Духовно-нравственные ориентиры творчества писателя Юрия Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 1. С. 67–73.
2. Тихомирова Л. В. «Балерина политотдела» Ю. Яковлева: исторический контекст и нравственная основа // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Международной научной конференции. Вып. 10 / науч. ред. Н. Ю. Желтова. Тамбов: Державинский, 2021. С. 302–307.
3. Горобец Н. И. Методические приемы постижения художественного стиля речи курсантами ближнего зарубежья (на примере рассказа Ю. Яковлева «Тяжелая кровь») // Военное образование в XXI веке: проблемы преподавания русского языка и дисциплин специальности в иностранной аудитории: к 120-летию Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева: межвузовская научно-практическая конференция. 12 ноября 2020 года: сб. науч. ст. / под общ. ред. Н. В. Бугорской. СПб.: Р-КОПИ, 2020. С. 174–180.
4. Минералова И. Г., Цуруева П. Ш. Семантика и символика образа школы в прозе о Великой Отечественной войне: Б. Рахманин, Ю. Яковлев // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Алексея Федоровича Лосева. Ярославль, 2021. С. 64–72.
5. Полева Е. А. Мотив правды в «школьной» прозе конца 1960-х – начала 1980-х годов. Анализ авторских трактовок и литературный контекст // Литература в школе. 2019. № 7. С. 31–37.
6. Семашко У. А., Полева Е. А. Приемы создания образа персонажа в рассказе Ю. Яковлева «Он убил мою собаку» // Сибирская детская литература и практики чтения в Сибири: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, Томск, 11–12 сентября 2020 года. Томск: Томский центр научно-технической информации, 2021. С. 40–44.

7. Полева Е. А., Липовка В. О. Диалог поколений и тема памяти в рассказах Юрия Яковлева о Великой Отечественной войне // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 6 (230). С. 132–142. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-6-132-142
8. Челюканова О. Н. Художественный и внутрилитературный синтез в развитии русской прозы для детей и юношества 50–80-х гг. XX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 412 с.
9. Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2020. 428 с.
10. Лотман М. Ю. Об искусстве: структура художественного текста; семиотика кино и проблемы киноэстетики; статьи; заметки; выступления (1962–1993). СПб.: Искусство СПб, 2000. 703 с.
11. Скафтымов А. П. О психологизме в творчестве Стендаля и Толстого // Нравственные искания русских писателей. М.: Худ. лит., 1972. С. 165–182.
12. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 448 с.
13. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
14. Яковлев Ю. Где стояла батарея. М.: Детская литература, 1971. 318 с.
15. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
16. Яковлев Ю. Как Сережа на войну ходил. М.: Детская литература, 2022. 125 с.
17. Челюканова О. Н. Конфликт рационального и эмоционального в произведениях Ю. Яковлева // Православие и русская литература: сб. ст. VI Международной научно-практической конференции, Арзамас, 16–17 мая 2019 года / отв. ред. Б. С. Кондратьев. Арзамас: Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «НИ Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», 2019. С. 227–231.
18. Тибонье Л. Великая Отечественная война в современной русской детской литературе: в поисках альтернативы // Детские чтения. 2020. № 17 (1). С. 144–166.

References

1. Fedorov R. Yu. Dukhovno-nravstvennyye orientiry tvorchestva pisatelya Yuriya Yakovleva [Spiritual and moral guidelines of the work of the writer Yuri Yakovlev]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2018, no. 7 (85), vol. 1, pp. 67–73 (in Russian).
2. Tikhomirova L. V. “Balerina politotdela” Yu. Yakovleva: istoricheskiy kontekst i moral'naya osnova [Yu. Yakovleva's “Ballerina of the Political Department”: Historical Context and Moral Basis]. *Slavyanskiy mir: dukhovnyye traditsii i literatura: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Vypusk 10*. Nauch. izd. N. Yu. Zheltov [Slavic world: spiritual traditions and literature: collection of materials of the International scientific conference. Issue 10. Scientific ed. N. Yu. Zheltov]. Tambov, Derzhavinsky Publ., 2021. Pp. 302–307 (in Russian).
3. Gorobets N. I. Metodicheskiye priyemy postizheniya khudozhestvennogo stilya rechi kursantami blizhnego zarubezh'ya (na primere rasskaza Yu. Yakovleva “Tyazhelaya krov”) [Methodical methods of comprehension of the artistic style of speech by cadets of the near abroad (on the example of Yu. Yakovlev's story “Heavy Blood”). *Voyennoye obrazovaniye v XXI obnaruzhil: problemy prepodavaniya russkogo yazyka i distsipliny spetsial'nosti v inostrannoy vystavke: k 120-letiyu Voennoy akademii material'no-tekhnicheskogo obespecheniya imeni generala armii A. V. Khrulyova. Mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. 12 noyabrya 2020 g.: sbornik nauchnykh statey pod obshch. red. N. V. Bugorskoy [Military education in the XXI discovered: the problems of teaching the Russian language and the discipline of a specialty in a foreign exhibition: on the 120th anniversary of the Military Academy of Logistics named after General of the Army A. V. Khruleva. Interuniversity scientific and practical conference. November 12, 2020: collection of scientific articles under the general. ed. N. V. Bugorskaya]. Saint Petersburg, R-KOPI LLC Publ., 2020. Pp. 174–180 (in Russian).
4. Mineralova I. G., Tsuruyeva P. Sh. Semantika i simvolika obraza shkoly v proze o Velikoy Otechestvennoy voyne: B. Rakhmanin, Yu. V. Yakovlev [Semantics and symbolism of the school image in prose about the Great Patriotic War: B. Rakhmanin, Yu. Yakovlev]. *Sintez russkoy i mirovoy khudozhestvennoy kul'tury: materialy XXI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Alekseya Fedorovicha Loseva* [Synthesis of Russian and World Artistic Culture: Proceedings of the XXI All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Alexei Fedorovich Losev]. Yaroslavl, 2021. Pp. 64–72 (in Russian).
5. Poleva E. A. Motiv pravdy v “shkol'noy” proze kontsa 1960-kh – nachala 1980-kh godov. Analiz avtorskikh traktovok i literaturniy kontekst [The motive of truth in the “school” prose of the late 1960s – early 1980s. Analysis of author's interpretations and literary context]. *Literatura v shkole – Literature at School*, 2019, no. 7, pp. 31–37 (in Russian).
6. Semashko U. A., Poleva E. A. Priyomy sozdaniya obraza personazha v rasskaze Yu. Yakovleva “On ubil moyu sobaku” [Techniques for creating an image of a character in the story of Yu. Yakovleva “He killed my dog”]. *Sibirskaya detskaya literatura i praktiki chteniya v Sibiri: Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*, Tomsk, 11–12 sentabrya 2020 goda [Siberian children's literature and reading practices in Siberia: Abstracts of the All-Russian Scientific Conference, Tomsk, 11–12 September 2020]. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2021. Pp. 40–44 (in Russian).
7. Poleva E. A., Lipovka V.O. Dialog pokoleniy i tema pamyati v rasskazakh Yuriya Yakovleva o Velikoy Otechestvennoy voyne [The dialogue of generations and the theme of memory in Yuri Yakovlev's stories about the Great Patriotic War]. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2023, vol. 6 (230), pp. 132–142 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2023-6-132-142

8. Chelyukanova O. N. *Khudozhestvennyy i vnutraliteraturnyy sintez v razvitii russkoy detskoj i yunosheskoy prozy 50–80-kh gg. XX veka. Dis. kand. filol. nauk* [Artistic and intraliterary synthesis in the development of Russian prose for children and youth in the 50–80s. XX century. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2015. 412 p. (in Russian).
9. Khirsh M. *Pokoleniye postpamyati: Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Post-Memory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2021. 428 p. (in Russian).
10. Lotman M. Yu. *Ob iskusstve: struktura khudozhestvennogo teksta; semiotika kino i problem kinoestetiki; stat'i; zametki; vystupleniya (1962–1993)* [About art: the structure of a literary text; semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics; articles; notes; speeches (1962–1993)]. Saint Petersburg, Iskusstvo SPb Publ., 2000. 703 p. (in Russian).
11. Skaftym A. P. *O psikhologizme v tvorchestve Stendalya i Tolstogo* [On psychologism in the works of Stendhal and Tolstoy]. *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisateley* [Moral searches of Russian writers]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1972. Pp. 165–182 (in Russian).
12. Ginzburg L. *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 448 p. (in Russian).
13. Yesin A. B. *Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury* [The psychology of Russian classical literature]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988. 176 p. (in Russian).
14. Yakovlev Yu. *Gde stoyala batariya* [Where was the battery]. Moscow, Children's literature Publ., 1971. 318 p. (in Russian).
15. Assaman A. *Dlinnaya ten proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical policy]. Moscow, New Literary Review Publ., 2014. 323 p. (in Russian).
16. Yakovlev Yu. *Kak Seryozha na voynu khodil* [How Seryozha went to war]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 2022. 125 p. (in Russian).
17. Chelyukanova O. N. *Konflikt ratsional'nogo i emotsional'nogo v proizvedeniyakh Yu. Yakovleva* [The conflict of rational and emotional in the works of Yu. Yakovlev]. *Pravoslaviye i russkaya literatura: sbornik statey VI Mezdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Arzamas, 16–17 maya 2019 goda [Orthodoxy and Russian Literature: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Arzamas, May 16–17, 2019]. Ed. B. S. Kondratiev. Arzamas, Arzamas branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education “Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky” Publ., 2019. Pp. 227–231 (in Russian).
18. Tiboń'ye L. *Velikaya Otechestvennaya voyna v sovremennoy detskoj literature: v poiskakh al'ternativy* [The Great Patriotic War in Modern Russian Children's Literature: in Search of an Alternative]. *Detskiye chteniya – Children's readings*, 2020, no. 17 (1), pp. 144–166 (in Russian).

Информация об авторе

Липовка В. О., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: velipovka@yandex.ru

Information about the author

Lipovka V. O., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: velipovka@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 02.05.2024; accepted for publication 24.05.2024

УДК 3.09-821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-136-145>

Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 1

Вера Юрьевна Баль

Томский государственный университет, Томск, Россия, balverbal@gmail.com

Аннотация

Интерес к гоголевскому наследию в литературной ситуации XX–XXI вв. отмечен многими исследователями. Литературоведами активно вводятся в научный оборот произведения современных авторов, позволяющие поставить вопрос о месте и роли гоголевского творчества в эстетических поисках литературного процесса рубежа XX–XXI вв. Цель исследования – проанализировать принципы функционирования повести «Шинель» Н. В. Гоголя и ее системообразующего образа маленького человека в произведениях писателей рубежа XX–XXI вв. Новизна исследования заключается, во-первых, в осмыслении материала, который ранее не привлекался к анализу, во-вторых, в реконструкции видов, способов и функции рецепции «шинельного текста» в историко-литературном контексте XX–XXI вв. В качестве материала привлечены произведения современных авторов: глава «Маленький человек Тетелин» из романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), рассказы В. Пьецуха «Николаю Васильевичу. Демонстрация возможностей» из сборника «Плагиат» (2001) и О. Славниковой «CHANEL № 5» (2009). Точкой схождения между выбранными произведениями различной эстетической и жанровой принадлежности является их диалогическое переосмысление стилистической системы повести «Шинель», построенной на совмещении двух режимов повествования – «мимики скорби» и «мимики смеха» (Б. Эйхенбаум). Доказывается, что стилистическая организация принципов повествования повести «Шинель» оказывает моделирующее воздействие на произведения. Все три рассматриваемых автора используют прямую цитатную аллюзию на текст гоголевской повести. В. Маканиным и В. Пьецухом «шинельный сюжет» проецируется на осмысление судьбы советской интеллигенции в постсоветских социально-исторических реалиях. Писателями фиксируется и осмысливается духовная деградация и измельчание советского интеллигента как социально-антропологического типа. У О. Славниковой принципы трансформации «шинельного сюжета» связаны с размышлением об онтологической ценности и самодостаточности индивида, которые утрачиваются в ситуации размывания границ между материальным и идеальным, человеком и вещью. Обнаруживаемая и исследуемая Славниковой деформация человека мыслится как немотивированное фундаментальное свойство мира.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Шинель», маленький человек, В. Маканин, В. Пьецух, О. Славникова

Для цитирования: Баль В. Ю. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 1 // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 136–145. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-136-145>

N. Gogol's story "The Overcoat" in the receptive consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 1

Vera Yu. Bal

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, balverbal@gmail.com

Abstract

The interest to Gogol's literature heritage in the literature era of the XX–XXI centuries has been noted by many researchers. Literature scholars are actively introducing into scientific circulation the works of modern authors. They allow to raise the question of the place and role of Gogol's heritage in the aesthetic search of the literature process of the turn of the XX–XXI centuries. The aim of the study is to analyze the functioning principles of the novel "The overcoat" and its system-forming image of a small man in the works of writers of the turn of the XX–XXI centuries. The novelty of the study lies, firstly, in the comprehension of the material that has not been previously analyzed, and secondly, in the reconstruction of the types, methods and function of the reception of the "overcoat text" in the literary era of the XX–XXI centuries. The works of modern authors were used as material: the chapter "Little Man Tetelin" from V. Makanin's novel "The Underground or the Hero of Our Time" (1998). Makanin's novel "The Underground, or the Hero of Our Time" (1998), stories by V. Petsukh "To Nikolai Vasilievich. Demonstration of Possibilities" from the collection "Plagiarism" (2001) and O. Slavnikova's "CHANEL No. 5" (2009). The selected works belong to different aesthetic and genre forms and the point of convergence between them is their dialogical reinterpretation of the stylistic system of the novel

“The Overcoat”, built on the combination of two modes of narration – “mimicry of grief” and “mimicry of laughter” (B. Eichenbaum). It is proved that the stylistic organization of the narrative principles of the novel “The overcoat” has a modeling effect on the works. All three selected authors use direct quotation allusion to the text of Gogol’s novel. The “overcoat plot” is projected by V. Makanin and V. Petsukh to comprehend the fate of the Soviet intelligentsia in the post-soviet realities. The writers record and comprehend the spiritual degradation and grinding of the Soviet intellectual as a social and anthropological type. O. Slavnikova’s principles of transformation of the “overcoat plot” are connected with the reflection on the ontological value and self-sufficiency of the individual, which are lost in the situation of blurring the boundaries between the material and the ideal, man and thing. The human deformation discovered and explored by Slavnikova is thought of as an unmotivated fundamental property of the world. All three authors are characterized by the actualization of Gogol’s laughter, where the comic and the tragic coexist.

Keywords: *N. V. Gogol, “Overcoat”, little man, V. Makanin, V. Pietsukh, O. Slavnikov*

For citation: Bal V. Yu. Povest’ N. V. Gogolya “Shinel’” v retseptivnom soznanii epokhi rubezha XX–XXI vekov. Stat’ya 1 [N. Gogol’s story “The Overcoat” in the receptional consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 1]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 136–145 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-136-145>

Введение

В литературной ситуации рубежа XX–XXI вв. активно проявляют себя рефлексивные культурные механизмы в отношении национального канона, воплощающего идею классики. В этих обстоятельствах проблема исследования видов, способов и функций рецепции в современном историко-литературном контексте творческого наследия писателя, обладающего исключительным культурным капиталом, творчество которого вопреки исторической дистанции не превращается в музейный экспонат, а продолжает длиться в настоящем, является одной из актуальных в современном литературоведении. Бесспорная исследовательская перспектива наблюдается в отношении Гоголя, который объективно имеет статус «создателя» собственной эстетической «линии», наблюдаемой во всех последующих периодах развития отечественной словесной культуры.

На настоящий момент уже положено начало формирования исследовательского поля, посвященного анализу «гоголианы» рубежа XX–XXI вв. Литературными критиками А. Немзером [1, 2] и М. Черняк [3] был отмечен высокий интерес современных авторов к гоголевскому творчеству. В литературоведческой практике можно выделить несколько направлений касательно примеров рецепции гоголевского творческого наследия в современной литературе. Первое направление связано с рассмотрением восприятия образов, сюжетов и других элементов поэтики, ставших «визитной карточкой» классика (образ пишущего человека [4], образ Чичикова [5], плюшкинский сюжет [6] и телесный дискурс [7]). Второе определяет изучение моделирующего влияния художественного мира Гоголя на творческие системы современных авторов [8–13]. Третье сосредоточено на изучении рефлексии о писательской биографии Гоголя, связанной с его приверженностью духовному пафосу учительской миссии, определившей его жизне-

творческие задачи и тип писательского поведения [14, 15]. Четвертое сфокусировано на осмыслении литературной репутации Гоголя на пересечении двух литературных канонов – русского и украинского [16, 17]. Но на исследовательской карте пока не представлено осмысление рецепции писателями рубежа XX–XXI вв. повести «Шинель» и ее системообразующего образа маленького человека. Незнание этого вопроса задает основную цель исследования – описать и проанализировать принципы функционирования именно этого «фрагмента» гоголевского творческого наследия в отечественном литературном контексте рубежа XX–XXI в. На фоне этой выявленной лакуны новизна исследования заключается, во-первых, в осмыслении материала, который ранее не привлекался к анализу, во-вторых, в реконструкции видов, способов и функции рецепции «шинельного текста» в литературной ситуации рубежа XX–XXI вв.

Материал и методы

Для решения поставленной научной цели привлекается обширный и разнородный материал. Начальный этап анализа связан с разделением выбранного материала на две группы. Основание для объединения в одну группу – объект рецепции, т. е. отдельные элементы художественной системы повести «Шинель».

В первой статье предполагается проанализировать группу произведений, которые объединены рефлексией над стилистической системой: глава «Маленький человек Тетелин» из романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), рассказы В. Пьецуха «Николаю Васильевичу. Демонстрация возможностей» из сборника «Плагиат» (2001) и О. Славниковой «CHANEL № 5» (2009). Под стилистической системой имеется в виду не набор приемов, а ее «организующий (регулятивный) принцип» (Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман [18, с. 459]), который

определяет композиционное совмещение в повести разных режимов повествования – «мимики скорби» и «мимики смеха» (Б. Эйхенбаум [19]).

Принадлежность произведений рассматриваемых авторов к разным эстетическим направлениям (реализм (В. Маканин); реализм, включающий приемы постмодернизма (В. Пьецух)¹; «фантастический» реализм (О. Славникова)) и жанровым традициям (рассказы (В. Пьецух, О. Славникова), глава из романа (В. Маканин)) позволяет проследить общие и различные принципы восприятия литературного наследия классика, обусловленные особенностями диалогизирующего контекста.

Рецептивный подход, положенный в основу проводимого исследования, мыслится с опорой на теоретико-методологические основы, сфокусированные на проблеме диалога и понимания (феноменология индивидуального читательского акта – Р. Ингарден, В. Изер; герменевтика коллективного читательского акта, исторически предопределенного, – Х. Г. Гадамер, Х. Р. Яусс; диалогичность сознания «субъекта познания», определяющая отношение к Другому как обладающему онтологической ценностью, – М. М. Бахтин). Рассмотрение вопроса о межтекстовых связях между произведением классика и современного автора предполагает выявление и анализ характера отношений в структурно-семиотическом аспекте – видах, способах и функциях рецепции. Исторически данное субъектно-объектное отношение в тексте, который не только передает, хранит, но и генерирует новую информацию, реализуя функции «креативной памяти» (Ю. М. Лотман [22, с. 155–163]), находится в фокусе исследования.

Результаты и обсуждение

Стилистические принципы повествовательной системы повести «Шинель», интерес к которым обозначился в прозе рубежа XX–XXI вв., не были обойдены вниманием гоголеведов. Ученые, с разных исследовательских позиций подходя к проблеме особенностей стиля гоголевской повести, сходятся в одной точке – в вопросе о соотношении в ней смешного и серьезного. Соотношении, в котором сталкиваются внутри художественной реальности два взгляда на маленького человека – сочувствие или унижение.

Б. Эйхенбаум, основоположник исследования нарративных принципов повести, отказывает ей в дидактической цели. Согласно Эйхенбауму, эстетическая установка на переплетение «анекдотическо-

го сказа» с «мелодраматической и торжественной декламацией» – это основание для стилистического доминирования гротеска [19, с. 320]. С. Г. Бочаров говорит о «чрезвычайной стилистической оформленности выражения» на фоне «бесформенности выражаемого содержания» [23, с. 428]. Исследователь, полемизируя с наблюдением В. Розанова о восковой мертвенности гоголевских героев, отмечает, что «герой стилистически унижен и искалечен дальше всякого возможного в действительности предела (в сильнейшей степени деформирован, как бы измят, этим обмеривающим и ощупывающим его взглядом и словом) и в то же время – преобразен» [23, с. 433]. Ю. В. Манн, выделяя архетипические черты юродивого в образе Башмачкина, которые выявляют семантику смеха над неравным, обиженного природой и униженного людьми, говорит о сильной позиции «гуманного места» в повести, о доминанте «мимики скорби», а не «мимики смеха» [24, с. 672].

«Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) В. Маканина можно назвать романом «подведения итогов о судьбе литературоцентричного мифа национальной культуры в первое постсоветское десятилетие. В центре произведения писатель, переживший эпоху литературного подполья, андеграунда конца 1970-х – начала 1980-х гг., и пребывающий в ситуации утраты веры в смыслообразующую роль литературы [25, с. 139]. Главный сюжет романа состоит в мучительном диалоге писателя с Великой русской литературой, с великим Каноном [26, с. 72–73]. Это тематическое ядро определяет вид межтекстовых связей в романе с произведениями русской классики – адресные цитатные аллюзии.

Смерть Тетелина – сюжетная ситуация, которая становится вызовом для сознания Петровича. Реакция на этот вызов отличается двусоставностью. С одной стороны, это реакция публичного отклика Петровича и других персонажей, которые знали Тетелина. С другой стороны, это внутренняя рефлексия Петровича, которая не демонстрируется окружающим.

Рассказ о жизни Тетелина после его смерти начинается буквально как анекдот, построенный по законам черного юмора. Анекдотический принцип рассказывания делает предметом осмеяния не только бессцельность и бессмысленность существования героя, но и его страдания. Фарсовые и абсурдные акценты показывают бессодержательность и безысходность бунта героя. Анекдот, не

¹ Творческий метод В. Пьецуха имеет пограничный характер. И. Скоропанова определяет его как «бывшего реалиста», пополнившего ряды отечественных постмодернистов в 1980–1990-е гг. Согласно классификации И. Скоропановой, в творчестве В. Пьецуха представлен нарративный постмодернизм [20, с. 350–351]. Н. Лейдерман и М. Липовецкий также прочитывают прозу писателя как пример постмодернистских тенденций в русской прозе 1980–1990-х гг. Исследователи говорят о поэтике «квазиисторического» постмодернизма в прозе писателя [21, с. 478–487].

переходящий в трагедию и даже в мелодраму, становится знаком финальной точки развития этой сюжетной коллизии, его исчерпанности в новых социально-исторических декорациях.

В реакции совместного публичного отклика на смерть Тетелина с опорой на принцип повтора, свойственный прозе В. Маканина [27], представлены разные оттенки комического, являющего трансформацию «мимики смеха».

Во-первых, в прологе к поминальному застолью присутствует форма беспричинного физиологического смеха: «я зазвал их в общагу на поминки с лучшими чувствами, поест, выпить, поговорить, помер же человек, однако, едва приехали, Выкыч опять начал смеяться. Чудовищно, но все трое, прихваченные порывом, мы сидели и смеялись. Не смех сквозь слезы – сквозь смерть. Выкыч еще и уверял, что наше похихатыванье – это наша боль, это, мол, и есть всхлипы неформального сострадания. (Всхлипы и взрыды, не успевшие оформиться на выходе из нашего горла)» [28, с. 125].

Во-вторых, бурлескный смех во время поминального застолья: «Чтобы покойного хоть как-то почтить (и чтоб не смеяться), мы втроем затеяли философствовать, ели, пили и рассуждали: были ли эти брюки для Тетелина материальной ценностью? или, как знать – духовной? <...> Poleмика приподымала Тетелина над уровнем земли – над тем говном, каким он был» [28, с. 127–128]).

В-третьих, циничный смех, который воплощает уже апогей фарсового абсурда жизни и смерти Тетелина. Кавказец Ахмет, метонимически воплощающий социально-агрессивную стихию, против которой бунтовал Тетелин, не только присутствует на похоронах, но и берет слово: «Ахмет очень старается, чтобы рассказ был печален. Но словам и его выразительному лицу вопреки, смерть Тетелина смешна и при повторе» [28, с. 128–129].

«Мимика скорби», связанная с темой сострадания, представлена в зоне внутренней рефлексии Петровича. Основой сострадания, проявляемого Петровичем к Тетелину, является жалость, которая выступает как психоэмоциональный жест участия к человеку неполноценному. Неполноценность Тетелина Петровичем отмечается как в его телесных характеристиках («жалкий, ничтожный, и глаза как у кролика»), так и духовных («липкая духовная нищета»). Телесно-духовная недостаточность героя получает дополнительное смысловое измерение в мотиве двойничества: Тетелин копирует Петровича. Не сюжет тотального поглощения копией оригинала важен для романа, а сюжет рефлексии оригинала над своей копией. Петрович в романе – это натура уходящая. Он социально-антропологический тип, сформированный предшествующим культурно-историческим контекстом. Тетелин ори-

ентирован не на содержательное подражание высокому образцу прошлого, писателю-интеллигенту, а на внешнее – повадки, походку, образ жизни. Причем те повадки и привычки Петровича, которые проявились у него в новых социокультурных обстоятельствах, когда его символический авторитет писателя-интеллигента оказался не востребован. В этом контексте подражание Тетелина – это знак не возрождения, а вырождения интеллигента как особого типа личности. Мотив двойничества делает маленького человека предметом самонаблюдения Петровича. В этом смысловом сдвиге полемически обостряется сложившаяся традиция русской классической литературы, условно разделившей героев на «маленьких» и «не маленьких людей». В романе эта традиция своеобразным образом «завершается», так как маленький человек обнаруживается в «не маленьком» человеке. Даже можно сказать больше – он масштабируется до уровня героя времени, символа поколения. Разговор о жизни и смерти Тетелина – это проекция разговора Петровича и его окружения о себе, осознающих бессмысленность и бессмысленность собственной жизни на сломе эпох. Внешне этот разговор имеет форму «видимого смеха», а чувство жалости, как «невидимые слезы», переживается наедине с собой, не делается публичным достоянием.

Рассказ В. Пьецуха «Николаю Васильевичу. Демонстрация возможностей», который входит в сборник «Плагат» (2001), тоже являет пример межтекстовой связи с повестью Гоголя на основе адресной цитатной аллюзии. Во-первых, есть отсылка к фабуле, во-вторых, указание на стиль Гоголя как объект изображения («И надерзнуть предпочтительно <...> по возможности тем же самым каноническим языком») [29, с. 3–4]. Оба эти аспекта рефлексированы не изолированно, а вместе как содержательная форма, в которой равновелики вопросы и что, и как.

В рассказе Пьецуха способом выражения отношения к гоголевскому тексту становится пародия в ее обеих функциях, если опираться на термины Ю. Тынянова. В рассказе наблюдается «**пародичность**» («**пародическая функция**») по отношению к стилю гоголевских произведений. Ее функция видится в закреплении в историко-литературном процессе гоголевского стиля, связанного с поэтикой гротеска, фантастического и абсурда. Закрепление синонимично подчеркиванию его пригодности и емкости для наполнения новым содержанием. Новое содержание, образ советского инженера-технолога, который накопил и купил в начале 1990-х после выхода на пенсию советский подержанный автомобиль, становится объектом «**пародийности**» («**пародийная функция**»).

Традиция гоголевской стилистики гротеска, определяющая тотальное господство иронии в рас-

сказе, становится инструментом дискредитации и демифологизации одного из главных социокультурных мифов о советской интеллигенции.

Самоотдача советского интеллигента эпохи 1970–1980-х гг. при накоплении денег на главную мечту – автомобиль – становится центральным объектом «пародийности» в рассказе. Ситуация собирания денег представлена по законам гоголевского комического гротеска с плюшкинской аллюзивной подсветкой. С помощью стилистической градации показана деградация героя – сведение его жизни к «существованию» (В. Пьецух). Экономия Лютикова начинается с бережного отношения к своим вещам и завершается донашиванием ветоши и подборанием мусора.

Представленная вариативность финалов рассказа – это больше, чем постмодернистская игра с разными версиями текстовой реальности. Вариативность показывает ход размышлений Пьецуха о невозможности возвращения мифа о советском интеллигенте. Общее в каждой версии – это опора на гоголевский стилистический каркас, связанный с поэтикой гротеска, абсурда, алогизма. Содержательно своеобразие каждого финала связано с ироничным переосмыслением разных «оттенков» мифа об отсутствии меркантильных интересов у советского человека. Мифа, который уже в основной части рассказа развенчивается изображением распространенной поведенческой схемы – одержимость советского человека копить деньги на предметы, необходимые для улучшения качества бытовой повседневной жизни.

В первой версии финала иронично представлена возможность реванша советского интеллигента Лютикова в новой постсоветской действительности, где «хозяева жизни» «новые русские». Объектом пародирования становится возможность гоголевского «гуманного места» в новых социально-исторических обстоятельствах. В рассказе травестируется тема возмездия и покаяния. Торжество христианской морали, по принципу *Deus ex machina* вторгающееся в повествование, заменено ироничной версией социально-экономической справедливости, в которой караются и преобразуются богатые люди, не чуждые коррупции и криминала. В событиях первой версии финала возмездие представлено как апогей абсурда и алогизма: «Один сгорел, второй взорвали, третий нашли на дне Яузы, четвертый как-то сам собой рухнул на-

земь с Крестовского путепровода, и при этом на останках автомобилей злоумышленник неизменно изображал краской из пульверизатора для граффити загадочные инициалы Н.М., что, впрочем, могло означать и „новые марксисты“, и „неуловимые мстители“, и „новопреставленные мертвецы“» [29, с. 72]. Последствием этого вторжения становится буквальное преобразование новых хозяев жизни: богатые становятся бедными (разорившимися), бесстрашные – испуганными («знаменитый бандит до того испугался повторения Великого Октября, что покончил жизнь самоубийством» [29, с. 72]), ориентированные на успешное процветание соглашаются на служение вечному (отказ от профессии предпринимателя и выбор профессии библиотекаря), сосредоточенные на личной выгоде проявляют безвозмездную щедрость (перечисление нефтяной компанией в Министерство культуры «куша»).

Во второй версии финала дискредитируется идея соцреалистического мифа об альтруизме сознательного советского рабочего: «В сущности, и этот великодушный поступок вполне сообразуется с нашей фантазмагорической действительностью, и даже он совершенно в характере русского человека, который в начале прошлого столетия отказался от насущнейших удобств жизни ради благоденствия трудящихся всей Земли» [29, с. 73].

Третья версия финала продолжает тему советской мечты об автомобиле в новой постсоветской реальности. Явление герою призрака, воплощающего дух отрезвляющего цинизма, определяет поворот в сторону торжества приземленных обывательских желаний у советского инженера: «На другой день после свидания с ангелом-хранителем Лютиков ударился во все тяжкие. Именно – купил себе новые брюки, белужьей икры к завтраку и вскоре сделался завсегдатаем ресторана „Москва – Париж“. На следующей неделе его застрелили у подъезда ресторана, приняв по ошибке за нежелательного свидетеля по одному важному делу, и он все-таки отправился в мир иной» [29, с. 76].

Рассказ Ольги Славниковой «CHANEL № 5», который был написан для Гоголевского фестиваля в Париже, приуроченного к юбилею классика в 2009 г.², являет пример многослойной межтекстовой связи. Во-первых, в рассказе присутствует адресная цитатная аллюзия на повесть Гоголя «Шинель» (сюжетно-фабульный уровень, тип ге-

² Написание Славниковой юбилейного рассказа встроено в широкий контекст ее рассуждений о месте и роли гоголевской традиции в современной прозе. На круглом столе в 2009 г., посвященном юбилею классика, О. Славникова отметила, что «описать происходящие в наши дни события можно, только используя гоголевский язык. <...> Чтобы современному писателю полноценно работать с текущей действительностью, надо очень внимательно читать Гоголя. <...> Гоголевские уроки прекрасны, потому что то, что казалось анекдотом, на самом деле становится большим „мессаджем“, и то, что кажется абсурдом, – идеально точно описывает реальность – в таком мире мы живем» [30]. В другом интервью, в 2011 г., писательница подчеркнула, что «...основной тренд – это линия, идущая от Гоголя через Булгакова. Это немножко гротесковая фантастика, то есть реалистическая проза с фантастическими допущениями» [31].

роя, стиль (поэтика сказа и фантастики)). Во-вторых, скрытая цитатная аллюзия на весь корпус гоголевских текстов, объединенных темой телесного и духовного в человеке и телесности, которая распадается на части, смешивается и отождествляется с бездушной вещественностью. Смыслового конфликта между двумя этими видами межтекстовых связей нет, но можно говорить о подчинении первого второму. Но это подчинение не искусственное, так как в повести «Шинель» представлена коллизия взаимоотношений тела и шинели как предмета материального мира, который наделяется особым онтологическим статусом, становится «заместителем живого тела», «носителем витального смысла» [32, с. 156]. Славникова, «переписывая» повесть «Шинель», гиперболизирует в ней телесно-вещественную проблематику, продолжая развитие гоголевского вопроса о теле и душе, теле и вещи.

Телесно-духовная недостаточность героини в речи повествователя изображается с опорой на традиционный прием комического, который в том числе был свойственен и Гоголю, – сравнение. Но выбираемая сфера для сравнения (предметы не эстетические по своей сути: бытовые предметы и овощи) внешне выглядит как источник комического, унижающего героиню, но внутренне (содержательно) выражает особое состояние реальности, в которой встает проблема онтологической целостности и самодостаточности индивида. Комический прием становится выражением трагического состояния мира и человека в нем.

Образ главной героини, генетически восходящий к Башмачкину, строится на онтологическом конфликте между первой и второй природой. Конфликт проявляется в нескольких семантических полях. Во-первых, это семантика имени героини – Викторина Тракторовна Башмакова. Во-вторых, в образе глаз как портретной детали: «*глаза имела подслеповатые, носила тяжелые очки с линзами сложными и толстыми, похожими на донца молочных бутылок. За этими линзами ее глаза не только не выглядели зорче, но уничтожались совершенно, только моргали иногда, напоминая собеседнику микроорганизмы под плохо наведенным на резкость микроскопом*» [33]. В-третьих, это присущее героине стремление к поэтизации мира и себя, которое можно трактовать как интуитивную потребность выхода в метафизическое пространство. Героиня, воспринимая чертежи «*смертоносных штук*» как «*внутренности музыкального инструмента*», создает мнимое идеальное измерение пространства, которое ее окружает. Но, как можно заметить, неподлинной метафизикой наделяется природа второго порядка, что становится сигналом потери связи героини с подлинной онтологией. Коллизия героини с носом, одержимым запахами,

опять же выходит к обретению суррогатного духовного наполнения. Повествовательная интонация, опирающаяся на принципы бурлеска в эпизоде вручения духов героине на день рождения, обнажает подмену метафизического духа искусственным: «*Нашлись добрые люди, которые решили воплотить мечту Викторины Тракторовны в жизнь. <...> ...весь отдел сбежался смотреть на воплощение мечты. <...> Влажная пробка оставила за ушами Викторины Тракторовны две душистые метки, и это было, как причастие, чудесно и торжественно. Снова закупорив флакон, преображенная Викторина Тракторовна поставила его на видное место*» [33].

Вскрываемая бурлескной интонацией подмена подлинного мнимым представляется не виной героини, а ее бедой. Героине присуща тоска по гармоничной телесно-духовной полноте, которая может дать чувство индивидуальной онтологической самодостаточности. В этом смысле в героине при всей ее несурзности обнаруживается трагический потенциал борца за свое живое онтологическое «я» в зоне, где вскрывается поглощение природы первого порядка природой второго порядка. Окружение же героини лишено осознания своего кризисного состояния, когда тело «перетекает» обратно в первоформы первичной материи: «*накрашенное скуластое лицо было словно слеplено из пластилина; закричала она, гримасничая размазанным лицом, вчерашний пластилин которого, казалось, был смят, а потом из получившегося кома был кое-как вылеплен повтор, небрежный и жуткий*» [33]. В финале рассказа, построенного по законам гоголевской поэтики фантастического гротеска, когда сверхъестественное становится способом выявления истинного состояния реальности, вскрывается уподобление по принципу метонимической смежности нематериального материальному. Призрак героини, преследующий горожан, избыточно телесен и физиологичен: «*нос – один, громадный, без всякого лица, в заломленной черной шляпке и в нитках крупного жемчуга, кои дополнены вытекшей из ноздри густой и круглой каплей*» [33]. Форма мщения призрака – это показ жертвам их мнимого духовного я («*не пахнуть ничем, кроме как самим собой*»), которое заполняет пустую оболочку тела («*Словно ледяным сквозняком пробирает жертву от той понюшки до самых кишок; словно все его кишки и кости суть развешанные в воздухе погремушки*») [33].

Подводя итог, можно сказать, что у представленных писателей выявлен рецептивный интерес к гоголевскому стилистическому оформлению образа маленького человека как содержательной форме. Стилистические законы гоголевской повести, в которой сосуществуют «гримаса скорби» и «гримаса

смеха», «наследуются» современными писателями как форма выражения кризисного состояния мира и человека. «Совмещение несовместимого», изначально положенное в стилистическую основу повести, значимо для современных писателей как художественный принцип для фиксации образа смещенной реальности. Реальности, в которой вслед за Гоголем продолжает исследоваться объем и последствия антропологической катастрофы личности – потери ей своей самости, телесной и духовной самодостаточности. Общее у всех трех писателей – это кризисная ситуация переходного постсоветского периода. Все герои в масштабе своей личной биографии находятся на границе между советским и постсоветским. В романе Маканина проблема мельчания личности находится в зоне рефлексии поколения, которое осознает бесцельность и бессмысленность собственной жизни на сломе эпох. Обратной стороной гримасы смеха, представленной разными оттенками комического, является горькая самоирония, формирующая семантику «гримасы скорби». Пье-

цух, используя широкий диапазон приемов, пародии, иронии и гротеска, демифологизирует образ советского интеллигента. Специфика трансформации «гримасы скорби» обусловлена тем фактом, что субъектом является также интеллигент, который, избегая изощренной сложности в непринужденной разговорной форме, говорит о серьезных и печальных вещах. Об онтологической катастрофе личности размышляет Славникова. Обнаруживаемая и исследуемая Славниковой деформация человека мыслится как немотивированное фундаментальное свойство мира, в котором неразличимыми становятся подлинное и мнимое как в пространстве физической, так и метафизической реальности. Смещение естественных пропорций, представленное художественными средствами фантастического гротеска, демонстрирует трагическое состояние мира, в котором человек смешивается с бездушной вещественностью. Стиль письма Славниковой отражает состояние мира, лишённого былой и уже не восстановимой цельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Немзер А. С. Замечательное десятилетие русской литературы. М.: Захаров, 2003. С. 79–108.
2. Немзер А. С. Современный диалог с Гоголем // Новый мир. 1994. № 5. С. 208–225.
3. Черняк М. А. С Гоголем на дружеской ноге: юбилейные заметки // Знамя. 2009. № 6. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3943> (дата обращения: 14.04.2023).
4. Рыбальченко Т. Л. Человек пишущий и человек живущий в повести Н. В. Гоголя «Шинель» и рассказе М. Шишкина «Урок каллиграфии» // Н. В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепция): сб. ст. Томск, 2008. Вып. 2. С. 329–340.
5. Баль В. Ю. Образ Чичикова в современной русской прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 147–168.
6. Баль В. Ю. Плюшкинский сюжет в романе О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 104–132.
7. Рыбальченко Т. Л. Телесный дискурс как источник фантастического в рассказах Ю. Буйды: проблема гоголевского влияния // Н. В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепция): сб. ст. Томск, 2010. Вып. 3. С. 384–480.
8. Рыбальченко Т. Л. Гоголь и гоголевский художественный мир в творческом сознании В. Отрошенко // Образы Италии в русской словесности: По итогам 2-й Междунар. науч. конф. Междунар. науч.-исслед. центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия», Томск – Новосибирск, 1–7 июня 2009. Томск, 2011. С. 269–293.
9. Симон Г. А. Глава II Соотношение добра и зла в мифологической картине мира Н. Садур (§ 2.1. Эстетика «ужасного» в репрезентации хрупкой красоты мира: «гоголевский» текст Н. Садур) // Художественная репрезентация антиномии «добро / зло» в творчестве Н. Садур: дис. ... канд. филол. наук: Улан-Удэ, 2014. С. 45–66.
10. Марон А. Формы выражения авторского сознания в драматургии Николая Коляды: дис. ... д-ра филол. наук. Жешув, 2016. Гл. IV: Интертекстуальность драматургии Н. Коляды. С. 141–184.
11. Шлейникова Е. Е. «Башмачкин» О. Богаева как драматургический римейк // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8, № 27. С. 97–102.
12. Ципуштанова М. А. Гоголевский текст в творческой рецепции Николая Коляды (пьеса «Старосветская любовь») // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 4. С. 43–45.
13. Баль В. Ю. Гоголевский текст в пьесах Н. Коляды (на материале поэмы «Мертвые души» и комедии «Ревизор») // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 133–147.
14. Меладшина Ю. В. Гоголевский текст в романе В. А. Шарова «Возвращение в Египет: Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (второго)»: дис. канд. ... филол. наук. Пермь, 2019. 228 с.
15. Баль В. Ю. Терпение и нетерпение в русском мессианстве (роман В. Шарова «Возвращение в Египет») // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 11: Терпение: художественная интерпретация и творческая практика в русской литературе XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. С. 90–110.
16. Баль В. Ю. Литературная репутация Гоголя: между двух канонов (на материале 200-летнего юбилея писателя в 2009 году). Статья 1 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 213–242.

17. Баль В. Ю. Литературная репутация Гоголя: между двух канонов (на материале 200-летнего юбилея писателя в 2009 г.). Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 70. С. 184–198.
18. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1: Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 512 с.
19. Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // О прозе: сборник статей. Л.: Художественная литература, 1969. С. 306–326.
20. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2001. 608 с.
21. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Академия, 2003. 688 с.
22. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2004. 704 с.
23. Бочаров С. Г. О стиле Гоголя // Типология стилевого развития нового времени: Классический стиль. Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле. М.: Наука, 1976. С. 409–445.
24. Манн Ю. В. Карнавал и его окрестности // Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. С. 656–682.
25. Рыбальченко Т. Л. Ситуация отказа от писательства в романах М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Маканина // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 133–143.
26. Абашева М. П. Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. 320 с.
27. Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: ВАГРИУС, 1999. 557 с.
28. Малькова А. В. Ситуация говорения в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 104–116.
29. Пьецух В. А. Николаю Васильевичу. Демонстрация возможностей // Плагиат. Повести и рассказы. М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2006. С. 66–78.
30. Гоголь и современный мир. URL: <http://slovari21.ru/news/264> (дата обращения: 16.03.2024).
31. Ольга Славникова: «Ген Толстого есть у каждого русского романиста». URL: <https://lit-ra.info/intervyu/olga-slavnikova-gen-tolstogo-est-u-kazhdogo-russkogo-romanista/> (дата обращения: 16.03.2024).
32. Карасев Л. В. Вещество литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 400 с.
33. Славникова О. Chanel № 5. URL: <https://puhanov.livejournal.com/89130.html> (дата обращения: 16.03.2024).

References

1. Nemzer A. S. *Zamechatel'noye desyatiletie russkoy literatury* [A wonderful decade of Russian literature]. Moscow, Zakharov Publ., 2003. P. 79–108 (in Russian).
2. Nemzer A. C. *Sovremennyy dialog s Gogolem* [Contemporary dialogue with Gogol]. *Novyy mir*, 1994, no. 5, pp. 208–225 (in Russian).
3. Chernyak M. A. *S Gogolem na druzheskoy noge: yubileynye zametki* [With Gogol on friendly terms: anniversary notes]. *Znamya*, 2009, no. 6 (in Russian). URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3943> (accessed 16 March 2024).
4. Rybal'chenko T. L. *Chelovek pishushchiy i chelovek zhivushchiy v povesti N. V. Gogolya "Shinel'" i rasskaze M. Shishkina "Urok kalligrafii"* [The person writing and the person living in the story by N. V. Gogol's "The Overcoat" and M. Shishkin's story "Calligraphy Lesson"]. *N. V. Gogol' i slavyanskiy mir (russkaya i ukrainskaya retseptsiya): sbornik statey* [N. V. Gogol and the Slavic world (Russian and Ukrainian reception): collection of articles]. Tomsk, 2008. Vol. 2. Pp. 329–340 (in Russian).
5. Bal V. Yu. *Obraz Chichikova v sovremennoy russkoy proze* [The image of Chichikov in modern Russian prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 49, pp. 147–168 (in Russian).
6. Bal V. Yu. *Plyushkinskiy syuzhet v romane O. Slavnikovoy "Strekoza, uvelichennaya do razmerov sobaki"* [Plyushkinsky plot in the novel by O. Slavnikova "Dragonfly, enlarged to the size of a dog"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2019, no. 60, pp. 104–132 (in Russian).
7. Rybalchenko T. L. *Telesnyy diskurs kak istochnik fantasticheskogo v rasskazakh Yu. Buydy: problema gogolevskogo vliyaniya* [Bodily discourse as a source of the fantastic in the stories of Yu. Buida: the problem of Gogol's influence]. *N. V. Gogol' i slavyanskiy mir (russkaya i ukrainskaya retseptsiya): sbornik statey* [N. V. Gogol and the Slavic world (Russian and Ukrainian reception): collection of articles]. Tomsk, 2010. Vol. 3. P. 384–480 (in Russian).
8. Rybalchenko T. L. *Gogol' i gogolevskiy khudozhestvennyy mir v tvorcheskoy soznanii V. Otroshenko* [Gogol and Gogol's artistic world in the creative consciousness of V. Otroshenko]. *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti: Po itogam 2-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo tsentra "Russia – Italia" – "Rossiya – Italiya", Tomsk – Novosibirsk, 1–7 iyunya* [Images of Italy in Russian literature: Based on the results of the 2nd International scientific conf. Intl. scientific research Center "Russia – Italia" – "Russia – Italy". Tomsk – Novosibirsk, 1–7 June]. 2009. Tomsk, 2011. P. 269–293 (in Russian).
9. Simon G. A. *Khudozhestvennaya reprezentatsiya antinomii "dobro/zlo" v tvorchestve N. Sadur*: Dis. kand. filol. nauk [Artistic representation of the antinomy "good/evil" in the works of N. Sadur. Diss. cand. philol. sci.]. Ulan-Ude, 2014. P. 45–66 (in Russian).

10. Maron A. *Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v dramaturgii Nikolaya Kolyady*. Dis. dokt. filol. nauk [Forms of expression of author's consciousness in the dramaturgy of Nikolai Kolyada. Diss. doc. philol. sci.]. Zheshuv, 2016. P. 141–184 (in Russian).
11. Shleynikova E. E. "Bashmachkin" O. Bogaeva kak dramaturgicheskii rimeyk [Bashmachkin" by O. Bogaev as a dramatic remake]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Hetzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2007, vol. 8, no. 27, pp. 97–102 (in Russian).
12. Tsipushtanova M. A. Gogolevskiy tekst v tvorcheskoy retseptsii Nikolaya Kolyady (p'yesa "Starosvetskaya lyubov") [Gogol's text in the creative reception of Nikolai Kolyada (play "Old World Love")]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*, 2012, vol. 4, pp. 43–45 (in Russian).
13. Bal V. Yu. Gogolevskiy tekst v p'yesakh N. Kolyady (na materiale poemy "Mertvyye dushi" i komedii "Revizor") [Gogol's text in the plays of N. Kolyada (based on the poem "Dead Souls" and the comedy "The Inspector General")]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2020, no. 4, pp. 133–147 (in Russian).
14. Meladshina Yu. V. *Gogolevskiy tekst v romane V. A. Sharova "Vozvrashcheniye v Egipet: Vybrannyye mesta iz perepiski Nikolaya Vasil'yevicha Gogolya (vtorogo)"*. Dis. kand. filol. nauk [Gogol's text in the novel by V. A. Sharov "Return to Egypt: Selected passages from the correspondence of Nikolai Vasil'yevich Gogol (second)". Diss. cand. philol. sci.]. Perm, 2019. 228 p. (in Russian).
15. Bal V. Yu. Terpeniye i neterpeniye v russkom messianstve (roman V. Sharova "Vozvrashcheniye v Egipet") [Patience and impatience in Russian messianism (V. Sharov's novel "Return to Egypt")]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog. Vypusk 11: Terpeniye: khudozhestvennaya interpretatsiya i tvorcheskaya praktika v russkoy literature XX veka* [Russian literature in the twentieth century: names, problems, cultural dialogue. Vol. 11: Patience: artistic interpretation and creative practice in Russian literature of the twentieth century]. Tomsk, TSU Publ., 2021. Pp. 90–110 (in Russian).
16. Bal V. Yu. Literaturnaya reputatsiya Gogolya: mezhdru dvukh kanonov (na materiale 200-letnego yubileya pisatelya v 2009 godu). Stat'ya 1 [Gogol's literary reputation: between two canons (based on the writer's 200th anniversary in 2009) Article 1]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2020, no. 68, pp. 213–242 (in Russian).
17. Bal V. Yu. Literaturnaya reputatsiya Gogolya: mezhdru dvukh kanonov (na materiale 200-letnego yubileya pisatelya v 2009 g.). Stat'ya 2 [Gogol's literary reputation: between two canons (based on the writer's 200th anniversary in 2009) Article 2]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 70, pp. 184–198 (in Russian).
18. *Teoriya literatury: uchebnoye posobiye dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy: v 2 tomakh. T. 1: Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika* [Theory of literature: a textbook for students of philological faculties of higher educational institutions: in 2 volumes. Vol. 1: Theory of artistic discourse. Theoretical poetics]. Eds Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broymann S. N. Moscow, 2004. 512 p. (in Russian).
19. Eykhenbaum B. M. Kak sdelana "Shinel'" Gogolya [How Gogol's «Overcoat» was made]. *O proze. Sbornik statey* [About prose. Collection of articles]. Leningrad, KHudozhestvennaya literatura Publ., 1969. P. 306–326 (in Russian).
20. Skoropanova I. S. *Russkaya postmodernistskaya literatura: uchebnoye posobiye* [Russian postmodern literature: a textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2001, 608 p. (in Russian).
21. Leyderman N., Lipovetskiy M. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy: v 2 tomakh. Tom 2: 1968–1990* [Modern Russian literature: 1950–1990s: a textbook for students of higher educational institutions: vol 2: 1968–1990]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 688 p. (in Russian).
22. Lotman Yu. M. *Semiosfera*. Saint Petersburg, 2004. 704 p. (in Russian).
23. Bocharov S. G. O stile Gogolya [About Gogol's style]. *Tipologiya stilevogo razvitiya novogo vremeni: Klassicheskii stil'. Sootnosheniye garmonii i disgarmonii v stile* [Typology of stylistic development of modern times: Classical style. The relationship between harmony and disharmony in style]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 409–445 (in Russian).
24. Mann Yu. V. Karnaval i yego okrestnosti [Carnival and its surroundings]. *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's work: meaning and form]. Saint Petersburg, 2007. P. 656–682 (in Russian).
25. Rybal'chenko T. L. Situatsiya otkaza ot pisatel'stva v romanakh M. Bulgakova, B. Pasternaka, V. Makanina [The situation of refusal to write in the novels of M. Bulgakov, B. Pasternak, V. Makanin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2003, no. 277, pp. 133–143 (in Russian).
26. Abasheva M. P. *Literatura v poiskakh litsa (russkaya proza v kontse XX veka: stanovleniye avtorskoy identichnosti)* [Literature in search of a face (Russian prose at the end of the 20th century: the formation of authorial identity)]. Perm, Perm University Publ., 2001. 320 p. (in Russian).
27. Makanin V. *Andegraund, ili Geroy nashego vremeni* [Underground, or Hero of Our Time]. Moscow, VAGRIUS Publ., 1999. 557 p. (in Russian).
28. Mal'kova A.V. Situatsiya govoreniya v romane V. Makanina "Andegraund, ili Geroy nashego vremeni" [The situation of speaking in V. Makanin's novel "Underground, or Hero of Our Time"]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 3, pp. 104–116 (in Russian).
29. P'yetsukh V. A. Nikolayu Vasil'yevichu. Demonstratsiya vozmozhnostey [To Nikolai Vasil'yevich. Demonstration of capabilities]. *Plagiat. Povesti i rasskazy* [Plagiarism. Novels and stories]. Moscow, Globulus, House NC Publ., 2006. P. 66–78 (in Russian).

30. *Gogol' i sovremennyy mir* [Gogol and the modern world] (in Russian). URL: <http://slovari21.ru/news/264> (accessed 16 March 2024).
31. *Ol'ga Slavnikova: "Gen Tolstogo est' u kazhdogo russkogo romanista"* [Ol'ga Slavnikova: "Every Russian novelist has Tolstoy's gene"] (in Russian). URL: <https://lit-ra.info/intervyu/olga-slavnikova-gen-tolstogo-est-u-kazhdogo-russkogo-romanista/> (accessed 16 March 2024).
32. Karasev L. V. *Veshchestvo literatury* [The substance of literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 400 p. (in Russian).
33. Slavnikova O. *Chanel № 5* (in Russian). URL: <https://puhanov.livejournal.com/89130.html> (accessed 16 March 2024).

Информация об авторе

Баль В. Ю., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: balverbal@gmail.com

Information about the author

Bal V. Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: balverbal@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 26.03.2024; accepted for publication 24.05.2024

УДК 821.511.132-1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-146-153>

Художественное своеобразие пейзажной лирики детской литературы коми

Лидия Егоровна Сурнина

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия,
ORCID ID: 0000-0002-4189-7980, surninalida@mail.ru*

Аннотация

Статья входит в комплекс исследований коми детской поэзии. Автор прежде всего дает характеристику пейзажной лирике, которая, как и вся коми литература, движется в реалистическом направлении, решая задачи не только нравственного воспитания подрастающего поколения, но и формирования у маленьких читателей любви к своей малой родине, к родной природе. Главным своеобразием произведений является то, что в них показаны в основном природные явления и предметы, характерные для коми пейзажа. В стихотворениях изображаются конкретные приметы времен года, которые внутренне близки и понятны маленькому читателю. Анализ позволил выявить: поэтические произведения не отличаются многообразием цветочных элементов, что соответствует образу неброской красоты северного края. Однако сдержанность красок компенсируется продуманной звуковой организацией стиха. Исследование также показало, что часто встречающимися средствами создания образности в текстах становятся сравнение и олицетворение, с помощью которых поэты дают ребенку возможность увидеть окружающий мир глазами живой, говорящей природы. Кроме того, было установлено, что поэтика многих детских стихотворений коми литературы опирается на устное народное творчество. Конечно, данные лирические тексты нельзя назвать пейзажными в традиционном смысле, так как в них поэты не столько изображают картины родного края, сколько в игровой форме показывают маленькому читателю окружающий их мир. Но именно такие поэтические произведения позволяют ребенку с детства ощутить себя в контексте природы.

Ключевые слова: коми поэзия, стихотворения о природе, детский фольклор, национальная картина мира, воспитательная функция

Благодарности: публикация выполнена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, плановая тема НИР «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира» (FUUU – 2022-0090).

Для цитирования: Сурнина Л. Е. Художественное своеобразие пейзажной лирики детской литературы коми // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 146–153. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-146-153>

Artistic originality of landscape lyrics of Komi children's literature

Lidiya E. Surnina

*Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation,
ORCID ID: 0000-0002-4189-7980, surninalida@mail.ru*

Abstract

The article is a part of the complex of studies of Komi children's poetry. The author characterizes landscape poetry, which, like all Komi literature, is moving in a realistic direction, solving the problems of not only the moral education of the younger generation, but also the formation in young readers of love for their small homeland, for their native nature. The main originality of the works is that they mainly show natural phenomena and objects characteristic of the Komi landscape. The poems depict specific signs of the seasons, which are internally close and understandable to the little reader. The analysis revealed that poetic works are not distinguished by a variety of color elements, which corresponds to the image of the discreet beauty of the northern region. However, the restraint of colors is compensated by the thoughtful sound organization of the verse. The study also showed that comparison and personification are common means of creating imagery in texts, with the help of which poets give the child the opportunity to see the world around him through the eyes of living, speaking nature. In addition, it was found that the poetics of many children's poems in Komi literature

is based on oral folk art. Of course, these lyrical texts cannot be called landscape texts in the traditional sense, since in them the poets do not so much depict pictures of their native land, but rather show the little reader the world around them in a playful way. But it is precisely such poetic works that allow a child to feel himself in the context of nature from childhood.

Keywords: *Komi poetry, poems about nature, children's folklore, national picture of the world, educational function*

Acknowledgments: The publication was made as part of the implementation of the state task of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the planned research topic of "Komi literature: features of the artistic reproduction of the worldview" (FUUU – 2022-0090).

For citation: Surnina L. E. Khudozhestvennoye svoeobraziye peyzazhnoy liriki detskoj literatury komi [Artistic originality of landscape lyrics of Komi children's literature]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 146–153 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-146-153>

Введение

Исследователями отмечается, что к творчеству писателей, пишущих для детей, предъявляются чрезвычайно важные требования: актуальность темы, умение раскрыть ее понятным языком, заинтересовать ребенка, владение высокохудожественным словом и воспитательными навыками. Необходимость подобных требований в целом понятна, потому что литературные произведения выступают «книгой жизни» для подрастающего поколения [1, с. 61] и «детство – это не райское место, далекое от нашего бренного мира, это часть реальной жизни, и в нем тоже есть свет и тьма, тепло и холод, чистота и порядок» [2, с. 212].

В Коми Республике писателей, которые писали бы только для детей, нет, для них пишут почти все «взрослые» авторы. Начиная с появления коми-зырянской письменности в XIV в. и до второй половины XIX в. специальных произведений для детей не существовало. История коми детской литературы начинается с середины XIX в. [3, 4], когда И. А. Куратовым были заложены основы детской поэзии в жанрах стихотворения-сказки и басни. «Козинъяс Коляль» («Подарки Коле») – под таким названием в тетрадах поэта сохранился сборник текстов, посвященный племяннику. Цикл состоит из 15 произведений, написанных как на основе народных сказок («Тури да рака» – «Журавль и ворона»), так и по мотивам басен И. А. Крылова («Чирка-кодзула» – «Стрекоза и муравей», «Дзодзӧг, сирипи-й рак» – «Лебедь, щука и рак»). Детский читательский репертуар на коми языке был существенно расширен Г. С. Лыткиным в 1889 г., опубликовавшим в составе своей книги «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» тексты русского фольклора в переводе на коми язык, а также произведения коми устного народного творчества. В первой четверти XX в. решающее значение для становления детской литературы имели школьные книги для чтения: «Шонді югӧр» (Луч солнца), «Парма ель» (Лесной ручей), «Выль

туйӧд» (Новой дорогой) и др. Активное участие в их создании приняли В. Т. Чисталев, И. Т. Чисталев, В. И. Лыткин, Н. А. Шахов, М. Н. Лебедев, В. А. Савин, А. А. Суханова. Большую роль в формировании детской литературы после революции сыграла также периодика – газеты «Югӧд туй» (Светлый путь) и «Коми сикт» (Коми село), журналы «Коми му» (Коми земля) и «Ордым» (Тропинка), на страницах которых печатались произведения, предназначенные специально для детей.

Анализ научных работ по теме исследования показывает, что детская литература становится предметом изучения с точки зрения ее зарождения и развития [5–9], рассматривается в контексте литературной жизни национальных республик [10–14]. Что касается детской поэзии, то она преимущественно рассматривается с точки зрения тематического, образного, жанрового [15–18] и субъектного строя [19–22].

Материал и методы

Материалом исследования послужили поэтические произведения детских поэтов Республики Коми. В работе использован описательно-функциональный метод анализа художественного текста. Большое значение для нас имел и традиционный в литературоведении структурно-семантический подход, выявляющий функцию конкретных художественных средств в формировании поэтической идеи произведений.

Результаты и обсуждение

Произведения коми поэтов, адресованные детям, отличаются жанрово-тематическим разнообразием. Авторы работают с традиционными для детской литературы темами: стихотворения о школе и учебе, о дружбе, о труде и помощи взрослым, о животных, об окружающем мире, о родном крае и ее природе. Жанровый диапазон коми детской поэзии определяется в основном стихотворением и басней (в последней успешно работали И. Куратов,

М. Лебедев, В. Чисталев, В. Елькин, И. Вавилин, Э. Тимушев). Лирика для детей вбирает в себя также и привычные фольклорные жанры: загадку, считалку, стихотворную сказку, «выросшую» из прозаического фольклорного жанра сказки, небылички, прибаутки. Однако ведущим жанром коми детской поэзии становится пейзажная лирика, которая, как и вся коми литература, движется в реалистическом направлении, решая задачи не только нравственного воспитания подрастающего поколения, но и формирования у маленьких читателей любви к своей малой родине, к родной природе. О живописности Коми края для детей писали В. Чисталев, В. Савин, Ю. Попова, М. Лебедев, В. Лыткин, С. Попов, Н. Щукин, А. Некрасов (Гамса), А. Мишарина и другие. Поэты очень трепетно относятся к описанию родного края, детально вырисовывая и погружая маленького читателя в коми пейзажи:

*Дзордзав жё, Коми му, коляоз дзоридзён,
Сьёлаоз синьясён, гёрд лежнөг цветъясён!
Бьдымы жё, парма шёр коз.
Кисьмы жё, керёсдор оз!*

(В. И. Лыткин «Мунёны» [23, с. 44].)

Цвети, Коми земля, цветком северюхи,
Глазами поленики, цветами красного шиповника!
Расти ж, ель в центре пармы.
Созревай ж, земляника по бокам пригорки!
«Идут»

(Здесь и далее подстрочный перевод стихотворений коми поэтов выполнен автором статьи. – Л. С.)

В пейзажной лирике отразились живые картины коми природы – неброская красота лета, суровая величавость зимы, яркая красочность осени, бескрайние просторы родного края, богатство лесных даров:

<i>Коми му кузя ме муна.</i>	Я иду землею Коми.
<i>Гөгөр сулалё сьёд вёр.</i>	Везде могучая тайга.
<i>Вёрыс вывты-вывты уна,</i>	Леса очень-очень много,
<i>Сыысь унаыс оз тёр</i>	Больше этого не может быть.
М. Лебедев «Коми му»	«Коми земля»
[24, с. 277].	

В анафорических и внутренних повторах в стихотворении М. Лебедева: *сэнi пожём* (там сосна), *сэнi коз* (там ель), *сэнi вайкёдчёны тпу чойкёд еджыд коз* (там с сестрой осиною шепчется береза), *сэнi сусупу* (там кедр), *сэнi пельсы* (там рябина), *сэнi льём* (там черемуха), – заключена панорамная картина северного края, в которой природные образы даются в движении и динамике: *тапикасьё ош* (бродит неслышными шагами медведь), *ветлё кёин*, *корсьё кынёмпёт* (ходит волк, ищет пропитание), *ручыс пырё гуд*, *бурён некодлы оз шед* (лиса в нору лезет, просто так никому не даст себя пой-

мать), *кёчыс дзебсьё, видзё ассьыс дона юр* (заяц прячется, бережет свою голову), *дозмёр пувсё сейё* (глухарь бруснику ест), *гөгөр жуё сьёла, тар* (всюду снуют рябчики и тетерева), *ёдйё-ёдйё пуд кайё ур* (быстро-быстро на дерево взбирается белка), *тури кокнас нюрсё лойё* (журавль ногами замешивает болото).

В стихотворениях для детей поэтами главным образом изображаются времена года, это видно уже по названиям стихотворений: «*Аръявыв*» (На исходе лета), «*Гожём пом*» (Конец лета), «*Гожёмын*» (Летом), «*Тувсов войын*» (В весеннюю ночь), «*Лым чирьяс*» (Снежинки) В. Т. Чисталева; «*Тёвся вёрын*» (В зимнем лесу), «*Ар*» (Осень), «*Тувсов асывводз*» (Весеннее утро), «*Тёвся войын*» (Зимней ночью) Ю. Поповой; «*Гожся асыв*» (Летнее утро), «*Воис тулыс*» (Пришла весна), «*Арся вой*» (Осенний вечер), «*Лым*» (Снег), «*Тулысын*» (Весной) В. И. Лыткина; «*Усьё лым*» (Падает снег), «*Тёвся рытё*» (В зимнюю ночь), «*Тувсов серпас*» (Весенняя картина), «*Дженьыд тэ, войвывса гожём*» (Коротко ты, северное лето) С. Попова и др. Но в этих традиционных пейзажных зарисовках поэты передают оригинальные коми приметы. В стихотворениях говорится о том, что видит ребенок вокруг себя круглый год: это не только весенняя радуга, чирикающая на заборе трясогузка, жаркое солнце, сенокос, сбор урожая, золотая осень, улетающие на юг журавли, зимний лес (например, «*Менам чужан му*» – «Моя родная земля», «*Кёка войяс*» – «Белые ночи», «*Кыдзьяс*» – «Березы», «*Войвывса сонетьяс*» – «Северные сонеты» А. Ванеева); но и дремучая тайга и ее обитатели, чистые лесные реки и озера, жизнь коми деревни, северян – охотников, жителей тайги (к примеру, стихотворения Ю. Васютова «*Чужан му*» – «Родная земля», «*Рас*» – «Роща», «*Воис тёв*» – «Пришла зима», «*Гожём*» – «Лето»).

Часто встречающимся средством создания образности в стихотворениях для детей коми поэтов является олицетворение: *лёз синма тёвру турун пёвстё водё* – синеглазый ветер ложится меж травы, *вёр сайсянь рытыс пуксьё-локтё подён* – из-за леса вечер садится-идет пешком, *со енэж пёрччё ёшкамёшка вёньсё* – вот небо снимает пояс радуги, *сьылё, шогсьё, сералё дзор му* – поет, грустит, смеется поседевшая земля (В. Напалков «*Рытгоруыв*» – «Под вечер»); *пуяс костын тёвру узё* – меж деревьев теплый ветерок спит, *мойдкыв мойдё пёрысь коз* – сказки рассказывает старая ель (А. Некрасов «*Асья серпас*» – «Утренняя картина»). С помощью приема персонификации поэты предоставляют ребенку увидеть окружающую действительность глазами живой, говорящей природы.

Часто используется и такой прием, как сравнение, объектом которого становятся преимущест-

венно природные явления и животные: *лым тола кодь нач енэжас кык кымөр* (на небе два облака, словно снежные сугробы; Н. Щукин «Гожся лун» – «Летний день»), *вөр-ва быттьё узьё* (природа словно спит; А. Ванеев «Во гогөр» – «Круглый год»), *быттьё бисер кисьтис, сынёд сэтшюм сётюм* (словно бисер насыпали, воздух такой свежо-кристальный; А. Мишарина «Асыв» – «Утро»), *шытёг, кань моз, гусьён сиктё төвру нырис* (беззвучно, словно кошка, тихонько в село ветерок пробрался; В. Лодыгин «Төвру» – «Ветерок»), *быттьё зэрсё печкё кодкё* (словно кто-то тонко прядет этот дождь; В. Бабин «Войся зэр» – «Ночной дождь»); *шөвк тупыль кодь* (словно шелковый клубок; В. Лыткин «Кань» – «Кошка»), *юрыс вый тупыль кодь, пельясыс эзысь туг кодь* (головушка, словно масляная; уши, как серебряные кисточки; «Кёчинь» – «Зайныка»). Сравнения основаны на ассоциациях с предметами и явлениями, хорошо известными ребенку. Например, в стихотворении В. Бабина «Войся зэр» (Ночной дождь) летний теплый ночной дождь по цветовым и внешним признакам сравнивается с тем, с чем ребенок сталкивается в повседневной жизни, с тем, что ему знакомо с детства, – с прядением:

*Быттьё зэрсё печкё кодкё
Медся небьид вурунсьыс.
Гартчё шёртыс, пушыд шёртыс
Дэбыд ваа шорьясён.
Муыс, кодьыр кыптас кыа,
Мича дөрём пасьталас* [25, с. 28].

Словно кто-то тонко прядет дождь
Из самой мягкой шерстяной пряжи.
Вьется пряжа, пушистая пряжа
Теплыми многоводными ручьями.
Земля, когда наступит рассвет,
Красивую рубашку наденет.

Анализ стихотворений позволил выявить, что поэтические произведения о природе коми поэтов не отличаются многообразием цветовых элементов, что как раз соответствует образу неброской красоты северного края. Цветовую гамму пейзажной лирики составляют такие цвета, как белый, прозрачно-серебристый, красный, золотой. Преимущественно это характерно для стихотворений, посвященных временам года, в которых отразились живые картины живописной осени, торжественно-нарядной зимы, звенящих ручьев и капли весны и неброской притягательности северного лета. Так, например, красные оттенки – это и цвет зарождающегося дня, и цвет отличительной черты осенней северной природы: *алдй чужёмбана кыа мича асья серпас кыё* (заря с алыми щечками плетет красивый утренний узор; А. Некрасов «Кыа» – «Заря»), *гөрдёддё пельсь* (раскраснелась рябина; Н. Щукин «Ар» – «Осень»). Белый связан с образами как снега, метели, зимы: *вёрыс еджыдён вёччё*

(лес одевается в белое; А. Мишарина «Кёч гён кок улын» – «Под ногами заячий пух»), *еджыд шалья гартчё турёб* (кружится вьюга белой шалью; А. Мишарина «Декабрь»); так и с образом цветущей весенней черемухи (*льём кышё еджыд рём* – черемуха покрывается белым цветом; А. Ванеев «Дзоридзалысь льём» – «Цветущая черемуха»).

Сдержанность красок в стихотворениях для детей компенсируется продуманной звуковой организацией стиха. Поэты пишут для детей богатым языком, где есть своеобразный звукоряд. Например, стихотворение В. Лыткина «Кодь кызди горзё» (Кто как кричит) целиком построено на звукоподражаниях, в нем звери и птицы не называются нарицательными именами, но детям легко угадать животных по тем звукам, которые они издают:

*Юрсё лэптас вылө,
«Кукуруллю» сьылө.
Дзирья дорын «Ув!»
«Му-му!» – горзё, оз ов чөв:
– Кодлы колө чөскыд йөв?»
Майёг йылын «Крав!»* [24, с. 229]

Голову поднимет высоко,
«Кукареку» поет.
Около калитки «Гав!»
«Му-му» – кричит, не молчит:
– Кому надо вкусное молоко?»
На заборе «Каррр!»

Голоса животных на разных языках звучат по-разному. В произведениях В. Лыткина они написаны так, как коми люди слышат эти звуки. Петух кричит «*кикуруллю*». Собака лает «*ув-ув*». Даже ворона не «каркает», а кричит «*крав!*». Все это не только увеличивает словарный запас маленьких читателей, но и знакомит их с окружающим их миром. В стихотворении «Кань» (Кошка) с помощью повторяющихся мягких звуков *нь, ль, дь, нь, нь, си, нь* поэтом создается умиротворенная картина мира, в котором ребенок будет чувствовать себя спокойно и добродушно.

*Ошинь вылын шондй водзын
Шөвк тупыль кодь шань
Еджыд уска, куньса синма
Куткырвидзё кань.
Зумьшитчёма, вомгуралас
Мыйкё мойдө: «куррр»* [24, с. 228].

На подоконнике под солнцем
Ласковый, словно шелковый моток,
Белосый, с закрытыми глазами
Съежился кот.
Насунился и тихонечко
Что-то рассказывает: «муррр»

Таким образом, читая произведения В. Лыткина о животных, маленький читатель не только узнает об их жизни и повадках, знакомится с окружаю-

щим миром, но учится любить природу, зверей и птиц, заботиться о них, уважать своих близких.

Звукописью коми поэты в основном изображают природные явления. Так, в стихотворении С. Попова «Зэр бӧрын» (После дождя) изображается картина омытой дождями обновляющейся природы. Все в этом произведении для ребенка будет загадочно, сказочно-волшебство – тонкие серебряные паутинки дождя свисают с неба (*киссьӧ эзысь черяньвезысь*), не слышно шелеста берез (*дугдӧс вӧрны кудз ту кор*), отдаленным эхом погромыхивает гром (*кӧнкӧ ылын, ӧдва кылӧ, сӧмын мургӧ гымлӧн гор*), узкая тропинка одиноко бредет куда-то вдаль (*векни туйыс водзӧ уйӧ*), весенний воздух переполнен запахом меда (*тувсов сынӧд быттьӧ ма*), радуга пьет воду из прозрачно-чистого ручья (*сӧстӧм шорысь ӧшкамӧшка юӧ ва*). Но именно звуковая оркестровка стихотворения (*сь-з-з-сь-с-с, ӧ-э-ы-ӧ-ы-ӧ*) передает шум дождя, состояние свежести и чистоты природного мира:

<i>Мыссьӧм мусӧ,</i>	Умывшуюся землю,
<i>Югӧд юсӧ</i>	Прозрачную воду
<i>Сывъяс босьтӧс</i>	Крепко обнял
<i>Зарни кытши</i> [26, с. 36]	Золотой круг.

Или, например, в стихотворении А. Мишариной «Ель» (Лесная речушка), в которой фонетическое соединение (*сь-с-с-с-сь-с-сь-с; ӧ-ӧ-ӧ-ӧ-ӧ-ы-ы-о-о-ӧ-ы-ы-ӧ-ы*) создает звуковую картину движения ручья и дает маленькому читателю ощутить его своеобразие, чистоту и обыкновенную красоту:

*Веж бадь увтӧ гусьӧн ичӧт ель
Сӧстӧм васӧ асьыс лӧня нуӧ.
Ас йывсьыс дзик некодлы оз доль*
[27, с. 44].

Под зеленой ивой тихонько ручеек
Прозрачную воду свою несет.
Про себя совсем никому не говорит.

В стихотворении А. Некрасова «Арся зэр» («Осенний дождь») сочетание свистяще-шипящих звуков (*со-сьы-се-ся-сьы-шӧ-чӧ-шу-ш*) связывает между собой образ осеннего дождя (*петкӧдлӧ со а-сьы-ыс се-р талун бара ар-ся зэр*) с образами шепчущих между собой деревьев (*льӧм да пель-сь шӧ-пкӧд-чӧ-ны: «Шу-ш-тӧм пӧра локтӧ ӧни»*) [28, с. 15].

Звуковая игра свойственна и русскоязычным поэтам Республики Коми, также воспевающим в своих стихотворениях красоту Севера и его неповторимые краски:

Шла по лужам тетенька –
Солнышкоконесетенька.
Ножка левая – в сапожке,
Ножка справа – в босоножке.
Эта тетенька – Весна.
Торопилась к нам она.

А. Журавлев «Шла Весна по Воркуте»
[29, с. 12].

С помощью растягивания слова (солнышкоконесетенька) в сочетании образного ряда (ножка левая – в сапожке, ножка справа – в босоножке) поэт подчеркивает главную особенность северной весны – ее переменчивый, затяжной характер.

Анализ стихотворений позволил выявить, что поэтика многих детских стихотворений коми литературы опирается на устное народное творчество. Конечно, стихотворные тексты, основанные на фольклорных жанрах, нельзя назвать пейзажными в традиционном смысле, так как в них поэты не столько изображают природу, сколько в игровой форме показывают маленькому читателю окружающий их мир. Но именно такие поэтические произведения позволяют ребенку с детства ощутить себя в контексте природы. Например, произведения Ю. Поповой «Кекӧнач» – «Ладушки», «Рӧдтӧм, гӧнитӧм» – «Рысью скачем», «Катша рок нуӧ» – «Сорока кашу варит», «Качӧдла» – «Подбрасываю», созданные по модели фольклорных пестушек, на доступном детям уровне дают представление о национальной картине мира, в которой ребенок находится в самом центре: он осваивает не только свое тело (*кекӧ... – рука*), но и знакомится с окружающим его миром: *гӧбӧч выв* (помост под лазом в подполье), *пӧлать пельӧс* (угол полата), *ӧшинь увт* (под окном), *карта сай* (место за сараем), *паськыд туй* (широкая дорога), *вӧрса ордым* (лесная тропинка). Таким образом, в результате многократных повторений песни-игры ребенок младшего возраста осваивает себя и разворачивающееся перед ним пространство:

*Кекӧнач! Кекӧнач!
Видлам лӧбны ми вот тадз:
Кекӧ лӧбис, лӧбис, лӧбис,
Сэсья вылӧ-вылӧ лӧбис... [30, с. 2]*

Ладушки! Ладушки!
Попробуем вот так полететь:
Рученьки полетели, полетели, полетели,
А потом еще выше-выше полетели...

Художественные приемы такой фольклорной жанровой формы, как загадка, активно используются Н. Щукиным. Его стихотворения-загадки можно использовать не только при обучении ребенка чтению, счету, простым арифметическим действиям, но для ознакомления маленького читателя с флорой и фауной родного края:

*Лӧӧ медся ыджыд зверӧн,
Олӧ-вылӧ парма-вӧрын.
Дойдан – асьтӧ дойдны вермас,
Тайӧ гӧрба ныра ... (йӧра) [31, с. 9]*

Он – самый большой зверь,
Живет в тайге, в лесу.
Ранишь, самого сможет ранить,
Это с горбатым носом... (лось)

Подводя итоги, можно говорить о том, что коми детская поэзия, как и вся коми литература, движется в реалистическом направлении, решая задачи не только нравственного воспитания подрастающего поколения, но и формирования у детей любви к своей малой родине, к родной природе. В своих произведениях для детей поэты раскрывают неповторимость северного края, при создании образа которого используют преимущественно приемы олицетворения, сравнения и звукописи.

Заключение

Анализ поэтических произведений позволяет говорить о том, что общее в коми детской поэзии, как и во всей коми литературе, – это тема малой родины и ее природы. Воспитание у детей любви к родной природе в произведениях детских писателей – явление общемировое. В коми детской литературе образ природы определяется отражением национальной действительности. С древнейших времен коми народ связывал воедино два понятия – лес и жизнь. Это и древесина, и охот-

ничьи промыслы, заготовка продуктов питания, лекарственных растений. Природа коми человека поила и кормила. Это отразилось не только в фольклоре и в прозаических произведениях для детей, но и в детской поэзии. Главным своеобразием произведений коми детских поэтов является то, что в них показаны в основном природные явления и предметы. В то же время пейзажные стихотворения отличаются реалистической достоверностью картин. В них изображаются конкретные приметы времен года, наглядные образы коми природы, которые были бы внутренне близки и понятны каждому ребенку. Поэты Республики Коми прививают маленькому читателю бережное отношение к северной природе, чуткую любовь к родному краю и языку, уважение духовно-нравственных традиций. Авторские произведения, созданные по модели фольклорных текстов, также являются приобщением ребенка к эстетической стороне родного языка, и главное – на доступном детям уровне дают первичную информацию о национальной картине мира.

Список источников

1. Мингазова Л. И. Специфика и уникальность поэзии для детей Роберта Миннуллина // Мир науки и мысли. 2023. № 2. С. 60–67.
2. Жукова В. А. Образ ребенка в поэзии Бай Бина // Восток – Запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков. Материалы V Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 15 марта 2022 г.). Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2022. С. 211–219.
3. Югов С. А. Становление и развитие коми детской литературы: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1996. 164 с.
4. Рочев Ю. Г. Детская литература // История коми литературы: в 3 т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. Т. 2. С. 149–156.
5. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебник для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. М.: Академия: Высшая школа, 2002. 470 с.
6. Мефодьев А. И. Чувашская детская литература. Ч. I: Истоки, возникновение, формирование. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2008. 200 с.
7. Исломодов Д., Нозимов А. А. Зарождение и развитие таджикской детской литературы // Вестник педагогического университета. 2021. № 6 (95). С. 163–166.
8. Бакула В. Б. Становление детской литературы российских саамов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019. № 4 (72). С. 83–91.
9. Мижит Л. С. Достижения тувинской литературы в советский период // Азиатские исследования: история и современность. 2022. № 1. С. 73–85.
10. Родионов В. Г. Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 551 с.
11. Кудрявцева Р. А. Марийская литература в контексте сравнительной филологии: учеб. пособие. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2012. 100 с.
12. Богомолова З. А. Штрихи к портрету детской литературы Удмуртии // На переломе эпох: Союзу писателей Удмуртии 70 лет (1934–2004): статьи, стихотворения, прозаические произведения, документы. Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 232–237.
13. Лямова Б. Х., Куижева З. Р. Роль адыгейской печати и публицистики 1920–30-х годов в становлении национальной детской литературы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 3 (242). С. 127–132.
14. Ванюшев В. М. Литература для детей и юношества // История советской удмуртской литературы: в 2 т. Т. 2. Ижевск: Удмуртия, 1988. С. 173–191.
15. Гагиева И. М. Детская поэзия в творчестве ингушского поэта Гирихана Гагиева // Приоритетные направления научных исследований. Анализ, управление, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. I. Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2022. С. 56–60.
16. Зайцева Т. И., Разина Ю. Н. Художественный мир поэзии и прозы удмуртского детского писателя Г. А. Ходырева. Ижевск: Удмуртский университет, 2019. 218 с.

17. Косова Л. А. Художественный мир современной коми-пермяцкой поэзии. Кудымкар: Коми-Перм. книжн. изд-во, 2007. 144 с.
18. Курмангулова Ш. А. Ногайская детская поэзия 30–40 гг. XX в. (на примере творчества М. Курманалиева) // Клычевские чтения – 2022. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию абазинской письменности. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2022. С. 179–185.
19. Зайцева Н. В. Образ автора в лирике для детей. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический университет, 2007. 178 с.
20. Мингазова Л. И. Татарская детская поэзия 1960–2000-х годов: своеобразие форм выражения авторского сознания // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 2 (20). С. 160–162.
21. Сурнина Л. Е. Поэтический мир как способ выражения авторского сознания в детской лирике А. И. Некрасова (Гамса) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 2. С. 319–327.
22. Сурнина Л. Е. Формы выражения авторского сознания в детской поэзии Н. Щукина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 136–144. DOI: 10.23951/1609-624X-2023-4-136-144
23. Лыткин В. И. Дзордзав жё, Коми му: висьтъяс да кывбуръяс [Расцветай, Коми край: рассказы и стихи]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 256 с.
24. Лебедев М. Н. Бёрйём гижёдъяс [Избранные произведения]. Сыктывкар: Комигосиздат, 1940. 319 с.
25. Бабин В. Вуджёр [Отражение]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 47 с.
26. Попов С. Лёз энэж улын [Под голубым небом]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 126 с.
27. Мишарина А. П. Войвыв дзоридз [Северный цветок]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. 111 с.
28. Некрасов А. И. (Гамса). Авъя лэбач – коми кыв [Золотая птица – коми язык]: стихи на коми языке. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. 32 с.
29. Журавлев А. Что такое Заполярье. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1992. 24 с.
30. Попова Ю. Кекёнач [Ладушки]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. 12 с.
31. Щукин Н. А. Тёлка чипан: нёкдывъяс, кывбуръяс, висьтъяс, мойдъяс [Хитроумный цыпленок: загадки, стихи, рассказы, сказки]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 190 с.

References

1. Mingazova L. I. Spetsifika i unikal'nost' poezii dlya detey Roberta Minnullina [Specificity and uniqueness of poetry for children by Robert Minnullin]. *Mir nauki i mysli – The World of Science and Ideas*, 2023, no. 2, pp. 60–67 (in Russian).
2. Zhukova V. A. Obraz rebyonka v poezii Bay Bina [The image of a child in Bai Bing's poetry]. *Vostok – Zapad: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty prepodavaniya yevropeyskikh i vostochnykh yazykov. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novosibirsk, 15 marta 2022 g.)* [East – West: theoretical and applied aspects of teaching European and Eastern languages. Materials of the V International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, March 15, 2022)]. Novosibirsk, SGUPS Publ., 2022. Pp. 211–219 (in Russian).
3. Yugov S. A. *Stanovleniye i razvitiye komi detskoj literatury*. Dis. kand. filol. nauk [Formation and development of Komi children's literature: dissertation for the academic degree of candidate of philological sciences. Diss. cand. philol. sci.]. Syktyvkar, 1996. 164 p. (in Russian)
4. Rochev Yu. G. Detskaya literatura [Children's literature]. *Istoriya komi literatury: v 3 tomakh. Tom 2* [History of Komi literature: in 3 volumes. Vol. 2]. Syktyvkar, Komi kniznoye izdatel'stvo Publ., 1980. Pp. 149–156 (in Russian).
5. Arzamastseva I. N., Nikolayeva S. A. *Detskaya literatura: uchebnik dlya studentov vysshikh i srednikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [Children's literature: a textbook for students of higher and secondary pedagogical educational institutions]. Moscow, Akademiya, Vysshaya shkola Publ., 2002. 470 p. (in Russian).
6. Mefod'yev A. I. *Chuvashskaya detskaya literatura. Chast' I: Istoki, vznikoveniye, formirovaniye* [Chuvash children's literature. Part I: Origins, emergence, formation]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2008. 200 p. (in Russian).
7. Islomodov D., Nozimov A. A. Zarozhdeniye i razvitiye tadjikskoy detskoj literatury [The origin and development of Tajik children's literature]. *Vestnik pedagogicheskogo universiteta – Herald of the Pedagogical University*, 2021, no. 6 (95), pp. 163–166 (in Russian).
8. Bakula V. B. Stanovleniye detskoj literatury rossiyskikh saamov [Formation of children's literature of the Russian Sami]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova – Vestnik of North-Eastern Federal University*, 2019, no. 4 (72), pp. 83–91 (in Russian).
9. Mizhit L. S. Dostizheniya tuvinskoy literatury v sovetskiy period [Achievements of Tuvan literature in the Soviet period]. *Aziatskiye issledovaniya: istoriya i sovremennost' – Asian studies: history and modernity*, 2022, no. 1, pp. 73–85 (in Russian).
10. Rodionov V. G. *Etnos. Kul'tura. Slovo* [Ethnos. Culture. Word]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2006. 551 p. (in Russian)
11. Kudryavtseva R. A. *Mariyskaya literatura v kontekste sravnitel'noy filologii: uchebnoye posobiye* [Mari literature in the context of comparative philology: a textbook]. Yoshkar-Ola, MarGU Publ., 2012. 100 p. (in Russian).
12. Bogomolova Z. A. Shtriki k portretu detskoj literatury Udmurtii [Touches to the portrait of children's literature of Udmurtia]. *Na perelome epokh: Soyuzu pisateley Udmurtii 70 let (1934–2004): stat'i, stikhotvoreniya, prozaicheskiye proizvedeniya, dokumenty* [At the turn of the era: The Union of Writers of Udmurtia is 70 years old (1934–2004): articles, poems, prose works, documents]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2006. Pp. 232–237 (in Russian).

13. Lyamova B. H., Kuizheva Z. R. Rol' adygeyskoy pechati i publitsistiki 1920–30-kh godov v stanovlenii natsional'noy detskoy literatury [The role of the Adyghe press and journalism of the 1920–30s in the development of national children's literature]. *Vestnik adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye – The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts"*, 2019, no. 3 (242), pp. 127–132 (in Russian).
14. Vanyushev V. M. Literatura dlya detey i yunoshestva [Literature for children and youth]. *Istoriya sovetskoy udmurtskoy literatury: v 2 tomakh. Tom 2* [History of Soviet Udmurt literature: in 2 volumes. Volume 2]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1988. Pp. 173–191 (in Russian).
15. Gagiyeva I. M. Detskaya poeziya v tvorchestve ingushskogo poeta Girikhana Gagiyeva [Children's poetry in the works of the Ingush poet Girikhana Gagiev]. *Prioritetnyye napravleniya nauchnykh issledovaniy. Analiz, upravleniye, perspektivy. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyakh. Chast' I* [Priority directions of scientific research. Analysis, management, prospects. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Part I]. Ufa, OMEGA SAYNS Publ., 2022. Pp. 56–60 (in Russian).
16. Zaytseva T. I., Razina Yu. N. *Khudozhestvennyy mir poezii i prozy udmurtskogo detskogo pisatelya G. A. Khodyreva* [The artistic world of poetry and prose of the Udmurt children's writer G. A. Khodyrev]. Izhevsk, Udmurt university Publ., 2019. 218 p. (in Russian).
17. Kosova L. A. *Khudozhestvennyy mir sovremennoy komi-permyatskoy poezii* [The artistic world of modern Komi-Permyak poetry]. Kudymkar, Komi-Permyatskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2007. 144 p. (in Russian).
18. Kurmangulova Sh. A. Nogayskaya detskaya poeziya 30–40-kh gg. XX v. (na primere tvorchestva M. Kurmanaliyeva) [Nogai children's poetry of the 30–40s. XX century (using the example of M. Kurmanaliev's creativity)]. *Klychevskiyе chteniya – 2022. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu abazinskoy pis'mennosti* [Klychev readings – 2022. Materials of the international scientific conference dedicated to the 90th anniversary of Abaza writing]. Karachayevsk, Karachay-Circassian State University Publ., 2022. Pp. 179–185 (in Russian).
19. Zaytseva N. V. *Obraz avtora v lirike dlya detey* [The image of the author in the lyrics for children]. Komsomol'sk-na-Amure, Amurskiy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet Publ., 2007. 178 p. (in Russian).
20. Mingazova L. I. Tatarskaya detskaya poeziya 1960–2000-kh godov: svoeobraznye formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya [Tatar children's poetry of the 1960–2000s: the originality of forms of expression of the author's consciousness]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2010, no. 2 (20), pp. 160–162 (in Russian).
21. Surnina L. Ye. Poeticheskiy mir kak sposob vyrazheniya avtorskogo soznaniya v detskoy lirike A. I. Nekrasova (Gamsa) [Poetic world as a way of expression of the author's consciousness in the children's lyrics of A. I. Nekrasov (Gamsa)]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 2022, vol. 12, no 2, pp. 319–327 (in Russian).
22. Surnina L. Ye. Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v detskoy poezii N. Shchukina [Forms of expression of the author's consciousness in N. Shchukin's children's poetry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University*, 2023, vol. 4 (228), pp. 136–144 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2023-4-136-144
23. Lytkin V. I. *Rastsvetay, Komi kray: rasskazy i stikhi* [Blossom, Komi region: stories and poems]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1985. 256 p. (in Russian)
24. Lebedev M. N. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1940. 319 p. (in Russian).
25. Babin V. *Otrazheniye* [Reflection]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1995. 47 p. (in Russian).
26. Popov S. *Pod golubym nebom* [Under the blue sky]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1960. 126 p. (in Russian).
27. Misharina A. P. *Severnyy tsvetok* [Northern flower]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1980. 111 p. (in Russian).
28. Nekrasov A. I. (Gamsa). *Zolotaya ptitsa – komi yazyk: stikhi na komi yazyke* [Golden bird – Komi language: poems in the Komi language]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1990. 32 p. (in Russian).
29. Zhuravlev A. *Chto takoye Zapolyar'ye* [What is the Arctic]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1992. 24 p. (in Russian).
30. Popova Yu. *Ladushki* [Ladushki]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1962. 12 p. (in Russian).
31. Shchukin N. A. *Khitroumnyy tsyplonok: zagadki, stikhi, rasskazy, skazki* [Cunning chicken: riddles, poems, stories, fairy tales]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2003. 190 p. (in Russian).

Информация об авторе

Сурнина Л. Е., кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия, 167982).
E-mail: surninalida@mail.ru

Information about the author

Surnina L. E., Candidate of Philological Sciences, Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (ul. Communisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russian Federation, 167982).
E-mail: surninalida@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 08.04.2024; accepted for publication 24.05.2024

К 85-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ СКАЗКИ А. М. ВОЛКОВА «ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА»

УДК 808.1, 821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-154-168>

**Рукописи А. М. Волкова как ключи к пониманию развития авторского замысла
сказки «Волшебник Изумрудного города»**

Татьяна Васильевна Галкина¹, Елена Александровна Полева²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *galkina@tspu.edu.ru*

² *tspu-litera@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена 85-летию выхода в свет первого издания сказки А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» (1939). В работе использован рукописный фонд мемориальной коллекции детского писателя А. М. Волкова, хранящийся в Томском государственном педагогическом университете. Рукописи позволяют проникнуть в мастерскую писателя, проследить становление и развитие замысла, хода творческого процесса. Сопоставление структуры глав в рукописи 1936 г. и в издании 1939 г. позволило выявить изменения, внесенные в композицию (удаление, введение новых, объединение глав). Кроме того, в статье приводятся фрагменты рукописей 1936 г., которыми А. Волков планировал дополнить текст, однако не включил их в печатный вариант 1939 г. Анализ черновиков дал представление о работе А. Волкова с именами персонажей. Писателю было важно найти эквиваленты именам в сказке Ф. Баума, чтобы они были понятны русскоязычному читателю и оптимально раскрывали образ персонажа. Наибольшее количество вариантов имени писатель прорабатывал для Скэркора (Страшилы). Особый интерес представляет рукопись фрагментов пьесы А. М. Волкова «Полет в Сказочную страну» по мотивам «Волшебника Изумрудного города». Рукопись впервые вводится в научный оборот и комментируется. Дневниковые записи А. Волкова и необычный образ Гудвина в фрагментах пьесы (раба-негра дядюшки Джо, сбегавшего от эксплуататора) свидетельствуют о том, что писатель пытался подчиниться обстоятельствам, адаптироваться к требованиям цензуры, вписав сказочный сюжет в традиции социальной литературы конца XIX – первой половины XX в. Однако незавершенность замысла пьесы может быть объяснена как внешними (наступление оттепели), так и внутренними (неготовность подчиняться политической конъюнктуре) причинами. Рукопись фрагментов «Полета в Сказочную страну» полностью публикуется в данном номере журнала.

Ключевые слова: мемориальная коллекция детского писателя А. М. Волкова, рукописи, «Волшебник Изумрудного города», варианты сказки, «Полет в Сказочную страну»

Для цитирования: Галкина Т. В., Полева Е. А. Рукописи А. М. Волкова как ключи к пониманию развития авторского замысла сказки «Волшебник Изумрудного города» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 4 (234). С. 154–168. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-154-168>

TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE FIRST EDITION OF A. M. VOLKOV'S FAIRY TALE "THE WIZARD OF THE EMERALD CITY"

Manuscripts by A. M. Volkov as keys to understanding the development of the author's concept of the fairy tale "The Wizard of the Emerald City"

Tatyana V. Galkina¹, Elena A. Poleva²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ galkina@tspu.edu.ru

² tspu-litera@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to the 85th anniversary of the publication of the first edition of A. M. Volkov's fairy tale "The Wizard of the Emerald City" (1939). The work uses for the first time the handwritten collection of the children's writer A.M. Volkov, stored at Tomsk State Pedagogical University. Manuscripts allow one to penetrate into the writer's workshop, to trace the formation and development of an idea and the course of the creative process. A comparison of the structure of chapters in the 1936 manuscript and the 1939 edition made it possible to identify changes made to the composition (deletion, introduction of new ones, merging chapters). In addition, the article provides fragments of manuscripts from 1936, with which A. Volkov planned to supplement the text, but did not include them in the printed version of 1939. Analysis of the drafts gave an idea of A. Volkov's work with character names. It was important for the writer to find equivalents to the names in F. Baum's fairy tale, so that they would be understandable to the Russian-speaking reader and optimally reveal the character's image. The writer worked on the largest number of name options for Scarecrow. Of particular interest is the manuscript of fragments of A. M. Volkov's play "Flight to Fairyland" based on "The Wizard of the Emerald City". The manuscript is introduced into scientific circulation for the first time and commented on. The diary entries of A. Volkov and the unusual image of Goodwin in fragments of the play (a black slave Uncle Joe who escaped from an exploiter) indicate that the writer tried to submit to circumstances, adapt to the requirements of censorship, inscribing a fairy tale plot into the traditions of social literature of the late 19th – first half XX century. However, the incompleteness of the play's concept can be explained by both external (the onset of the "thaw") and internal (unwillingness to obey the political situation) reasons. The manuscript of "Flight to Fairyland" is published in full in this issue of the magazine.

Keywords: memorial collection of children's writer A. M. Volkova, manuscripts, "The Wizard of the Emerald City", versions of the fairy tale, "Flight to Fairyland"

For citation: Galkina T. V., Poleva E. A. Rukopisi A. M. Volkova kak klyuchi k ponimaniyu razvitiya avtorskogo zamysla skazki "Volshebnik Izumrudnogo goroda" [Manuscripts by A. M. Volkov as keys to understanding the development of the author's concept of the fairy tale "The Wizard of the Emerald City"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 154–168 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-154-168>

Введение

Рукописи сказок детского писателя Александра Мелентьевича Волкова (1891–1977) – важная часть мемориальной коллекции, переданной в дар Томскому государственному педагогическому университету внучкой писателя заслуженным учителем РФ Калерией Вивиановной Волковой в 2000–2020-е гг.

В настоящее время рукописный фонд сказочной прозы в мемориальной коллекции выпускника Томского учительского института, педагога и дет-

ского писателя А. М. Волкова содержит 14 единиц хранения (135 рукописных листов (л.)). Эти рукописи представляют собой в основном отдельные листы и тетрадные блоки, заполненные автором простым карандашом или чернилами в 1930–1950-е гг. Несмотря на фрагментарный характер, они дают обширный материал для сравнительного анализа, изучения эволюции авторского замысла и его текстового воплощения. Значительный интерес представляет также машинописная часть (отпечатанная на пишущей машинке) мемориальной

коллекции, сохраняющая многочисленные рукописные авторские правки – семь единиц хранения, среди которых имеются также копии последних сказок А. М. Волкова «Желтый туман» (169 л.) и «Тайна заброшенного замка» (169 л.).

В работе мы учитываем сложившийся контекст изучения сказочной прозы А. М. Волкова. Существенная часть исследований и обсуждений сказки фокусируется на осмыслении переводческих и авторских установок А. М. Волкова по отношению к первоисточнику – сказке Л. Ф. Баума. В издании 1960 г. на обороте титульного листа указано, что это переработка сказки американского писателя Фрэнка Баума «Мудрец из страны Оз» [1, с. 4], но в литературоведческих публикациях (М. Петровского «Книги нашего детства» [2], Б. Бегака «Правда сказки» [3], Э. Хабер «Страна Оз за железным занавесом» [4]), на читательских форумах в сети Интернет («Волшебник страны Оз» против «Волшебника Изумрудного города» [5], «Оз, Великий и Ужасный vs Гудвин: сериалы Александра Волкова и Лаймена Ф. Баума» [6], «В чем разница между „Волшебником Изумрудного города“ и „Волшебником страны Оз“?» [7]) обсуждаются самые разные версии (перевод, переделка, адаптация, переработка, пересказ и даже плагиат, хотя А. М. Волков никогда не присваивал себе авторство сюжета).

Сам А. Волков считал, что успех сказки на 80 % обеспечил Баум и лишь на 20 % – он, благодаря творческой переработке [8, с. 110]. При этом, действительно, в практике советского книгоиздания допускалась печать адаптированных переводов и художественных переработок произведений без указания авторства первоисточника. В этом выражалась воля не писателя-переводчика, а редакции, и объяснялись такие решения общей политикой в сфере публикации детской литературы, на что указала Э. Хабер [4, с. 194].

Ряд работ посвящен отдельным аспектам анализа сказки «Волшебник Изумрудного города», в частности приемам создания образов персонажей, аксиологии героев (Л. А. Григорян [9], Ю. С. Ильаш [10], А. Х. Омраан [11]), теме «волшебства и технического прогресса» (Е. Р. Вуколова [12]), анализу античных, византийских и новоевропейских архетипов (Д. Н. Гончарко и О. Ю. Гончарко [13]).

Введение в научный обиход ранее неопубликованного и неизученного рукописного наследия А. Волкова может существенно расширить представления о творческой лаборатории писателя, о развитии художественного замысла сказки «Волшебник Изумрудного города».

Цели данного исследования: во-первых, обозначить изменения в композиции сказки (расположение глав), сопоставив рукописные черновые планы с изданием 1939 г.; во-вторых, привлекая ру-

кописный фонд, обозначить некоторые приемы художественной переработки текста-первоисточника; в-третьих, дать комментарий к впервые публикуемой рукописи фрагментов пьесы А. Волкова «Полет в Сказочную страну».

Материал и методы

Материал исследования: фрагменты рукописей, отражающие процесс работы А. Волкова над «Волшебником Изумрудного города», а также печатный вариант сказки 1939 г. издания. В статье применены описательный метод, а также элементы сопоставительного, структурно-семиотического методов исследования.

Результаты и обсуждение

Основой сказки А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» является английский текст сказки Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Изначальный интерес к сказке был вызван желанием овладеть английским языком, и самые первые планы художественного перевода, зафиксированные в рукописях, отражают бережное отношение к оригинальному тексту сказки Баума, стремление сохранить смысловую нагрузку и эмоциональную модальность повествования. Волковская рукопись первоначального плана художественного перевода, датированная декабрем 1936 г. [14], содержит план, включающий 24 главы в соответствии со сказкой Ф. Баума: «Ураган», «Элли попадает в страну «жвачников», «Элли спасает Скэркора», «Дорога через лес», «Спасение Железного Дровосека», «Трусливый Лев», «Дорога к Великому Озу», «Смертельное маковое поле», «Царица полевых мышей», «Страж ворот», «Удивительный Изумрудный город Оза», «В поход на злую волшебницу», «Спасение», «История летающих обезьян», «Открытие Оза Ужасного», «Магическое искусство Великого Обманщика», «Постройка шара. Исчезновение Оза», «На юг», «Битва с живыми деревьями», «Чудесная фарфоровая страна», «Лев становится царем зверей», «Страна квадлингов», «Добрая волшебница исполняет желание Элли», «Снова дома». Этот план особенно примечателен тем, что включает авторские правки-комментарии, позволяющие проследить главные направления изменений исходного текста, когда, видимо, у А. М. Волкова сформировалось понимание, что он будет не просто переводить, но и художественно перерабатывать произведение Ф. Баума.

«Сюжетно-композиционная организация произведения», как доказал Б. О. Корман, является «важнейшим внесубъектным средством выражения авторской концепции» [15]. Проведенное сопоставление рукописных источников (первоначального плана и фрагментов рукописи 1936 г.) с первым изданием 1939 г. дает понимание, как менялось композиционное строение сказки (см. таблицу).

Реструктуризация глав сказки «Волшебник Изумрудного города А. Волковым в 1936–1939 гг.¹

Рукопись первоначального плана 1936 г.	Рукопись 1936 г. (фрагменты)	Издание 1939 г.
Глава I. Ураган. Элли вместе с фургоном уносит ураганом. Она засыпает с собачкой Тотошкой. Мечты Элли о путешествиях. Дядя обещает взять ее на ярмарку. Рассказы об ярмарочных чудесах		Глава I. Ураган
Глава II. Элли попадает в страну «жвачников». Она раздавила злую волшебницу востока. Жвачники благодарят ее. Северная волшебница советует Элли идти в Изумрудный город		Глава II. Элли в стране Жевунов
Глава III. Элли спасает Скэркора. В гостях у жвачников. Сельский праздник. Спасение Соломенного? ² Вместе в путь		Глава III. Элли спасает Страшилу
Глава IV. Дорога через лес. Скэркро рассказывает, как его делали и как ему сиденье на колу. Ночлег в избушке	Глава IV. Элли и Страшила идут через лес	Глава IV. История Страшилы
Глава V. Спасение Железного Дровосека. Спасение Железного Дровосека. Его история. Он отправляется с ними		Глава V. Спасение Железного Дровосека
	Глава VI. Элли попадает в плен к Людоеду.	Глава VI. Элли в плену у Людоеда
Глава VI. Трусливый Лев. Встреча со львом. Разговор. Он присоединяется к компании	Глава VII. Элли встречает Трусливого Льва	Глава VII. Встреча с Трусливым Львом
Глава VII. Дорога к Великому Озу. Переход через пропасть	Глава VIII. Встреча с калидасами	Глава VIII. Тигромедведи
		Глава IX. Переправа через реку
Глава VIII. Смертельное маковое поле. Скэркро на колу. Аист		Глава X. Маковое поле
Глава IX. Королева (царица) полевых мышей. Льва вывозят из макового поля	Глава XI. Королева полевых мышей	Глава XI. Королева полевых мышей
Глава X. Страж ворот. Ночлег у старухи. Завтрак. Приход в город. Стража	Глава XII. Страж ворот	Глава XII. В гостях
Глава XI. Удивительный Изумрудный город Оза. Жизнь во дворце. Оз в различных видах		Глава XIII. Изумрудный город
	Глава XIII. Удивительные превращения волшебника Гудвина	Глава XIV. Удивительные превращения волшебника Гудвина
Глава XII. В поход на злую волшебницу. Битва с воронами, волками, пчелами и «мигунами». Летающие обезьяны. В плену. Гибель злой волшебницы	Глава XV. В поход на злую волшебницу	Глава XV. Злая волшебница Запада
		Глава XVI. Гибель Бастинды
Глава XIII. Спасение. Реставрация Скэркро и Железного Дровосека. Приключения и разговоры на обратном пути	Глава XVII. Спасение	
		Глава XVII. Возвращение в Изумрудный город
Глава XIV. История летающих обезьян.		
Глава XV. Открытие Оза Ужасного. Его история.	Глава XVIII. Разоблачение Великого волшебника Гудвина	Глава XVIII. Разоблачение Великого волшебника Гудвина
		Глава XIX. История Гудвина
Глава XVI. Магическое искусство Великого Обманщика	Глава XX. Магическое искусство Великого Обманщика	Глава XX. Чудесное искусство Великого Обманщика
Глава XVII. Постройка шара. Исчезновение Оза		
Глава XVIII. На юг	Глава XXI. Снова в путь!	Глава XXI. Снова в путь!
Глава XIX. Битва с живыми деревьями		
Глава XX. Чудесная фарфоровая страна		
	Глава XXII. Наводнение	Глава XXII. Наводнение
		Глава XXIII. В поисках друзей

¹ Реструктуризация глав в изданиях сказки А. Волкова 1939 и 1959 гг. по сравнению с текстом Ф. Баума дана в книге Э. Хабер [4, с. 201].

² Слово «Соломенного» зачеркнуто, далее стоит знак вопроса, что обусловлено, вероятно, тем, что А. Волков еще не решил, как назовет персонажа. Варианты на полях рукописи свидетельствуют об этом.

Рукопись первоначального плана 1936 г.	Рукопись 1936 г. (фрагменты)	Издание 1939 г.
Глава XXI. Лев становится царем зверей		Глава XXIV. Лев становится царем зверей
Глава XXII. Страна квадлингов. Третий раз помощь обезьян		
Глава XXIII. Добрая волшебница исполняет желание Элли	Глава XXV. Стелла	Глава XXV. Стелла
Глава XXIV. Снова дома	Заключение	Заключение

Графическое разделение на главы обладает содержательностью; разбивка на главы передает авторское членение информации. Анализируя композицию сказки в вариантах разных лет, можно выделить несколько приемов ее переработки, свидетельствующих об изменении авторского замысла.

Удаление и добавление глав. Писатель предполагал удалить главы «История летающих обезьян», «Битва с живыми деревьями» и «Чудесная фарфоровая страна». А. Х. Омраан считает, что сокращение истории о крылатых обезьянах вызвана несогласием с аксиологией Ф. Баума, непринятием «абсолютизации силы волшебного талисмана» [11, с. 17]. Рукописи же позволяют и иначе интерпретировать такое решение. Возможно, история обезьян показалась А. Волкову не очень интересной, как и главы про живые деревья и фарфоровую страну. Он писал: «Можно выбросить главы XIX и XX и дать более интересное. Например, страна собак. Их устройство, классы и т. д.» (курсив наш. – Т. Г., Е. П.) [14, л. 2]. Комментарий писателя подтверждает и его просветительскую установку (он планировал конкретизацию и систематизацию сведений – «устройства, классы»).

Наряду с удалением этих глав А. Волков добавляет в сказку новые. Причем названия двух из них («Элли попадает в плен к Людоеду» и «Наводнение») фигурируют уже в рукописных черновиках сказки 1936 г. [16], а еще две («Переправа через реку», «В поисках друзей») появляются в первой печатной редакции 1939 г.

Объединение глав. А. Волков главу «Постройка шара и исчезновение Оза» включает в главу «Чудесное искусство Великого Обманщика», главу «История Страшилы» – в главу «Страшила», так как, вероятно, для него две бауманские главы представляют собой развитие одной нарративной ситуации и, соответственно, требуют композиционного объединения.

Переименование персонажей

Имя персонажа в художественном тексте обладает повышенной сематической и функциональной значимостью [17]. Этот аспект переработки интерпретирован в ряде волковедческих исследований [4, 8, 18]. Поэтому прокомментируем только мате-

риалы рукописей. В частности, в рукописи (в приписке сбоку) Волков использовал именование «Лев-Трусишка», но оставил Трусливого Льва, отказавшись от уменьшительно-ласкательной семантики.

Решив заменить имя Скэркро (с англ. scare – пугать, crow – ворон) на более понятное русскоязычному читателю, А. Волков перебирал целый ряд вариантов: Пугай, Пугало, Чучело Огородное, Огородное Чучело, Гоняйворон, Гониворон, Вороний страж, Соломин [14, л. 1]. Но остановился на имени «Страшила», в котором Э. Хабер увидела акцентирование семантики «страха» [4, с. 201]. Думается, для А. Волкова важно было не только передать изначальную функциональность образа – нагонять страх, чтобы отпугивать ворон, но и раскрыть оппозицию внутреннего и внешнего, характерную для русской литературы в целом и для детской советской литературы в частности. Согласимся с И. Г. Минераловой, что в поэтике сказок 1920–1930-х гг. большую смысловую нагрузку несут образы, построенные на контрасте (неживого и живого, механистичного и одухотворенного) [19, с. 104], дополним – безобразного и прекрасного, пустого и содержательно наполненного и т. д.; за внешностью спрятано и в сюжете раскрывается антонимичное внутреннее содержание.

Волков мог бы актуализировать, как другие переводчики, иную сематическую пару «глупость – ум» (ср. в других переводах: Болваша, Жан-Безмозглый [4, с. 202]), что связано с самооценкой персонажа и его заветным желанием поумнеть, но, как видно из рукописей, в таком направлении А. Волков не размышлял, подчеркивая сообразительность Страшилы иными художественными средствами. В рукописных черновиках «Волшебника» есть монолог Страшилы, который впоследствии не был использован: «Я никогда не хочу есть, и это большое счастье для меня. Ведь мой рот нарисован, а если бы на его месте была дыра, то через нее вылезла бы вся солома, и моя голова стала бы пустой» [16, л. 5]. Причины редукции неизвестны, но в печатных вариантах сказки Волков многократно в иных фрагментах передает стремление Страшилы не быть пустым, «иметь мозги». Используя прием буквализации метафоры «пустая

голова» (или «голова, набитая соломой»), А. Волков создал образ персонажа, серьезно повлиявший на ценностные приоритеты юных читателей (желание развивать ум, мышление). Судя по письмам (в мемориальной коллекции ТГПУ хранится 427 писем детей), все больше умнеющий и находчивый Страшила является одним из самых любимых героев сказки.

Актуализация достижений технического прогресса

Начинающий писатель переводил сказку Баума спустя 36 лет после ее выхода в свет в 1900 г. Любовь А. Волкова к произведениям Жюль Верна, где по-своему воспевалось техническое творчество, интерес к науке и технике, уровень развития которой в конце 1930-х гг. существенно отличался от уровня начала XX в., объясняют идею замены отдельных элементов сказочного мира Ф. Баума более современными достижениями инженерно-технической мысли. А. Волков тезисно записал свои размышления о возможной замене воздушного шара: «Избегнуть шара? Ураган снес с радиомачты (с парашютом). Может быть, шар-скакунчик. Он подпрыгивает, и его уносит. Страна без дождей, вверху постоянный ветер. Последствия с помощью змея» [14, л. 2].

Добавим, что в разных частях сказочного цикла герои используют технические изобретения [12]: пересекают пустыню на колесном корабле с парусом, изобретают механических мулов, заряжающихся от солнечных батарей, и даже встречают космический корабль с планеты Рамерия. То есть А. Волков не единично, а системно и намеренно следует за техническим прогрессом, вводя в новые «серии» актуальные для своего времени темы, вплоть до космонавтики. А рукописные записи свидетельствуют о том, что отражение научно-технического прогресса было важно для писателя изначально.

Корректировка взаимоотношений персонажей.

Тема дружбы и проверки ее прочности / состоятельности

После выхода в печать книги Т. В. Галкиной «Незнакомый Александр Волков в воспоминаниях, письмах и документах» в 2006 г. [8] было опубликовано несколько исследований, использующих ставшие доступными отдельные фрагменты волковских рукописей для интерпретации изменений русскоязычным писателем текста Ф. Баума.

Рукописи дают примеры поиска А. Волковым средств выражения таких ценностей, как дружба, взаимопомощь, преодоление собственных имморальных желаний, мыслей и т. д. Для раскрытия понятия «дружба» писатель использовал и педаго-

гический ресурс разного взаимодействия персонажей в ситуациях конфликта интересов, и авантурный, приключенческий сюжет, построенный на хронотопах дороги и случайной встречи (в терминологии М. М. Бахтина) [20, с. 216]. Дорога – это время и место испытаний и проверки на прочность ценностей и идеалов.

Персонажи сказки объединены одной дорогой, но у каждого свое заветное желание, своя цель. Поэтому задача писателя – показать, как преодолевается эгоистичное стремление думать в первую очередь о себе, как общение, изначально мотивированное одним направлением движения в сугубо своих целях, перерастает в настоящую, самоотверженную, бескорыстную дружбу, причем между даже онтологически разными персонажами, в числе которых ребенок, звери и «куклы» из соломы и железа.

Анализ рукописей в сопоставлении с печатным вариантом 1939 г. позволяет установить, что ряд эпизодов, имеющих явный дидактический пафос и объединенных общей семантикой «попытка защитить/оградить от неприятностей себя за счет жертвования другим», остались только в черновиках, не войдя в печатную версию книги. Например, проверка ценностей и качеств персонажей проявлена в сцене их встречи со Львом, когда испугавшийся Железный Дровосек кричит: «Не тронь меня! Я несъедобный! Я железный! Лучше съешь девочку!» Потом Элли укоряет за трусость Страшилу и Железного Дровосека: «Разве можно бросать товарища в беде? Как вам не стыдно?» После их оправданий Элли говорит: «Трудно мне будет с вами. Но все-таки я постараюсь добиться исполнения ваших заветных желаний. Зато вы мне должны дать слово, что больше не покинете меня в минуту опасности» [21, л. 1].

Сцена проявляет нравственную зрелость девочки по сравнению со своими попутчиками; она фактически выступает в качестве воспитателя, поучающего остальных. Этот эпизод усилил бы значимость общения зверей и «кукол» с человеком для становления «личности» всех участников путешествия. Но, несмотря на явно воспитательный характер этой сцены, Волков не включил ее в сказку. Причины можем объяснять только гипотетически. Возможно, писатель не захотел продемонстрировать трусость, эгоизм и бессердечие персонажей, либо понял, что проявляемые в эпизоде отрицательные качества не соответствуют ключевым характеристикам образов героев, либо отказался от тогда явно проявившейся бы иерархии персонажей, в которой Элли заняла бы приоритетное место. К. М. Спынь, Л. А. Григорян подчеркнули, что образы центральных персонажей сказки обладают высокой степенью психологиче-

ской достоверности [22, с. 22], что, например, в отличие от других персонажей-животных, по отношению к которым все же прослеживаются отношения иерархии, степень персонификации и «ценность жизни» основных героев идентична, «их можно охарактеризовать как квазилюдей: они очеловечены настолько, что в волшебном пространстве сказки выступают в качестве людей в животном (и, добавим, «вещном»). – Т. Г., Е. П.) облики» [9, с. 197]. Полагаем, Волкову было важно выразить идею равноправия как основы дружбы.

В первоначальном плане переработки сказки Баума писатель предполагал ввести ссору в качестве воспитательной ситуации: «Еще какое-нибудь приключение. Например, ссора Железного Дровосека и Скэркро из-за какого-нибудь пустяка и злосчастные последствия этого. Потом мировая, побольше комизма. Лев дает затрещины тому и другому» [14, л. 1]. Но в сказке такого эпизода нет, что может свидетельствовать о том, что или замысел не оформился в удовлетворивший самого автора текст, или писатель сознательно отказался от эпизода ссоры, даже переданной посредством комического, для упрочения темы дружбы.

Фокусируясь на теме дружбы, А. Волков, во-первых, утверждает идею достижения персонального счастья через помощь тем, кто рядом. Причем эта идея возводится в онтологический закон – закон природы. Стелла говорит Элли: «Работая для других – ты работала для себя. Таков закон природы. Вы все своей дружной борьбой, своей преданностью заработали свое счастье!» [23, л. 1]. Во-вторых, в сказке не отрицается значимость и персональных усилий воплотить свою мечту, если она связана с гуманистическими ценностями и целью самосовершенствования. Труд, преодоление опасностей формируют характер, который и позволяет достигать желаемого.

Разворачивая идеи достижения счастья через самосовершенствование и взаимопомощь сюжетно и нарративно, Волков не отказывается и от приема символизации, которая позволяет закрепить итоги «географического», а главное – внутреннего пути героев. В печатный вариант первой редакции сказки Волков вводит образы специальных артефактов, удостоверяющих наличие заветных качеств («мозгов», «сердца», «смелости») [24]. Эти образы соединяют признаки условности и конкретности, комически-игрового и возвышенно-метафорического. Комический эффект возникает из-за того, что достойные уважения качества личности (ум, сердечность/доброта и смелость) овеществляются, буквализируются в довольно приземленных, бытовых предметах и напитках (мешочек с отрубями, дополненный

иголками и булавками; шелковое сердце, набитое опилками; шипучий квас с валерьянкой).

Эти образы многофункциональны: кроме того, что обладают потенциалом символа, они призваны визуализировать отвлеченные понятия, развить в читателях чувство комического, а также ассоциативно-образное мышление. А. Волков выразил то, что было закреплено в народном опыте и фольклоре: образ напитка с валерьянкой, которая придает коту (льву) храбрости, включает еще и звуковые ассоциации устрашения (шипящий квас); иголки – и овеществленный образ отвлеченного понятия, и метафора остроты ума. Напряженное думание приводит к тому, что у Страшилы буквально «мозг лез наружу» – иголки и булавки проступали через мешковину и торчали из его соломенной головы.

Потенциал визуализации придуманных образов использован на открытке, входящей в набор открыток по ключевым эпизодам сюжета сказки и отражающей сцену исполнения желаний друзей: Страшила стал умен, Дровосек – добросердечен, а Лев – смел [25].

Переработка изданной сказки для радио и театра

Волков многократно перерабатывал сказку в соответствии с разными целями. Для радиопередач он делал существенные сокращения и правки, необходимые для сохранения смысловой целостности текста [26].

Особым направлением переработки уже опубликованной сказки были пьесы для кукольных театров, особенно в послевоенные годы.

В мемориальной коллекции А. М. Волкова в ТППУ хранится рукопись фрагментов пьесы «Полет в Сказочную страну». Писатель делит действие на картины, оформляет речь персонажей, как это принято в драме.

В тексте идеологически выдержан классовый характер (борьба белых и черных батраков против господ), а под маской Гудвина скрывается негр дядюшка Джо [27]. Нет сведений о постановке пьесы в такой интерпретации и была ли она вообще завершена писателем, но сохранившиеся фрагменты рукописи представляют научный интерес для исследователей творчества А. Волкова и впервые вводятся в научный обиход. Основательный анализ публикуемых материалов – перспектива дальнейшего исследования. Здесь же дадим несколько комментариев.

Во-первых, в набросках к пьесе прописаны только две картины, вероятно начальная и финальная. Основная тема первой картины – объединение, консолидация для совместного труда и ведения подпольной деятельности с целью освобождения

угнетенных (белых и чернокожих батраков). Интернациональная идея классового объединения рабочих выражена прямо: «Рабочие не разбирают цвета кожи, и для нас негры такие же товарищи, как и белые!» [27, л. 2] – говорит Анна, мама Элли.

В черновиках пьесы отсутствуют знакомство и дорога друзей в Изумрудный город. Следующая картина – десятая – посвящена уже встрече с Гудвином, причем, как и в прозаическом варианте сказки, он появляется перед Элли и ее товарищами в разных бутафорских обликах. В этом варианте – в образах «головы», «рыбы», «чудо-вища».

Его разоблачение приводит к неожиданному открытию: это негр дядюшка Джо, о таинственном исчезновении которого упоминает Элли в первой картине. Перемещение персонажа на воздушном шаре мотивировано не случайностью, а собственным выбором. Когда «стало невмоготу» терпеть унижение, эксплуатацию, издевательства от «белого господина», он сбежал, перерезав «веревку, на которой держался шар» [27, л. 7].

Трусость и нежелание Гудвина открыть свое подлинное лицо обретают совсем иную – социально-психологическую – мотивировку: он боится, что его найдут «белые хозяева» и вернут обратно в рабскую, невыносимую жизнь. По этой же причине он отказывается возвращаться домой, в Канзас, отвечая Элли: «Нет, мое дорогое дитя. Спасибо за твое приглашение, но Америка сейчас не для меня. В Америке жить негру сейчас очень тяжело и трудно. Ему нужно все время бороться за свою жизнь и права. А я стар и слаб и для борьбы не гожусь. Лучше я останусь здесь, в Сказочной стране, где мне не грозит никакая опасность» [27, л. 10].

В рукописи «Полет в Сказочную страну» Волков сохраняет в качестве центральной тему дружбы. Писатель вкладывает в уста Гудвина слова, очерняющие образ Элли, чтобы соблазнить на предательство дружбы с нею Железного Дровосека и Страшила, на что последний отвечает: «Элли – обманщица? Да это самая правдивая, самая лучшая девочка на свете! Предать Элли? Да пусть я навсегда останусь безмозглым дураком, пусть сожгут меня на костре, если я хоть в мыслях пожелаю Элли плохого!» Ему вторит Железный Дровосек: «Я готов отдать за нее жизнь!» [27, л. 4–5]. Таким образом, герои подтверждают ценность дружбы, ставя ее выше собственных желаний. Волков выражает идею значимости объединения для достижения благой цели; помощь другим, преодоление разных преград, работа над собой приводят к естественному, без вмешательства волшебства исполнению заветных желаний.

Однако текст пьесы политизирован и однозначно написан в надежде удовлетворить требованиям цензоров в разгар холодной войны СССР с США. Сам писатель упоминает об этом в своем дневнике: «Сколько у меня прошло трансформаций «Волшебника» за годы холодной войны! В одном варианте я даже сделал Гудвина негром, сбежавшим из Канзаса от белых. И все для того, чтобы спасти пьесу от цензуры» (цит. по [8, с. 182]).

Год написания рукописи точно установить нет возможности. Обычно педантично отмечающий разного рода данные А. Волков дату написания этого текста не обозначил. Судя по тетради (дизайну, цене), она была произведена именно в 1940-е гг., что можно утверждать с опорой на анализ образцов канцелярской продукции, приведенных на сайте Отраслевого канцелярского музея [28]. Лишь гипотетически предположим, что в 1940-е или в начале 1950-х гг. тетрадь была использована, и содержащуюся в ней рукопись можно отнести к этому временному периоду.

Переработка прозаической сказки в пьесу со столь необычным образом Гудвина органично вписывается в политический и литературный контексты конца 1940-х – самого начала 1950-х гг., когда сохранялся соцреализм как единственно одобренный государством художественный метод и были актуальны ориентиры на социальный роман второй половины XIX в., где поднимались темы угнетения народа и воспеания его стремления к свободе, утверждению своих прав.

Вместе с тем в рукописи Элли называет Анну мамой. В издании 1939 г. она еще была тетей, а Элли, как и у Ф. Баума, – сиротой. Установлено, что А. Волков перерабатывал сказку в 1940–1950-е гг. и мечтал издать в новой редакции, но это произошло только в 1959 г. [4, 8]. Если наши предположения о времени создания рукописи «Полета в Сказочную страну» верны, это указывает на то, что изменения статуса Элли и усиление семейной темы было проработано А. Волковым уже на рубеже 1940–1950-х гг.

Начинающаяся в середине 1950-х «оттепель» поменяла векторы развития литературы и театра в СССР. Возможно, именно изменения в обществе и в искусстве стали причиной того, что А. Волков не воплотил окончательно замысел пьесы – отпала необходимость нарочитой политизации сказки. Вторая гипотетическая причина того, что пьеса не была доработана, – внутреннее неприятие такой трансформации произведения, неготовность к подобному рода компромиссу.

Специфика образа Гудвина позволяет интерпретировать рукопись фрагментов пьесы «Полет в Сказочную страну» в контексте развития «негри-

тянской» темы в литературе конца XIX – первой половины XX в.

Повышению внимания к этой теме в России, а затем и в Советском Союзе способствовала популярность произведений Г. Бичер-Стоу и М. Твена. Советские критики считали, что значимой в «Приключениях Гекльберри Финна» является «тема взаимоотношений свободного белого мальчика и беглого раба-негра», что М. Твен обличает «рабство и социальную несправедливость» [29, с. 152]. Роман «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, как отметила Д. И. Иголкина, в начале XX в. и в советский период рассматривался в революционном ключе, в качестве центрального героя воспринимался характеризующийся «непокорностью и свободолюбием» Джордж Гаррис [30], готовый отстаивать достоинство, права и свободу угнетенных негров. Отметим созвучие волковского Джо с его именем.

Б. Хеллман доказывает, что с конца XIX в. в русской литературе, в том числе для детей, тесно переплетаются темы угнетения негров в Америке и отмены крепостного права в России. Это проявилось в творчестве таких писателей, публиковавших свои произведения для детей и юношества, как В. Авенариус (герой его романа 1899 г. «Перед рассветом», посвященного отмене крепостного права, читает прозу Г. Бичер-Стоу), в 1896 г. К. Станюкевич публикует рассказ «Максимка», «где команда русского военного парусника спасает африканского мальчика, попавшего в рабство на американском корабле» [31, с. 199, 201]. Произведение К. Станюкевича было экранизировано В. Брауном в 1952 г., что свидетельствует об интересе к этой теме на рубеже 1940–1950-х гг.

Наконец, в крайне малочисленных характеристиках дядюшки Джо у А. Волкова отмечена его способность рассказывать сказки: «Какой он был хороший, какие он нам сказки интересные рассказывал» [27, л. 2]. Это также яркая, узнаваемая советским читателем и зрителем того времени интертекстуальная отсылка к «Сказкам дядюшки Римуса» (1880, переработанное и дополненное издание – 1905), написанных на основе фольклора рабов южных штатов США Джоэлем Харрисом и опубликованных на русском языке в адаптированном переводе-переделке М. А. Гершензона накануне Великой Отечественной войны в 1941 г. [32, с. 192].

В исследованиях отмечено, что Братец Кролик, один из сквозных персонажей сказок Дж. Харриса, соответствует образу трикстера [33], одновременно двойника и антагониста, «комического дублера» «культурного героя» [34]. Поступки и поведение Гудвина отчасти соотносятся с поведением трикстера. Эти наблюдения открывают дополнительные

возможности исследования интертекстуальности сказки А. Волкова.

Заключение

Введение в научный обиход рукописей сказок А. М. Волкова – значимая задача, начало решения которой положено в данной статье.

Предмет исследования – рукописи и сопоставление их с печатным вариантом сказки 1939 г., поэтому мы минимально касались вопроса сопоставления волковской сказки с произведением Ф. Баума.

Полученные результаты можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, сопоставление рукописного плана сказки с печатным вариантом 1939 г. позволило выявить изменения, внесенные в композицию и выражающие авторское членение нарративно-сюжетной логики произведения (удаление, введение новых, объединение глав).

Во-вторых, черновые варианты сказки дают представление о работе А. Волкова с именами персонажей при поиске понятных русскоязычному читателю эквивалентов американской сказки.

В-третьих, в черновиках 1936 г. обнаружены стилистически и содержательно оформленные фрагменты, которые вписываются в общую концепцию волковской сказки, но не включенные в ее печатный вариант 1939 г. Понимая, что итоговый вариант сказки – результат не только авторской воли, но и ряда других факторов (цензура, редакция издательства), и не имея комментариев писателя о причинах не включения рассмотренных фрагментов в издание 1939 г., мы только констатируем факт или даем гипотетические предположения причин этого.

В-четвертых, в статье впервые интерпретируется рукопись фрагмента пьесы «Полет в Сказочную страну» по мотивам «Волшебника Изумрудного города», проявляющей попытку А. Волкова адаптироваться к требованиям цензуры. Незавершенность замысла пьесы с необычным образом Гудвина (раба-негра, случайно попавшего в Сказочную страну при побеге от эксплуататора) может свидетельствовать как о внешних (наступление «оттепели», привнесшее изменение в культуру), так и о внутренних (неготовность подчиняться политической конъюнктуре) причинах.

Вместе с тем интерпретация этой рукописи позволяет увидеть работу А. Волкова с литературной традицией и контекстом, выявить аллюзии на произведения «негритянской» тематики, которые высвечивают особенности образа Гудвина, ранее не замеченные критиками и филологами. В частности, вопрос его соответствия трикстеру – перспективный вектор исследования.

**Александр Мелентьевич Волков
Полет в Сказочную страну**

Рукопись фрагментов пьесы¹

<Картина 1>

АННА (выходит из домика). Элли, Элли! Поди сюда, помоги мне скорее убрать белье.

ЭЛЛИ (продолжая читать). Сейчас, мамочка, сейчас, одну только минуточку!

АННА. Скорее, дочка, скорей! Разве ты не видишь, какая надвигается туча! А ты сидишь и, как будто, не замечаешь, как я тороплюсь. Это нехорошо, Элли, нельзя думать только о себе!

ЭЛЛИ. Не сердись, мамочка, я иду...

АННА. Помогай, дочка, помогай. Вместе мы с тобой скоро все уберем!

ЭЛЛИ. Мы с тобой, мамочка, сейчас «объединились» в работе, правда?

АННА. Что такое «объединились»? Это ты где же слышала такое слово?

ЭЛЛИ. Сегодня ночью!

АННА. Ночью? Во сне?

ЭЛЛИ. Нет, мамочка, наяву! Я нечаянно проснулась и вижу, папа разговаривает с нашими рабочими – неграми. Вот он и сказал, что им надо обязательно объединиться, чтобы лучше вести борьбу... С кем, мамочка?

АННА. Тсс! Что это за девочка! Ты не вздумай при наших хозяевах повторить такие слова, а то твоему папе будет плохо!

ЭЛЛИ. Разве папа делает что-нибудь нехорошее?

АННА. Нет, дочка! Но господа не любят, когда белые и черные батраки собираются вместе.

ЭЛЛИ. А понимаю, мамочка! Ты знаешь, нашей учительнице тоже очень не нравится, что я объединяюсь с негритянскими девочками. Она меня сколько раз уж за это бранила. А я очень люблю играть с ними. Они такие милые, такие славные! Я их люблю, мамочка!

АННА. Люби, всегда люби, девочка! Что бы не говорили господа, негры такие же люди, как и мы! Рабочие не разбирают цвета кожи, и для нас негры такие же товарищи, как и белые! Только ты об этом молчи, а не то ты подведешь нас с отцом!

ЭЛЛИ. Не беспокойся, мамочка! Я все-все понимаю. (Анна и Элли работают).

ЭЛЛИ. Мамочка, а ты помнишь дядюшку Джо? Где он сейчас? Какой он был хороший, какие он нам сказки интересные рассказывал. А ведь он самый настоящий негр! Ты помнишь его?

АННА. Ну, конечно. Ох, дочка, заболтались мы с тобой, а ведь, смотри, начинается настоящий ураган! Скорее носи белье, а то беда мне будет. (Прибегает Джон).

Картина 10

ГОЛОВА. Я – Гудвин Великий и Могучий! Кто ты? И зачем беспокоишь меня?

ЭЛЛИ. Меня зовут Элли! Мне 10 лет. Я пришла издалека со своими друзьями просить у вас помощи: верните меня на мою родину, в Канзас, к папе и маме!

ГОЛОВА (удивленно). Ты из Канзаса? Но как же ты попала в мою страну?

ЭЛЛИ. Меня занес ураган в царство злой Гингемы!

ГОЛОВА. И Гингема не убила тебя?

ЭЛЛИ. Мой домик раздавил ее.

ГОЛОВА. Приятно слышать, что ты умеешь уничтожать волшебниц!

ЭЛЛИ. Это случилось совершенно нечаянно. А сейчас у меня одно желание – вернуться домой!

ГОЛОВА. А как ты попала в Изумрудный город? Уж не подослана ли ты Бастиндой или кем-нибудь еще, чтобы выведать мои тайны? Да-да, маленькая девочка, я подозреваю, что ты хочешь меня обмануть! Ведь в мою страну дорога идет только через владения Бастинды!

ЭЛЛИ. Я всегда говорю только правду, но я должна вам признаться, что уничтожила и Бастинду!

ГОЛОВА. Вот как! Может быть, тоже нечаянно?

ЭЛЛИ. Почти что так! Я и мои друзья были в плену у Бастинды. Она очень скверно обращалась с нами... Наконец она украла у меня мой серебряный башмачок. Я очень рассердилась, облила ее водой... и она растаяла.

ГОЛОВА. Очень странная история! Но у тебя очень правдивый вид, Элли, да, у тебя положительно правдивый вид и для твоей собственной пользы, я верю, что ты не обманываешь меня! Потому что, между нами, я терпеть не могу лжецов и обманщиков! Хорошо, Элли, ты пока выйди и пусть ко мне входят твои друзья. А над твоей просьбой я подумаю!

ЭЛЛИ. Слушаюсь, господин Гудвин!

Сцена Страшилы

РЫБА. Кто ты и зачем пришел ко мне?

СТРАШИЛО. Я – чучело, набитое соломой. Зовут меня Страшилой! Я прошу вас дать мозгов для моей соломенной головы, и я буду тогда, как все люди!

РЫБА. Тебя зовут Чучело? Ну, так слушай, Чучело! У меня есть сильное подозрение, что девочка Элли, может быть и против своей воли, обманывает меня! Помоги мне разоблачить ее и ты получишь столько прекрасных мозгов, что будешь мудрее всех в моей стране. Согласен?

¹ Печатается в авторской редакции.

ЧУЧЕЛО. Элли – обманщица? Да это самая правдивая, самая лучшая девочка на свете! Предать Элли? Да пусть я навсегда останусь безмозглым дураком, пусть сожгут меня на костре, если я хоть в мыслях пожелаю Элли плохого! Поняли, госпожа Рыба?

РЫБА. Ну если так... посылай следующего, мой ответ узнаешь позже.

Сцена Чудовища и Дровосека

ЧУДОВИЩЕ. Зачем ты тревожишь меня?

ДРОВОСЕК. Я – Дровосек и сделан из железа. Я не имею сердца и не могу любить. Дайте мне сердце, и я буду, как все люди!

ЧУДОВИЩЕ. Если хочешь иметь сердце, заработай его! Я вижу, ты силен и храбр! У меня тебе будет прекрасное житье! Я дам тебе самое большое, самое доброе и самое любвеобильное сердце, какое только смогу найти! А условие лишь одно: откажись от дружбы с Элли!

ДРОВОСЕК. Что? Отказаться от дружбы с Элли? (Снимает с плеча топор). Ни за что!

ЧУДОВИЩЕ (испуганно). Ни с места! Еще шаг вперед, и я уничтожу тебя и твоих друзей. Я вижу, ты человек решительный и любишь Элли!

ДРОВОСЕК. Я готов отдать за нее жизнь!

ЧУДОВИЩЕ. Ну что же, это очень хорошо, а сейчас иди же! Мое решение будет тебе сообщено.

СТРАШИЛО (кричит в ярости). Было время думать. 24 часа, 1440 минут!

ДРОВОСЕК. Мы не хотим ждать ни одного часа!

ЛЕВ (рычит).

ТОТОШКА. Ав-ав-ав! Чую человека! Я его найду! Я его укушу! (Выбегает маленький человечек в чалме и цветном халате).

ГУДВИН. Возьмите собаку! Она укусит меня!

ДРОВОСЕК (делает движение в его сторону).

ГУДВИН. Не трогайте, не трогайте меня!

ДРОВОСЕК. Кто вы такой? Вы – волшебник Изумрудного города?

ГУДВИН. Ничего подобного! Но, прошу вас, не убивайте меня! Я сделаю все, о чем вы меня попросите!

ЭЛЛИ. Я думала, что вы Гудвин!

ДРОВОСЕК, ЛЕВ, ТОТОШКА, СТРАШИЛО. И мы тоже!

ГУДВИН. И все вы ошибаетесь! Это только маски! На самом деле, друзья мои, я самый обыкновенный человек (Гудвин раздевается).

ЭЛЛИ. Вы – негр!

ГУДВИН. Да, белая девочка Элли. Я – негр. И вот почему я так испугался, когда ты неожиданно появилась в Изумрудном городе. Я ведь не знал, как ты и твои товарищи отнесутся к старому дядюшке Джо!

ЭЛЛИ. Мой папа – белый, но он батрак. И он говорит, что белые и черные батраки должны объединиться и повести борьбу с господами. А я давно уже дружу с негритянскими девочками!

ГУДВИН. О, как я рад это слышать, дитя мое! И потом, признаюсь тебе по секрету, я боялся, что за тобой придут другие белые люди, и тогда спокойной жизни дядюшки Джо наступит конец! Вот почему я испытывал господина Страшилу и Дровосека, и Льва, предлагая им покинуть тебя, но они все с негодованием отвергли соблазнительные награды. Когда я увидел, как вы все дружны между собою, я понял, что вы не можете быть мне врагами!

ЭЛЛИ. Но как же вы попали в Сказочную страну, дядюшка Джо?

ДЖО. Это печальная и удивительная история, дитя мое. Я работал в цирке, как фокусник. Белый господин, мой хозяин, ужасно скверно обращался со мной. Если же не удавался номер – он бил меня хлыстом, запирали на целые ночи в холодном сарае, не давал мне есть. Наконец, мне стало невмоготу выносить такую жизнь, и я сбежал. Хозяин часто заставлял меня подниматься, для развлечения зрителей, на воздушном шаре. Однажды, когда дул сильный ветер, я обрезал веревку, на которой держался шар и меня понесло далеко-далеко...

ЭЛЛИ. Меня также унесло ураганом с моим домиком.

ДЖО. Случилось так, что волшебник Изумрудного города, который выстроил этот дворец, незадолго перед этим исчез неизвестно куда. Когда я спустился из-под облаков, народ здешний по моему цирковому костюму принял меня за их повелителя, который вернулся к ним в новом образе. Я не стал их разубеждать и заперся в этом дворце. Я боялся злых волшебников, но еще больше боялся – не преследуют ли меня белые люди... Я вспомнил свое старое занятие, приготовил маски и стал для всех входящих ко мне играть роль Волшебника Изумрудного города!

ЭЛЛИ. Значит, вы не сможете исполнить наших желаний?

ДЖО. Увы, дитя мое, я – не настоящий волшебник!

СТРАШИЛО. Значит, мозгов я от вас не получу?

ДЖО. А зачем вам мозги, друг мой? У вас соображение и так не хуже, чем у любого человека с мозгами!

СТРАШИЛО. Это вы говорите, чтобы меня утешить!

ДЖО. Позвольте, не вы ли недавно крикнули, что в сутках 24 часа – 1440 минут?

СТРАШИЛО. Я крикнул!

ДЖО. Уверяю вас, что очень и очень многие мальчики не умеют считать так быстро.

СТРАШИЛО. Неужели не умеют?

ДЖО. Честное слово!

ЭЛЛИ. Страшило, когда я с тобой познакомилась, ты не умел считать до трех!

СТРАШИЛО. Ха-ха! Ха! Это так и было. Выходит, у меня есть мозги! Эй-гей-гей-го!

ДЖО. Конечно, есть! Вы заработали их, когда думали, как победить препятствия на вашем пути, как помочь Элли!

СТРАШИЛО. Эй-гей-гей-го! Да здравствуют мозги! Я теперь, как все люди!

ВСЕ. Конечно! (Все его поздравляют).

ДРОВОСЕК. А я, дядюшка Джо, останусь без сердца?

ДЖО. Вы самый мягкосердечный человек в мире, и у вас есть сердце. Прислушайтесь!

ДРОВОСЕК. Верно. Сердце бьется в моей груди, как прежде, даже сильнее прежнего. Как я счастлив, друзья мои! Меня переполняют любовь и нежность.

ДЖО. Любовь и нежность росли в вашей груди с того дня, когда вы встретили Элли. Его не было бы, если бы вы приняли мое предложение бросить Элли!

ВСЕ. Поздравляем тебя, Дровосек, поздравляем!

ЛЕВ. А как насчет смелости?

ДЖО. Да вы самый смелый друг! Вам недоставало только веры в себя. Вы не умели победить боязнь.

ЛЕВ. Я хочу ничего не бояться!

ДЖО. Да вы и не бойтесь! Когда вы вчера бросились на огненный шар, у меня за стеной душа ушла в пятки, так вы напугали меня своей смелостью!

ЛЕВ. А ведь я в самом деле стал смел, как Лев! И это все мне дало путешествие с Элли и совместная борьба!

СТРАШИЛО, ЛЕВ, ДРОВОСЕК. Исполнились наши заветные желания!

ЭЛЛИ. Но как же я вернусь домой? Дядюшка Джо, вы никак не можете помочь мне в этом деле?

ДЖО. Увы, дитя мое, здесь я бессилен...

ЭЛЛИ. Что же мне делать? Страшило, может быть, ты знаешь, как мне вернуться домой?

СТРАШИЛО (подумав). Знаю! Вызовем Чудовище, которому нет имени, и оно доставит нас всех на твою родину.

ВСЕ. Какой ты умный!

ЭЛЛИ. Какие у тебя изумительные мозги! (Произносит волшебные слова). Эп-пи! Пеп-пи! Кек-ки, хи-ло, хол-ло, хэл-ло, виз-зи, зус-зи, зик! Явись Чудовище, которому нет имени!

ЧУДОВИЩЕ. Я здесь, госпожа! Что вам от меня угодно?

ЭЛЛИ. Перенеси меня на мою родину, в Канзас к папе и маме!

ЧУДОВИЩЕ. Увы, госпожа, я не могу исполнить этот приказ. Мне запрещено покидать Сказочную страну. Туда вас может перенести Золотая шапка. Прикажите ей, и она мигом перебросит вас хоть на край света!

ЭЛЛИ. Спасибо тебе, Чудовище, теперь я вернусь домой!

ДРОВОСЕК, ЛЕВ, СТРАШИЛО. А мы? Разве ты оставишь нас здесь? Мы хотим с тобой!

ЭЛЛИ. Друзья мои, мне очень тяжело вас покинуть, но Штаты – страна не для вас! Тебя, Лев, посадят в клетку в зоопарке, Страшилу поставят на огороде пугать ворон, а ты, Дровосек, попадешь в музей как забавная старинная игрушка. Могу ли я взять вас с собой? Вот дядюшку Джо я с удовольствием возьму с собой. Мы отправимся вместе, дядюшка Джо?

ДЖО. Нет, мое дорогое дитя. Спасибо за твое приглашение, но Америка сейчас не для меня. В Америке жить негру сейчас очень тяжело и трудно. Ему нужно все время бороться за свою жизнь и права. А я стар и слаб и для борьбы не гоюсь. Лучше я останусь здесь, в Сказочной стране, где мне не грозит никакая опасность. Я был бы бесконечно счастлив, если бы и твои друзья согласились жить со мной. Мне так надоело одиночество! Могу ли я на это рассчитывать?

СТРАШИЛО. Конечно. Ведь мне теперь очень нужен умелый собеседник, который мог бы понимать мысли, рождающиеся в моем новом мозгу.

ДРОВОСЕК. Я буду защищать вас от всех врагов, которые будут грозить вам. Только сначала мне придется совершить небольшое путешествие в страну Жевунов за моей милой невестой. Она ждет меня!

ЛЕВ. А я от друзей никуда! Где они, там и я!

ДЖО. Благодарю вас, друзья мои, благодарю.

ЭЛЛИ. А что ты скажешь милый Тотошечка?

ТОТО. Мне было бы здесь очень хорошо. В Канзасе я снова буду безгласен. Но я не могу покинуть тебя, милая Элли! Пусть я буду только лаять, но ты всегда помни, что за ним скрывается безграничная и преданная любовь к тебе!

ЭЛЛИ. Не забуду, Тотошечка! Ну прощайте, дорогие друзья мои! Я многому научилась здесь. Я поняла, что значит любовь и верность, и дружба! Прощайте, дядюшка Джо! Как это не грустно, но вам лучше оставаться на чужбине, чем возвращаться на родину. Но я даю вам слово, что когда я вырасту, я отдам все свои силы на то, чтобы помогать папе объединять белых и черных батраков в их борьбе с господами, чтобы в Америке одинаково хорошо жилось и белым, и черным. Прощайте и вы, господин солдат, вы много помогли нам своим сочувствием!

СОЛДАТ. Я за эти сутки очень много передумал. Я хотел даже взбунтоваться против своего повелителя, но теперь вижу, что тут составила чудесная компания, и я хотел бы только одного.

ДЖО. А именно, милый друг?

СОЛДАТ. Чтобы и меня в нее приняли!

ВСЕ. С удовольствием! Мы согласны!

ЭЛЛИ. Чудесная шапка, приготовься! (Шапка превращается в ковер-самолет. Элли и Тото становятся на него). Прощайте, прощайте, милые друзья! Ковер-самолет, неси нас на нашу родину – в Канзас к папе и маме. (Ковер поднимается в воздух. Дворец постепенно исчезает. Песня Элли и Тотошки).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волков А. Волшебник Изумрудного города. М.: Советская Россия, 1960. 190 с.
2. Петровский М. Книжки моего детства. М., 1986. 288 с.
3. Бегак Б. Правда сказки. М.: Детская литература, 1989. С. 63–72.
4. Хабер Э. Страна Оз за железным занавесом / пер. с англ. О. Мязотс. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 304 с.
5. Ходаков Е. «Волшебник страны Оз» против «Волшебника Изумрудного города». Сходства и различия. URL: <https://dtf.ru/read/1882855-volshebник-strany-oz-protiv-volshebника-izumrudnogo-goroda-shodstva-i-razlichiya> (дата обращения: 13.05.2024).
6. «Оз, Великий и Ужасный vs Гудвин: сериалы Александра Волкова и Лаймена Ф. Баума. URL: <https://fantlab.ru/forum/forum1page1/topic7576page15> (дата обращения: 13.05.2024).
7. В чем разница между «Волшебником Изумрудного города» и «Волшебником страны Оз»? URL: <https://emdt.ru/bez-antrak-ta/raznitsa-mezhdu-volshebnikom-izumrudnogo-goroda-i-volshebником-strany-oz> (дата обращения: 13.05.2024).
8. Галкина Т. В. Незнакомый Александр Волков в воспоминаниях, письмах и документах. Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. 270 с.
9. Григорян Л. А. Люди и звери: градация ценности жизни животных в сказочном мире А. М. Волкова // Комплексные исследования детства. 2023. Т. 5, № 3. С. 195–201.
10. Ильяш Ю. С. Характеристика персонажей литературной сказки А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 24-1. С. 20–21.
11. Омраан А. Х. Аксиологические модели авторских сказок в русской литературе конца 1930-х – 1950-х годов (Л. Лагин, А. Волков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 23 с.
12. Вуколова Е. Р. Волшебство и технический прогресс в цикле А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых: сборник материалов научно-практических конференций, Владимир, 18 марта 2019 года. Владимир: Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2019. С. 2975–2981.
13. Гончарко Д. Н., Гончарко О. Ю. Античные, византийские и новоевропейские архетипы в сказке А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 55–66.
14. Первоначальный план по главам «Волшебника Изумрудного города». Декабрь 1936 г. // Мемориальная коллекция А. М. Волкова. Основной фонд (О.Ф.) 191/1/15.
15. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
16. Черновики «Волшебника» // Мемориальная коллекция А. М. Волкова. О.Ф. 191/1/18.
17. Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. 213 с.
18. Григорян Л. А. Сопоставление редакций сказки «Волшебник Изумрудного города» А. М. Волкова: послепубликационный этап доработки текста // Детская книга в цифровую эпоху: сборник трудов по материалам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Томск, 2–3 декабря 2021 года. Томск: Изд-во ТГПУ, 2022. С. 8–19.
19. Минералова И. Г. Детская литература. М.: Владос, 2002. 176 с.
20. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
21. Вставка к странице 10 [«Волшебник Изумрудного города»] // Мемориальная коллекция А. М. Волкова. О.Ф. 191/1/17.
22. Спынь К. М. Психологическая достоверность образов сказочных персонажей (на примере сказок А. М. Волкова) // Детская книга в цифровую эпоху: сборник трудов по материалам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Томск, 2–3 декабря 2021 года. Томск: Изд-во ТГПУ, 2022. С. 20–36.
23. Вставка к странице 23 [«Волшебник Изумрудного города»] // Мемориальная коллекция А. М. Волкова. О.Ф. 191/1/16.
24. Волков А. Волшебник Изумрудного города. М.; Л.: Изд-во детской литературы, 1939. 123 с.
25. Открытка. Сцена исполнения заветных желаний из сказки А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» // Мемориальная коллекция А. М. Волкова. 1962 г. О.Ф. 191/2/348.
26. Выписки к «Гудвину Великому и Ужасному» // Мемориальная коллекция А. М. Волкова. О.Ф. 191/1/19.
27. «Полет в Сказочную страну» // Мемориальная коллекция А. М. Волкова. О.Ф. 191/1/14.
28. Отраслевой канцелярский музей. URL: <https://old-stationery.kanzoboz.ru/> (дата обращения: 14.05.2024).
29. Зарубежная детская литература: учеб. пособие / Н. В. Будур, Э. И. Иванова, С. А. Николаева, Т. А. Чеснокова. 2-е изд., стереотип. М.: Академия, 2000. 304 с.
30. Иголкина Д. И. Роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» в русской критике и литературоведении // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8. С. 57–60.
31. Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы / авториз. перевод с англ. О. Бухиной. М.: Новое обозрение, 2016. 560 с.
32. Зарубежная детская литература: учебник / сост. И. С. Чернявская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1982. 559 с.

33. Аксенов А. В. Лис Ренар и Братец Кролик: трикстер в Европе и Америке // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. № 25. С. 261–263.
34. Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 25–28.

References

1. Volkov A. *Volshebnik Izumrudnogo goroda* [The Wizard of Emerald City]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1960. 190 p. (in Russian).
2. Petrovskiy M. *Knigi moyego detstva* [Books of my childhood]. Moscow, 1986 (in Russian).
3. Begak B. *Pravda skazki* [True of fairy tale]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1989 (in Russian).
4. Khaber E. *Strana Oz za zheleznyim zhanavesom* [Oz behind the Iron Curtain]. Perevod s angliyskogo O. Myachots. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2023. 304 p. (in Russian).
5. Khodakov E. "Volshebnik strany OZ" protiv "Volshebника Izumrudnogo goroda". *Skhodstva i razlichiya* ["The Wizard of Oz" vs. "The Wizard of Emerald City". Similarities and differences] (in Russian). URL: <https://dtf.ru/read/1882855-volshebnik-strany-oz-protiv-volshebника-izumrudnogo-goroda-shodstva-i-razlichiya> (accessed 13 January 2024).
6. *Oz, Velikiy i Uzhasnyy vs Gudvin: serialy Aleksandra Volkova i Laymena F. Bauma* [Oz the Great and Powerful vs Goodwin: series by Alexander Volkov and Lyman F. Baum] (in Russian). URL: <https://fantlab.ru/forum/forum1page1/topic7576page15> (accessed 13 January 2024).
7. *V chyom raznitsa mezhdu "Volshebником Izumrudnogo goroda" i "Volshebником strany Oz"?* [What is the difference between The Wizard of Emerald City and The Wizard of Oz?] (in Russian). URL: <https://emdt.ru/bez-antrakta/raznitsa-mezhdu-volshebником-izumrudnogo-goroda-i-volshebником-strany-oz> (accessed 13 January 2024).
8. Galkina T. V. *Neznakomyy Aleksandr Volkov v vospominaniyakh, pis'makh i dokumentakh* [Unfamiliar Alexander Volkov in memoirs, letters and documents]. Tomsk, TSPU Publ., 2006. 270 p. (in Russian).
9. Grigoryan L. A. Lyudi i zveri: gradatsiya tsennosti zhizni zhivotnykh v skazochnom mire A. M. Volkova [People and animals: gradation of the value of animal life in the fairy-tale world of A. M. Volkova]. *Kompleksnyye issledovaniya detstva – Comprehensive Child Studies*, 2023, vol. 5, no. 3, pp. 195–201 (in Russian).
10. Ilyash Yu. S. Kharakteristika personazhey literaturnoy skazki A. Volkova "Volshebnik Izumrudnogo goroda" [Characteristics of the characters in A. Volkov's literary fairy tale "The Wizard of the Emerald City"]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2017, no. 24-1, pp. 20–21 (in Russian).
11. Omraan A. Kh. *Aksiologicheskiye modeli avtorskikh skazok v russkoy literature kontsa 1930-kh – 1950-kh godov*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Axiological models of author's fairy tales in Russian literature of the late 1930s – 1950s (L. Lagin, A. Volkov). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Voronezh, 2012. 23 p. (in Russian).
12. Vukolova E. R. Volshebstvo i tekhnicheskiy progress v tsikle A. M. Volkova "Volshebnik Izumrudnogo goroda" [Magic and technical progress in the cycle of A. M. Volkova "The Wizard of the Emerald City"]. *Dni nauki studentov Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'yevicha i Nikolaya Grigor'yevicha Stoletovykh: sbornik materialov nauchno-prakticheskikh konferentsiy. Vladimir, 18 marta 2019 goda* [Science Days for students of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov: collection of materials from scientific and practical conferences. Vladimir, March 18, 2019]. Vladimir, Vladimirskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. G. i N. G. Stoletovykh Publ., 2019. Pp. 2975–2981 (in Russian).
13. Goncharko D. N., Goncharko O. Yu. Antichnyye, vizantiyskiye i novoyevropeyskiye arkhetypy v skazke A. M. Volkova "Volshebnik Izumrudnogo goroda" [Ancient, Byzantine and New European archetypes in the fairy tale by A. M. Volkova "The Wizard of the Emerald City"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2020, vol. 454, pp. 55–66 (in Russian).
14. *Memorial'nyy kabinet A. M. Volkova* [Memorial office of A. M. Volkova]. O.F. 191/1/15 (in Russian).
15. Kornan B. O. *Izucheniye teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [Studying the text of a work of art]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1972. 110 p. (in Russian).
16. Chernoviki "Volshebника" [Drafts of "The Wizard"]. *Memorial'naya kolleksiya A. M. Volkova* [Memorial collection of A. M. Volkova]. O.F. 191/1/18 (in Russian).
17. Vinogradova N. V. *Imya personazha v khudozhestvennom tekste: Funktsional'no-semanticheskaya tipologiya*. Dis. kand. filol. nauk [Character's name in a literary text: Functional-semantic typology. Dis. cand. philol. sci.]. Tver, 2001. 213 p. (in Russian).
18. Grigoryan L. A. Sopostavleniye redaktsiy skazki "Volshebnik Izumrudnogo goroda" A. M. Volkova: poslepublikatsionnyy etap dorabotki teksta [Comparison of editions of the fairy tale "The Wizard of the Emerald City" by A. M. Volkov: post-publication stage of text revision]. *Detskaya kniga v tsifrovuyu epokhu: sbornik trudov po materialam Vserossiyskoy s mezhduarodnym uchastiyem nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tomsk, 2–3 dekabrya 2021 goda* [Children's book in the digital era: collection of works based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Tomsk, December 2–3, 2021]. Tomsk, TSPU Publ., 2022. P. 8–19 (in Russian).
19. Mineralova I. G. *Detskaya literatura* [Children's literature]. Moscow, Vlosdos Publ., 2002. 176 p. (in Russian).

20. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. Pp. 234–407 (in Russian).
21. Vstavka k stranitse 10 [“Volshebnik Izumrudnogo goroda”] [Insert to page 10 [“The Wizard of the Emerald City”]]. *Memorial'naya kolleksiya A. M. Volkova* [Memorial collection of A. M. Volkova]. O.F. 191/1/17 (in Russian).
22. Spyn K. M. *Psikhologicheskaya dostovernost' obrazov skazochnykh personazhey (na primere skazok A. M. Volkova)* [Psychological authenticity of images of fairy-tale characters (using the example of fairy tales by A. M. Volkov)]. *Detskaya kniga v tsifrovuyu epokhu: sbornik trudov po materialam Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiyem nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tomsk, 2–3 dekabrya 2021 goda* [Children's book in the digital era: collection of works based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Tomsk, December 2–3, 2021]. Tomsk, TSPU Publ., 2022. Pp. 20–36 (in Russian).
23. Vstavka k stranitse 23 [“Volshebnik Izumrudnogo goroda”] [Insert to page 23 [“Wizard of the Emerald City”]]. *Memorial'naya kolleksiya A. M. Volkova* [Memorial collection of A. M. Volkov]. O.F. 191/1/16 (in Russian).
24. Volkov A. *Volshebnik Izumrudnogo goroda* [The Wizard of the Emerald City]. Moscow – Leningrad, Izd-vo detskoj literatury Publ., 1939. 123 p. (in Russian).
25. Otkrytka. Stsena ispolneniya zavetnykh zhelaniy iz skazki A. M. Volkova “Volshebnik Izumrudnogo goroda” [Postcard. The scene of the fulfillment of cherished desires from the fairy tale by A. M. Volkov “The Wizard of the Emerald City”]. *Memorial'naya kolleksiya A. M. Volkova* [Memorial collection of A. M. Volkov]. 1962. O.F. 191/2/348 (in Russian).
26. Vypiski k “Gudvinu Velikomu i Uzhasnomu” [Extracts from “Goodwin the Great and Terrible”]. *Memorial'naya kolleksiya A. M. Volkova* [Memorial collection of A. M. Volkov]. O.F. 191/1/19 (in Russian).
27. “Polet v Skazochnyuyu stranu” [“A flight to a Fairyland”]. *Memorial'naya kolleksiya A. M. Volkova* [Memorial collection of A. M. Volkov]. O.F. 191/1/14 (in Russian).
28. *Otraslevoy kantselyarskiy muzey* [Industry stationery museum] (in Russian). URL: <https://old-stationery.kanzoboz.ru/> (accessed 14 May 2024).
29. *Zarubezhnaya detskaya literatura: uchebnoye posobiye* [Foreign children's literature: tutorial]. Eds N. V. Budur, E. I. Ivanova, S. A. Nikolayeva, T. A. Chesnokova. Moscow, Akademiya Publ., 2000. 304 p. (in Russian).
30. Igolkina D. I. Roman G. Bicher-Stou “Khizhina dyadi Toma” v russkoy kritike i literaturovedenii [G. Beecher Stowe's novel “Uncle Tom's Cabin” in Russian criticism and literary criticism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, vol. 8, pp. 57–60 (in Russian).
31. Khellman B. *Skazka i byl': Istoriya russkoy detskoj literatury* [Fairy tale and true story: History of Russian children's literature]. Translation from English O. Bukhina. Moscow, Novoye obozreniye Publ., 2016. 560 p. (in Russian).
32. *Zarubezhnaya detskaya literatura: uchebnyk* [Foreign children's literature: textbook] / sost. I. S. Chernyavskaya. Moscow, Prosvetshcheniye Publ., 1982. 559 p. (in Russian).
33. Aksenov A. V. Lis Renar i Bratets Krolik: trikster v Evrope i Amerike [Fox Renard and Brother Rabbit: trickster in Europe and America]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual theological conference of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University]. 2015. No. 25. Pp. 261–263 (in Russian).
34. Meletinskiy E. M. Kul'turnyy geroy [Culture hero]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1982. Pp. 25–28 (in Russian).

Информация об авторах

Галкина Т. В., кандидат исторических наук, доцент, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: galkina@tspu.edu.ru

Полева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: poleva@tspu.edu.ru

Information about the authors

Galkina T. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: galkina@tspu.edu.ru

Poleva E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: poleva@tspu.edu.ru

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 08.04.2024; accepted for publication 24.05.2024

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

